

Реки печали

По материалам проекта

«Прощение и память»

С 2006г. в Каргасокском районе Томской области реализуется муниципальный проект «Прощение и память». Об этом рассказано в одноимённом сборнике (издательство «Красное знамя», г. Томск 2008г.) Данный сборник содержит информацию об экспедиции «Прощение и память» 2008г, партнёрах по проекту и материалы устной истории. Первый раздел включает в себя материалы из истории репрессий в Каргасокском районе и проекта «Прощение и память» 2008 года. Второй раздел представляет тематическую подборку материалов устной истории. Третий раздел знакомит читателя с материалами культурного наследия с середины XX века по современный период.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей

Группа подготовки издания:

Редколлегия	Кереджи-Оглы Севилле Руштыевна Романов Константин Иванович Фёдорова Татьяна Ивановна
Редактор	Зарубина Валентина Михайловна
Компьютерная вёрстка	Романов Константин Иванович
Дизайн	Романов Константин Иванович
Идея обложки	Чуянова Мария Валерьевна

Живым и мёртвым жертвам Сиблага посвящаем

Содержание

Ольгович Светлана Игоревна.	
«Прощение и память»,.. или память и прощение»	8
Глава 1.	
Вадим Николаевич Макшеев.	
«Я был одним из тысяч тех...»	18
Валентин Григорьевич Рудский.	
Воспоминания о жизни в Среднем Васюгане и Новом Васюгане в 30-е гг. XX в.	26
Валентина Михайловна Зарубина.	
Из истории проекта «Прощение и память» 2008 года.	38
Ирина Николаевна Шашель.	
«Нельзя прожить без покаянья»	56
Надежда Александровна Авдонина.	
Роль спецпереселенцев в истории села	62
Все мы родом из репрессий	66
Ирина Николаевна Денисова.	
Сосновка - 12 июня 2008 год. Один день в истории села.	68
Часовня - памятник в с. Сосновка	73
Оксана Анатольевна Жукова.	
Могильный яр: между настоящим и прошлым	78
Диалог с прошлым	88
Валентина Павловна Егорова.	
Судьбе наперекор	93
Кристина Рейс.	
Репрессированное детство	100
Мария Чуянова.	
Молодёжь начала XXI века и её отношение к репрессиям XX века.	105

Глава 2

Валентина Михайловна Зарубина.

Истоки 117

Севилле Руштыевна Кереджи Оглы.

Неизбывная память 122

Ефросинья Егоровна Полковникова 128

Петр Афанасьевич Назаренко. 134

Оглядываясь в прошлое 137

Сиблагом связанные судьбы 142

Маша + Шефик 144

Александра Саратова и Ниязи Дженелидзе. 145

Ещё одна спецпереселенческая семья 146

Братья 147

Не только выжить, но и остаться человеком 149

Жизнь продолжается несмотря ни на что.... 152

Татьяна Ивановна Фёдорова.

«Помяните все деревни поимённо...» 160

Из воспоминаний родных Буряк Дарьи Кузьмовны и
Ивана Андреевича. 170

Из воспоминаний родных Лаврушенко Анны
Михайловны 176

Из воспоминаний Недоступ Нины Фатеевны 186

Ирина Николаевна Шашель.

«Всё это, слава Богу, давно пережили...» 196

«Наконец-то это свершилось!» 198

«... Душа сжимается от боли» 202

«А мысли, как ласточки вьются - на Родине хочется
жить...» 204

Светлое будущее на чёрной воде 206

Это вычеркнуть из памяти нельзя 210

«Ни живым покоя не было, ни мёртвым...» 213

Владимир Егорович Андрейчук.	
Воспоминания	216
Вера Васильевна Комарова (Прокопчук).	
Памяти моего отца	223
Евдокия Ивановна Ломакина (Бердинская).	
Автобиография или «хождение по мукам»	235
Михаил Петрович Ломакин.	
Воспоминания	249
Казимир Иванович Милковский.	
Моя Сосновка	255
Алексей Парфенович.	
Если бы не проект	259
Константин Васильевич Романов.	
Воспоминания	261
Вера Васильевна Сергеева (Кабыш).	
Воспоминания	268
Иван Серяков.	
«Я не жалею о том, что мы пережили, это была такая эпоха..!»	278
Надежда Владимировна Чувствина (Зонова).	
Мартыновы...	291
Рута Эдуардовна Грашина.	
Воспоминания	312
Василий Александрович Демешкин.	
Мирдза Карловна	325
Ильмар Нурме.	
В Сибири прошли 17 лет моей жизни	333
Посвящаю сыновьям и внукам.	341
Андрей Узун-Хасан-Оглы.	
Воспоминания	351
Аврелий Васильевич Детеррер.	
Воспоминания	357

Пётр Яковлевич Ранн.	
Воспоминания	381
Олег Георгиевич Монголин.	
Лидия Августовна Шнайдер	394
Глава 3	
Валентина Михайловна Зарубина.	
Ассоциативно-краеведческий подход в образовательном процессе при изучении отечественной истории XX-XXI в.в.	401
о.Феодор (Прокопов).	
Слово о русском языке	411
Юлия Александровна Мезенцева.	
Беседа «Как нам сохранить любовь к доброречию? Что нужно для этого делать?»	415
Наталья Константиновна Боровкова.	
Стихи	424
Степан Михайлович Климов.	
Был бы лес, а леший найдётся	433
Весь Югинская. Полонь памяти.	439
Евдокия Григорьевна Пахоменко (Обоскалова).	
Как это было...	452
Виктор Никитьевич Новосельцев.	
Встреча с земляком.	465
Стихи	469
Афанасий Семёнович Иванов.	
Стихи	476
Надежда Владимировна Чувствина.	
Стихи	482

Ольгович Светлана Игоревна.
Кандидат филологических наук,
доцент ТГУ

(г. Томск)

«Прощение и память»,.. или память и прощение»

*Шумят леса. Молчат поля
Горит в огне восход...
И память смутная моя,
Как тень, со мной живёт.*

Василий Казанцев.

Что такое человеческая память? Словари определяют её как «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления». Если это сохранение остаётся надолго, даже на всю жизнь, память понимается нами как «запас хранимых в сознании впечатлений». Такое значение этого слова относится к конкретному человеку. То, над чем работали участники экспедиций «Прощение и память», - обращение к памяти целых поколений, позволяющее понять трагические события прошлого и извлечь из воспроизведённых впечатлений жизненно важный урок. Не случайно координатор и организатор проекта В. М. Зарубина назвала

первую поездку на Васюган «крестным путём на «Васюганскую Голгофу». Собирателям сведений об «освоении» Васюганья у потомков репрессированных в 30-е-50-е годы XX века - чрезвычайно трудное дело: ведь горе и слёзы рассказчиков воспринимается честными и добрыми современными мальчиками и девочками, как своё собственное. Их фильмы, песни, стихи, рассказы ощущаешь как исповедь, как откровение, как клятву быть стойкими и не допустить даже подобия (не тождества!) того, что было... Очень важно, чтобы события эти (экспедиция, осмысление и оформление материалов, презентации, продолжение экспедиций в будущем, активное общение с живыми людьми, взаимопонимание и сопереживание, сочувствие...) не оказались одноразовыми, не отложились в душе, как завершённый эпизод. Нужно искать пути к душам тех, кого это горе не коснулось, тех, кто до сих пор упорно твердит о необходимости «классовой борьбы», о неизбежности «исторических ошибок», о том, что всё свершалось ради великой цели. Для этого требуется немало душевных сил и твёрдости характера, стойкости духа.

В наше непростое «перестроечное» время приходится часто мысленно обращаться к прошлому, по-новому осваивая то, что открывают в нём честные, думающие аналитики. Слушая (и смотря!) в программе Феликса Разумовского «Кто мы?» (канал «Культура») изложение и демонстрацию подлинных эпизодов Гражданской войны, я вдруг вспомнила, как искренно и убеждённо пел Булат Окуджава:

«Я всё равно паду на той, на той единственной гражданской,

И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной.»

поэт, у которого репрессии погубили и отца (расстрел), и маму (ГУЛАГ), а они оба были активными большевиками, истинными революционерами, пытавшимися построить новый мир... И тут же поймала себя на мысли, с каким энтузиазмом я, будучи ещё пионеркой, а потом и комсомолкой, радостно, с гордостью пела:

*«Мы красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...»*

Пела, потому что верила: борьба и огонь - это правильно, хорошо! В то же время, твёрдо зная, что мой любимый папочка (для него у меня было только такое имя!) - самый добрый, самый умный, самый хороший и совершенно ни в чём не виновный «взят» органами НКВД незаконно и несправедливо, никогда никому о нём не рассказывала, а говорила только с главным другом - мамочкой. (Так называть её я не стеснялась, и мои соклассницы и сокурсники как-то быстро привыкали к такому «термину»)

О несоответствии условий нашей жизни в те далёкие годы можно говорить бесконечно, ибо политика нашего государства была удивительно целенаправленной и такой искусной, что почти механически исключала всякое инакомыслие. По радио бодро звучала песня из кинофильма «Встречный» (о планах социалистического соревнования трудовых коллективов):

*«Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?..»*

Автор слов этой песни – прекрасный поэт Борис Корнилов был расстрелян в 1937 году, а песня звучала и после Великой Отечественной войны.

А фильмы какие были великолепные! В каждом - оптимистическая музыка и вера в то, что «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Под бодрые эти марши и сладкую лирику –

*«Даст тебе силы, дорогу укажет
Сталин своею рукой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной!..»*

почему-то хотелось верить, что тов. Сталин не знает ни об аресте папы, ни о наших нехватках. Когда его не стало, мы, тогда сту-

денты ТГУ, все рыдали и думали «Что же теперь с нами будет?..» А потом ещё долго мы жили в прежнем неведении то обретая не очень прочную веру, что вновь теряя надежду... И всё чаще возвращались к печальным воспоминаниям о прошлом, о невосполнимых потерях и неразрешимых проблемах...

Что же такое память? Когда она помогает установить истину и верно понять свершившееся или отказаться от собственных заблуждений?

Человеческая память старается сохранить в сознании всё самое светлое и запечатлеть его. Надолго. Или даже навсегда.

Хорошо, что экспедиции на Васюган проходили летом. Леса у нас прекрасные, и, встречая нас, они шумят. А молчаливые заброшенные поля, на которых теперь в печальных местах стоят памятные знаки, чаще кресты, запомнятся участниками экспедиции не только грустными думами, возникающими возле них, но и своей пышной зеленью и снежно-белыми облаками на синем небе. Самое же главное - встречи с благодарными тружениками нашего Западно-Сибирского Севера, которые, печалясь, порадовались тому, что о их многострадальных родных и о них самих помнят молодые.

А что могла запомнить маленькая четырёх-пятилетняя девочка, живущая в том краю 75 лет назад?

Прежде всего – приятное, что дарит радость в раннем детстве.

Ясный осенний денёк. По-видимому, конец августа. Девочке с ласковым именем Светочка уже почти четыре с половиной года. Она едет вдвоём с папой по лесной дороге. Не очень «лесной», поскольку это окраина Каргаска из нескольких домов. Школьная лошадка бодро бежит, седоки на облучке переговариваются. Вот повозка поравнялась с калиткой, за которой деревенский дом, огород... – хозяйство. Женщина из-за забора, приветливо улыбаясь, здоровается. Тут, наверное, девочка и услышала, что едут они в

столярную мастерскую, чтобы узнать, сделаны ли к предстоящему учебному году новые парты. Хозяйка дома попросила путников задержаться у её ворот, поспешила во двор, скорее всего, в огород, т.к. вскоре вышла с пучком яркой вымытой морковки:

- Кушайте на здоровье!

«Кушать» стали на ходу. Так как у папы в руках вожжи, дочурка берёт морковку, подаёт её папе, он откусывает, она - после него. Оба грызут свежую сладкую морковку и радуются: как это вкусно и... весело!

На обратном пути – остановка в лесу. Папа передаёт вожжи дочери, объясняет, что ни натягивать, ни дёргать вожжи нельзя, чтобы лошадка не побежала домой. Папа решил собрать «для мамочки» осенний букет. Он просит дочурку посидеть спокойно и ничего не бояться. Она серьёзно обещает.

Вот он спустился на обочину. Вот вошёл в лес и скрылся за деревьями. Тишина. Только птички поют. Вокруг только лес и дорога да маленький человечек, который старается не шевелиться и крепко сжимает доверенные вожжи. Тихо-тихо. И страшновато. Вдруг там, за кустами и деревьями... медведь? А папочка там один... И тут он выходит на дорогу с таким красивым, ярким букетом! Жёлтые, красные, вишнёвые, пёстрые с прожилками листья! И папуля улыбается:

- Не боялась?

Увы, маленькому «кучеру» стыдно признаться в том, что она, оказывается, трусиха, и она совершает плохой поступок: робко отвечает: - Нет.

Когда девочка выросла, она поняла, что папа знал, что маленький страх у его дочурки был. Только он был хорошим психологом и хорошим папой. Чтобы ребёнок победил естественные страхи, он ещё раньше вечерами, когда керосиновая лампа горела только в кухне, а в комнате было совсем темно, специально посылал дочь в комнату, чтобы принести для него какую-нибудь вещь,

лежащую на этажерке (в углу комнаты), на подоконнике, которых было 4, на столе и т.п. «Попутное» испытание - из той же серии.

Возвращение домой было радостным, но запомнилась именно эта морковка, остановка для утверждения самостоятельности и впервые увиденный осенний букет.

Приятными были разные бытовые мелочи: обучение на собственном примере умываться с мылом (открывать глаза при покрытом пеной лицом, потом смывать пену, крепко зажмурившись), обстоятельно мыть руки и т.п.

Ещё один эпизод, когда папа и дочь вдвоём. Мама на Первом Нарымском окружном слёте учителей-ударников в г. Колпашево.

*Света с родителями 17 декабря
1936 года. Каргасок.*

Папа сидит за столом в комнате, что-то пишет, читает. Работает. Я захотела попить чаю. Чай в кухне. Он, оказывается, горячий. Я черпаю из чашки чайной ложечкой и бережно несу это в комнату. - Подуй! Папа терпеливо дует, довольная дочь выпивает эту «порцию»(из ложки!) Пошла за следующей. Потом ещё раз. И ещё. Терпение кончилось

или он хотел это мне показать - дунул так, что весь чай из ложечки выплеснулся! Какая радость! Это же ещё интереснее, чем пить из ложечки! Как весело я смеялась! И стремилась продлить удовольствие.

Я не помню ни одного случая, чтобы папа говорил со мной недовольным тоном. И не помню никаких наказаний, назиданий. Он и маму научил этому. Её ученики (мужская средняя школа), с которыми часто нелегко приходилось, всегда вспоминали, как о

чуде, что она за годы их учёбы ни разу не повысила голоса ни на одного ученика.

О том, как нам было хорошо вместе, можно вспоминать ещё. Но помнится и трудное, тяжкое.

18 августа 1937 года. Солнечный августовский день. Мы пришли с пристани вчетвером: мама, я, бабушка (мамина мама) и её дочь, т.е. мамина сестра, которые переехали к нам из Томска (у мамы отчим умер, а его дочери было в 1937 году 8 лет). Папы нет. Почему - никто не говорит. Во время обыска и других действий карательных органов мы с Вероникой (сестрой мамы) по-видимому, были отправлены куда-то на прогулку. Наступил вечер. Стемнело. Почему-то в квартире только я и мама. Обе в комнате. Вдруг входят несколько девушек, учениц-старшекласниц, их было человек 8-9. Прямо у порога они все враз зарыдали. А моя двадцатисемилетняя мама твёрдым голосом стала их успокаивать: - Девочки! Это ошибка. Игорь Владимирович вернётся. Всё будет хорошо.

Они всё равно плакали. А я, девочка пяти лет, не заплакала. Потому что мама говорила спокойно и убеждённо. Это была та твёрдость, которую он, папа, воспитал за 6 лет у неё и пытался воспитать во мне.

Кстати, в те трудные дни, когда маму уволили с работы и обязали немедленно покинуть квартиру и Каргасок, никто из коллег не зашёл к нам и не помог. Причина в том, что все тоталитарные режимы опираются на страх - страх потерять работу, имущество и даже жизнь. Только позже, когда я стала подростком, мама сказала мне об этом эпизоде: «А ведь эти девочки рисковали больше всех: они все были спецпереселенцы».

И ещё что помнит маленькая девочка? После поездки мамы на свидание с папой в Колпашево (она виделась с ним 5 минут и поняла, что ему сказали, будто она приехала со мной, что в те времена было невозможно), она узнала, что папу привезли в Томск. В Томске тогда было 2 тюрьмы: на Каштаке и на просп. Лени-

на - следственная тюрьма НКВД. Переводили или приводили из одной в другую только ночью. И вот мы с ней ночами ходили по этой возможной дороге в надежде, что он сможет увидеть меня. Встречу эту осуществить не удалось. Но как мы ходили в холодные, тёмные, ненастные ночи - помню.

Мама моя почти никогда не плакала. Но я помню день (мне было 10 лет), когда во время прогулки возле дома, где мы тогда жили, я сказала ей: «Пусть папочка придёт старенький, больной. Мы будем о нём заботиться. Только бы пришёл!..» И тут она горько заплакала. И мы так долго сидели на какой-то скамейке у чужих ворот и плакали вместе. Почему-то мне казалось, что он уже старенький. А ему должно было быть 34 года. Мы ждали его и после Отечественной войны...

Когда учителя Каргасокской школы №1 переехали в г. Томск, мамуля моя всё им простила, встречалась с ними, ходила к ним в гости. Только они почему-то к нам не приходили. Может быть, потому, что у нас в те годы не было приличной квартиры? Так что я не случайно считаю себя членом прекрасного каргасокского общества «Прощение и память» и значок с колоколом и зелёной порослью из разрушенного дерева всегда прикалываю на грудь 30 октября.

Очень хорошо сказала о результатах проекта «Прощение и память» Н. Г. Монголина:

«Не презирать, а прощать,... не бездействовать и ждать милости от властей, а участвовать в развитии края...»

То же завещал нам в одном из своих последних стихотворений Б. Ш. Окуджава:

*«И пред ликом суровой эпохи,
Что по-своему тоже права,
Не выжулывать жалкие крохи,
А творить, засучив рукава.»*

Глава 1.

«Путь у репрессий жуткий, длинный...»

«Прощение и память» - уникальный проект. И не только в масштабах Томской области, но и России в целом...»

*Б. И. Тренин, сопредседатель общества «Мемориал»
г. Томск*

**Вадим Николаевич Мак-
шеев.**

Прозаик, член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры России

(г. Томск)

«Я был одним из тысяч тех...»

Репрессии по так называемым политическим мотивам в СССР начались сразу после установления в России советской власти. Трагический пик их пришёлся на тридцатые годы, и, если исчислять причинённый этими репрессиями урон количеством оборванных жизней, то наибольшие потери понесло крестьянство. Те самые крестьяне, которых во время революции большевики привлекли на свою сторону лозунгом «Землю - крестьянам», а затем этой, по́литой кровью и по́том, землі насильно лишили. Впрочем, кроме трёх аршинов суглинка, каждому для последнего пристанища...

Накануне Первой мировой войны и последовавшей за ней революцией крестьяне составляли более 4/5 населения России. 20%

этих крестьянских семей, то есть свыше 15 000 000 человек (семьи в деревнях были многодетными) считались зажиточными и поставляли стране половину производимого в России товарного зерна. Однако, на стыке 20-х и 30-х годов, когда большевики взялись за «социалистическое переустройство деревни», вобравшее в себя так много смысла слово «крестьянин» было вытеснено понятиями «кулак», «бедняк» и промежуточно-неопределённым «средняк». Была изобретена новая форма собственности - колхозная, и началась принудительная коллективизация с сопутствующим ей раскулачиванием тех самых крестьянских семей, которые снабжали хлебом половину населения страны.

Под сталинским лозунгом «ликвидировать кулачество как класс» была впервые опробована впоследствии уже неоднократно применявшаяся массовая акция - отчуждение имущества (практически ограбление) и насильное переселение в отдалённые местности. Необжитые, труднодоступные, заболоченные...

Одной из таких территорий был Нарымский край (в 1932-м году преобразованный в Нарымский округ) на севере нынешней Томской области. Первую партию, свыше 8 000 человек, привезли туда зимним путём на лошадях в марте 1930-го года. Часть из них оттуда сбежала обратно в свои деревни, часть погибла... В 1931-м году «кулацкие», а практически нищие, семьи повезли под конвоем «обживать север» уже водным путём. Везли туда, откуда сбежать было почти невозможно. На местах будущих поселений измученных дальней дорогой в душных трюмах барж людей сгоняли по дощатым сходням на угрюмые берега Васюгана, Кети, Парабели, Чижапки и других таёжных рек. Сгоняли под открытое небо, в нехоженую тайгу, где денно и ночью висел в воздухе стонущий звон сибирского гнуса... Для надзора за спецпереселенцами (так власть именовала сосланных туда крестьян) были учреждены комендатуры, которым вменялось и снабжение поднадзорных - шесть килограммов муки «едоку» на месяц...

Коллективизация продолжалась, и на принудительное поселение по сибирским рекам всё шли и шли баржи с раскулаченными крестьянами. За два года в Нарымский округ было завезено около 300 000 человек. Половина их на отведённых им для поселений местах погибла от голода, лишений и болезней. Выжившие корчевали тайгу, высвобождая землю под жильё, поля и огороды. К середине тридцатых годов по берегам нарымских рек возникли сотни посёлков. Обитали люди уже не в землянках и берестяных балаганах, а в избах. Низкие, с маленькими окошками, без уличных ворот и заплотов, не походили эти убогие пристанища на те крестовые и шестистенные дома с сениями, горницами и светёлками, в каких жили в родных сёлах. Теперешнее жильё домами не называли, звали ранее неведомым словом - бараки. На воле ставили себе дома надолго, чтобы жить в них и детям и внукам, здесь жили одним днём, не лежала душа строить. Да и на артельной работе приходилось трудиться с утра до ночи. На раскорчевках и гарях возле посёлков сеяли рожь, пшеницу, овёс... Земля была неплодородной, урожаи скудными. Почти всё зерно сдавали на приёмные пункты, чтобы выполнить план госпоставок. Сдавали практически бесплатно...

В сороковых годах власть стала пополнять население округа новыми ссыльными с Запада. Опыт массовых репрессий был уже опробован и отработан, час на сборы, вещей на семью не более ста килограммов, затем долгий путь на восток в гулаговских вагонах и далее до места назначения в трюмах барж. В 1941-м году в Нарымский округ привезли более 23 000 человек с Западной Белоруссии, Буковины и Бессарабии, 16 000 депортированных немцев Поволжья, без малого 20 000 разлучённых с мужьями и отцами женщин и детей из Латвии, Литвы и Эстонии. «Новый контингент», как его именовали в ГУЛАГе, расселили по посёлкам, основанным здесь первыми поселенцами. Непосильная работа, непривычный климат, горечь разлук, обречённость...

Тяготы ссылки усугубила война. Поначалу новым ссыльным продавали в лавках сельпо хлебный паёк, затем стали его урезать, а к зиме продажу хлеба вовсе прекратили. У местных жителей был припасённый со своих огородов картофель, но не у всех хватало его, чтобы прокормить даже свои семьи. Поначалу женщинам из нового контингента всё же удавалось выменять несколько ведёр картошки на привезённые с собой вещи. Однако, вскоре менять стало нечего. Наступил голод, затем мор... Умирали дети и их матери, в некоторых посёлках вымирали целиком семьи...

Я был одним из тысяч тех, кого привезли в Нарымский округ летом сорок первого года. Привезли меня с мамой и сестрёнкой на таёжный Васюган в посёлок Волково. Осенью сорок второго года мама и сестрёнка умерли от голода. Умерли обе в один день. Ранее в концлагере на Северном Урале погиб мой отец. В живых из нашей семьи остался лишь я... Всего же Нарымская земля навеки приняла тогда в себя 1/3 нового контингента ссыльных...

Окончилась война, минуло четыре года, и вновь начал раскрываться маховик репрессий, на восток снова пошли составы гулаговских вагонов. Везли раскулаченных хуторян из Литвы, Латвии и Эстонии, где начались коллективизации, везли «социально чуждых» с Западной Украины, Кавказа, из Молдавии... Везли под конвоем на вечное поселение в Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Кемеровскую, Иркутскую и Читинскую области, в Красноярский и Хабаровский края... Прибывали гулаговские составы и в Томск, откуда выселенцев (так в ГУЛАГе именовали очередных ссыльных) отправляли на баржах обживать северные районы области. В общей сложности с 1941-го по 1952-ой годы на территорию ныне уже бывшего Нарымского округа было доставлено на спецпоселение без малого 100 000 человек. И с каждым очередным пополнением разрастались кладбища за околицами посёлков, где рядом с могилами первых спецпереселенцев появлялись всё новые и новые холмики...

Подлинная история нашей страны во многом отличается от той, которую в течение многих лет советские историографы подгоняли под догмы главенствовавшей тогда идеологии. Коллективизация, которой сопутствовало насильственное переселение крестьян на дикие необжитые места, обрекшее половину тех людей на верную гибель, якобы было «добровольным объединением крестьян в крупные социалистические хозяйства», «социалистическим переустройством деревни», «трудовым перевоспитанием кулаков»... О депортации и её последствиях вообще в истории умалчивалось.

Предваряя в «Архипелаге ГУЛАГе» главу, посвящённую трагедии российского крестьянства, Александр Исаевич Солженицын, образно назвавший раскулачивание и всё, что за ним последовало, «мужичьей чумой», написал: «Так это было глухо сделано, так начисто соскребено, что всякий шёпот был задавлен. И трубы не будят нас встрепенуться. И на перекрёстках просёлочных дорог, где визжали обозы заключённых, не брошено даже камушков трёх...

Знаю я, - продолжал далее Солженицын, - что здесь не глава нужна и не книга отдельного человека... И всё же начинаю. Я ставлю её как знак, как мету, как эти камушки первые, - чтобы только место обозначить, где будет когда-нибудь восстановлен Храм Христа Спасителя».

Когда Солженицын писал свой знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ», был не только «шёпот задавлен», но и засекречены архивные документы, касающиеся трагедии спецпереселенцев. Поэтому в «Архипелаге ГУЛАГ» глава о судьбе раскулаченных крестьян невелика. Но на стыке восьмидесятых-девяностых годов, когда на шестой части земли рухнула просуществовавшая более семидесяти лет тоталитарная система, стали доступными хранившиеся в архивах МВД и КГБ документы под грифами «секретно» и «совершенно секретно», стала легальной ранее запре-

щённая литература о массовых репрессиях, и предстала правда со всеми её ранами и безобразными увечьями, которые так долго скрывали от своего народа. И я, прошедший через то страшное, унесшее жизни моих близких, решил написать о трагической участи ссыльных. Трагедии не только личной, но и миллионов других людей. О происходившем в тридцатых годах с крестьянами я знал со слов своих васюганских земляков. Происходившее с ссыльными, привезёнными на Васюган в сорок первом, видел воочию. И не только видел... Но о подлинных масштабах и многих аспектах проводившихся в СССР «массовых операций» представления не имел.

Я стал читать в архивах рассекреченные постановления и инструкции ЦК ВКП/б/, касающиеся «мероприятий по укреплению сельского хозяйства и борьбы с кулачеством», читал докладные записки и информации секретарей партийных комитетов, комендантов, различных уполномоченных... Эти исписанные разными почерками листки бумаги, выцветшая машинопись постановлений, решений и директив воссоздавали технологию насилия и гнетущую атмосферу того времени, особенно ощутимую в ныне бывшем Нарымском округе, более двух третей населения которого были ссыльными. Используя эти документы и воспоминания спецпереселенцев, к числу которого я сам относился в течение тринадцати лет, дополнив всё это комментариями, я отослал свою рукопись Александру Исаевичу Солженицыну. И в 1997-м году под его редакцией в серии: «Исследования новейшей русской истории» вышла моя книга «Нарымская хроника 1930-1945. Трагедия спецпереселенцев». Книга эта получила широкий резонанс в обществе и хорошие отзывы в прессе, однако, со временем возникший на рубеже девяностых годов интерес к теме массовых репрессий пошёл на убыль, на первое место в печати вышли иные темы.

Говорят, время лечит душевную боль, но на излёте моей жизни душу мою всё пуще теснят воспоминания, и снова, более десяти лет спустя, я взялся писать книгу о спецпереселенцах. Жанр тот же - документальное исследование с использованием ранее не приводившихся документов и фактов того времени. Подвигло меня вновь обратиться к трагической участи спецпереселенцев и то, что сегодня всё громче звучат голоса тех, кто хочет, чтобы люди не знали всей правды о прошлом своей страны. Стремление скрыть целые пласты трагического прошлого - это не только нежелание извлечь уроки из истории, но и предательство по отношению к несметному числу людей, безжалостно раздавленных катком репрессий. По-прежнему манипулируя историей, пытаются убедить несведущих, что иначе было нельзя, так было надо, и вообще не нужно об этом вести речь.

Порой казалось мне, что минет ещё два-три десятилетия, уйдут из жизни старики, пережившие всё то страшное, но много лет боявшиеся о нём рассказывать даже своим детям, и окончательно порастёт то трагическое былое горькой травой забвения. Так же, как поросли травой и крапивой елани по берегам таёжных рек, где были посёлки, в которых жили и погибали подневольные поселенцы, как поросли полынной травой и чащобником возле тех посёлков погосты, где зарыты в неприятную нарымскую землю тысячи и тысячи невинных людей. Взрослых и младенцев...

И как же рад я был, когда в прошлом году узнал о проекте «Прощение и память», инициаторами которого стали три славные учительницы из Каргасокского района: Валентина Михайловна Зарубина, Татьяна Ивановна Фёдорова и Севилле Руштыевна Кереджи Оглы. Родившиеся и выросшие в совсем иное время, сколько же много они сделали для того, чтобы их ученики, изучая историю родного края (Каргасокский район в своё время был частью Нарымского округа), знали правду о том, что происходило здесь в тридцатых и сороковых годах! Осуществлённый на деле

проект «Прощение и память» – это записанные ребятами рассказы стариков о трагическом прошлом, экспедиция по Васюгану, на берегах которого тысячи подневольных людей корчевали тайгу, строили убогое жильё, засевали пшеницей первые поля... И погибали от голода, лишений, болезней. Сегодня на этих прижатых надвинувшейся тайгой лоскутах земли не слышно людских голосов, струхли и упали кресты на заброшенных погостах. Но, побывав там, ещё можно ощутить, что там происходило. Непосильный труд, голод, безысходность, разлуки навечно...

Разумеется, без помощи администрации Каргасокского района, «Газпрома», других организаций и энтузиастов, участвовавших в осуществлении проекта «Прощение и память», не состоялись бы две экспедиции по Васюгану и не были бы воздвигнуты на местах исчезновения посёлков памятные кресты. Но начало всему положили три учительницы, вложившие в это светлое дело частицу своей души.

Я встречался с теми, кто принимал участие в экспедиции по Васюгану, разговаривал со школьниками и видел в их глазах что-то открывшееся им в тех поездках. Думаю, что ощущение своей причастности к прошлому сохранится для них на всю жизнь. И я, проживший на Васюгане без малого двадцать лет, потерявший там мать и сестрёнку, низко кланяюсь всем, кто организовал и осуществил поездки по этой печально-знаменитой реке. Пройдут годы, на смену нынешнему поколению придут другие, но установленные на берегах Васюгана памятные кресты будут стоять, как скорбная память и назидание потомкам.

Склони голову. Помни...

**Валентин Григорьевич
Рудский.**

Ветеран Великой Отечественной войны, фенолог, эколог, «Заслуженный учитель школы РФ», «Почетный гражданин г. Томска», «Почетный гражданин Каргасокского района»

(г. Томск)

Воспоминания о жизни в Среднем Васюгане и Новом Васюгане в 30-е г.г. XX в.

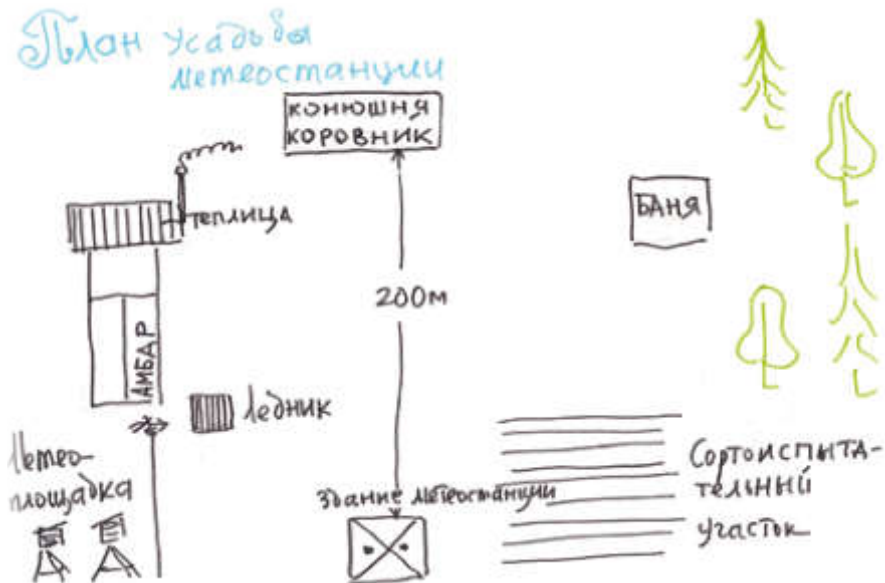
Часть 1

«Наша семья приехала в Средний Васюган в одно время с началом коллективизации. На баржах везли в то время спецпереселенцев (так называли этих людей), баржи останавливались не около поселков, а вдали от них, и приставали к берегу, где был лес. Люди выгружали свое нехитрое имущество и сразу начинали строить землянки. Падали с треском подрубленные деревья, горели костры, в повешенных вёдрах что-то варилось, сустились люди, кричали и плакали дети. Я смутно помню события тех лет. Начисто выпало у меня из памяти то, на чем и как мы добирались

до села Васюганского, так назывался тогда Средний Васюган. Отца направили сюда работать на метеостанции.

Уже через много лет спустя я пытался найти хоть какие-то документы, объясняющие причину нашего переезда. По моему запросу из Парабелы и Новосибирска прислали копии приказа по Новосибирской Гидрометеослужбе. Отцу предписывалось ехать из села Парабель в Каргасок, где нужно было подыскать судно, рейсирующее (от слова «рейс») по реке Васюгану, и договориться о возможности перевезти семью с вещами до места назначения, то есть до Среднего Васюгана, и там принять метеостанцию. Как мама потом мне рассказала, никаких пассажирских судов и рейсов по реке Васюгану в те годы не существовало. Отцу с трудом удалось уговорить колхозников, и они взялись довести на лодке до Васюганского невесть откуда взявшихся пассажиров. Это было лето 1929 года. Год этот был для нашей семьи счастливым и

трагическим. Только что был осужден и расстрелян за отказ вступить в колхоз мамин брат. А у нас родился Юлий, мой брат. Вот в это время мы и отправляемся в путь. Наша семья была такая: папа с мамой да нас трое сыновей и наш двоюродный брат Сергей из семьи только что погибшего маминого брата Большанина Василия Васильевича, псаломщика Христорожественской церкви в Парабели. Папа стал приучать 16-летнего Серёжу к работе на метеорологической площадке, вести наблюдения по приборам, а с этого времени он был зачислен в штат сотрудников метеостанции. Впоследствии он работал самостоятельно наблюдателем, и потом многие годы и начальником Средне-Васюганской метеостанции до своего перевода на ту же должность в село Прохорки на Оби.

Переезд из Парабели в село Средний Васюган мало запомнился как и первый год жизни, мне тогда было четыре с половиной года. Средний Васюган был небольшим старинным селом всего в одну улицу, протянувшуюся по берегу реки Васюган. Вдоль кромки берега, рядом с обрывом проходила дорога от церкви и до школы, которая стояла на Шаманском (Шайтановом) мысу, а церковь, кстати сказать, стояла на другом мысу коренного берега, образованного рекой Васюганом и неширокой курьёй под названием «Варежка», она была левым притоком Васюгана.

Вселение людей на Шаманский мыс было неслучайным. Отсюда открывался вид на Васюганскую пойму и на сам Васюган, до которого было километра два. В весеннее половодье вода омывала оба склона мыса, и это было выгодно поселенцам в военном и хозяйственном отношении. Шаманский мыс (археологи называют его Шайтанским)¹ расположен на коренном левом берегу реки Васюган на западной окраине современного поселка Средний Васюган. Первые поселенцы появились здесь в эпоху железа и бронзы, то есть около трёх с половиной тысяч лет назад. Теперь это усадьба школы. Тогда это было место, заросшее густым хвойным лесом. Само поселение хорошо обозначалось ровом. Мне было тогда лет 5 – 6, я спускался в этот ров, он не был глубоким, в мой рост, и представлял собой правильный круг, понижающийся к центру. Если весь дом был под землёй, то выхода из дома могло быть два: к обоим склонам Шаманского мыса. Если даже сейчас нельзя увидеть самого места поселения, но представить, где оно находилось, можно. Возможно, древние люди жили здесь не один год и даже не два, а достаточно долго, может быть несколько десятилетий или столетий. Я могу подтвердить это следующими соображениями. Неподалеку от Шаманского мыса в ограде современной метеостанции стояла сухая лиственница, она

¹ В книге «Археологическая карта», Л.А.Чиндина и др., стр.179, изд-во ТГУ, 1990

была священным деревом для местных эвенков (мы их называли тунгусами), кочевавших по окрестным лесам. Раз в год эвенки приезжали в Средний Васюган и всякий раз заезжали в ограду метеостанции. С какой целью они приезжали? Скорей всего в пушную факторию, чтобы сдать добытую пушнину и запастись продуктами, боеприпасами, товарами первой необходимости. Но вот они уехали, а я вижу на лиственнице, на её нижних сухих ветвях, подвязанные полоски тканей. Их привязали гости. Меня они не интересовали, эти тряпочки, у меня был другой интерес. Я собирал старинные предметы, которые я находил в траве вокруг лиственницы и поблизости от нее. Со временем у меня накопилось найденных предметов целый сундучок, который подарил мне отец, видимо, поощрявший моё увлечение. А я сейчас считаю, что лиственница росла в месте поклонения древних людей своим богам, и место это было священным для них и, может быть, оно является таковым и до сих пор, если эвенки есть в Среднем Васюгане и если они сохранили верность памяти своих предков.

В июне 2007 года я был на выставке Кулайской культуры, организованной Томским областным краеведческим музеем. Там, среди показанных экспонатов, я увидел и такие, которые были в моей коллекции, собранной в ограде метеостанции под «священной» лиственницей. Но моя коллекция была намного обширнее, чем эта, которую я рассматривал с превеликим интересом. У меня и сейчас хранится один из сундучков, которые подарил нам с Фёдей отец, видя нашу страсть к собирательству. Сундучок небольшой размером 27x28x46 см, но он был полон находками, которые дополнялись после каждого дождя, их размывало, и я брал только то, что лежало на поверхности, возможно отец рассказывал нам об археологии и искусстве собирательства исторических экспонатов, когда самодеятельное непрофессиональное раскапывание не допускалось. И я этого никогда не делал, брал только то, что лежало на поверхности.

Дома в Среднем Васюгане были одноэтажные, двухэтажных домов было всего два или три. В одном из них, крайнем в сторону метеостанции жила большая семья Смирновых. Один мальчик из этой семьи, был моим ровесником и приятелем по играм. Звали его Миша. В другом двухэтажном доме была почта. Кто-то из работников метеостанции каждый день ходил на почту «отбить» телеграмму о погоде за прошедшие сутки. И меня брали с собой, и я таким образом получал возможность лишней разок побывать в деревне. За деревней в сторону, противоположную от реки, был заболоченный лес. Обойдя его от церкви, мы ходили собирать бруснику. Значит, это было недалеко, коль родители не боялись брать с собой малых сыновей. Надо тут сказать, что метеостанция стояла на краю села в густом кедровом лесу и, собственно, сразу от дома можно было уйти в глухую тайгу. Что мы с моими старшими братьями и делали – уходили часто в тайгу. Это не считалось каким-то выдающимся событием, жизнь в лесу постепенно приучала детей не бояться леса, а главное учила хорошо ориентироваться и не блудить в лесу. Не помню, чтобы родители запрещали нам ходить в лес. Помню даже, как однажды взрослые женщины ходили с нами, малыми деревенскими пацанами, за ягодой и, заблудившись в лесу, неверно выбрали направление домой в деревню. Я каким-то четвёртым чувством сразу же определил, что домой надо идти в противоположную сторону, женщины не послушались, не вняли моим доводам, довели меня до слёз. На наше счастье, на просеке нам встретился знакомый лесничий, он указал правильную дорогу в село, она совпала с направлением, выбранным мной. «Парнишка правильно говорит», - сказал лесничий.

Помню ещё такой случай. В тот день отец повёз нас с братом Федей на обласке в «большую воду» на рыбалку по затопленной пойме Васюгана, на Лисий мыс. Так, кажется, называлось то место на коренном берегу, за теперешним аэропортом. Погрузились

прямо под горой около метеостанции и, обогнув Шаманский мыс, поплыли к видневшемуся на горизонте темному лесу. Пробыли на рыбалке весь день, варили уху на костре и возвращались домой уже затемно. И вдруг в полной тишине мы услышали у берега какие-то звуки. Мы остановились и прислушались. Это стонал человек. Отец повернул обласок в ту сторону. Вскоре мы увидели в кустах обласок, на дне лежал человек и стонал. Отец высадил нас на берег и сказал нам, чтобы мы шли домой, а сам вернулся к тому человеку в обласке. До сих пор удивляюсь, как мог отец отправить двоих детей, своих сыновей, ночью в тайгу. Мне было едва ли семь лет, а брат на четыре года старше меня. Тайга даже днем может быть опасной и страшной. Знал брат хорошо направление домой или его вела интуиция, подсознательное чувство, которое и мне указало в другом месте правильную дорогу домой, и знал ли об этом отец? Скорей всего знал и, как я теперь вспоминаю, он часто брал нас собой в тайгу и, скорей всего, не без умысла. Времена были тогда непростые. Спецпереселенцы высаживались в тайгу с минимумом средств для существования. Среди них свирепствовали болезни и голод. Многие умирали. Рассказы об этом доходили и до нас. А однажды отец пришёл домой, ведя за руку девочку лет двенадцати. Дома он казал: «Это Катя. Она будет жить у нас». И наша семья увеличилась еще на одного человека.

К домам со стороны леса примыкали огороды, на которых сажали картошку, лук и кое-какие овощи. В нижнем конце села на высоком мысу стояла небольшая и, надо сказать, красивая церковь. В те годы, когда мы приехали в Средний Васюган, она как церковь уже не работала. В ней был клуб. Поставили две печки, сделали сцену. В селе был детский дом и средняя школа. Здание этой школы только перед нашим приездом было построено, может быть за год-два до этого. В ней учились в основном детдомовские ребята. А деревенских ребят было намного меньше. Возможно,

и школу построили в расчете на увеличение населения, в связи с высылкой «раскулаченных», как тогда говорили. В селе был небольшой колхоз, который держал немного лошадей. Не помню, чем ещё занимались колхозники. Возможно охотой и рыболовством. В селе была пушная фактория, управлял которой Мартемьянов Александр (отчество его не помню). Он был приятелем моего отца. Они часто встречались. Отец водил меня с собой в контору пушной фактории, где мне показывали шкурки соболей, белок и других охотничьих трофеев. Возможно, тогда у отца и появилась страсть к охоте, по ограде метеостанции забегали охотничьи собаки: лохматый сеттер Полкан и сибирская лайка Абрек, белого окраса, и, конечно, появились различные охотничьи ружья. В том числе и два знаменитых в то время ружья - гладкоствольные курковые переломки бельгийского производства «зауэр-трикольца». Знакомые эвенки, заезжающие к нам, подержав в руках ружья, поцокав языками, говорили: «Хорошо. Лучше». Было ещё и третье ружьё, пистонное, не переломка. Потом папа его нам с Фёдей подарил. Заряжалось оно с дула, засыпалась вначале мерка черного пороха, запыхивалось, потом опускалась на пыж одна единственная дробица и снова запыхивалось. А мы насыпали в дуло несколько мелких дробиц, для верности. Старик-эвенк, подержав в руках и это ружьё, говорил: «Лучше!». Видимо, он имел в виду свою берданку и сравнивал её с этим пистонным ружьём. Эта была лучше.

В 1937 году по сфабрикованному делу о якобы принадлежности к террористической организации «Союз спасения России» отец был арестован и расстрелян. Причиной ареста, очевидно, было то, что до Октябрьской революции он был офицером царской армии, потомственным дворянином герба Абданк Царства Польского. Все три ружья при аресте отца в 1937 году были конфискованы, но в протоколе были записаны лишь два ружья. И я

получил компенсацию, кажется, в 1959 году за всё конфискованное, 94 рубля. Столько стоила жизнь моего отца.

За пять лет, пока мы жили в Среднем Васюгане с 1930 и по 1934 год, в селе произошли существенные изменения. Начиная от школы на Шайтановом мысу, и вдоль берега «крутого» выросла целая улица домов, изб и избышек, вплоть до землянок, где поселились спецпереселенцы. В 1966 году, уже будучи учителем Каргасокской средней школы № 1, я совершал поездку по Васюгану с кружковцами. Средний Васюган не узнал: сохранилась только география поселения, а всё остальное было переделано людьми «под себя», что называется. От Береговой улицы, самой первой улицы в поселке (тогда она никак не называлась), теперь протянулись параллельно ей несколько улиц по тем местам, где в те далёкие 30-е годы размещался заболоченный кедрач, заросший багульником и голубикой. Кто бы мог подумать, что под этой растительностью залегает чистый песок и песчаник и в этой породе на большой глубине, как в промокашке, впитались нефть и газ.

Поэтому Средний Васюган является историческим перекрёстком, на котором читается судьба многих поколений людей.

Часть 2 **«Путь Севера».**

«Путь Севера» - так назывался поселок, в который мы приехали в начале лета 1935 года. Теперь он известен под названием Новый Васюган. Все хорошо помню: мне было девять лет, и я окончил к этому времени первый класс. Поселок мне очень не понравился после Среднего Васюгана, где прошло моё раннее детство. Поселок только что начинал строиться и представлял из себя всего одну улицу, по обе стороны которой стояли некрасивые домишки-избушки в одно-два окошка без наличников, сложенные из сосновых бревен разной толщины с необрезанными

углами. Крыша на один скат из горбылей, насколько мне помнится, засыпалась землей. Каждая избушка рубилась из тех деревьев, которые тут же и стояли, а часть их брали так, чтобы получилась улица. Это только так называлось «улица», она вся состояла из пеньков, так что по этой улице проехать на телеге было нельзя, а нам играть было негде. Наш домик был последним в ряду. Рядом с ним стояла маленькая избушка-кухня, где варилась еда для свиной небольшого свинарника. В этой избушке жила семья свинаря. Это была большая семья, мне кажется, не менее 10 ребятишек было у них, мал мала меньше. Где они помещались, ума не приложу. В избушке стояла большая печь, от стены до стены и никакой мебели не было. Да её и поставить негде было. Может быть, спать они уходили куда-нибудь в другой дом. Одежды у них никакой не было. Даже валенки на всех были всего одни и на двор они выходили по одному. Босиком они бегали не просто до снега, а до больших морозов.

В нашем огороде еще не было грядок: он был занят деревьями, их ещё предстояло спилить. «Огород» – это громко сказано, это был участок леса, отгороженный забором в одну жердину. Мы с братом ходили в огород собирать чернику. С молоком ели чернику – это был наш обед. Вечером, когда родители приходили с работы, мы в огороде собирали грибы, ходить далеко не надо было.

В нашем доме было всего одно окно. И одна печь-плита без обогревателя, так что тепло было только тогда, когда в печи горели дрова. Первое, что сделала мама после вселения в новую квартиру, – заштукатурила стены (замазала их глиной) в единственной комнате и побелила их.

В это лето в поселке построили и общественные здания: школу, магазин, здание комендатуры, баню и, наверное, другие здания, я не помню их, так как не ходил в тот, дальний от нашего дома конец поселка.

Здание комендатуры было самым большим строением всего поселка. Оно стояло на высоком берегу и от него вниз, к пристани на реке был крутой спуск (и единственный). Хотя никакой пристани не было. На берегу у самой кромки воды были врыты стоймя несколько бревен, за которые зачаливали канаты с приходивших иногда паузков с людьми или какими-либо грузами. Вот об этом-то я и хотел рассказать подробнее, так как это событие было центральным явлением, вокруг которого вращалась вся жизнь поселка и все люди так или иначе были связаны с этим, вернее с этими событиями. И наша семья прибыла сюда на одном из таких паузков. Мы ехали в числе нескольких семей в «Путь Севера». Мой отец был переведён сюда агрономом Васюганской комендатуры из Среднего Васюгана, где он работал начальником метеостанции. Паузки приходили в «Путь Севера» почти каждый день. Людей выгружали на берег. Иногда они здесь же ночевали, а утром уходили со своими вещами прочь из поселка, сколько-то их оставалось, но их было слишком много и большую часть их увозили в сторону поселка Волково, если мне не изменяет память. Многие паузки, ведомые катером на буксире, уходили дальше вверх по реке Васюгану, даже не останавливаясь. Однажды, когда мы с ребятами пришли купаться в реке, к берегу подошел катер с паузком, и его причалили к берегу, спустили на берег трапы и стали выгружать вещи и людей. И тут наше внимание привлекли крики, которые раздавались с паузка. Это не было для нас удивительным, так как подобные события происходили, считай, каждый день в то время. Но тут было что-то необычное. Мы подбежали поближе и стали наблюдать, что же происходит. Оказывается, люди, которых привезли на барже, отказывались выходить на берег. На них кричали, хватали за одежду и пытались выволочь по трапу с паузка, но люди ложились на пол и оставались лежать. Тогда конвоиры хватили этих людей, укладывали на носилки и, спустившись на берег, сбрасывали на землю. Стоял шум: кри-

чали женщины, кричали дети. На это было страшно смотреть, и мы убежали домой, не стали ожидать, что будет дальше. Только на другой день мы пришли туда посмотреть, но никого уже там не было. Спокойно бежала темная вода Васюгана. Ни души около комендатуры. На берегу внизу около реки тоже было пусто, на воде ни лодок, ни катеров, ни паузков.

Куда подевались люди? Нам расхотелось играть и купаться.

Я прибежал домой и рассказал маме. Она сказала: «Это молокане»¹.

Я не знал что это такое, но расспрашивать маму тогда не стал.

А потом случилось еще более страшное, что изменило жизнь и нашей семьи в том числе. В соседней деревне был убит комендант Васюганской комендатуры Никитин. Наш отец был арестован и обвинен, Бог знает, в чем, и в 1937-м году был расстрелян в Колпашево.

Всё рассказанное мной выше – это исторический фон, но в который уложилась и история моей жизни и жизни всей моей семьи.

Свидетель событий, пострадавший во время политических репрессий.

Иллюстрации автора

¹ «Молокане - это одна из сект духовных христиан. Возникла в России во 2-ой половине 18 века. Отвергают священников в церкви, совершают моления в обычных домах. Общинами руководят старцы-пресвитеры. Постепенно разделились на ряд групп» Советский Энциклопедический Словарь, издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1980г.

**Валентина Михайловна
Зарубина.**

Историк, «Ветеран труда», «Почётный работник общего образования РФ», руководитель муниципального проекта «Прощение и память»

(с. Каргасок)

Из истории проекта «Прощение и память» 2008 года.

С 2006 года в Каргасокском районе реализуется муниципальная программа «Прощение и память», которая «родилась» как районный образовательный проект. Тематически проект связан с репрессиями XX века в России, тогда Каргасокская земля стала территорией Сиблага.

Цель проекта: соединить связь поколений, восстановить, изложить всеми доступными средствами информации и таким образом сохранить для потомков живую память «злобы и страданий» (И.Бунин). Эту миссию работы с коллективной памятью и сознанием взяли на себя дети, внуки и правнуки тех, кого называли в наших краях «спецы».

Задетые душевные струны привлекли много партнёров: православную церковь, администрации сёл, библиотеки и большое количество людей в районе, области, России и за рубежом. На средства администрации Каргасокского района, добровольные пожертвования, и помощь частных лиц, организаций были установлено 45 поминальных знаков - крестов и камней Скорби на Васюганье. Два поминальных креста были установлены летом 2008 года в Волково и Айполово. Штрихами Памяти стоят они над Васюганом. К сожалению каждый посёлок отметить невозможно. Созданные искусственно, вопреки здравому смыслу, большинство посёлков канули в Лету, заросли быльём, а выжившие узники Сиблага вернулись к родным истокам, либо переселились ближе к центру Томской области, либо разъехались по всему белому свету. Но есть другие памятные знаки: зарубки в сердцах людей, которые передаются генетически. Они невидимы, но они есть, и ложатся тяжёлым грузом от поколения к поколению, становясь всё тяжелее и тяжелее. От душевной тяжести освобождение возможно лишь тогда, когда человек может рассказать о своей боли, обиде, выговориться. Такими собеседниками для многих жителей района стали взрослые и дети, участники проекта. Это был диалог поколений через время, мы слушали и слышали друг друга и понимали: мы делаем нужное дело. Для кого? Для себя. Для тех, кто прошёл этот ад на земле. Для идущих за нами своей тяжкой работой мы говорим «Нет – геноциду в России!»

В 2008 году, как и в 2006, 2007 г.г. наш проект имел моральную и финансовую поддержку **Администрации, Думы, Управления образования, опеки и попечительства Каргасокского района**. Нашими неизменными партнёрами оставались **православная Спасская церковь** и её настоятель **о.Феодор**, **Дом детского творчества** и его директор **В. Н. Маслов**, **Каргасокская районная библиотека** и заведующая сектором обслуживания в ней **М. А. Мартынюк**.

Реализация проекта имела ряд особенностей. Работа началась с однодневного гуманитарного десанта в с. Сосновка, а завершилась 4-хдневной экспедицией в Новом Васюгане.

12 июня. День независимости России. Очень символично было именно в этот день перелистать странички истории России. Сосновка, село на обской протоке, «рождением» своим обязано алтайским «спецам», сосланным сюда в начале 30-х годов XX века. Позже, по мере дальнейшей высылки «спецов», село стало интернациональным. Сюда и отправился гуманитарный десант в следующем составе:

Участники экспедиции в с. Сосновка

Зарубина В. М. - координатор проекта

Монголина Н. Г. - начальник отдела развития образования и воспитательной работы при Управлении образования, опеки и попечительства.

Фёдорова Т. И. - учитель истории с.Новоюгино, один из авторов проекта.

о.Феодор - священник Спасской церкви

Кулеш А. - послушник Спасской церкви

Сергеева В. В. - методист Дома детского творчества

Рейс К. - Каргасокская средняя общеобразовательная школа №1

Чуянова М. - Каргасокская средняя общеобразовательная школа №1

Шашель И. Н. - спецкор газеты «Северная правда»

Гассельбах Д. - Новоюгинская средняя общеобразовательная школа

Чердынцева В. - Новоюгинская средняя общеобразовательная школа

Лапов А. - Каргасокская средняя общеобразовательная школа №2

Лукин В. - Каргасокская средняя общеобразовательная школа №2

Кодренчук А. - Дом детского творчества

Леонтьева Н. - Дом детского творчества

Голещихина Е. - Дом детского творчества

Машковцева В. - Дом детского творчества

Машковцева М. - Дом детского творчества

Боярина О. - Дом детского творчества

Коновалова К. - Дом детского творчества

Гришаев В. П. - председатель совета ветеранов

Андреев С. А. - музыкальный руководитель Дома детского творчества

Адереева Г. А. - руководитель театрального кружка Дома детского творчества

Милковский И. К. - спецпереселенец

Ситников Л. Т. - районный краевед

В 8 часов утра катер отчалил от Каргаска, направляясь по Оби в Сосновку. Через час показалось село. При подходе к нему на воду под звук сирены торжественно опустили венок. Встречающие держат плакаты «Добро пожаловать!», «Приветствуем экспедицию «Прощение и память» на Сосновской земле!» Нарядно одетые девушки вручают нам хлеб - соль. Принимаем дар с благодарностью, пробуем. Хлеб в Сосновке замечательный! Всем присутствующим ученики Сосновской школы раздают веночки и кораблики Памяти, которые они изготовили сами к встрече экспедиции. Опускаем их на воду обской протоки.

- Обретшим вечный покой в обской воде жертвам сталинских репрессий вечная память!

От берега начинается крестный ход к кладбищу, к часовне возле него, где о. Феодор совершает поминальную службу. Часовня памяти жертв сталинских репрессий, единственная в районе, была воздвигнута в 2000 году на средства Василия Григорьевича Михайлова. Василий Григорьевич проживает в г. Санкт-Петербурге, он из семьи сосновских спецпереселенцев.

Все вместе отправляемся в Дом культуры. Оформление зала рассказывает о трагических истоках села. 2 часа момента истины. Незабываемая встреча поколений завершается поминальным столом, который был накрыт в школе.

В 14.00 расходимся по площадкам: о.Феодор по миссионерским делам, участники экспедиции, коллектив учителей и учащихся собирается в школе на деловую игру, а в Доме культуры - художественная часть. Г.А. Адереева, руководитель театрального кружка Дома детского творчества Каргаска и её воспитанники познакомили жителей Сосновки с инсценировкой повести Б. Васильева «А зори здесь тихие»... Зрители аплодировали стоя... Замечательным был и концерт художественной самодеятельности школьников Сосновки. В школе сосновские школьники и учителя, а также не занятые в спектакле, проходившем в Доме культу-

ры, участники экспедиции прослушали мини-лекции **В. М. Зарубиной** «Россия. XX век и краеведение» и **Т. И. Фёдоровой** «О проектной деятельности» (из опыта работы). Татьяна Ивановна познакомила со своим проектом «Энциклопедия каргасокских деревьев от А до Я» Практическая часть деловой игры была посвящена созданию проекта «СОСНОВКА. 12 июня 2008 год. Один день в истории». Взрослые и дети разделились на группы, получили задания, работа закипела. В 6 часов вечера эксперты и группы представили 4 работы: **Т. И. Фёдоровой** «Земля Сосновская», **И. Н. Шашель** «Родом из репрессий», **И. Н. Денисовой** «Подготовка встречи экспедиции «Прощение и память», **В. В. Сергеевой** «Событие дня». Все группы потрудились на славу, сделали интересные проекты, которые зафиксировали событие и сделали его достоянием истории. На память сфотографировались у входа в гостеприимную школу. Вышли на берег протоки, где глава администрации **Борис Леонидович Гришаев** показал крутояр, который принял первых поселенцев, основателей нынешней Сосновки. Мы уезжаем. До новой встречи на благословленной сосновской земле!

Проделана колоссальная работа, спасибо за то жителям Сосновки, коллективам школы, Дома культуры, библиотеки. Низкий поклон и благодарность директору Сосновской основной школы **Надежде Александровне Авдониной** и главе администрации села **Борису Леонидовичу Гришаеву**. Безукоризненная организация встречи, безусловно, их заслуга, как руководителей, которые находятся на своём месте. Для того, чтобы у читателя сложилось более полная картина дня предлагаем «послушать» участников события:

«Гуманитарный проект «Прощение и память» является выдающимся образовательным событием в Каргасокском районе. Он направлен на развитие и совершенствование творческой, иссле-

довательской и проектной деятельности учащихся, способствует формированию у школьников широкого спектра компетентностей. Данный проект помог сделать краеведческую работу интересной, приблизить её к жизни села, конкретных людей.

Трудно переоценить и воспитательное значение проекта. Это гражданское воспитание, воспитание патриотизма, любви к малой родине, сопереживания и человечности.

Искренне благодарна всем участникам экспедиции за проделанную работу. Особо хочется поблагодарить за столь важное и благородное дело Зарубину В.М., Федорову Т.И., администрацию Каргасокского района, управление образования, опеки и попечительства.»

Авдони́на Н. А. директор Сосновской ООШ

«Прощение и память» в Сосновке. Тронуты встречей, с первых шагов понятно: сосновцы – одна семья. Организация встречи прошла на высоком уровне, все сделано с душой. Ощущение такое, будто где-то в другом краю находишься, вроде как не в Каргасокском районе. Здесь особая аура, аура добра, человечности, гостеприимства. Есть страдание и боль в рассказах, нет злобы, обиды. Здесь уважают власть, строят!!! Спасибо всем, кто готовил встречу нашей экспедиции! Так держать, сосновцы! Очень хотелось увидеть у вас музей под открытым небом, проекты ваших детей в конкурсах: районных, областных, российских. Всегда рады помочь. Эмоции переполняют. Спасибо!

Зарубина В. М.

Слово «Прощение и память» запали в душу как рефрен «Пепел Клааса стучит в моё сердце»

Сегодня я побывал в с.Сосновка, где находился на поселении, и очень благодарен этой программе, что тоже «Никто не забыт» и очень хочется надеяться, что такие дикие репрессии больше не

повторятся. Очень рад за Сосновку, ее народ, который продолжает традиции высланных сюда вообще-то не «кулаков», но трудолюбивых и свободных людей. Большое спасибо программе за эту благородную работу, за любовь к своей Родине и ее многострадальному народу. Эту работу конечно нужно продолжать.

С уважением К. Милковский.

Сосновка понравилась мне сразу, когда в 1969 году впервые приехал сюда. После стал ездить каждый год на отдых, познакомился со многими жителями села и с каждым разом убеждался, что здесь живут прекрасные, гостеприимные люди. Их отмечает трудолюбие и радушие, любовь к своей малой родине.

И вот, после многих лет, снова в Сосновке. Что-то изменилось в облике села. Оно стало еще прекраснее, улицы стали равнее, заборы новые, дороги грейдированы, а люди еще добрее стали, несмотря на нелегкое житье. Я приехал с экспедицией «Прощение и память». Эта экспедиция или вернее, проект, всколыхнул весь район, и молодые люди правильно, на мой взгляд, прореагировали на это мероприятие.

Вот и сосновцы приобщились к этому проекту. Встретили с благодарностью эту экспедицию и активно участвовали в ней. Значит, ученики Каргасокских школ, координатор проекта В.М. Зарубина затеяли эту работу не зря!

Спасибо сосновцам, жителям посёлка Восток за понимание, за эту доброту и незлобивость к недавнему прошлому.

Главный вывод: сосновцы с одобрением отнеслись к проекту «Прощение и память».

Л. Ситников

Уважаемые жители с.Сосновки! 12 июня 2008 года мне пришлось побывать на вашей земле. Последний раз я был здесь, когда существовал совхоз. За прошедшее время поселок очень изменился

в хорошую сторону. Особенно проводимая жителями работа по благоустройству. Побывал в школе, в администрации, в Доме культуры. Во всех зданиях (помещениях) чисто, культурно. В школе оборудован музей. Проводится определенная работа по патриотическому воспитанию школьников, что радует районный Совет ветеранов.

Я очень благодарен за то, что меня пригласили на проект «Прощение и память».

Выражаю благодарность администрации школы, села, и всем тем, кто нас угощал.

Председатель Совета ветеранов В. Гришаев

За три года реализации гуманитарного проекта «Прощение и память» было много встреч, посёлков и разных впечатлений. Каждый посёлок имеет свое «лицо», программы в сёлах не повторялись. То же можно сказать и о Сосновке: учащиеся школы встречали нас на берегу не только с хлебом-солью, но и с плакатами (так нас нигде не встречали!); посёлок чистый, опрятный, компактный, произвел самое лучшее впечатление; сосновцы (и взрослые и дети) показали себя благодарными слушателями. Но особое впечатление произвели учащиеся (3-9 кл.) и педагоги школы, которые добросовестно явились на деловую игру, работали увлеченно, дружно и творчески в течение четырех часов в разновозрастных командах. Я думаю, что общение, обмен опытом в проектной деятельности, атмосфера доброжелательности, причастность к важному (политическому!) событию оставит неизгладимый след в душах детей, сдружит их с педагогами и сотрудничество станет искренним, основанном на доверии и любви к единой малой Родине.

**Начальник отдела Управления образования,
опеки и попечительства: Монголина Н. Г.**

Все дальше и дальше в прошлое уходят страшные и дикие годы репрессий, когда тысячи невинных людей уничтожали, как класс.

И Сибирь, суровый край, – место ссылки этих людей. Сколько погибло их, осваивая эти места! Разве можно забыть это?!

Проект «Прощение и память» – это дань уважения, памяти людям, невинно пострадавшим в то время.

К встрече делегации «Прощение и память» готовилось все село. Все продумано до мелочей. Активное участие в этом приняли педагоги и ученики Сосновской школы. В теплой и дружеской атмосфере прошла деловая игра с участниками проекта и школьниками нашей школы. Коллективом школы проводится большая и кропотливая работа по воспитанию патриотизма, любви к ближнему, к старшим. Школьники участвуют в районных конкурсах, пишут рефераты о наших односельчанах, о своей малой Родине.

Нельзя забывать о прошлом, надо знать о своей Родине все. В этом детям помогает педагогический коллектив. Значит, этот проект нужен, значит ему жить.

Пенсионерка Деева Н.П.

Мне очень приятно, что проект «Прощение и память», путешествуя по Каргасокскому району, не забыл и нашу Сосновку. То, что приезд экспедиции «Прощение и память» будет важным событием, в нашем селе понимал, наверное, каждый и считал дни до ее приезда. Все мы родом из репрессий... Прделанная работа проекта внесла неоценимый вклад в культуру нашего села. Все мы вспоминали о страшных годах сталинских репрессий, о том, вследствие чего и родилась наша Сосновушка.

Вспоминали людей, то, как они жили, а поначалу, в общем-то, выживали. Но не стоит вспоминать со злобой те года, память о этом времени – это богатство, а с помощью проекта «Прощение и память» мы поняли, что прощение – это еще большее богатство.

Ученик 9-ого класса Деев Михаил

19 - 22 июня 2008г участники гуманитарной экспедиции провели в бывшем районном центре Васюганского района с.Новый Васюган.

Участники экспедиции в с. Новый Васюган:

Зарубина В. М. - координатор проекта
Фёдорова Т. И. - МОУ Новоюгинская СОШ, учитель истории
Жукова О. А. - редактор районной газеты «Северная правда»
Сычѳв С. В. - телеоператор КСТВ
о. Феодор - священник Спасской церкви с. Каргасок
Сергеева В. В. - специалист ДДТ

Кереджи Оглы С.Р. - МОУ Мыльджинская ОШ, учитель истории

Рейс К. - КСОШ №1, 9 кл

Чуянова М. - КСОШ №1, 9 кл

Теренюк А. - Новоюгинская СОШ, 10 кл

Гассельбах Д. - Новоюгинская СОШ, 6кл

Кулманакова М. - КСОШ №2, 7кл

Чердынцева В. - Новоюгинская СОШ, 7 кл

Новиков А. - Мыльджинская ОШ, 9 класс

19 июня

12.00 все участники экспедиции собрались в аэропорту Каргаска, после регистрации - посадка. Мы на борту МИ-8. Спасибо за эту возможность компании «Востокгазпром» В иллюминатор любуемся красотами края, фотографируем. Посадка в Мыльджино. К нам присоединяются **С. Р. Кереджи Оглы** и **Саша Новиков**. А вот и Новый Васюган, в страшные 30-е годы носивший название Могильный Мыс. Нас встречают. Приветливо улыбается **Александр Рудольфович Кергандт**, глава Нововасюганского поселения, и на душе становится спокойно «У нас всё получится!» Подъезжаем к школе. Это наша главная рабочая площадка. Всё готово к работе и отдыху участников экспедиции: спать мы будем в «удивительной стране детства» – детском садике, питаться – в школьной столовой. Разместившись, готовимся к встрече с жителями Нового Васюгана. Место встречи - школьная столовая, ставшая музейной площадкой, где разместились материалы нововасюганцев, собранные по крупицам. В холле заранее размещена фотовыставка «Прощение и память 2006 - 2007». Спасибо директору школы **Валентине Павловне Егоровой**, коллективу учителей, учащихся, обслуживающему персоналу. Встреча началась вовремя. **В. М. Зарубина** рассказала об истории проекта, вниманию собравшихся были предложены работы участников экспедиции:

клип «На горе, на горушке» и презентация «Васюган» **А. Парфеновича**, слайд-фильм «Трижды рождённый» **А. Куницыной** и фильм Омской телестудии «Пароход Смерти». Реакция зала была потрясающей. Думаю, что долго уснуть не могли не только мы, но и многие нововасюганцы.

20 июня

6.00 - Часть участников экспедиции отправилась на берег реки Васюган, откуда вместе с нововасюганцами они едут на установку поминальных крестов в посёлки Волково и Айполово.

Группа под руководством Т.И Фёдоровой идут собирать поисковый материал по Новому Васюгану.

Теплое утро, спокойный, узкий Васюган. Опускаем венки на воду, шемяще звучит судовая сирена. Светлая память обретшим вечный покой в водах Васюгана. Водомёт медленно тянет загруженный паром. Черноводье. Реконструкция событий 30-х годов. Река и её берега, солнце молчаливо хранят память о трагедии, всё дышит историей. Правда, голод нам не грозит, взяли обед, заботливо приготовленный работниками школьной столовой. **А. Р. Кергандт** решил подстраховаться, значительно опустошив домашние запасы, – испытание голодом нам не грозило. Александр Рудольфович – человек поступка, иначе как объяснить то, что целый день на гнусах и солнце вместе с нами были его сыновья: Рудольф и Артём. Эстонским сибирякам Кергандтам тема репрессий не чужда, это и о их семье.

Волково. Опускаем венки на воду. Выходим на берег. Ничего не напоминает о селении, только кажется, что тайга расступилась, освободив место для полян, усыпанных лесными цветами, как будто на большой братской могиле. Устанавливаем поминальный крест. О.Феодор, о. Сергей совершают литию, возлагаем венки и цветы. Рядом с крестом помещается Скамья Памяти с табличкой, на которой выгравированы слова М. Волошина:

*«Далёкие потомки наши!
Знайτε, что Вы живёте во Вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью...
То в этом мире есть и наша доля!»*

М. Волошин

Отправляемся дальше. Труднее всех **Севилле Руштыевне**, это путь её близких, сосланных в 1949 году из солнечной Абхазии. Она опускает на воду венки, велика её печаль. Показался высокий берег. Несколько домов. Это Айполово, в прошлом крупное село, центр хантов в верховьях Васюгана. Здесь был православный храм. Опускаем венок на воду. В зловещие 30-е вокруг Айполово размещались поселки спепереселенцев, в самом Айполово был один из первых детских домов Васюганья. Мы выполнили просьбу одного из первых детдомовцев, **Ступака Ивана Ивановича** из далёкой Украины, поклонились земле, в которой вместе со многими другими страдальцами, погибшими голодной смертью, похоронена его мама и маленькая сестрёнка Лидочка, умершая со словами на губах «Кушать хочу, кушать хо...».

Подходят немногочисленные жители Айполово. **Валерий Караулов** предлагает поминальный крест установить на месте храма. Его предложение принимается. Вскоре взметнулся в небо чёрный крест с табличкой «Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий вечная память». О.Феодор и о.Сергий совершают литию. Горят свечи и лампы. Рядом устанавливается Скамья Памяти. По экспедиционному обычаю желающие присаживаются на неё и говорят слова о проекте, истории и о себе. Поминальная служба на кладбище, здесь тоже горят поминальные свечи. На сердце грустно, но вместе с тем легко, потому, что прозвучала поминальная молитва, хотя и спустя десятилетия. Это по обычаю ушедших до срока людей, значительная часть которых были дети.

Среди нас тоже больше детей. Восстановлена нить, связывающая поколения, нет больше бреши в душе. Мы будем продолжать тянуть эту нить. Отправляемся в обратный путь. Васюган уже не пустынный, на высоких берегах остались памятные знаки.

Вечером возвращаемся в Новый Васюган. Здесь сегодня важное событие: впервые в истории совершается крестный ход. Сначала от храма до сквера Памяти, звучит поминальная молитва и проходит митинг. Многие не прячут слёз. Обратный крестный ход совершается во имя живых. От храма к Васюгану спускаются взрослые и дети в руках кораблики, веночки, изготовленные руками воспитанников школы, они опускают их на воду. Медленное течение выстраивает их в строгую печальную линейку. Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий вечная память!

Вечером в школе начинается деловая игра, участники делятся на группы, получают задания. Под руководством экспертов закипела работа над проектами. Самым востребованным местом становится школьная библиотека, сегодня тоже не до сна.

21 июня

День начинается с лекций:

Лекция «Краеведение: прошлое, настоящее и будущее» (по материалам профессора ТГУ Рындиной О.М) **Зарубина В.М**

Лекция «Ассоциативный подход к изучению истории России XX в.» **Зарубина В. М.**

Лекция «О проектной деятельности» (для учащихся и учителей) **Федорова Т. И.**

Представление проекта «Энциклопедия каргасокских деревень от А до Я Красноярка.» **Федорова Т. И.**

По их окончании продолжается работа в группах. Вечером нас пригласили в литературную гостиную «Судьбе наперекор», хозяйкой была директор средней школы **Валентина Павловна Егорова**, а помощниками всё село. Увиденное и услышанное потрясает.

Мощно, физически ощутимо, без слов понятна связь поколений. В зале присутствует только один социальный статус - Люди! Нет между нами различий, история страны, края сделала нас ближе. Такие моменты дорого стоят. Не растерять бы этот духовный багаж!

По окончании гостинной работа в группах продолжает кипеть.

22 июня

День начала войны с фашистской Германией. Часть участников экспедиции принимает участие в митинге, посвященном печальной дате – началу Великой Отечественной войны. Большинство из васюганцев, сложивших голову на поле брани, были «спецы». Вскоре вместе собираемся в классе на лекцию «Слово» Звучат стихи классиков о слове и русском языке. Лекцию начинает **Зарубина В. М.**, продолжают **о.Феодор** и **матушка Юлия**, каждый вносит свою лепту, своё понимание, при этом сохраняя основную нить предмета разговора. По окончании лекции проходим в столовую школы, где накрыт поминальный стол. Отцы Феодор, Сергей, матушка Юлия читают «Отче наш». Потрясение от молитвы колоссальное: она стирает национальные и конфессиональные различия, она общечеловеческая, а мы в который раз становимся ближе друг другу. Это состояние душевного трепета и прикосновения к чему-то святому не покидает нас и во время обеда, когда мы слушаем притчу, которую рассказывает матушка Юлия. Из-за стола большинство из нас встают другими, за эти мгновения что-то изменилось внутри нас, но ещё большее предстоит переосмыслить. Поминальный стол в Новом Васюгане стал мощным заключительным аккордом экспедиции «Прощение и память» на Васюгане. Ясно и чётко приходит понимание, что за 3 года сделано важное и нужное дело, и на душе становится тепло оттого, что ты к этому причастен, ты его часть.

Завершаем наше пребывание в Новом Васюгане презентацией проекта «Соль земли Васюганской» в состав которого вошли: «Ва-

сюганский этап» (рук. **Жукова О. А.**), «Репрессированное детство» (рук. **Зарубина В. М.**), «Право на жизнь дано нам не зря» (рук. **Сергеева В. В.**), «Сиблагом связанные судьбы» (рук. **Кереджи Оглы С. Р.**), «Вре́мён связующая нить» (рук. **Фёдорова Т. И.**), «Хранители времени» (рук. **Федюкова Т. И.**). По окончании презентации в голову приходит мысль «Историю России XX века смело можно изучать в Новом Васюгане». Здесь всё дышит историей: и необыкновенные по силе звучания голоса исполнителей песен, и рослые и высокие люди, и душевный настрой, и желание людей знать историю края!!!

Мы расстаёмся с новасюганцами благодарные за совместную работу. Слова особой благодарности хочется сказать главе администрации **Александру Рудольфовичу Кергандт**, управляющей делами администрации Нового Васюгана **Римме Николаевне Лаптевой**, директору нововасюганской сельской образовательной школе **Валентине Павловне Егоровой**, **о.Сергию** и **м.Юлии**, капитану катера **Владимиру Васильевичу Смирнову**, специалисту администрации **Александру Александровичу Городецкому**, медрегистратору Нововасюганской врачебной амбулатории **Эрике Александровне Алексеевой**, специалисту воинского учёта администрации **Людмиле Александровне Супониной**, заведующей сельской библиотекой **Лилии Изотовне Нестеровой**, специалисту администрации **Ирине Сергеевне Савиной**, начальнику Нововасюганского отдела ЗАГС Комитета ЗАГС Томской области **Любови Михайловне Папок**, частному предпринимателю фотосалона «Радуга» **Наталье Фёдоровне Нагорных**, водителю администрации **Николаю Романовичу Андрейчикову**, рабочему администрации **Александру Александровичу Бардину**, программисту администрации **Александру Сергеевичу Ветову**, «спецпереселенцу», пенсионеру **Никите Васильевичу Брагину**. Также огромное СПАСИБО всем нововасюганцам, кто провёл эти дни с нами, делясь душевным теплом.

Летим самолётом «АН-2» О. Феодор щедро угощает всех леденцовой карамелью, пилоты умело обходят грозовые тучи, можно и уснуть. В Каргаске приветливо светит солнышко, нас встречают. Экспедиция «Прощение и память - 2008» благополучно завершилась. Впереди работа.

Ирина Николаевна Шашель.
Журналист газеты «Северная правда»

(с. Каргасок)

«Нельзя прожить без покаянья»

В графике многочисленных маршрутов, проложенных экспедицией в рамках проекта «Прощение и память» по району и области, появился ещё один важный пункт – село Сосновка. В День независимости России теплоход с участниками гуманитарного десанта на борту встречали жители Сосновки и специально прибывшая из соседнего посёлка Восток делегация. Таким вот незабываемым получился для сельчан национальный праздник 12 июня.

Команда единомышленников, возглавляемая бессменным руководителем и идейным вдохновителем Валентиной Михайловной Зарубиной, собралась довольно внушительная – 25 человек. Дети и взрослые ехали естественно не с пустыми руками, решительно настроенные и готовые к большой и серьёзной работе. Творческая группа проекта - к презентации своих достижений и обмену поисковым опытом, артисты из Дома детского творчества - к выступлению перед хозяевами со спектаклем «А зори здесь тихие...», отец Феодор, священнослужитель Спасской церкви Каргаска, – к миссионерской деятельности.

День, согласно заранее намеченному плану, расписали буквально по минутам. Перед каждым стояла своя задача, но главной была общая цель поездки – объединить людей в понимании того, насколько важно знать и чувствовать историю земли, на которой живёшь, земли своих предков, и самое важное – донести это знание до подрастающего поколения, потомков, которым предстоит ценить и хранить эту память. А потому совершенно не случайно темой для деловой игры, которую мы провели с учащимися и учителями Сосновской школы, была такой: «Земля. События. Люди». Кстати, результатом интересной и напряжённой работы над выполнением заданий четырёх групп школьников стало создание четырёх творческих работ по данным, собранным здесь же, в процессе работы экспедиции. День, проведённый в Сосновке, остался на память в виде законченных видео-презентаций. Когда просматривали их, подводя итоги встречи, казалось, что ребятам, изрядно уставшим, но довольным, всё никак не верится, что это сделали они сами...

Для участников проекта «Прощение и память» этот десант, как мы уже знаем, не первый опыт общения с жителями каргасокской глубинки, и, учитывая предстоящую в ближайшие дни поездку в Новый Васюган, далеко не последний. Но то, насколько тепло и дружелюбно встречали их в Сосновке, они просто не могли не отметить.

Приём был организован на высшем уровне. Всё вокруг радовало глаз приезжих. Поражающе чистотой улицы со свежей штакетной оградой и зелёные лужайки, расцветающие в палисадниках кусты сирени и прекрасный вид на Обскую протоку с высоченного яра, отреставрированная часовенка на сельском кладбище, построенная, кстати, что символично, спецпереселенцем в память о жертвах политических репрессий 30-х годов, и богатый поминальный обед с вкуснейшими дарами природы и «фирменным» сосновским хлебом для всех жителей села...

Сосновцы сделали всё возможное для того, чтобы пребывание на их родной земле особенно запомнилось и гостям. Администра-

ция села во главе с Борисом Гришаевым, преподаватели школы, работники культуры, артисты поселковой художественной самодеятельности приложили к организации мероприятия районного масштаба максимум усилий, всё население дружно участвовало в подготовке встречи и её проведении. Это событие в жизни Сосновки действительно стало настоящим праздником для всех.

Участники экспедиции «Прощение и память» даром времени не теряют. После окончания службы на благополучное путешествие можно и порепетировать. Впереди – Сосновка, позади – более чем двухлетний опыт гуманитарной работы в посёлках Каргасокского и Парабельского районов. И, конечно, песни, рождённые в многодневных походах, ставшие символом общей идеи дружбы, добра и памяти.

Проект «Прощение и память» на Сосновской земле. Теплоход встречают всем селом. С транспарантами, сиренами пожарной машины, хлебом-солью и спущенными на воду поминальными веночками в знак памяти и скорби по людям, невинно загубленным в годы репрессий.

Борис Леонидович Гришаев, глава Сосновского сельского поселения: «Мы две недели готовились к вашему приезду. Создали что-то вроде штаба по подготовке к встрече экспедиции, почти ежедневно проводили планёрки и контролировали всё, что сделано. Работали все дружно под руководством директора Дома культуры Веры Грищенко, директора школы Надежды Авдониной, заранее оповестили население о том, в какое время и какие будут проходить мероприятия. Финансовую поддержку нам оказали администрация района и управление образования, опеки и попечительства за что им большое спасибо. Особая благодарность – завхозу школы Н. Гришаевой, индивидуальному предпринимателю Макаровой, нашим замечательным поварам Ю. Балабановой, З. Трей, Л. Коз-

ловой, техническому персоналу в составе Т. Романовой, Т. Одинцовой, О. Бябиной, Л. Комаровой. Молодцы, отлично потрудились.

Впечатления огромные, большое спасибо участникам проекта «Прощение и память» за то, что приехали к нам. Для людей это очень важно и нужно. Встряхнулись, вспомнили, многие в зале даже плакали. Наши деды и прадеды прожили суровую жизнь, многие семьи в Сосновке «родом из репрессий». Из самых первых, тех, что в 1931 году сослали, – Закутаевы, Плюснины, Жуковы, Трей, Козловы, Ирабировы, Филатовы, Денисовы, а Восток так почти весь стоит буквально на костях спецпереселенцев... Много их тут было. Дед мой рассказывал (они сюда на охоту ездили, в этих местах бор был сосновый), что видели они, как высаживали репрессированных, что в первую зиму умерло очень много народу... Очень хорошо, что приехали, показали фильмы, фотографии, эту страницу нашей истории надо знать, особенно детям, чтобы помнили, смогли оценить весь масштаб той страшной трагедии, которая никогда не должна повториться...

*«Время чутко движется вперёд,
Вееет над полями и лесами.
Вот и наступает наш черёд
Доказать, чего мы стоим сами...»*

Директор школы Надежда Авдониная, подводя итоги работы, проделанной детьми и преподавателями совместно с участниками экспедиции, с убеждением говорит, что память об этой встрече обязательно останется в посёлке, а сама работа в проекте не закончится. «Мы её будем продолжать. И я надеюсь: когда ребята немножко подрастут, их имена должны узнать в районе, а, может быть, и в области. Ведь посмотрите, все знают Мишу Деева, который своим трудом, старанием создал себе такую известность. А сегодня ему вручили благодарственное письмо

от Главы района А.М.Рожкова за высокие результаты в олимпиаде, научно-практических конференциях районного уровня и за участие в краеведческом конкурсе «Золотое руно»... Обещаем, мы будем работать, будем собирать материал о наших истоках, о наших корнях, о людях. Большое всем спасибо...

Отец Феодор, священнослужитель Спасской церкви Каргаска: «Очень хорошее впечатление осталось о совместной работе участников экспедиции и местных ребят, замечательные подготовили презентации. И с точки зрения нашей миссионерской деятельности сложилось всё удачно. Всё-таки пятьдесят человек пришли покреститься. Люди просили, чтобы мы ещё приезжали, значит, им это нужно. Гостеприимство жителей села и его главы просто огромное, спасибо за тёплый приём. И встретили хлебом-солью, и покормили замечательно, и концерт подготовили. Всё очень здорово, такой праздник – День России – чудесно здесь отметили. Ведь Россия – это как раз и есть эти маленькие сёла. Как река, которая складывается из множества ручейков. Наше Отечество здесь, где и протекает настоящая русская жизнь, где люди своими руками, своей любовью хранят эту землю...

Наталья Георгиевна Закутаева была сослана сюда со своей семьёй в 30-е годы. Из воспоминаний бабушки: «...Привезли нас на павозке. Пока везли, утонул брат, умерла сестрёнка. Высадили безо всего, лес был сплошной, страшно; как выжили, до сих пор не понимаю. Отца не было, его в тюрьму посадили, мы жили с мамой - брат и три сестры. Трудно очень жили. Голодные были, опухшие, ни постелить нечего было, ни одеться. Ели траву, старожилы давали картошку, так мы хлеб вперемешку с опилками намазывали этой картошкой и говорили, что это масло... Это потом уже организовали здесь колхоз...»

12 июня Наталья Георгиевна вместе с односельчанами встречала каргасокцев, участников проекта «Прощение и память». «Какие вы молодцы, что приехали. Конечно, дело, которое вы делаете великое и нужное. Мне очень понравилось всё, что вы показывали в зале. Только я хочу сказать, что мы-то, пожилые люди, свою жизнь уже прожили, нам уже ничего не надо, ни от власти, ни от кого. Одного просим: если родина с нами когда-то так несправедливо обошлась и готова признать ту страшную трагедию, если загубила судьбы наших родителей и дедов, пусть она сегодня внукам нашим поможет, даст им возможность нормально жить, работать, растить детей...»

Георгий Алексеевич Плюснин - ровесник Октября. Когда его семью выслали из Бурятии, ему было 14 лет. Высадка у островка в районе Парабели запомнилась Георгию особой жестокостью конвоиров: били по малейшему поводу, даже стреляли. Сколько тогда людей поумирало! Ветеран вспоминает, что ему самому приходилось голыми руками рыть ямы, а потом укладывать в них трупы. А были это не кулаки, а крестьяне, многие из которых с оружием в руках защищали советскую власть в годы гражданской войны... А в 1942 году Георгий получил повестку из военкомата. На войну уходил вместе с братом Василием, который погиб под Ростовом в 1943 году. Георгию посчастливилось демобилизоваться. Он - один из немногих фронтовиков, доживших до наших дней...

**Надежда Александровна Ав-
донина.**

Директор Сосновской школы,
ветеран педагогического труда,
награждена Почётной грамотой
Министерства Образования и
науки.

(с. Сосновка)

Роль спецпереселенцев в истории села

Тема сталинских репрессий актуальна для села Сосновка и близлежащих сёл, которых уже нет на карте области. «Сосновка и Восток стоят на костях спецов», – это выражение бывших спецпереселенцев очень красноречиво отражает историю села, которое возникло на высоком яру в 30-е годы 20 века в результате ссылки «кулаков» Алтайского края, Новосибирской, Омской областей. После этого Сосновка прошла ещё три волны репрессий: 1937-1938 гг. - «враги народа»; предвоенные и военные годы - ссылка немцев и жителей Прибалтики; послевоенная волна - прибалты, украинцы, народы Кавказа.

Большая часть жителей села - спецпереселенцы, их дети, внуки. Благодаря им, их жизненному подвигу, село поднялось, был

организован колхоз. Десятки «спецов» ушли на фронт, вернулись только единицы. Забыв про свои личные обиды, они встали на защиту Родины. В селе остались старики, женщины и дети, которые победу приближали своим трудом: ловили рыбу, сплавливали лес и ждали вестей с фронта. Это они, «спецы» и их дети, поднимали село в послевоенные годы, благодаря им Сосновская ферма совхоза «Павловский» была известна далеко за пределами района как передовая ферма по надоям молока и производству мяса.

В первую очередь хочу сказать о семье Трей Егора Давыдовича. Он, будучи ещё мальчишкой, попал в Сосновку в третью волну переселений, когда шла ссылка немцев. Все тяготы сиротской жизни на чужой стороне пришлось испытать братьям Трей. «Они и по-русски то не умели разговаривать...», – вспоминают местные жители. Но мир не без добрых людей. Жители села приютили сиротских мальчишек, помогли выжить, не увидели в них «врагов народа», хотя отцы, мужья, братья проливали кровь на войне с фашистской Германией. Выросли парни, женились. Егор Давыдович со своей женой Гертрудой Александровной родили и воспитали семь достойных детей. Егор Давыдович был передовиком производства, долгое время возглавлял кормозаготовительное звено, в котором трудились его сыновья. О трудовой династии Трей очень много писали СМИ в период развитого социализма. За свой труд Трей Егор Давыдович был награждён орденом «Знак Почёта».

Пятеро их детей живут и работают в Сосновке в настоящее время. Старший сын, Трей Владимир Егорович, был механизатором, управляющим фермой, а затем более десяти лет возглавлял сельскую администрацию села. Благодаря его трудолюбию, умению руководить, твёрдости и упорству, Сосновка пережила более или менее безболезненно лихие 90-ые перестроечные годы. Когда практически совсем не было денег, месяцами не выплачивалась зарплата, в Сосновке глава администрации Трей В. Е. по возможности старался обеспечить всех

работой, проводился своими силами ремонт школы, других объектов соцкультбыта, поддерживалось жизнеобеспечение села.

Комарова (Лило) Айна Яновна – это представительница четвёртой, послевоенной волны переселений. По велению «отца народов» попала в наши края из Латвии уже подростком. Их сослали всей семьёй. Айна вместе с другими подростками работала в колхозе: пасла овец, кормила телят, заготавливала сено. Все родственники Айны Яновны вернулись в Прибалтику на свой родной хутор, только она так и осталась в Сибири. Сосновка стала для неё второй родиной. Здесь она вышла замуж, родила и воспитала троих детей и работала, работала, работала. Всю жизнь с раннего утра до поздней ночи доила, кормила коров без выходных и отпусков. Комарова Айна Яновна была лидером по надоям молока, передовой дояркой района. За свой доблестный труд награждена орденом «Знак Почёта». Её дети живут и трудятся в Сосновке.

«Кулацким сыном» был управляющий фермой Жуков Александр Данилович, который возглавлял ферму около 20 лет. В его годы правления Сосновка достигла наивысшей точки своего подъёма в развитии, когда в селе строилось жильё, проложили водопровод, построили детский сад, в селе было много молодых семей, в год рождалось по 15-20 ребятишек. Жуков А. Д. награждён орденом «Знак Почёта».

В первую волну переселений была сослана из Алтайского края семья Беляковых. Алексей Васильевич с женой, два их сына Иван и Андрей, дочь Анна. Все тяготы переселенческой жизни испытала на себе и эта семья. Только обжились, смирились с судьбой, как война замахнулась своим чёрным крылом. Оба сына Алексея Васильевича ушли на фронт. Андрей пал смертью храбрых под Ленинградом, в бою за деревню Дубовицы. Сын Иван прошёл всю войну, освобождая Берлин, домой вернулся в 1947-году, женился, вместе с женой воспитали пятерых сыновей и дочь.

Сальковы, Лукины, Жуковы, Черновы, Денисовы, Дунаевы... Бесконечный список фамилий. За каждой фамилией - человеческие судьбы, несбывшиеся надежды, разочарования, а может и смирение со своей участью. Всё перенесли, выстояли, выдержали, не сломались, а главное, остались людьми.

Многострадальная сосновская земля. Сколько человеческих страданий, изломанных судеб видела ты! Но было и другое: были радости встреч, рождались дети, была вера в лучшее будущее, была надежда на благополучную достойную жизнь. Люди своим трудом тяжёлым, порой в нечеловеческих условиях, обеспечивали достаток в жизни себе и своим детям. Как-то не принято у сосновцев жаловаться на тяготы, лишения. Всё их в целом устраивает. Есть в наших людях оптимизм, порой даже ничем не объяснимый и самая отличительная черта - это обострённое чувство патриотизма, любви к своей малой родине. Чувство, которое впитывается с молоком матери, передаётся из поколения в поколение детям, внукам. Наверное, на этом и держимся, поэтому и живёт село, живёт и хорошеет: строятся дома, цветут цветы, рождаются и ходят в школу дети. Именно поэтому тема сталинских репрессий очень близка нашим жителям. Судьба каждой семьи, так или иначе, связана с теми грозными тяжёлыми годами. Ныне живущие в селе обязаны спецпереселенцам тем, что здесь появилось село, тем, что именно они создали его и оставили нам таким, какое оно сейчас. Непрерывна связь времён и поколений. Чтобы жить, надо помнить и чтить свои корни свои истоки. Не дай нам Бог превратиться в «Иванов не помнящих родства...».

Все мы родом из репрессий

Сосновка основана в 30-е годы прошлого века. Её первыми жителями стали ссыльные «кулаки» из Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. На своём веку сосновцы стали свидетелями трёх волн политических репрессий. 1937, 1938 - «враги народа», предвоенные и военные - ссылка немцев и прибалтов, после Великой Отечественной войны на север Томской области потянулись баржи, забитые до отказа украинцами и жителями гордого Кавказа.

12 июня 2008 г. Этот день для Сосновки стал необычным. С гуманитарным десантом в селе побывали участники муниципального проекта «Прощение и память». Это событие заставило учителей и учеников школы кардинально пересмотреть свой подход к краеведческой работе. При подготовке к встречи гостей мы вдруг осознали, что большая часть жителей селе – спецпереселенцы, их дети и внуки. Основываясь на их воспоминаниях и рассказах, нужно писать историю родного края...

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, в Сосновской школе собралось много людей. Ученики вместе со своими педагогами - Ириной Деевой и Ириной Денисовой показали жителям села замечательные презентации, повествующие о появлении сосновской часовни, о судьбах земляков - спецпереселенцев. Со слезами на глазах о тех страшных годах рассказывал Николай Данилович Жуков.

*«Не надо ворошить их прах.
Но в этот вечер,
Чтобы развеять в мире мрак,
Зажгите свечи... »*

Эту песню – её исполнила Вера Грищенко – и взрослые, и дети слушали с зажжёнными свечами в руках.

А когда гости собрались в школьной столовой за поминальным столом, стали вспоминать прошлое, а те, кто помоложе, пересказывать слова своих родителей. Они от всей души благодарили координатора проекта «Прощение и память» Валентину Михайловну Зарубину. Просили низко кланяться всем, кто поддержал это начинание.

Люди помнят историю своей страны и «малой родины», им есть о чём рассказать. Непрерывную связь времён и поколений нельзя утратить.

Ирина Николаевна Денисова.

Учитель истории, обществознания Сосновской школы, организатор краеведческой работы в школе, руководитель проектной деятельности учащихся.

(с. Сосновка)

Сосновка - 12 июня 2008 год. Один день в истории села

12 июня 2008 года практически все жители Сосновского сельского поселения в ожидание экспедиции «Прощение и память», которая с минуты на минуту должны причалить к берегу р.Шакка.

И вот наступил этот долгожданный момент, к которому мы так долго готовились.

В это мероприятие внесли большой вклад штаб сельского поселения, который был создан в апреле, его возглавлял глава сельского поселения Гришаев Б.Л., туда входили клубные работники Грищенко В., Сливоцкая В., директор школы Авдониной Н.А. Перед ними ставились задачи организационного характера: благоустройства села, реставрации часовни. Большую лепту внесли

сами жители по уборке территории кладбища и села. Большую работу провела по реставрации часовни семья Иващенко, были обновлены изгороди по улице Береговой и Школьной, была разбита площадка под парк кедровый.

Главенствующую роль занимала школа, на неё была возложена ответственная миссия по сбору информации о жителях села, сосланных в годы репрессий, и умение донести эту информацию более доступно и точно до людей.

На заседании при директоре между педагогами были распределены обязанности по подготовке экспедиции «Прощение и память».

В клубе была организована выставка об истории села, о писателе – земляке В.Колыхалове.

Ученики школы были задействованы в организации встречи экспедиции «Прощение и память». Ученики младших классов с умением и трепетом делали поминальные плотики, на которых они собственноручно плели веночки, под руководством Кочуровой Е.А. Старшеклассниками были приготовлены плакаты с приветственными словами, учащиеся были задействованы в подготовке концерта.

Техническим персоналом была проделана большая работа по подготовке поминального обеда под руководством завхоза школы Гришаевой Н.В.

И вот наступил этот долгожданный день, 12 июня, день встречи экспедиции «Прощение и память». Все жители села от мала до велика Сосновки и Востока собрались на берегу реки ожидая экспедицию «Прощение и память».

Под звуки сирены экспедиция опускает на воду венки жертвам сталинских репрессий. И в то же время школьники и жители села пускают на воду кораблики с надписью «Прощение и память» и поминальные веночки, которые были сделаны руками младших школьников. Экспедицию встречают на берегу по рус-

скому обычаю с хлебом и солью, и с приветственными транспарантами: «Добро пожаловать!», «Приветствуем экспедицию «Прощение и память» на Сосновской земле!».

Прибывшую делегацию приветствует директор школы Авдонина Н.А.

Проект начинается с крестного хода, возглавляемого отцом Феодором до часовни на сельском кладбище, где проведена служба по невинно загубленным жертвам сталинских репрессий. Все присутствующие и взрослые, и дети со скорбью слушали литию. В заключение службы жители села поставили поминальные свечи.

После крестного хода жители села собрались в клубе. Трей Н. Р. в книге регистрации записывала высланных в Сосновку, очень большую помощь оказал в получении информации К.И.Милковский. С приветственным словом обратился глава сельского поселения Б. Л. Гришаев. В. М.Зарубина познакомила всех с работой проекта «Прощение и память». Были вопросы молодого поколения о том времени, на которые отвечали свидетели сталинских репрессий: Н. Г.Закутаева, К. И.Милковский, А. А.и Г. А. Плюснины, родственники репрессированных. В. М. Зарубина рассказала о семье Лукиных, сосланных в Сосновку.

Приятным моментом для всего села было вручение грамоты и памятного подарка от главы района А. М.Рожкова и Управления образования, опеки и попечительства ученику 9 класса Дееву Михаилу за высокие результаты в олимпиаде, научно-практической конференции районного уровня, во всероссийском конкурсе «Золотое руно» и в связи с Днём России.

Н. Г. Монголина обратилась к нему с поздравлениями и пожеланиями. Мишины прадеды по материнской линии были также репрессированы в 30-ые годы. И впоследствии реабилитированы.

После встречи участников экспедиции с жителями села все были приглашены на поминальный обед, который проходил в спортзале школы.

После обеда группа учащихся и учителей приняли участие в работе над проектной деятельностью. А жители села вернулись в клуб для просмотра концерта, подготовленного силами художественной самодеятельности посёлков, гостей. В художественной самодеятельности приняли активное участие ученики школы. Зрители были под впечатлением спектакля «А зори здесь тихие». Главная мужская роль в театрализованной постановке «А зори здесь тихие» досталось председателю районного Совета ветеранов Василию Гришаеву. Артисты сыграли свои роли очень натурально и талантливо. Премьера удалась.

Проекты готовились четырьмя группами:

1. «Подготовка к встрече экспедиции «Прощение и память»:

Денисова Ирина Николаевна, (учитель Сосновской ООШ)

Комарова Надежда Васильевна, (учитель Сосновской ООШ)

Деева Ирина Фёдоровна, (учитель Сосновской ООШ)

Соснин Дмитрий, (ученик 5-го класса Сосновской ООШ),

Гассельбах Дарья, (ученица 6-го класса Новоюгинской СОШ),

Лапов Андрей Владимирович, (ученик 11-го класса КСОШ №2)

2. «События и люди»:

Трей Виктория, (ученица 4-го класса Сосновской ООШ)

Трей Илья, (ученик 3-го класса Сосновской ООШ)

Лучина Ангелина, (ученица 3-го класса Сосновской ООШ)

Кочурова Екатерина, (ученица 9-го класса Сосновской ООШ)

Паскал Софья, (ученица 7-го класса Сосновской ООШ)

Чуянова Мария, (ученица 9-го класса КСОШ №1)
Лукин Виталий, (ученик 7-го класса КСОШ №2)
Шашель Ирина (корреспондент газеты «Северная правда»)

3. «Событие дня»:

Грицына Никита, (ученик 3-го класса Сосновской ООШ)
Деев Сергей, (ученик 3-го класса Сосновской ООШ)
Новосельцева Галина Викторовна, (учитель Сосновской ООШ)
Оленёва Катя, (ученица 3-го класса Сосновской ООШ)
Рейс Кристина, (ученица 9-го класса КСОШ №1)
Сергеева Вера Васильевна (п.Каргасок)

4. «Прошлое и настоящее с. Сосновки»:

Фёдорова Т.И., (учитель Новоюгинской СОШ)
Деев Михаил, (ученик 9-го класса Сосновской ООШ)
Фролова Татьяна, (ученица 9-ого класса Сосновской ООШ)
Геймбух Кирилл, (ученик 8-го класса КСОШ №1)
Чердынцева Виктория, (Новоюгинская СОШ, 7 кл)

Ученики показали себя в работе над проектом активными, инициативными. Равнодушных не было. Взрослые и дети получили практику работы над проектами и их защитой.

Было принято решение показать проекты населению 30 октября, в день памяти жертв сталинских репрессий.

Свои впечатления о работе экспедиции «Прощение и память» на Сосновской земле люди отразили в «Книге отзывов».

Прощание были тёплым: за этот короткий день работы экспедиции «Прощение и память» на Сосновской земле её участники сдружились и надеялись, что встреча эта была не последней.

Часовня - памятник в с. Сосновка

**Вениамин Анисимович Колы-
халов**, Томский поэт и писатель.
Участник экспедиции «Прощение и
память - 2007»

(г. Томск)

*Делаю у детства остановку.
Катер связи в прошлое привёз.*

*У протоки тихую Сосновку
Спас Господь от времени и гроз.*

*Все мы свахе-времени неровня.
Век помянет нас за упокой.*

*Выросла на кладбище часовня,
Охраняет мертвенный покой.*

*Не устал с упорной дурью биться.
Не согнула буря, как лозу.*

*Мама, мама, я опять землицу
Со святого места увезу.*

*Погорю над песочным прахом.
Боль сквозная существо пронзит.*

*Пролетел над прошлым быстрым махом
Память предоставила транзит.*

*Ласточки резвиться не устали.
Над протокой облако дымком.*

*Летние разнеженные дали.
Время катит свой бесшумный ком.*

В 2000 году в селе Сосновка была построена единственная в Каргасокском районе часовня в память жертвам сталинских репрессий. Эта часовня была возведена на деньги человека, семья которого пострадала от сталинских репрессий, Михалева Василия Григорьевича.

В 1998 году, через 45 лет после последнего посещения родной Сосновки, Василий Григорьевич приехал туда с целью построить часовенку в память о невинно пострадавших людях в годы репрессий. Он привёз два варианта проекта, которые выполнил архитектор специально по его заказу для сельского кладбища. Председателем сельсовета был тогда Трей Владимир Егорович. Совет выбрал наиболее простой вариант. Деньги на полное строительство часовенки Василий Григорьевич ему оставил. Обеспечение лесоматериалом взял на себя сельсовет.

Второй раз в Сосновке Василий Григорьевич был в 2000 году, когда часовенка была построена. Покрыта часовенка была досками. Он попросил покрыть её железом и через Жукову Зинаиду Васильевну передал деньги. У них он и останавливался, за что очень благодарен им. Василий Григорьевич собирается приехать в Сосновку, чтобы прикрепить памятную доску с надписью:

«Настоящая часовня построена в память невинно пострадавших в годы репрессий 1932 — 1953 годы».

Памятную доску Василий Григорьевич уже заказал, и как только она будет готова, он вышлет её в Сосновку.

На фотографии слева направо Михалёв Василий Григорьевич и Широков Василий Иванович. Родители Василия Ивановича тоже были сосланы из Новосибирской области в наши края

Из воспоминаний Михалёва Василия Григорьевича

«В мае 1932 года моих родителей, Михалёва Григория Павловича 1905г. рождения, Михалёву Фёклу Николаевну, 1905г. рождения, их детей, Анастасию, 7 лет от роду, Михаила, 1 год и 8 месяцев и их родителей, Михалёва Павла Васильевича, его жену, Любовь, их детей, Семёна и Прасковью, привезли на барже из Томска. Баржу причалили к берегу и всех выгрузили в тайгу. В основном это были крестьяне из Алтайского края. Отобрали

у них всё (раскулачили) и отправили на погибель за то, что они хорошо работали на земле. Как рассказывала мама, первые два года было особенно трудно, многие умерли от голода. Крестьяне знали, что зима не за горами, они начали строить землянки прямо на берегу и первую зиму провели в землянках. Одновременно начали валить лес и строить дома. Мне не хочется останавливаться па этом более подробно, но когда мама вспоминала эти годы, она плакала, рассказывая. Потом создали колхоз, так как для колхоза государство давало рабочий инвентарь. Деревня начала набирать силу.

В 1941 году началась война. Первое лето на фронт никого не брали. Летом 1942 года большую часть мужчин взяли на фронт, в том числе и нашего отца. Нас осталось пятеро детей. Самой старшей было 16 лет, а самой младшей полтора года. В 1943 году отец погиб. В 1990 году я нашёл братскую могилу на курском выступе и с тех пор через 2-3 года мы посещаем её с нашими детьми и внуками.

На кладбище в Сосновке похоронены бабушка Любава, в 1935 году, и дедушка Павел, в 1953 г., в одной ограде и младшая сестра Нина, в 1943г.

В 1945 году нам разрешили выехать в Кузбасс к родителям мамы. В Сосновке остались брат отца - Михалёв Семён Павлович с семьёй (он вернулся раненым с фронта в 1944 году) и сестра отца, Несмеянова Прасковья Павловна, с семьёй. В 1953 году они переехали в Вертикос, где и похоронен дядя. Тётя похоронена в Томске. Мой брат Михаил погиб в 1950 году на границе. Старшая сестра Анастасия умерла в 2005 году в г. Калтан, Кемеровской области. Мама умерла в 1978 году в посёлке Майна в Хакасии. Моя младшая сестра Рая живёт в посёлке Майна.»

Оксана Анатольевна Жукова.
Тележурналист КСТВ, редактор
муниципальной газеты «Северная
правда»

(с. Каргасок)

Могильный яр: между настоящим и прошлым

Могильный яр, Путь Севера, Смирновка... Всё это названия одного и того же населённого пункта. В 33-ем году прошлого века он стал именоваться Новым Васюганом.

Пожалуй, невозможно отыскать на карте Каргасокского района более привлекательной для исторических исследований территории.

Испокон веков и до начала сталинских репрессий в Могильном яру предавали земле тела умерших коренных жителей Сибири, а сразу же после того, как завертелись жернова беспощадной политической машины, в патриархальный и нетронутый таёжный край пришли первые баржи... Их невольными пассажирами, которые были измучены и истощены многодневным путешествием в неизвестность, стали сотни тысяч «спецов», высланных из обжитых мест в сибирскую тайгу по велению «отца всех народов».

Нововасюганские старожилы могут о многом рассказать. В их надрывных монологах всё ещё живут страх, боль и тотальная безысходность. Они не в силах были что-либо изменить. Они должны были научиться выживать для того, чтобы годы спустя жили их дети и внуки.

Вспомнить всё...

На протяжении трёх последних лет на территории Каргасокского района действует проект «Прощение и память». Он направлен на изучение истории родного края, а в частности одной из самых печальных её страниц.

Долгие годы тема репрессий хранилась под грифом: «Совершенно секретно». Прошли годы... Коренным образом поменялась политическая и социально-экономическая формации страны. Сегодня можно во всеулышание говорить о том, о чём в 30-е и 40-е годы предыдущего столетия непозволительно было даже думать.

«Прощение и память» - плод исследовательского и интеллектуального труда ребят школьного возраста. Он родился в январе 2006 года на семинарах практической истории. Правнуки раскулаченных крестьян и ссыльной интеллигенции пожелали прикоснуться к прошлому своей малой родины собственными руками. И оказалось, что это вполне реально. Разработанный группой школьников гуманитарный проект поддержал глава Каргасокского района Анатолий Рожков. По решению депутатов районной думы третье лето подряд на организацию васюганских экспедиций выделяются солидные суммы из казны района. Проект живёт. Проект действует.

В прежние годы конечными пунктами на карте следования экспедиции становились Мыльджино и Тевриз. Этим летом сбылась заветная мечта координаторов и участников проекта: им повезло побывать на Нововасюганской земле накануне её

75-летнего юбилея. Школьники с воодушевлением перелистывали пожелтевшие от времени страницы истории села.

Третий по счёту этап длился четыре дня. Сразу же после авиаперелёта по маршруту Каргасок - Новый Васюган была организована встреча с населением. С первых её аккордов стало абсолютно ясно, что живущие ныне в селе люди - кладёзь бесценной исторической информации.

Нововасюганцы преклонного возраста рассказывали о себе, о родных и близких. Все повествования неразрывной нитью были связаны с историей основания Нового Васюгана. Не забыли старожилы упомянуть и о том, что в прежние стародавние времена люди опасались не только немилости со стороны спецкомендатуры. Непреодолимый страх и неподдельный ужас многие «враги народа» испытывали перед так называемым Разбойничьим яром и широко известным в те годы беженцем Власовым, который беспощадно убивал и грабил безобидных путников. Многогранно и необъятно прошлое Васюганья. В нём заключено много трагедий. Воспоминания обо всех этих мытарствах и злоключениях свято хранит коллективная память... равно как и яркие, ослепляющие вспышки света...

Третий день экспедиции был ознаменован уникальным событием. Участников проекта допустили до святая святых. В литературной гостиной учителя и ученики Нововасюганской школы поведали о главном богатстве таёжного края – о тех людях, которые своей лёгкой поступью вписали удалённое от большой земли село в список уникальнейших территорий.

Неизгладимый след в историческом наследии Нового Васюгана оставил Калью Калисмаа. Лучшие годы его жизни прошли в Айполово. Дом и усадьба этого человека много лет были символом мастерства, трудолюбия и терпения. Калью Константинович сумел приручить неласковый таёжный край. Он подарил ему радость цветения роз.

До 17 лет сын объявленного в 1941 году неблагонадёжным члена Верховного суда республики жил в эстонском городе Нарва. Заклеймённая семья Калисмаа была сослана в Сибирь. Спустя несколько месяцев отец Калью Константиновича погиб в лагере, в тот же день - 21 декабря 1941 года - на Айполовском кладбище была похоронена его мать.

Неласковой была Сибирь. Чужой. И всё же в момент расставания с ней Калью Калисмаа не скрывал своих слёз. За долгие годы он прикипел душой и сердцем к суровому сибирскому краю. Показанные участникам экспедиции кадры видеофильма – яркое тому подтверждение. Бывший спецпереселенец протягивал к удаляющейся от него айполовской земле руки, а затем поднимал их к небу... Момент прощания стал тяжёлым испытанием для бывшего узника Сиблага.

Яркой звездой на нововасюганском небосводе коллективной памяти сияет имя поэтессы Марии Карамзиной. Когда-то ею восхищался сам Иван Бунин. Вадим Макшеев оставил в наследство потомкам «спецов» свои воспоминания об этой удивительной женщине. Томский писатель хорошо помнит последнюю весну Карамзиной.

...Исхудавшая и отчаявшаяся, она понимала, что никогда больше не увидит своего мужа и старшего сына, что не в силах спасти двух своих младших детей. Бунин, поэзия, прошлая жизнь - всё это ушло, а впереди была только смерть...

17 мая 1942 года в Новом Васюгане трагически закончилась ещё одна история жизни...

Никита Брагин: «Не могу забыть...»

В Волково в момент освещения поминального креста немолодой мужчина бесшумно опустился на одно колено. Он несколько раз перекрестился и еле слышно произнёс: «Господи, пусть те годы страшные больше никогда не повторятся...»

Никиту Брагина вместе с отцом и матерью, сёстрами и братьями сослали в Сибирь из Красноярска в 1932 году. Тогда он был годовалым ребёнком. Вместе с Брагиными у берегов Огнева яра высадили ещё около полсотни спецпереселенцев. «Привезли нас на поселение в октябре месяце по последней воде. Отец мой на скорую руку вырыл землянку. В ту первую, самую страшную зиму, наша семья выжила. Холода стояли 50-ти градусные. Не чета нынешним. Птицы на лету замерзали, - рассказывает Никита Васильевич. - Пережил я на своём веку многое. Не дай Бог никому! Работать начал с семи лет. Мы, дети, ягоду брали, картошку садили... отдыхать некогда было. Бригадир приходил в дом и говорил моей матери, что, мол, если не отпустишь малолеток своих на работу, то сгною тебя в тюрьме. Как вспомню то время, так слёзы на глаза наворачиваются. Впервые хлеба досыта наелся, когда в армии служил».

Мать Никиты Брагина похоронена в Волково. Так ею было завещано. Просила детей своих упокоить прах её рядом с могилкой старинной подруги. Они вместе были сосланы в суровый таёжный край. Путь от Нового Васюгана - там живёт Никита Васильевич - до Волково не близкий. Но на могиле у матери он бывает достаточно часто. Когда узнал о том, что снаряжается гуманитарная экспедиции, не раздумывая ранним утром отправился на берег Васюгана. У Брагина была двойная миссия. Во-первых, он возложил венок на могилу матери своей. Во-вторых, собственными глазами увидел, как был установлен крест в одном из посёлков, из числа основанных спецпереселенцами... ныне стёртых с лица Нововасюганской земли.

Рената Таарде: «Чужих надгробий не бывает...»

Эстонцы Таарде и Макшеевы... Для этих семей 1941 год стал настоящей трагедией.

Отец известного томского писателя погиб в концлагере на северном Урале. Мама и четырехгодовалая сестрёнка Света умерли в Новом Васюгане. По сей день в небольшом сельском сквере, который в годы массовой ссылки служил погостом для многих невинно загубленных людей, установлен надгробный крест. Ухаживает за дорогой сердцу Вадима Макшеева могилкой репрессированная эстонка - Рената Таарде.

В Новом Васюгане эта женщина живёт с 1942 года. Первоначальным местом высылки был Дальний Яр, расположенный в километре от Айполово. «Из дома нас взяли, когда мне исполнилось 13 лет, - вспоминает Рената Рудольфовна. - По дороге к месту ссылки я встретила своё 14-летие. Помню всё до мелочей... Сначала везли нас в поезде, как скотину... в закрытом от солнечных лучей вагоне. В Новосибирске пересадили на баржу. Её до Нового Васюгана катер тянул нестерпимо долго... Незавидной была судьба моего отца. Пять лет он сидел в тюрьме, затем его отправили в лагерь... За годы бесконечных скитаний настолько намучился родной мне человек, что застрелил сам себя. Это случилось в 1956 году».

С Вадимом Макшеевым эстонка Таарде познакомилась в 1943 году. Он тогда работал в колхозе счетоводом. Молодой и красивый русский эстонец частенько приезжал в Новый Васюган с отчётами. Впоследствии случайное знакомство станет для писателя олицетворением Нововасюганской земли и всего того, что с ней связано. «Время от времени пишет мне письма Макшеев. На именины матери своей просил сходить на могилку, - рассказывает Рената Рудольфовна. - Принесла цветы. Передала привет. Посмотрела внимательно, всё ли ладно в скверике. Удостоверилась в том, что всё в порядке. И отправилась в обратный путь, домой».

К надгробью Ольги и Светланы Макшеевых бывшая спецпереселенка приходит не только когда её об этом просят. Так говорят нововасюганцы. Единственная из эстонцев она в селе осталась.

Кто-то погиб в лихую годину, иные вернулись на Родину. Эстонка Таарде заботливо укладывает цветы на могилке и почти шёпотом произносит сакраментальные слова: «Зачем хожу сюда?! Ну, а как же иначе?! Мы же эстонцы. Как не ходить?.. Мама моя в Айполово похоронена. В 42-ом году она умерла. А я ведь даже и не знаю, где её могила. Очень больно мне от того, что нет креста, которому могла бы я поклониться».

Не первый год живёт в Томске ссыльный русский эстонец, а ныне писатель Вадим Макшеев. Областной центр и отдалённое село Каргасокского района разделяют сотни километров васюганских болот, таёжной глуши и автомобильных дорог. А связь не растрачена. Не утеряна. Помнит о месте своей ссылки Макшеев. Подтверждением этому служат его «Нарымские хроники», «Спеццы» и другие произведения. Помнят о том, что известный писатель долгие годы жил на Васюганье, жители сибирского края. Прочная нить общих воспоминаний способна преодолеть любые расстояния. Её не разорвать течением времени и километрами непроходимых дорог.

Нельзя прожить без покаяния

Слова эти уже давно стали лейтмотивом гуманитарного проекта. За прошедшие три года на берегах печально известного Васюгана установлены около 40 памятных знаков. Каждый из них освящён служителями православной церкви.

«В этом году Новый Васюган отмечает 75-летие с момента основания, - в преддверии скорого прощания сказал Александр Кергандт, глава Нововасюганского сельского поселения. – В своё время был он районным центром. В нашем краю базировалась спецкомендатура. С одной стороны, - это печальные страницы в истории нашего села, а с другой - это ИСТОРИЯ, которую нельзя забывать, которую следует помнить».

Крестный ход от церкви до памятника репрессированным и поминальный обед стали завершающими, но отнюдь не последними этапами нововасюганской вахты памяти. На четвёртый день участники проекта продемонстрировали жителям села пять исследовательских работ и фотоальбом, в который вошли самые важные и значимые фотоснимки.

По итогам нововасюганской экспедиции координаторы проекта планируют издать новый сборник. Школьники будут трудиться над созданием своих самых лучших и ёмких краеведческих работ.

Экспедиция завершилась, но реализация проекта «Прощение и память» всё ещё продолжается.

В Айполово у поминального креста, установленного участниками гуманитарной экспедиции, Валентина Михайловна Зарубина дала обещание: «Независимо от того, будет или не будет финансироваться проект в дальнейшем, я продолжу начатую работу». Эти слова говорят о том, что Новый Васюган - не последняя страница в летописи ученического проекта, разработанного три года назад на январских уроках практической истории.

Вечная память...

Реконструкция событий прошлых лет - казённая фраза, но очень ёмкая и важная...

Второй день экспедиции позволил участникам проекта, учителям и ученикам Нововасюганской школы, прочувствовать историю родного края и дотронуться до неё собственными руками.

В шесть часов утра на барже взрослые и дети отправились в долгий путь по Васюгану. Чайные волны реки тихо плескались за бортом. Они казались совсем ручными... безобидными... Смирненно приняли в свои объятия венок, который был спущен на воду в память о жертвах политических репрессий.

Первым пунктом стоянки речного «каравана памяти» стал посёлок Волково. Впрочем, посёлком это место теперь трудно назвать. На крутом яру нет ничего, что напоминало бы о прежней жизни. Кругом густая трава и бездонное небо, как будто связанное на горизонте в крепкий узел с чёрной речной водой.

Крест установили на самом краю крутоярья. Священнослужители нововасюганской и каргасокской церкви освятили его и отслужили литию в память о погибших.

... Второй памятный знак поставлен в Айполово на том месте, где вплоть до 20-х годов прошлого века возвышались своды православной церкви. «В разрушенный в годы Советской власти храм люди съезжались со всей округи, - такую историческую справку дал участникам экспедиции Валерий Караулов, местный житель. - В церкви крестили младенцев и отпевали усопших... Когда-то давным-давно Айполово считали остяцкой столицей. Издалека приезжали сюда купцы за пушниной».

Перелистнув эту страницу истории, попадаешь в абсолютно иной мир. Мир политических репрессий, массовой ссылки, бездонного, как чёрные воды Васюгана, человеческого горя.

«Сейчас в Айполово насчитывается всего девять дворов, - продолжает свой рассказ Валерий. - Опустел посёлок. А ведь раньше в этих местах многолюдно было. Был здесь интернат для детей спецпереселенцев. Местным и ссыльным людям нечего было делить. Хотя власти и пытались нас посорить... В Новом Васюгане живёт Василий Яковлев, он был сослан с Алтая. Так вот, Василий Иванович мне бесплатно отдал коня. Ради благодарности. За то, что мои предки помогли ему выжить. У ссыльных не было ни инструментов, ни снастей... Коренные жители чем могли, тем им и помогали. И словом добрым помощь оказывали, и делом».

На обратном пути школьники взахлёб делились друг с другом своими впечатлениями. Постоянная участница проекта Мария Чуянова говорила о том, что надолго запомнит момент установки

крестов. Её переполняло чувство гордости. Ведь она (!) была причастна к большому делу, имя которому «историческая справедливость и память потомков».

Другой неизменной помощнице координаторов гуманитарного проекта «Прощение и память» Кристине Рейс врезался в память пройденный на барже маршрут. Его в 30-е и 40-е годы прошлого столетия преодолели тысячи «врагов народа».

- В самом начале наше путешествие напоминало обыкновенную речную прогулку, – улыбаясь, рассуждает Кристина. - Да, мы шли по Васюгану на барже, так же, как и репрессированные женщины, старики, мужчины, дети. Но ведь у нас, в отличие от спецпереселенцев, было много еды... Вокруг замечательные пейзажи... Можно сказать, что долгую дорогу от Нового Васюгана до Айполово мы прошли в тепличных условиях... И только в конце обратного пути внезапно нахлынула усталость. Вот тогда пришло осознание того, насколько тяжело было тем людям, которых везли в Сибирь против их воли.

Координатор проекта Валентина Михайловна Зарубина наверняка поставила бы своим ученицам оценку «отлично». Пусть реконструкция событий прошлых лет была неполной. Но даже такого комфортного урока практической истории девочкам было вполне достаточно для того, чтобы по-настоящему понять... и прочувствовать...

Диалог с прошлым

30 октября - этот день в России называют Днём памяти

Именно 30 октября на протяжении ряда последних лет граждане великой страны всех поколений перелистывают чёрные страницы отечественной истории, повествующие о политических репрессиях 30-х и 40-х годов прошлого столетия.

В канун памятной даты в Томске состоялась презентация муниципального проекта «Прощение и память».

Вечная память

Три года на территории Каргасокского района действует инициативная группа по реализации муниципального проекта. Отношение к её гуманитарной миссии всегда было неоднозначным. По сей день то тут, то там раздаются высказывания вроде этого: «Кому и зачем такая работа нужна?.. Не затянулась ли вахта коллективной памяти?..» Рассуждать о нужности или, напротив, ненужности большого дела, основанного на стремлении воссоздать правдивую историю родного края, можно бесконечно. При желании найдутся доводы как «за», так и «против» практического изучения темы политических репрессий... Однако жизнь показала, что все скептические высказывания разбиваются вдребезги о человеческую память... память вечную.

Много человеческих судеб искалечили, перемололи, безжалостно перекроили жернова политических репрессий. Вадим Макшеев в те страшные годы потерял всю свою семью. В небольшом нововасюганском скверике возвышается памятный крест. Он установлен на могиле младшей сестры и мамы известного томского писателя. Видеосъемку, сделанную во время последней летней экспедиции по Васюганью, Вадим Николаевич смотрел со слезами на глазах:

- Глядя на эти кадры, просто не мог сдержать слёз. На Васюганье я прожил долгих 20 лет. Потом обосновался в Томске... Знаете, когда в 1986 году я вновь приехал в Новый Васюган и пришёл на тот клочок земли, где в годы репрессий были похоронены тысячи и тысячи людей, и от которого остался маленький заросший травой островок, в ту минуту я тоже плакал. Я подумал, неужели всё будет забыто, неужели страшное прошлое страны уйдёт безвестно в вечность?! И когда потом, через десяток лет, благодаря помощи и поддержке многих людей, в Новом Васюгане удалось установить памятник репрессированным, решил, что историческая справедливость восстановлена. Даже и не думал о том, что благое дело когда-нибудь найдёт продолжение... Но прошли годы и эстафету подхватили прекрасные, милые учительницы, а также их ученики - они не остались равнодушными к нашей горькой правде. Я благодарен и низко кланяюсь всем участникам проекта «Прощение и память».

Из этих и других личных воспоминаний складывается правдивая история о прошлом целой страны. Такие рассказы, прозвучавшие из уст спецпереселенцев, «врагов народа» и их потомков, возвращают ныне живущее поколение в те дни, которые по определению великого писателя Бунина стали днями «злобы и страданий», которые нельзя забывать.

Томская презентация

Для жителей Каргасокского района, удалённого на сотни километров от города Томска, тема политических репрессий спустя долгие десятилетия по-прежнему остаётся особенной, животрепещущей, важной... Во-первых, потому что в прежние годы север Томской области был частью Сиблага. Во-вторых, потому что именно в Каргасокском районе проросли ростки гуманитарной миссии.

- Родился наш проект в январе 2006 года, - такими словами открыла томскую презентацию Валентина Михайловна Зарубина, координатор проекта «Прощение и память». - Он получил одобрение и финансовую поддержку со стороны депутатов районной думы, администрации района и лично главы Анатолия Михайловича Рожкова. О том, что мы находимся на правильном пути, все поняли уже с первых наших шагов.

На презентации в городе Томске школьники и их учителя рассказали о своей гуманитарной миссии и продемонстрировали исследовательские работы, основанные на краеведческом материале, собранном в ходе трёх летних экспедиций по Васюганью. В зрительном зале собрались томские писатели (Вадим Макшеев, Вениамин Колыхалов, Валентин Решетько), те, что родом из репрессий, служители православной церкви и студенты Томской духовной семинарии, представители общественных организаций, каргасокской диаспоры и органов власти. Все эти люди стали участниками живого диалога с прошлым.

- Когда был дан старт муниципальному проекту, я сразу сказал и себе, и участникам проекта, что мы делаем это не для того чтобы кого-то осудить или очернить, - подчеркнул в своём выступлении глава Каргасокского района, - а для того чтобы молодое поколение помнило историю своей малой родины, своей страны, чтобы наши дети не забывали о трагических событиях прошлых лет. Пройдёт совсем немного времени и сегодняшние школьники станут учителями, врачами, политиками... И если они будут знать историю, если они сделают для себя выводы, то политические репрессии прошлых лет никогда не повторятся.

За время действия гуманитарного проекта «Прощение и память» на Васюганье в память о жертвах политических репрессий установлено более сорока памятных знаков, участниками летних экспедиций собран богатейший исторический материал и оформ-

лен в исследовательские работы - всё это свидетельствует о том, что коллективная память не поросла травой забвения.

- Когда мы присутствуем на презентациях подобных проектов, невольно возникает вопрос об их цели, - сказал епископ Томский и Асиновский Ростислав. - Кому нужно всё это? Нужно ли это тем людям, которые прошли через страшные испытания и ушли в вечность? Эти люди оказались верны своим идеалам, своему призванию и в трудную минуту не предали всего того, ради чего жили на этой земле. На одном древнем памятнике - он находится в Троице-Сергиевой Лавре - есть такие замечательные слова, написанные ещё в 18-ом веке митрополитом Платоном Левшиним: «Они на небесах - им слава не нужна...» Тем, кто ушёл в вечность, не нужна наша слава... То, чем занимаются участники гуманитарного проекта, является важным и значимым для нас с вами. И особенно для молодого поколения. Большое дело по изучению чёрных страниц отечественной истории свидетельствует о духовном возрождении России.

Гимн проекта «Прощение и память» с томской сцены прозвучал громко и весомо. Школьники и их учителя верны себе. «Белых пятен в истории быть не должно», - считают они и продолжают бороться с травой забвения, по крупицам собирая сведения на обрывках старых газет, складывая воедино воспоминания разных людей, изучая архивные документы и музейные реликвии...

Вахта памяти

30-го октября координаторы проекта и школьники приняли участие в большой вахте памяти.

Живые цветы, зажжённые свечи, митинг, напоминающий поминальную молитву, - всё это неизменные атрибуты Дня памяти о жертвах политических репрессий.

Камень скорби расположен в самом центре города Томска. Отчего и почему? Ответы на эти и другие вопросы получаешь сразу

же после того как внимательно оглядишься по сторонам. В нескольких шагах от памятного знака возвышается немой свидетель давно минувших дней - Следственная тюрьма НКВД. Сейчас это мрачное здание не вызывает ни ужаса, ни страха. А в 30-х и 40-х годах прошлого столетия всё было иначе. Именно в нём выносили приговоры «врагам народа». Многие из них расстреляны где-то на Каштаке, иные умерли в лагерях для политзаключённых. А те, кто выжил, выстоял, уцелел в годину страшных гонений, вместе со своими детьми, внуками и правнуками каждый год 30-го октября приходят в небольшой томский Сквер памяти для того, чтобы поклониться людям, которым не суждено было выдержать страшную схватку с системой государственной безопасности и безжалостной машиной политических репрессий.

...Экскурсия по музею Следственной тюрьмы НКВД для участников проекта «Прощение и память» стала событием незабываемым. В старом неприметном здании по сей день живёт сосредоточение человеческой боли и несгибаемого духа... в нём тусклый свет, железные решётки на окнах и глухие двери, не приоткрыв которые, рискуешь окунуться в историческое беспамятство...

Завершился день пребывания в областном центре визитом в Томскую духовную семинарию. Участники гуманитарного проекта посетили музей, в котором собрана уникальная коллекция икон и другой церковной утвари.

А затем, сидя за накрытым столом, каргасокские школьники и учителя говорили со студентами семинарии и участниками молодёжного православного движения о проекте «Прощение и память», а также о необходимости духовного возрождения страны с печальным прошлым и, безусловно, светлым будущим.

Валентина Павловна Егорова.

Учитель русского языка и литературы, высшей квалификационной категории, директор Нововасюганской СОШ, краевед-любитель, в 2005, 2006, 2008 за краеведческую работу отмечена грамотами УООиП, ООО «Томсктрангаза», главы Нововасюганского сельского поселения. Своим воспитанникам старается передать ощущение связи эпох и времён, сущность исторических фактов, явлений и чувство причастности к истории через краеведение.

Судьбе наперекор

В июне этого года Нововасюганская школа приняла участие в гуманитарном проекте «Прощение и память». К этому событию учителя и ученики готовились основательно.

Заезд экспедиции «Прощение и память» совпал с юбилейной датой - 75-летием с момента основания Нового Васюгана, история которого неразрывно связана со сталинскими репрессиями тридцатых годов.

Большая работа была проделана в школьной библиотеке. Воротынцевой Л.Е. подготовлены альбом и выставка, посвящённые истории нашей малой родины. В красочно оформленной столовой гости села и школы могли познакомиться с сочинениями ребят,

все они рассказывали об исторических корнях Нововасюганской земли.

Всего в мероприятиях, прошедших в рамках проекта «Прощение и память», приняли участие более тридцати учащихся и двадцати педагогов нашей школы. Учителя совместно с учениками провели деловую игру, в процессе которой посетили семьи местных старожилов: Богер, Шлейхер, Таарде, Казанджи, Седельниковых, Мордвиновых, Яковлевых... Собран уникальный видеоматериал, рассказывающий о судьбах старейших жителей села, об истории Нового Васюгана. В результате деловой игры появилось несколько краеведческих проектов, работа над которыми продолжится в наступающем учебном году.

20 июня учащиеся Нововасюганской школы: Морозов А., Папок А., Петухов В., Попов С., Гараев М., Буйневич Л., Ильенков И., Бабенко Л., Осипова Л., Рыжкова Н. - совместно с жителями села и участниками экспедиции «Прощение и память» побывали в Айполово и Волково, где были установлены кресты и скамейки памяти.

Ученицы 9 «б» класса: Кондрашова А., Каргина Л., Петухова Н., Николаева Ж., Додух Я., Шичанина Н. - приняли участие в программе Литературной гостиной «Судьбе наперекор». Они представили фрагменты «Нарымской хроники» В. Н. Макшеева, а также рассказали присутствующим об истории создания памятника репрессированным в Новом Васюгане. С величайшей нежностью и болью поведали участники Литературной гостиной о судьбах своих родных, сосланных в необжитый Васюганский район в тридцатые годы прошлого столетия.

О своей бабушке Л. Я. Финк рассказала Л. М. Папок:

- Трудиться она умела. Поэтому-то и вынесла худенькая, невысокая Лида тяжёлый, неженский труд в колхозе и на заготовке пихтовой лапки. Два центнера таких лапок надо было за сме-

ну нарубить и натаскать. За доблестный труд во время Великой Отечественной войны Лидия Яковлевна награждена юбилейной медалью.

Из уст заведующей школьной библиотекой Л. Е. Воротынцевой участники проекта «Прощение и память» услышали трогательную историю жизни её матери Бакасовой А. И., которая в семилетнем возрасте была сослана в Васюганский район Томской области. В с. Айполово закончила семилетку, вышла замуж. В 1959 году семья переехала в Новый Васюган, где Анна Ильинична работала в коопзверопромхозе: сначала техничкой в магазине, а затем продавцом.

Э. А. Алексеева поведала о непростой судьбе своей матери Р. Р. Таарде:

- С 1943 года, оставшись одна в сибирском краю, Рената начала строить свою жизнь в Новом Васюгане. С пятнадцати лет валила лес по пояс в снегу, пилила и колола дрова в коммунхозе. Сейчас она по-прежнему живёт в Новом Васюгане, который стал её второй родиной.

О великой труженице, своей матери В. Ф. Долговой рассказала Н. П. Долгова:

- Любая работа была ей по плечу. Многие специальности освоила и всегда была в почёте. Ветеран войны и труда, судьбе наперекор выжившая, выстоявшая в тяжелейших условиях лихолетья.

Славную историю своих родителей А. П. и А. Б. Богер собрала воедино Л.А. Супонина:

- Александр Павлович и Анна Бергардовна Богер (в девичестве Винс) были сосланы в Сибирь в разные годы. Но судьба соединила их именно в Новом Васюгане. Как и всем спецпереселенцам,

им приходилось заниматься непосильным трудом, чтобы выжить. А.П. Богер оставил уникальные воспоминания об истории создания Нового Васюгана, которые по сей день хранятся в сельской библиотеке.

Мне самой довелось рассказать в Литературной гостиной о судьбе бабушки - М.Ф. Халевой, оказавшейся в суровом сибирском краю в тридцатые годы.

Маленькую Машу мать отдала в няньки. За кусок хлеба она проработала у чужих людей три года, а в двенадцать лет попала на пихтовый завод. Однажды Маша упала с пихты. Больную, с распухшими ногами, девочку увезли домой. Вылечила её мать - Анастасия Евстафьевна - народными средствами: грела в русской печи.

В 1960 году Мария Фёдоровна устроилась работать в школу техничкой, где проработала до 1973 года, откуда и ушла на пенсию. Много трудностей и лишений довелось пережить нашим родным. Но наперекор судьбе выжили они и выстояли. А потом, спустя годы, научили нас терпению, мужеству и стойкости.

В 2000 году нашу Васюганскую землю покинул последний спецпереселенец из с.Айполово - Калью Константинович Калесмаа. Здесь прошли его детство, юность, молодость. Здесь он встретил старость. Навсегда прикипел Калью Константинович душой к нашей сибирской тайге, суровому сибирскому краю. Дом Калесмаа долгие годы был символом мастерства, трудолюбия, терпения и мужества русского мужика эстонского происхождения. Сколько лишений и горя довелось испытать Калью здесь, в Сибири, но ещё тяжелее было расставаться с землёй, которая стала навеки родной.

С историей Нового Васюгана связаны судьбы известных, замечательных людей.

На кладбище спецпереселенцев, где теперь расположен памятник репрессированным, покоится прах матери и сестры си-

бирского писателя В.Н. Макшеева. В 2005 году по его инициативе был установлен крест с памятной табличкой.

На Васюганской земле похоронена М. В. Карамзина, которой всемирно известный писатель И. А. Бунин писал: «Мысленно целую вашу руку. Да хранит вас Бог!». Марию Владимировну сослали в с.Волково из далёкой Эстонии. Её мужа, В. А. Карамзина - потомка знаменитого русского писателя - расстреляли в Таллине. Сама М. В. Карамзина умерла от голода в Новом Васюгане в 1942 году.

Участие в проекте «Прощение и память» позволило нам, нововасюганцам, вновь обратиться к трагической истории села, прикоснуться сердцем к судьбам людей, переживших страшные годы сталинских репрессий.

20 июня учащиеся и педагоги школы вместе с жителями Нового Васюгана и участниками гуманитарной экспедиции совершили Крестный ход к памятнику репрессированным. Специально к этому дню ребята изготовили плотки памяти, которые спустили на воду реки Васюган.

Поминальный стол, организованный в школьной столовой 22 июня, объединил всех гостей и жителей села. По его окончании участники экспедиции представили наглядные результаты своей работы всем присутствующим: красочный фотоальбом и проекты, рассказывающие о судьбах спецпереселенцев Васюганского района.

Огромное спасибо организатору проекта В. М. Зарубиной, педагогам Т. И. Фёдоровой, С. Р. Кереджи Оглы, руководителю краеведческого отдела ДДТ В. В. Сергеевой, священнику Спасской церкви Каргаска О. Феодору, редактору районной газеты «Северная правда» О. А. Жуковой, телеоператору КСТВ С. В. Сычёву, а также всем учащимся, приехавшим в Новый Васюган с гуманитарной миссией.

Хочется отметить педагогов Нововасюганской школы, которые приняли активное участие в реализации третьего этапа проекта «Прощение и память»: Мартынову Т. И., Федюкову Т. И., Петухову Н. М., Буйневич А. В., Воротынцеву Л. Е., Долгову Н. П., Савину И. С., а также наших школьников: Ильенкова И., Морозова А., Хлюпова Р., Яничкина Я. Особая благодарность жителям села: Нестеровой Л. И., Паутовой Л. К., Поповой Е. М., принявшим участие в программе Литературной гостиной « Судьбе наперекор». Хочется также поблагодарить всех других нововасюганцев, которые были вместе с нами в дни работы экспедиции.

После отъезда гостей нововасюганские ребята поделились своими впечатлениями со своими учителями:

Ян Яничкин (10 «б» класс):

- Мы узнали настоящую правду о том времени. Многие подробности нам были неизвестны.

Нина Петухова (9 «б» класс):

- Я узнала о том, как установили памятник репрессированным в Новом Васюгане. Узнала много нового о судьбах спецпереселенцев.

Игорь Ильенков (9 «а» класс):

- В Волково было много гнуса, и я подумал о том, как, должно быть, тем людям пришлось тяжело в те далёкие годы.

Руслан Хлюпов (10 «б» класс):

- Я провёл время с пользой для себя и других людей, потому что проект «Прощение и память» касается истории нашего края.

Анастасия Кондрашова (9 «б» класс):

- Участие в проекте - оптимальный вариант выразить своё уважение к тем, кто основал наше село.

Четыре дня пребывания экспедиции «Прощение и память» в Новом Васюгане пролетели незаметно. Но остались воспоминания старожилов. Осталась память о людях, которые своим потом и кровью взрастили нашу многострадальную землю, оставив её нам, своим потомкам, в назидание.

Мы же должны сберечь её и передать будущим поколениям.

Кристина Рейс.

Правнучка репрессированных немцев Поволжья. Участница экспедиций «Прощение и память» с 2006 года. Ученица Каргасокской общеобразовательной школы №1.

Репрессированное детство

«Детство есть та великая пора жизни, когда кладётся основание всему будущему нравственному человеку.»

Николай Васильевич Шелгунов.

В последнее время общество всё чаще задумывается о будущем, о своих детях и преемственности поколений. Как следствие, стали активно появляться разнообразные статьи, книги, передачи, посвящённые детям, детской психологии и педагогике.

Детство играет важную роль в развитии ребёнка и становлении его как личности. Всё то, что было пережито в детские годы, оставляет неизгладимый отпечаток на всю жизнь.

Уже четыре года я являюсь активной участницей районного гуманитарного проекта «Прощение и память», который посвящён

теме сталинских репрессий 30-40-х гг. XX века. Полученные за это время знания по истории заставили меня иначе посмотреть на многое, сделать маленькие открытия, глубже понять смысл некоторых вещей. Также мне представилась возможность познакомиться и пообщаться с разными интересными людьми. Среди них есть и те, кто с детства стал «спецом» и знает не понаслышке что такое репрессии. Пётр Яковлевич Ранн, Вениамин Анисимович Колыхалов, Валентин Михайлович Решетько, Вадим Николаевич Макшеев, Виктор Никитьевич Новосельцев - вот далеко не полный список этих людей.

Пётр Яковлевич родился на Алтае в 1926 г. Спустя пять лет, в 1931, был сослан с семьёй на Васюган в п. Тевриз как «кулак». В 1941 году повторно сослан, теперь уже в верховья Васюгана в п. Берёзовка за то, что немец. В настоящее время живёт в Каргаске, пишет воспоминания о временах лихолетья, рисует схемы работы пихтового завода и сборку пихтовых веток для него.

Семья Колыхаловых разделила судьбу сотен тысяч несчастных крестьян, которых безжалостная машина сталинских репрессий вырвала из привычного круга жизни. После смерти родителей их осталось двое - двое братьев, Веня и Володя. Старожилы Сосновки до сих пор помнят их, скитающихся по округе, голодных, измученных, осиротевших. Через много лет Веня - поэт Вениамин Колыхалов, напишет такие стихи:

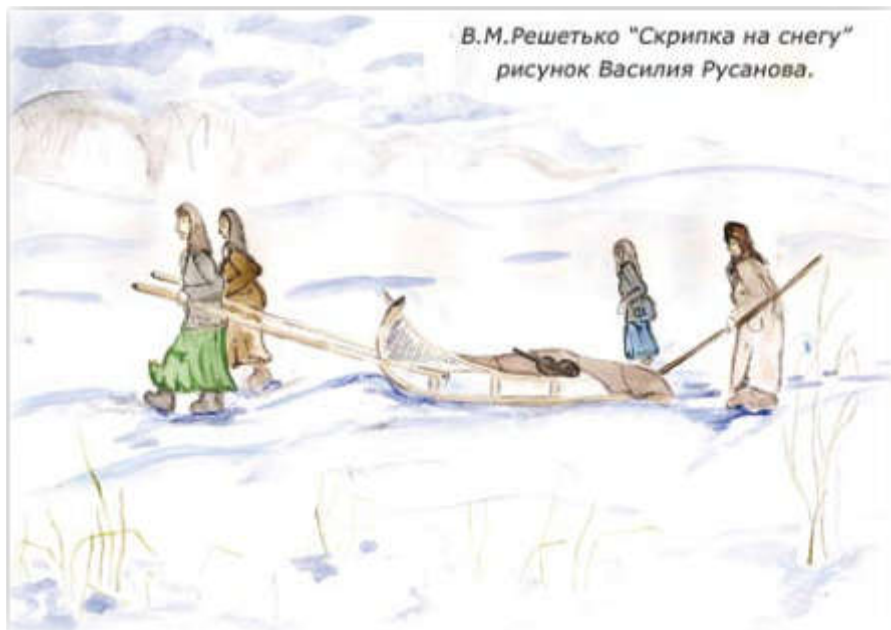
*Я должен был родиться на Алтае
И стать в крестьянстве пахарем простым.
Но из-под Бийска мать политболтаи
Сослала в неизведанный Нарым...*

А сегодня Вениамин Анисимович издаёт красочные, весёлые детские книжки, в который раз утверждая истину - детство должно быть счастливым.

Валентин Михайлович Решетько родился в 1936 году в селе Средний Васюган Каргасокского района Томской области, в семье спецпереселенцев. Юность и зрелые годы связаны с городом Томском, с «НПЦ Полус», где он прошёл путь от техника до ведущего конструктора. Здесь же началась его писательская деятельность.

Виктор Никитьевич Новосельцев родился в 1946 году в Каргаске Томской области. Окончил в 1965 году Каргасокскую среднюю школу №1 с серебряной медалью. После службы в армии учился в Новосибирском электротехническом институте на самолётостроительном факультете. Находясь на пенсии, пишет стихи, большей частью о родной земле.

Вадим Николаевич Макшеев стал спецом в 15 лет, вывезен был из Эстонии в Сибирь. В зрелые годы - состоявшийся писатель. В своих книгах он рассказывает о пережитом.

Повзрослев, все они получили образование, нашли работу, но детские переживания не прошли бесследно, а дали внутренний нравственный стержень и трансформировались в творчество.

Поколения подростков периода репрессий и современных подростков разделяет 70-80 лет. Но взаимное желание наладить связь между поколениями, понять друг друга, почувствовать различие времени даёт огромную энергию и интересный результат. Я считаю, что это очень важно и актуально.

А работы моих ровесников подтверждают это. Хоть Анна Сорокина, Ирина Черникова и Василий Русанов не были участниками проекта «Прощение и память», не знакомы лично с героями

моего рассказа, но это не мешает им читать их книги и выплёскивать свои эмоции и переживания в виде рисунков к самым волнующим моментам.

А насколько на нас повлияла информация, полученная от старшего поколения, покажет время. Но одно могу сказать точно: я благодарна судьбе, власти Каргасокского района за предоставленную мне возможность с детства общаться с уникальными людьми.

Мария Чуянова.

Правнучка алтайских крестьян.
Участница экспедиций «Прощение и память» с 2006 года.
Ученица Каргасокской общеобразовательной школы №1.

Молодёжь начала XXI века и её отношение к репрессиям XX века

Три года (2006 - 2008) на территории Каргасокского района Томской области претворялся в жизнь муниципальный проект «Прощение и память», в котором участвовали учащиеся и учителя школ района. Я участница гуманитарной экспедиции с первых её шагов. Маршрут экспедиции проходил по притоку Оби - реке Васюган. Трагическую известность он получил в 30-50-е годы XX века. Участники проекта ежегодно добавляли новые километры, поднимаясь вверх по реке Памяти, конечной точкой стал Могильный Мыс, или Новый Васюган. Пройдено было 640 километров. В ходе экспедиции были установлены поминальные кресты, собрано много свидетельств устной истории, состоялось много встреч.

Моё исследование направлено на то, чтобы выяснить, что знает и как относится молодёжь, мои ровесники (учащиеся школ)

начала XXI века к теме репрессий XX века и сбора информации о том, какой имел резонанс гуманитарный проект «Прощение и память» для тех, кто в нём не участвовал. Название работы «Молодёжь начала XXI века и её отношение к репрессиям XX века». Для сбора необходимой информации была составлена анкета. Ответов на вопрос предложено не было, его нужно было самому написать в произвольной форме (открытая анкета).

Итак, количество опрошенных учащихся - 71 человек. В возрасте от 14 до 18 лет, из трёх школ района: КСОШ №1 и №2, Новоюгино. Из них 46 девушек и 25 парней. Молодёжи было представлено 12 вопросов:

Анкета

1. Возраст:
2. Пол: муж жен
3. Образование:
4. Что знаете о теме сталинских репрессий в СССР?
5. Что знаете о репрессиях и истории нашего края?
6. Имеют ли какое-то отношение репрессии к истории вашей семьи?
7. Нужно ли изучать в школе тему репрессий более подробно, используя краеведческий материал?
8. Что знаете о гуманитарной экспедиции «Прощение и память», расскажите.
9. Назовите источники получения информации о проекте.
10. Принимали ли Вы участие в акции «Прощения и память», расскажите.
11. Как повлияла на Вас полученная новая информация по теме репрессий?
12. Нужны ли памятные знаки о времени репрессий?

Для анализа анкет были взяты вопросы под пунктами 4-12. И вот какие результаты получились:

Вопрос №4:

Что знаете о теме сталинских репрессий в СССР?

Респонденты ответили, что:

1. Знаю немного, всё было очень жестоко и несправедливо - 9 человек
2. Знаю, что очень много людей выслано было в Сибирь. Многие из них погибли - 13 человек
3. Были массовые перемещения - 4 человека
4. В то время погибло много людей - 6 человек
5. После войны репрессировали всех подряд, все кто были в плену, сразу же превратились во «врага народа» - 6 человек
6. Затронуло почти все семьи. Жестокость властей, ссылали всех неудобных и тех, на кого были доносы (даже ложные). Ссылали детей, жён и стариков - 5 человек

7. Ничего не знаю - 28 человек

Вопрос №5:

Что знаете о репрессиях и истории нашего края?

Респонденты ответили, что:

1. Просто выслали в наш край, вот и всё - 21 человек
2. Знаю, что наш край основали спецпереселенцы, которые были высланы сюда. Они не жили, а выживали, пытались выжить - 18 человек
3. Людей ссылали на баржах и выбрасывали на берег. Их вообще не кормили, многие умирали, не доезжая до места назначения. Их просто выкидывали за борт, не давая по-человечески похоронить родного человека или просто соседа - 9 человек

4. Ничего не знаю - 23 человека

Вопрос №6:

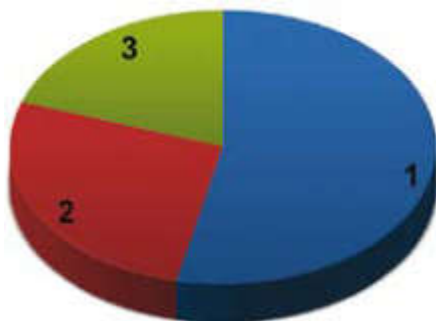
Имеют ли какое-то отношение репрессии к истории вашей семьи?

Респонденты ответили, что:

1. Да, мои прадеды и прабабки были сосланы в наш край - 38 человек

2. Нет, я не интересовался. Мне не интересна данная тема - 19 человек
3. К счастью, не связана - 14 человек

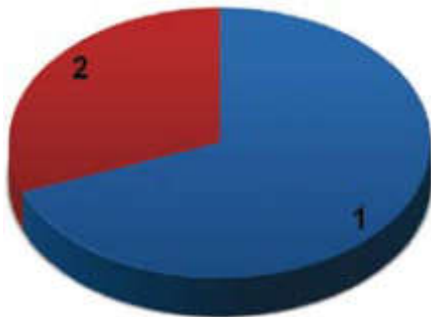

Вопрос №7:

Нужно ли изучать в школе тему репрессий более подробно, используя краеведческий материал?

Респонденты ответили, что:

1. Нужно, потому что мы должны знать наше прошлое - 49 человек
2. Нет - 22 человека

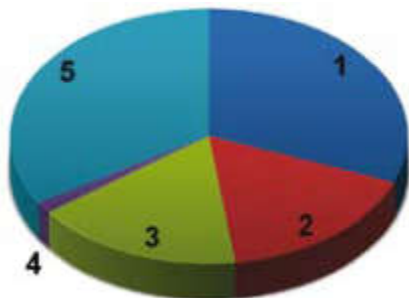

Вопрос №8:

Что знаете о гуманитарной экспедиции «Прощение и память», расскажите.

Респонденты ответили, что:

1. Знаю, что по реке Васюган была экспедиция. Ставили поминальные кресты - 22 человека
2. Большой проект, в котором участвуют многие школьники и учителя. Этот проект актуален в современном обществе - 12 человек
3. Участники проделали большую работу, с некоторыми знаком(а) лично. Они встречаются с людьми, берут интервью, потом создают проекты и фильмы - 12 человек
4. Здорово, что существует такая акция. Я бы хотела посидеть на одной из скамеек (которые вы ставили), молодцы! Спасибо Вам за такую память о тех годах! - 1 человек
5. Ничего не знаю - 24 человек.

Вопрос №9:

Из каких источников Вы получали информацию о проекте?

Респонденты ответили, что:

1. Учителя: Фёдорова Т. И., Зарубина В. М., Кереджи С. Р. - 20 человек
2. Читал(а) книгу «Прощение и память» - 4 человека

3. Сверстники, родители, друзья, участники экспедиции - 14 человек
4. Газеты «Северная правда» и «Переменка», местное телевидение - 21 человек
5. Проекты детей, которые я слышал(а) на школьных и районных конференциях - 8 человек
6. Никаких источников нет - 4 человека

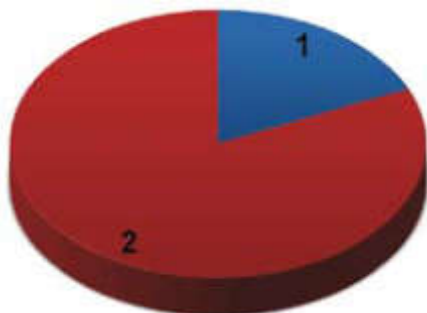

Вопрос №10:

Принимали ли Вы участие в акции «Прощение и память»?

Респонденты ответили, что:

1. Да - 13 человек
2. Нет - 58 человек

Вопрос №11:

Как повлияла на Вас полученная новая информация по теме репрессий?

Респонденты ответили, что:

1. Узнал(а) больше о своём крае, полученная информация меня шокировала, вызвала сочувствие и ужас! - 16 человек
2. Уважение к людям пережившим эти страшные годы - 12 человек
3. Понял(а), насколько я счастлив(а), что живу в XXI веке - 7 человек
4. А вообще, что такое репрессии? Хотелось бы узнать» - 12 человек
5. Трудности и страдания людей, о которых было рассказано, всегда вызывают одно чувство - жалость к этим людям. Отвращение к власти. Тяжесть на душе - 1 человек
6. Никак не повлияла - 23 человека

Вопрос №12:

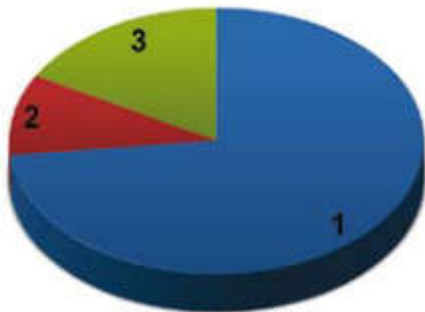
Нужны ли памятные знаки о времени репрессий?

Респонденты ответили, что:

1. Да, нужны - 52 человека

2. Нет, зачем? - 7 человек
3. Затрудняюсь ответить - 12 человек

Проанализировав анкеты, для наглядности результата я представила его в цветных диаграммах. Для обобщения ответов на вопросы сгруппировала их в 4 части:

- 1) знания о репрессиях в целом по стране, краю, семье;
- 2) знания о проекте «Прощение и память»;
- 3) необходимость изучения более подробно темы репрессий в школе;
- 4) отношение к памяти (поминальным знакам).

По первой группе вопросов около половины опрошенных респондентов знакома тема сталинских репрессий в СССР, около 60% знают о том, что наш край был местом ссылки. Большая часть (2/3) респондентов интересуются историей семьи, восстанавливают родословные и знают, что их прадеды и прабабушки были сосланы в наш край.

По второй группе ответов на вопросы картина получается следующая: мои сверстники получили информацию о проекте «Прощение и память» из СМИ: районной газеты «Северная правда», районной школьной газеты «Переменка», передач Каргасокской студии телевидения, а также от учителей участников проекта. По-

лученная информация для большей части (2/3) респондентов оказалась новой, шокирующей, меняющей сознание.

Ответы на третью группу вопросов показывают, что многим моим одноклассникам, сверстникам хотелось бы изучать историю с использованием краеведческого материала, в том числе и тему репрессий.

На последнюю группу вопросов, касающихся памятных знаков, большинство опрошенных респондентов высказались за памятные знаки, потому что они не дают забывать о сталинских репрессиях.

По итогам моей работы хотелось бы внести предложения:

1. Издать сборник работ детей и взрослых, участников гуманитарной экспедиции «Прощение и память», материалы которых можно было бы использовать в классной и внеклассной деятельности школ.

2. Активнее заниматься проектной деятельностью в школах, используя краеведческие материалы.

3. В школах района ввести элективный курс по краеведению, который помогал бы восстанавливать историю нашей страны, края и семьи.

Автор работы выражает благодарность:

Елене Геннадьевне Агеевой, Валентине Михайловне Зарубиной, Александру Ивановичу Соснину и Дмитрию Фатееву в помощи проведении анкетирования.

Глава 2

«...география боли народной

песня...»

«...Родных моих забросила в Сибирь злая воля, как и многих других людей, собрав их с просторов России. Край жизни, для выживших каторжников стал второй Родиной. Остались навечно в Сибирской земле родные люди, дети, родители, старики, моя бабушка и рядом на Урале мой дед. Так сложился неповторимый Сибирский монолит - Сибирский народ.

Так стали Сибиряками мой отец-грузин, моя мать-русская, так стали сибиряками латыши, эстонцы, украинцы, немцы и многие, многие, кого судьба свела вместе здесь. Я сибиряк. В Сибири остались молодые, а значит и лучшие годы моих родителей, в Сибири осталась могила моей бабушки, в Сибирь, домой и проститея моя душа».

Андрей Узун-Хасан-Олы

Валентина Михайловна Зарубина

«Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездейтельным. Она владеет умом и сердцем человека. Память противостоит уничтожающей силе времени...»

Д. С. Лихачёв

Валентина Михайловна Зарубина

Истоки

С детских лет меня манила история загадочной «родины» моих бабушки **Марфы Фёдоровны Лукиной (Дорофеевой)** и дедушки **Якова Васильевича Лукина**, проживавших в посёлке Мыльджино. Спустя годы узнала, что «родина» - Алтай.

Марфа Фёдоровна и Яков Васильевич Лукины

В 1990 г. в архиве Каргасокского РОВД, где я была с моими учениками

Староюгинской средней школы, случилось подержать в руках документ, из которого я узнала, что мои родные были раскулачены и высланы в Каргасокский район вместе с детьми: дочерью Александрой (10 лет) и сыном Михаилом (3,5 года). Лукин Михаил Яковлевич, мой папа, ребёнок- «кулак», заслуживший наказание высылкой и прошедший весь ад Сиблага с сотнями земляков. Детские воспоминания папы об этом периоде переносят меня то в Сосновку, в 1937 год, где он с мальчишками, крадучись, с берега наблюдает, как к деревне подходит катер, который в народе на-

звали «чёрный ворон». Боятся попасться на глаза, точно знают, что после ухода «чёрного ворона» мужиков в деревне станет меньше. То в средневазюганскую школу, где он учился во время войны. Там вездесущие мальчишки обнаружили еврейское захоронение. То в Мыльджино, где переселенцы-подростки чуть было не спровоцировали межнациональный конфликт, разорив культовое место хантов.

Маленькая, пожелтевшая от времени бумажка перевернула мою душу. Пережитое потрясение требовало выхода, как учитель поняла: надо фиксировать воспоминания тех, кто мог ещё рассказать о том, как это было. Я благодарна моим ученикам - единомышленникам из Староюгинской средней школы: **Шашель Евгению, Валдаевой Татьяне, Трубчанину Николаю, Тарасовой Ольге, Сулейманову Алику, Типсиной Наталье, Тарасенко Ирине, Грабовской Анне, Емельяновой Наташе, Терре Оксане, Бакину Виктору, Лобастовой Татьяне, Конышевой Ирине, Клепиковой Виктории, Самойловой Ирине, Тюриной Елене** и другим.

14 февраля 1990 г. Староюгино. Школа. Встреча с писателем-земляком В. Н. Макшеевым, который поделился своей болью о Васюганье, о беспамятстве, высказал мысль, что надо хотя бы обозначить спецпереселенческие посёлки поминальными крестами. Выпускники - 2002 Староюгинской школы на старом кладбище поставили деревянный крест, вскоре он был сожжён. В 2006 г.

Архивная справка о раскулачивании семьи Лукиных

во время экспедиции «Прощение и память» вновь был установлен поминальный железный крест, освящённый о.Феодором (Каргасок).

*Лукина Клавдия Никитична
с дочерью (В. М. Зарубиной)*

Тема репрессий возникала и в рассказах мамы, Лукиной (Новосельцевой) Клавдии Никитичны. Особенно хорошо запомнился рассказ о том, как однажды её отец, Новосельцев Никита Николаевич, вернувшись с рыбалки, привёл домой женщину с мальчиком. Это было в 1940 году, в с.Новосельцево Парабельского района. Вот как она об этом вспоминает: «Проверив сети папа причалил к берегу, где увидел, как женщина руками копала землю. Рядом лежал её мёртвый сын, второй был едва жив. Предав земле тело мальчика, погибшего от голода, отец привёл Клементьевну,

так звали эту женщину, и её сына к нам. Какое-то время они жили у нас, позже я встретилась с ними в Томске. Узнав, чья я дочь, она опустила передо мной на колени. Это был знак благодарности за их спасённые жизни моим родителям Новосельцевым Никите Николаевичу и Клавдии Феокистовне...

Новосельцевы из русских старожилов, их не ссылали, они приехали и поселились на парабельской земле добровольно, но и их коснулись репрессии. Так отец Никиты Николаевича, дедушка Николай, был расстрелян в Колпашево...».

Двоюродная сестра Тамара Петровна Петраченко (Назаренко) вспоминает эпизод из детства: «... немцев из Германии, после войны к нам, в Мыльджино, ссылали, это были: Э. А. Бриш,

Тамара Петровна Петраченко

произведения Баха, Бетховена. Бывали моменты, что мы слушали эту музыку тайком, когда Эльвиры Адольфовны не было дома. Наша подруга, которую она «подтягивала» по немецкому языку, приглашала нас, и мы крутили патефон и наслаждались мелодиями. И ещё я помню ссыльного Давидовича, он прекрасно играл на скрипке, бабушка меня иногда брала в клуб, и когда он играл, в зале стояла тишина...»

Эти и другие эпизоды сформировали мой интерес к теме периода репрессий, который потом стал профессиональным.

Ярким моментом в моей жизни можно считать участие в работе гуманитарной экспедиции «Прощение и память» в 2006-2008 года. Знакомясь с историями многих семей невольных поселенцев Васюганья, я не могла не обратиться и к своей родословной. В ноябре 2008 года вместе с младшим братом Славой и племянником Виталиком мы побывали в Верхбобровке, на родине бабушки и дедушки по папе. Там мы познакомились с прекрасным человеком, сельским библиотекарем Галиной Николаевной Измалковой.

Она очень много рассказала при встрече, а также написала в письмах позже. Мы узнали, что Лукины «ходоками» пришли из России, из Курской губернии на Алтай. Это были три брата: Тихон, Василий, Иван. Поселились в Верхбобровке, став одними из её первых жителей. Укоренились, построились, у прадеда Василия был добротный дом, позже в нём обосновалась школа. Приблизительно в это же время появились там Дорофеевы, родственники по бабушкиной линии. Разрослись на благодатной алтайской земле семьи Лукиных и Дорофеевых, но трагические события российской истории «прокатились» тяжёлым катком по ним. Первая мировая война, коллективизация и раскулачивание, Великая Отечественная война разбросали по всей стране: Нарымский край, Беломорканал, Украина, Курская, Калининская и Ленинградская области и, конечно же, Алтай. В Верхбобровке только на стелах с именами участников Великой Отечественной войны четверо Дорофеевых и пятеро Лукиных. Очень большая родня. Галина Николаевна с большой теплотой рассказала о наших незнакомых нам родственниках, о том, что трудолюбие остаётся главной чертой, несмотря ни на какие испытания, она передаётся генетически, в какой бы сфере они теперь ни трудились. Уже по тому, как быстро собралась родословная информация, могу сделать вывод: «Иваны, непомнящие родства» - это не о нас. Что даёт мне это знание? Духовную силу, осознание ответственности и понимание смысла жизни и хода истории, уважение к предкам, к стране, к миру и, самое главное, обретение себя.

Севилле Руштыевна Кереджи Оглы.

Дочь репрессированных в 1949 году турок, учитель истории Мыльджинской школы, одна из авторов проекта «Прощение и память», руководитель краеведческого кружка «Поиск», результатом деятельности которого стало появление в Мыльджино памятного места – сквера памяти, где стоит камень скорби и памятник участникам ВОВ.

(п. Мыльджино)

Неизбывная память

Всего за 8 дней до начала войны был утверждён план выселения семей бывших фабрикантов, помещиков и членов буржуазных правительств из Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии. Таких насчитали почти 23 тысячи семей общей численностью более 77 тысяч человек, т.е. около 1% всего населения этих территорий. Вторая мировая война и последующие десятилетия советского правления оказали сильное воздействие на демографические процессы. Во время войны и в первые послевоенные годы Эстония потеряла четверть населения, главным образом в результате депортаций в другие районы Советского Союза и эмиграции.

В маленьком городке Кунда, что находится на северо-востоке Эстонии, жила семья Таарде Рудольфа Александровича и Марии

Александровны. Рудольф унаследовал от отца лесопилку. Кроме того, семья имела водяную мельницу, кофейню, в которой мололи кофе и расфасовывали для продажи. В каждой сотой баночке была упакована подарочная золотая ложечка. Фотографии того времени рассказывают о семейном благополучии: любящие друг друга родители, дочь - Рената, сын - Рудольф, и достаток в доме. Дом и кофейня, первый «Форд» отца - это всё в далёком призрачном прошлом...

Рената Рудольфовна Таарде

Рената Рудольфовна Таарде... Достаточно одного взгляда на эту очень симпатичную, далеко не молодую женщину, с разбегающимися морщинками вокруг до сих пор красивых, но очень печальных глаз, со своеобразным милым эстонским акцентом, чтобы сказать: «Да, видно, очень нелёгкой была её жизнь, покрутила судьба, на губах скромная улыбка, а глаза очень грустные, наполненные вечной болью, в них не единожды рассказанная, но до конца не высказанная душевная боль, причинённая ей в том далёком и самом страшном для её семьи 1941-м году...»

14 июня 1941 г. семью Таарде арестовали и депортировали. Отца в Эстонии отлучили от семьи и отправили на 10 лет в Севураллаг. Можно сказать, что ему повезло. Рудольф очень хорошо играл на скрипке, там, в Свердловской тюрьме, она была с ним, и его направили в культбригаду, в составе которой было много эстонцев из Тарту, раньше работавших в театре.

Так скрипка спасла ему жизнь в тюрьме, но на поселении не смог справиться с тем горем, что выпало на его долю, и ушёл из жизни.

Марию Александровну с детьми в скотских вагонах отправили в Сибирь. Две недели состав находился в пути до Новосибирска. «Там, - рассказывает Рената Рудольфовна, - нас посадили на баржу и, как всех, повезли по Оби, а потом по Васюгану. Путь был ужасен. Об этом и сейчас вспоминать невозможно. 14 июля мы прибыли в Айполово.

Страшная погода была в этот день - ураган, град, у женщин шляпки, зонтики срывало ветром. Остяки, жившие здесь, никогда не видели таких красивых женщин в невиданных одеждах. Потом, когда стали голодать, мы обменивали свои наряды на картошку, а они, не зная, что такое ночная рубашка, носили их как платья.

Нас отправили в колхоз в посёлок «Дальний Яр», что в километре от Айполово.

Брат очень хорошо играл на аккордеоне, с которым не расстался никогда. Директор детского дома обещал взять его преподавателем музыки, но директора забрали на фронт, а брата отправили в колхоз. В тот год была большая вода, в колхозе неурожай, очень бедный был колхоз. 90% тогда умерло от голода. Семьями вымирали. На человека давали 50 г отвеянного зерна. Уже в 1942 году от голода умерла и наша мама, с братом мы выкопали могилу, как могли, и похоронили её, где сейчас могилка, я не знаю. Брат тоже уже болел, его парализовало и он «таскал» левую ногу. И тогда он решился на отчаянный шаг. Однажды его пригласили в пекарню отремонтировать часы, у него были «золотые руки». Хлебный дух ударил в голову. Он сказал: «Или мы сегодня будем сыты, или умрём от голода» - и вечером отправился в пекарню. Часть муки спрятал в лесу, а утром, когда пришли за ним и заставили вернуть её, он не смог даже нести оставшуюся часть. Сил уже не было не только от голода, но и, видимо, от страха за рас-

плату, хотя знал, что будет ему за кражу. Рудольфа увезли в Новый Васюган. Больше ничего о нём не знаю до сих пор. Как выжила, не знаю, осталась одна среди чужих людей в далёкой холодной Сибири. Мне уже было 15 лет, таких в детский дом уже не брали. Я подала заявление, чтобы мне разрешили выехать в райцентр, т.е. Новый Васюган, там можно было куда-нибудь устроиться на работу. Не зная дороги, отправилась пешком. Меня поселили в барак, где жили эстонцы.

Сразу направили на лесоповал. Самый страшный - это летний период, когда начинался гнус, от звона в ушах и густой пелены перед глазами облепивших тебя кровососов не было покоя ни днём, ни ночью».

Сейчас представить 15-летнюю девочку на лесоповале невозможно. А в том, 42-м, для Ренаты это не было вопросом, нужно было заработать законные 500 г хлеба в сутки, чтобы выжить. О чём думала она после непосильной работы в лесу, какие слова в забытьи, глотая слёзы, шептала эта маленькая, брошенная на произвол судьбы «отцом народов» девчонка ...

Позднее, в комхозе, куда устроилась на работу Рената, казалось, работать было легче. Для локомотива нужно было в день напилить и наколоть 30 кубометров дров. Вопреки всему и всем Рената выжила. Когда в 1949-м в Новом Васюгане появился новый контингент турецкоподанных народов Кавказа, про себя подумала, что никогда бы не вышла ни за кого из них замуж. Уж больно бедный народ: в штанах, заправленных в носки, на ногах калоши, в простых рубахах, только чёрные, как смоль, глаза и волосы, да взгляд орлиный из-под красивых бровей. Ян-Оглы Назим Халитович был выслан из г. Очамчира, солнечной, цветущей, но очень бедной Абхазии. Суровый край и суровые испытания пережили и они. Судьба, вопреки рассуждениям Ренаты, распорядилась иначе и соединила двух молодых и красивых людей. Благополучие в Эстонии как мираж, а здесь они на равных, двое

бедных, обездоленных, лишённых Родины. С появлением детей поняли, что надо жить ради них. А в 1956 году депортированные народы Прибалтики, Кавказа были откреплены от комендатуры и стали выезжать на родину. В семье Ян-Оглы уже четверо детей: Эрика, Назене (Зина), Фикрия (Александра) и Юрий. В Эстонии у Ренаты родственники, но у Назима не было паспорта, и он уговорил жену уехать к нему на родину.

«Такой нищеты, - вспоминает Рената Рудольфовна, - я не видела никогда, не представляла, что так бедно можно жить. Земляной пол, подобие постели, которую днём убирали, мамалыгу ели руками прямо со стола...»

Рената Рудольфовна забрала старшую Эрику и маленького Юру и уехала в Эстонию. Оттуда отправляла посылки с продуктами в Абхазию, но долго вытерпеть не смогла, душа изболелась за детей, оставшихся с мужем. Любовь соединила их и вернула на место, туда, где родилась их любовь и семья. Они вернулись домой, в Новый Васюган туда, где была Родина их детей. Двадцать лет пролетели как одно мгновение. Родственники из Эстонии помогали семье поднимать на ноги детей. В 1972 году Ната (так ласково зовут её нововасюганцы) осталась одна с четырьмя ребятишками на руках.

Через год судьба свела её с ссыльным, Никитой Брагиным. Он годовалым ребёнком был выслан с матерью, сёстрами и братьями из Красноярска в 1932 году. Вместе они уже 35 лет.

19 июня 2008 года экспедиция «Прощение и память» побывала на земле Васюганской.

Хозяйка дома радушно встретила нас и пригласила в дом. Из своих 85 лет - семьдесят Рената прожила в Сибири, но свою эстонскую культуру она сохранила. Это сквозит в её эстонском акценте при разговоре, в убранстве дома, вышитых её руками подушечках и портьерах. Рукавички, опять же с эстонским орнаментом, согревают и напоминают родину, это песни, которые помнит она и

знают её дети, это связь с родными и близкими. Рената до сих пор переписывается со своей одноклассницей и родными.

На фотографии у Ренаты Рудольфовны на нагрудный значок - цветок с надломленным стебельком - Rukkilill (василёк). Этот хрупкий надломленный цветок символ ни в чём не повинных людей, чьи судьбы сломаны молохом сталинских репрессий. Сколько их таких осталось - одному Богу известно, но о той страшной трагедии будет напоминать Камень скорби, установленный в Томске в сквере рядом с музеем «Тюрьма НКВД» в июне 2008 года. Надпись на русском и эстонском языках гласит: «Эстонцам, погибшим на Томской земле».

Река времени - Васюган, бери каждого второго жителя, и у всех своя семейная трагедия. Людей, переживших сталинские репрессии, видно сразу. Свой отпечаток эти годы репрессий оставили не только в душе каждого, но и в их глазах: в первую очередь - это настороженность и боль, та вечная боль, которую не скроешь временем. Они до сих пор живут прошлым, их жизнь разделена на два периода - «до» и «после». Они живут на новой родине, но всегда помнят ту, которую когда-то потеряли. В каждом семейном альбоме хранятся старинные фотографии из той далёкой жизни, фотографии, напоминающие им любимую потерянную Родину...

Ефросинья Егоровна Полковникова

Нарым... Сибирь... слова однозначные и угрожающие, каждый, и в царской России, и в бывшем СССР, знал – это каторга... Через неё прошли миллионы людей разного происхождения: от воров и разбойников до дворян-революционеров, а в советское время мог попасть и любой безвинный.

Каргасокский район с 1931 года стал местом ссылки...

23 октября 2008 года на 84 году ушла из жизни Ефросинья Егоровна Полковникова. Первая жительница посёлка Мыльджино, которое было основано в 1943 году, она в числе 12 человек

Ефросинья Егоровна Полковникова

начала осваивать новый лесозаготовительный пункт. Ефросинья Егоровна была нашим консультантом по всем вопросам, касающимся истории посёлка, она – частица нашей истории. В полной памяти и сознании была она во время болезни, до последних дней я общалась с ней.

Маленькая, сухонькая, но ещё полна энергии и задора, хотя судьба её, как и тысяч других, была суровой к девочке шести лет, которую вместе с родителями в 1931 году выслали с Алтая.

Отец числился в середняках, но для семьи, имеющей шесть детей, 2 лошади, корова, свиньи, овцы и сельскохозяйственный инвентарь совсем не кажется роскошью. Работников не держали,

т.к. пять братьев жили дружно, помогая друг другу. В колхоз вступить отец отказался, и вся семья отправилась в Сибирь. В дорогу успели взять только хлеб, который мать только что испекла, сковородку да ухват с чугунками. Да соседи посоветовали взять с собою колыванку с солью (с благодарностью вспоминали их потом в Сибири). Без соли совсем худо было бы. По рассказу Ефросиньи Егоровны, условия при перевозке на баржах до места назначения были ужасными. Мест для двух тысяч человек не хватало, люди буквально сидели «друг на друге». Пошевелиться не было возможности. Смердило до тошноты. Тела умерших в дороге лежали здесь до остановки, а трупики детей выбрасывали в реку. Практически без еды и воды долгий путь по Оби до Каргаска для многих стал последним, но у Полковниковых выжили все. Высадили в Дергачах, потому что кто-то прорубил днище баржи, а потом лесом повели в Сосновку. Каждой семье определили место, и мать соорудила подобие шалаша, чтобы уложить ребятишек. К зиме мама вырыла землянку, соорудила глинобитную печь. Так они прожили два года. Отец был посажен в тюрьму в Бийске, матери с детьми одной было нелегко, но самое страшное - это голод.

«Есть нам, ребятишкам, - говорит Ефросинья Егоровна, - хотелось ежеминутно. Выручала лебеда, ягода, грибы, а вместо хлебушка – болтанка с опилками и гнилушками, которую умудрялась делать нам мама. Однажды зимой всех разбудил радостный крик матери: «Дети, тятя вернулся!»

Маленькая Фрося с трудом признала в бородатом старике своего отца. В резиновых калошах, которые до сих пор хранятся в семье Полковниковой, шёл отец из Бийска до Каргаска. Сейчас разве можно поверить в это?! Ефросинья Егоровна тяжело вздыхает, вспоминая лихолетье; давно зарубцевались кровоточащие раны, осталась только память и тоска об Алтае, где 16 октября 1925 года в селе Полковниково в многодетной семье родилась девочка Фрося.

С возвращением отца жить стало легче. В Сосновке Фрося закончила пять классов. Больше учиться не пришлось.

А в 1939 году девять семей: Полковниковых, Рыбиных, Перепелищенко, Лукиных, Назаренко, Ющенко, Гавриловых, Карих, Пахаревых отправили по Нюрольке на Старую Точку. Сначала Фрося работала в няньках, но потом отправили в лес. Заготавливали руж-болванку, лыж-болванку, сучки обрубала при валке леса.

Первая наша встреча состоялась в 2003 году. Я пришла с учениками-краеоведами. Они не поверили её рассказам.

- Тётя Фрося, так вам было всего 14-15 лет, и вы уже работали в лесу?

- Деточки, да по тому времени нас считали уже взрослыми. Мы ведь несли сталинское наказание, а потому и работали все с раннего детства, да по норме, которая доводилась каждому, чтоб заработать кусок хлеба. Так ведь ещё каждый месяц нужно было ходить в посёлок Рабочий, где находилась комендатура, отмечаться у коменданта. А это, почитай, 130 км.

В 40-х годах в п. Центральном уже была и школа, и ясли, кинопередвижка привозила фильмы.

Первый фильм, который помнит Ефросинья Егоровна, – «Девушка с Камчатки». Несмотря на все трудности и лишения, молодость брала своё: вечером частушки и пляски под гармонь и балалайку, да так плясали, что ноги «огнём» горели.

1941 год... Гулким эхом прокатилась страшная весть о войне.

- Что же будет с нами, репрессированными, до сих пор состоявшими на учёте в комендатуре? Этот вопрос волновал каждого. Только в 42-м начался призыв ссыльных-кулаков.

22 человека забрали из посёлка, в том числе двух её братьев. Вернулось только четверо.

В тайге одна работа, тяжёлая, изнуряющая - валка леса. План нужно было выполнить!

Ясным летним днём 11 июня 1943 года на берег реки Нюрольки в устье таёжной речушки Мыльджинки высадилась бригада рабочих для строительства нового вахтового посёлка. Шла Великая Отечественная война, стране нужен был лес. Среди строителей было семь женщин и всего пять мужчин: Афанасьев Николай, Карих, Перепелищенко Василий, Лукина Шура, Полковникова Фрося, Пахарева Анна, Лукин Михаил, Гаврилов Пётр, Ющенко, Шахрай Василий (потом он погиб на войне), Шарипова Сима, Данилова Зоя.

Началось освоение нового посёлка, ему дали одноимённое название по роду Мыльджиных, которые жили на правом берегу Нюрольки, и по названию речушки, в устье которой начинался посёлок.

Можно ли теперь представить, что эти молоденькие девушки и парни, которым не было ещё и двадцати лет, вручную валили «двурукой» пилой лес, выкорчёвывали пни, строили первые бараки, дома. Новый лесозаготовительный пункт нужен был Родине. Работать, работать и работать. Могли не только урезать паёк, но и вовсе не выдать. Норму, которую увеличили в военное время, нужно было не только выполнить, но обязательно перевыполнить. За этим следили строго. Знали, что если не выполнят норму, хлеб не получат, а промышлять в тайге некогда.

С горьким смехом вспоминает Ефросинья Егоровна, как при работе на реке у них погиб конь, которого звали Шахраем, в честь Васьки Шахрая, выходившего коня: «Жаль было бросать столько мяса. Понимая, чем грозит нам этот пир, всё же ободрали его и сварили. Только уселись пировать, видим: обласок по Нюролке плывёт, Тарасюк – начальник участка – в нём. Оторопели мы, сидим, молча едим, в стаканах спирт. Тарасюк сидит с нами, довольный, думает, что мы лося завалили.

Дёрнул же чёрт Ющенко за язык, брякнул невпопад:

- Царство небесное нашему Шахраю.

Тарасюк спрашивает:

- Что, помер Василий?

Опять за столом гробовое молчание, и опять Ющенко:

- Да, помер, утонул...

Когда понял Тарасюк, вначале озверел, но успокоился; может быть из сострадания к нам, сумел замять это дело, а ведь многим грозил арест. Несколько дней мы были сыты. И это действительно было «праздником живота» при той тяжёлой работе, которую мы выполняли.»

Постепенно в посёлок стали присылать новых рабочих-ссылных: эстонцев, латышей, литовцев, украинцев. Они так же ежемесячно ходили в комендатуру в п. Рабочий. За продуктами, керосином приходилось пешком добираться либо на обласке до Волчихи, Рабочего и даже до Среднего Васюгана на расстояния до 60-80 км. Выжить в этих трудных, нечеловеческих условиях помогала дружба, взаимопомощь, и главное – помощь коренных жителей, которые учили ловить рыбу, добывать зверя, собирать ягоду, орех и т.д. Всё это было большим подспорьем, т.к. других продуктов практически не было.

В 1949 году в Мыльджино приехал Август Николай Александрович, тоже из высланных с Алтая немцев. Вскоре сыграли свадьбу, если это можно назвать свадьбой. В 50-м родился первый ребёнок, затем - второй, третий... Только в 1959 году их расписали в сельском совете и дети стали носить фамилию отца. Родить и воспитать девять детей в послевоенное время – это поистине материнский подвиг.

Жили дружно; работать, как всегда, приходилось очень много, правда, теперь по дому.

Удивительное время, удивительные женщины, которые сумели выжить, выстоять, вынести все невзгоды, но к тому же любить, дарить любовь мужу, своим детям. Один за другим дети пошли в школу, нужно было их не только накормить, но и одеть. Шила,

перешивала, вязала, а дети, видя любовь и внимание матери, платили взаимностью, помогали по хозяйству, старшие нянчили младших. За хорошие дела детей поощряли, но это было общим праздником, за шалости наказывали. Все выросли трудолюбивые, без вредных привычек, уважаемые односельчанами. У Е. Е. Полковниковой 17 внуков (11 девочек и 6 мальчиков), и 3 правнука. Валерия, дочь младшего сына, до последних дней находилась рядом со своей бабушкой, она не хотела ходить в садик, с бабушкой было интереснее.

К 60-летию Великой Победы Ефросинья Егоровна Полковникова была награждена медалью «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941-1945 годов».

16 октября 2008 я пришла поздравить её с днём рождения. Ефросинья Егоровна уже не вставала с постели. Полтора часа она держала мою руку и всё рассказывала и рассказывала о своей жизни. «Так хочется ещё раз побывать на своей родине, на могилках тяти и мамы», – вздыхала тётя Фрося. Родители вернулись на Алтай после того, как их открепили от комендатуры. А у Фроси тогда уже была своя семья, но и если бы захотела уехать, то не смогла бы. Паспорта не было, ведь её привезли шестилетней девочкой. И я, понимая, что это её последние дни, обнадёживала, что скоро установится зимник, и дети смогут исполнить её желание. Это была наша последняя встреча...

Петр Афанасьевич Назаренко. Воспоминания.

- Мой дед Назаренко Андрей Ефимович и отец Афанасий Андреевич в 1909 году по реформе А.П. Столыпина выехали с Украины в Сибирь.

Пётр Афанасьевич вспоминает, что сначала они отправили ходоков посмотреть земли по Оби, но земли там им не приглянулись. Мягкий климат Алтая и степные просторы привлекли хлеборобов. И они переехали на Алтай, в то время это была Томская губерния. Факт переселения подтверждают документы Го-

Петр Афанасьевич Назаренко

сударственного архива г. Барнаула, Алтайского края. По переписи 1917 года получили следующую информацию:

«**Назаренко Андрей Ефимович** - глава семьи, жена, два сына, сноха.

Всего поголовья скота - 13 голов.

Землевладения - 4,5 десятины.

Назаренко Афанасий Андреевич - глава семьи, жена-**Марья Федосеевна**, дочь - **Елена**, четверо сыновей: **Кузьма, Филипп, Григорий, Иван**.

Хозяйство: 5 лошадей, 12 крупного рогатого скота, 5 свиней, всего - 22 головы.

Земельное владение - 8 десятин».

Уже на Алтае родились Владимир, Пётр, Николай.

Семья большая, дружная и трудолюбивая. Отец занимался хлебопашеством. После революции для крестьян наступили неспокойные времена: сначала ввели продразвёрстку, в 21-м её заменили продналогом.

«Ленин, – говорит Пётр Афанасьевич, – проводил коллективизацию на добровольных началах, но после его смерти Сталин стал насильно загонять в колхозы. Беднякам нечего терять, у них сроду ничего не было, а крепкие крестьяне, своим горбом наживавшие добро, идти в колхоз не хотели. Отца арестовывали несколько раз, но отпускали - нет вины за ним.

Скот, сельскохозяйственный инвентарь забрали в колхоз, через год скотина передохла, некому смотреть было за ней, работать-то голытьба не хотела. В 1931 году нас сослали с Алтайского края, Ключевского района, с. Златополь, Лукиных - в мае того же года с Алтайского края, Косихинского района, с. Верхбобровка».

Александра Яковлевна Лукина (Назаренко) позже станет женой Петра Афанасьевича.

«Нас погрузили на поезд в Кулунде и повезли в Омск, - продолжает дядя Петя. - На трёх баржах везли вниз по Иртышу до устья. Так как везти три баржи было очень трудно, то другие нас обгоняли. Потом - вверх по Оби, дошли до Васюгана и опять вверх по Васюгану.»

Даже проследив по карте этот путь, трудно представить, как могли пережить это расстояние люди в битком набитых баржах.

«Голод и смерть – спутники спецпереселенцев. Сколько умерло в дороге, сказать не могу, не знаю, - вспоминает Пётр Афанасьевич. - Сначала оплакивали умерших, а потом молча провожали взглядом до последнего пристанища тех, кого хоронили или просто выгружали на берег. Только дойдя до устья Нюрольки, начали разгружать людей на необжитых местах, где потом образовались посёлки: Тюкалинка, Рабочий, Уралка, на Нюрольке - Волчиха

и Славгородка. Примерно 10-11 тысяч привезли людей. Нас, 3 тысячи человек, высадили на Волчихе. Очень много вымерло в первый год, около 70%: от голода, болезней, тонули в реке, задирали зверь в лесу, шли в тайгу за пропитанием и там гибли. Для степных людей, не знающих тайги, очень трудно было выжить. Многие жили в балаганах до глубокой осени, кое-кто и до Нового года, а это - верная смерть. Паёк выдавали 300 г муки на едока, за ним ездил сельский совет, там старшие на весах, на палке взвешивали муку, а потом делили её кружками, стаканами. Муку добавляли в болтанку из опилок, гнилушек, траву - крапиву да лебеду, пекли также хлеб из опилок, гнилушек и муки, если можно назвать это хлебом. Спасала колба, остяки показали, где её рвать, но не было соли. Больше всего страдали от дизентерии. Заболевших дизентерией переселили на другую сторону Нюрольки, но люди пытались вернуться к своим родным через реку вплавь и при этом тонули.

Много зависело от местной власти, от коменданта. Издевались над народом, как могли. Любое слово против – заставляли за это долбить мёрзлую землю 1 куб. м за день, а потом заваливали эту яму. На другой день задание увеличивали до 1,5 куб. м и опять заваливали.

Начали разработку полей. Нужно было свалить лес, выкорчевать пни. Лес был очень крупный, а для работы – топор, лопата, вага да верёвки. Очень много погибло на этом лесоповале, наравне с мужчинами работали и женщины, а какие они работники, когда еле ноги переставляли от голода? И никто за смерть людей не отвечал, закапывали, как мусор. В 1932 году вымерло ещё примерно 15-20%, у нас от голода умер Володя, хотя был самым крупным из нас. Потом умирало всё меньше и меньше, выжили самые сильные. В Волчихе осталось дворов 150-200. На родине не вступили в колхоз, так здесь образовали колхоз «Рассвет». Семена колхозу выдавало государство, а в землю попадало 15-20%, люди съедали

его от голода, и уследить за ними не было никакой возможности. Очень бедно жили в колхозе. Рабочим варили болтанку: 5 литров воды, 30 г муки, травы, литр молока. За эту еду ещё и высчитывали из трудодней. Такая жизнь тянулась до 1938 года...»

*Воспоминания П.А. Назаренко записаны
с его слов ребятами краеведческого кружка
«Поиск» ООШ им. Ляшенко п. Мыльджино*

Оглядываясь в прошлое

Наш дедушка, Гаак Яков Александрович, родился 13.11.1869 г. в селе Луцерн - Реммлер Унтервалденского района Автономной республики немцев Поволжья. Бабушка, Паулина Ивановна Гаак (Эбель), родилась 03.04.1872 г. в селе Шеньде Унтервалденского района. Их дети, оставшиеся в живых:

- Гаак Королина Яковлевна (Магер),
- Гаак Михаил Яковлевич (наш отец),
- Гаак Елена Яковлевна (Квиринч),
- Гаак Мария Яковлевна (Реддих).

Все четверо детей родились в одном селе на Волге. Как известно, в 1921 году был неурожай в республике немцев Поволжья. Страшный голод охватил всё Поволжье. И чтобы спастись от голодной смерти, люди разъезжались кто куда, и дедушка с семьёй уехал в Донбасс Краснолучского района.

Наступил 1937 год... Однажды ночью чёрный «ворон» НКВД приехал за дедушкой, а у отцовских трёх сестёр мужчин всех троих тоже забрали. И по сей день ни слуху, ни духу. Все трое остались с двумя малолетними детьми на руках, остались жить на Украине (в ожидании: может, всё-таки мужья вернуться домой?) Но, увы, настал 1941 год, и их так же как всех Российских немцев и других народов, без суда и следствия лишили всего, что они

имели, и сослали в Сибирь. Они попали в Семипалатинскую область, в город Аягуз.

Наша семья:

Отец: Гаак Михаил Яковлевич. Родился 26.11.1899 г. в республике немцев Поволжья в селе Луцерн-Реммлер Унтервалденского района.

Мать: Гаак (Ромме) Оттилия Ивановна. Родилась 15.08.1907 г., Маркштадский р-н, в селе Герцог (Herzog).

Дети: Гаак Екатерина Михайловна (Шабалдина), родилась 08.11.1924 г.

Гаак Александр Михайлович, родился 26.01.1927 г.

Гаак Николай Михайлович, родился 10.01.1929 г.

Гаак Мария Михайловна (Фрасс), родилась 10.09.1931 г.

Гаак Якоб Михайлович, родился 30.01.1939 г.

Гаак Михаил Михайлович, родился 03.07.1942 г.

Дедушка с семьёй в 1910 году уехал в Донбасс. На Украине тоже много было немецких поселений. Отец по окончании школы в Донбассе не стал дальше поступать в учебное заведение, так как уже гремела революционная заваруха. Молодёжь уже определились кто куда, кто за кого, а отец просто пошёл в Донбассе работать в шахту, и тут наступил 1917 г. Началась Октябрьская Революция, и отец с некоторыми товарищами ушли добровольно к красным партизанам, затем партизанский отряд присоединился к Красной армии. Он был зачислен в 101 Московский полк, здесь же и вступил в ряды Коммунистической партии, где он воевал 3 года на фронтах Гражданской войны. Отец имел 3 боевые награды.

По окончании войны отец работал в райкоме партии города Краснолучинска (сейчас - Красный Луч), там он встретил Оттилию Ивановну, которая стала нашей мамой, в 1923 они поженились.

08.11.1924г. родилась Екатерина,

26.01.1927г. родился Александр,

10.01.1929г. родился я, Николай Михайлович.

Итак, мы трое родились на Украине, но во все времена каждому народу дорога Родина. Тоска по Родине не давала отцу покоя, и он решил ехать домой, на Волгу, в родное село, мне тогда ещё не было и года.

В 1937 году я пошёл в первый класс, а 20 мая 1941 года сдал экзамены за 4 класс.

28 августа 1941 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении всех немцев Поволжья в Сибирь, Казахстан, Омскую, Томскую, Новосибирскую области, на этом моё детство закончилось. Привезли нас осенью в Каргасокский район, посёлок Новоуралка, поселили 3 семьи в бондарню (сейчас, наверное, кое-кто не знает, что такое бондарня: это помещение, где делают деревянные бочки). Расселили по углам. Утром пришёл бригадир и всех отправил артельную картошку копать. Торопились, уже первые белые «мухи» пролетали. Копали картошку и ребята четвёртого класса местного населения. Когда с картошкой управились, местные дети пошли учиться, а меня не приняли. На рабочем быке я возил из леса дрова: в школу, сельский совет, колхозную контору, баню. 1 сентября 1942 года я опять попробовал попасть в школу, но председатель совета Гришаев, вернувшийся с фронта раненый, злой на немцев, сказал: «Мы фашистов учить не будем, будешь быкам хвосты крутить». Конечно, его можно было понять, человек пришёл с фронта, воевал против немцев, вернулся в глубокий тыл, а тут опять немцы, а раз немец, значит – фашист. Я понимаю, просто человек безграмотный, не знал историю России. Мои предки въехали в Россию в 1763 г. из земли Гессен (Hessen Land). Я, хотя ещё пацан был, но обиделся очень на него. Столько лет прошло, я давно всем и всё простил. По истечении времени я понял, сколько миллионов жизней загубили эти

два «близнеца» - Коммунизм и Фашизм. Сколько горя причинили всему миру.

О себе далее: крутил я быкам хвосты, а сам всё думал об учёбе, не хотелось оставаться безграмотным, но не было ни бумаги, ни карандаша. Надрал бересты, сделал сосновые лучинки, приходил с работы, садился возле плиты на пол и учил русскую азбуку. Обуглив лучинку, писал на бересте, и одновременно одежда на мне высыхала, переодеться, извините, не во что было. Потом по слогам начал писать, в библиотеке брал детские книжки с крупным шрифтом, началось моё самообразование.

Зимой 1943 года в Тюкалинке открыли ЛЗП (лесозаготовительный пункт), меня туда мобилизовали сучкорубом, а на лето отправили на лесосплав. Так пошло-поехало до 1949 года - летом в сплав, зимой в леспромхоз. В весеннюю и осеннюю распутицу отпускали домой в Новоуралку на 2 месяца. Так как я числился рабочим Промартели «Прогресс», летом 1949 года был опять мобилизован на сплав, и я решил остаться кадровым сплавщиком. Как раз по реке Чижапка открыли новый ЛЗП, и я поехал. Сплавное начальство меня знало, и работал я отменно, сплавную работу знал «от» и «до». Но! Наш комендант Усть-Нюрольской комендатуры Закамов Константин Васильевич приехал и арестовал меня. Сегодня трудно в это поверить. Летом 1949 на сплавных работах я познакомился с ребятами турецкой национальности, многие из которых и ныне живут в Среднем Васюгане, Тевризе, Каргаске, где они прижились и нашли свою вторую малую Родину. В 1953 году мы с Ирмой Ивановной поженились, в 1956 году в феврале нас открепили от комендатуры, и в сентябре 56-го мы переехали из Ново-Уралки в Мыльджино, где прожили до 20.12.1995 г.

В настоящее время мы проживаем в Германии. Всё у нас хорошо, только вспоминая свою жизнь, поражаюсь той силе духа, которая помогла пережить страшные годы депортации. В Сибири

Севилле Руштыевна Кереджи Оглы.

Николай Михайлович Гаак с супругой Иrmой Ивановой

у нас очень много друзей, с которыми мы поддерживаем самые тёплые отношения.

Хочу добавить - пробежал я свою историю длиной в 54 года. Стараясь обходить все острые углы, поверьте, не хочется всё заново пережить. Я не помню радости детства, не помню, когда мне исполнилось 18 лет, вспомнил ли я тогда свой день совершеннолетия?

А вот День Победы я отчётливо помню, никогда не забуду, был также мобилизован на сплав и День Победы встретил на Центральной точке.

День был солнечный, это был праздник победы, праздник для всех. Все люди собрались около клуба на берегу Нюрольки, кто плачет, кто смеётся, обнимаются, целуются, пляшут под балалайку, другой музыки не было. Это не рассказать, это надо было видеть и вместе со всеми радоваться и переживать.

Трудовой путь мой был тоже не лёгок. Я работал на всех работах, как на батьку родного, об этом говорит моя трудовая книжка: за мои 42 календарных отработанных года объявлено несколько десятков благодарностей, денежные премии, почётные грамоты ДЖП и ЛПК, много раз был занесён на доску почёта ЛЗП и районную доску почёта, также занесён в книгу почёта ЛПК. Награждался почётной грамотой РК КПСС, медалями за доблестный труд, за трудовое отличие, медалью «Ветеран войны и труда», медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной Войне», 14 нагрудных значков, как их только не называли: и победитель со-

циалистического соревнования, и победитель коммунистического труда.

А рядом со мной все годы шла моя верная спутница Ирма Ивановна. Её судьба тоже не радовала, отца её мобилизовали в трудармию, в 1944 по болезни и от истощения комиссовали, вернулся к семье в Тюкалинку. Прожил ещё 3 месяца и 23.10.1944г. умер, был похоронен в Тюкалинке, мать осталась с двумя дочерьми, старшая из которых и была Ирма. Мария вышла замуж и переехала в пос. Рабочий. Мы с Ирмой были знакомы с Поволжья, наши предки друг друга хорошо знали. Ирма Ивановна тоже отработала на всяких работах 35 лет. На валке приходилось вручную валить лес и вытаскивать его волоком, работала сторожем на нефтебазе, в больнице. Всегда была в почёте и пользовалась уважением односельчан.

Сиблагом связанные судьбы

Четвёртый год после войны... Цветущий край, море, во всей красе горы и самый бедный народ. Победа принесла надежду на новую жизнь, только какую?...

В одночасье, 14 июня 1949 года им приказали собраться в дорогу, с собой взять только самое необходимое. Эшелон № 97115 формировался на станции Тамыш. Через 4 часа их посадили в товарный вагон и под крики и плач, которые заглушал грохот вагонов, поезд тронулся в неизвестность. Вагоны были забиты народом. Самое страшное из всего услышанного - это слово «Сибирь», которое теперь было на устах ссыльных. Кто враг? Берия, Сталин? Разве могли они отправить на смерть своих соотечественников, своих земляков? Это же предательство своего народа! Людям было это непонятно. Горечь разочарования в тех, кому верили, как самим себе. Страх за своих детей, жён и матерей, это оскорбительно для гордых кавказских мужчин.

Эшелон вышел с места 14 июня, в Томск прибыл 29 июня, таким образом, в пути находился 15 суток. В нём следовало 1290 человек. На месте формирования санобработка людей не производилась. В пути следования санобработка была проведена только на станции Сызрань (выписка из архивного документа).

Почему-то в вагонах в основном были люди бедные, очень много пожилых, одиноких. В Сухуми, на станции Тамыш, где формировали поезд, оказались: Тот-Оглы Осман с семьёй, Мелик-Оглы Изыз с сыновьями (сам Изыз слеп, старший Сулико уже работал в найме, маленький Илико 5-ти лет, мать умерла, отец один воспитывал сыновей), Казанджи-Оглы, Узун-Оглы.

Слух о том, что они враги народа, витал в воздухе, бил наотмашь их, непонимающих, а кто враг: слепой Изыз с худыми заморёнными сыновьями, которые уже батрачили за кусок хлеба; Казим, давно потерявший родителей, вечно голодный; Сали, живущий в такой захудалой хибарке, которая вот-вот завалится или Шефик с орденами на груди, вернувшийся с фронта?

Цветущая Абхазия и нищий народ, только что переживший войну.

Ещё в Грузии и Абхазии никто не знал о надвигающейся беде, а в Томск уже были направлены указания по поводу нового постановления. Нарымский край готовился принимать новый спецконтингент.

29 мая 1949 года было принято постановление Совета Министров СССР о приёме и расселении по районам новых переселенцев – турков.

Так на васюганской земле в числе русских спецпереселенцев, освоивших таёжную глушь в 1931 году, через 10 лет, в 41-м, появился контингент немцев Поволжья, эстонцев, латышей, литовцев. А в 1949 году Васюганский район готовился к прибытию народов Кавказа: турки, лазы, грузины, абхазы должны были по велению «отца народов» осваивать Сибирь...

Смерть близких людей, голод, неимоверный труд на лесоповале, гнус, от которого некуда скрыться - всё пережили они.

Но жизнь продолжалась. Выжившие мечтали о любви, семье и продолжении рода...

Маша + Шефик

Семью Саратовых выслали из Омской области 1 июня 1931 года. Татьяна Трофимовна с тремя ребятишками оказалась на земле васюганской. Марии Михайловне тогда было 6 лет. Здесь в 31-м родился Василий, в 1935 - Александра. В 37-м отца забрали в трудармию. Татьяна набрала для голодных детей мешочек мякины и её посадили в тюрьму. Они прошли тот же ад, что и все остальные. В боях под Ржевом в апреле 43 года погиб в бою Степан Саратов.

Девушки уже работали на лесоповале, когда в 1949 году Васюган принял народ Кавказа. Узун-Оглы Шефик Иосифович - молодой, красивый турок, только что вернувшийся с фронта. С Марией они встретились на лесоповале. Скромная, совсем неприметная девушка, именно она завоевала его сердце.

Узун-Оглы Маша и Шефик

В начале 50-х появилась молодая семья: муж - турок, жена - русская. Вместе работали в лесу, в 1957 году, когда турки были откреплены от комендатуры и уехали на родину, Шефик остался. Здесь, в Сибири, покоились его родители, а родственники были только в Турции.

Они стали работать на хлебопекарне в пос. Осинов Яр. В 1963-м году переехали в Новоюгино. Эта семейная пара была не только в почёте на работе, но и пользовалась всеобщей любовью и уважением. Двери их дома были открыты всегда и для всех не только в Сибири, но и в Абхазии, куда они переехали в 1975 году. Единственная проблема в семье - отсутствие детей, а это последствие тяжёлого труда на лесозаготовках. Они в один год ушли из жизни, любовь их была так велика, что жить друг без друга они не могли. А память о них жива до сих пор...

Александра Саратова и Ниязи Дженелидзе.

Александра Саратова

Александра Михайловна Саратова следом за старшей сестрой вышла замуж за Ниязи Дженелидзе.

СПРАВКА

Дана Дженелидзе Ниязи, 1927 года рождения, уроженцу г. Сухуми, Абхазской АССР, по национальности грузин, в том, что он с учёта спецпоселения снят.

4 января 1957 года

Начальник Васюганского РОМ МВД /Мурзыков/

№ 587

В 1957 году молодая семья уехала в Абхазию, г. Очамчира. До начала перестройки они жили дружно и счастливо, вырастили сына и дочь. В первую Грузино-абхазскую войну они вынуждены были оставить родину и уехать к дочери в Москву. Эти события подорвали их здоровье, и вскоре они отошли в мир иной.

Ещё одна спецпереселенческая семья

Семья Гудукиной Анны Васильевны 1 февраля 1930 года была выслана из Тамбовской области в Нарым. Отец умер, мать посадили в тюрьму за неуплату налога, там она и умерла. Анна с братом остались одни. В 1943 году брата забрали на фронт, поэтому их открепили от комендатуры. Аня осталась одна.

В 49-м году Казанджи-Оглы Рашит Шукриевич был выселен из Абхазии в село Айполово. С ним на поселении были два брата и мать. Работали в колхозе. К счастью, выжили.

Уже в Новом Васюгане встретились два одиночества - Анна и Рашит. Вспыхнула любовь между

Семья Казанджи-Оглы

молодыми красивыми спецпереселенцами. Родилась новая семья. Любовь всеильна, вдвоём легче было идти по жизни, появились дети. После того как в 1957 году разрешили вернуться на родину, Рашит оставить семью не смог. В любви и согласии прожили пятьдесят лет. У них две дочери и сын. С болью он говорит о потере любимой жены.

P.S. Вчера я была в гостях у дяди Рашита, это была наша первая встреча, я как будто встретила со своим отцом, таким же чутким, заботливым, внимательным - это была родная кровь, мы - лазы и осталось нас в Сибири единицы. Дети наши уже смешанной крови. Мы ели русскую окрошку, заправленную грузинской аджикой, сделанной его руками. Вспоминали далёкую Родину, где и у него, и у меня живут родственники, с которыми навряд ли мы уже увидимся. С тревогой мы следим за событиями в Грузии и Абхазии.

- Хорошо, что я живу в Сибири, - говорит дядя Рашит, - ведь могло случиться так, что пришлось бы воевать со своими братьями.

Мне не было и девяти лет, когда я потеряла папу, сестрёнка на два года моложе меня. Всю свою жизнь мы не могли смириться с этой потерей. В памяти осталась его забота и любовь к нам, ребятишкам, к маме. Дядя Рашит перевернул всю душу, находясь рядом с ним, я почувствовала отцовское тепло, которого мне не хватало всю жизнь. Я и сейчас вспоминаю нашу встречу со слезами. А ведь мне уже 57...

Братья

Мелак Оглы Сулико и Илико родились в Абхазии. Жили очень бедно, впроголодь. Оставшись без матери, Сулико вынужден был добывать кусок хлеба в найме у чужих людей. Отец Изыз рыл колодцы людям, жить случайными заработками было невозможно:

на его руках двое детей. Трудно было отцу-инвалиду поднимать детей. Кому жаловаться, если так жил весь абхазский народ? Но власть и в его лице видела врага, поэтому они оказались в Сибири. В Майск их привезли уже на неводниках. Теперь Сулико с братом работали оба в колхозе. Отец, потерявший от потрясения зрение, вынужден был сидеть дома. Умер он в 1959 году, не дожив до 50-лет. В 1957 году Сулико женился на Ижболдиной Надежде и молодые уехали на его родину, где родился их первенец. Но жизнь в Абхазии за годы их отсутствия не изменилась. Всё тот же нищий народ, голод. Они вернулись в Сибирь, где прожили в любви и согласии 50 лет. Дети у Сулико и Надежды очень

Мелак-Оглы Сулико с семьёй

трудолюбивые, заботливые. Ещё не зарубцевалась рана по ушедшей из жизни любимой жены и мамы. Заботой и вниманием дочери окружён Сулико, с которой живёт в настоящее время.

Мелак-Оглы Илик с супругой

Только в 1958 году Илик удалось уехать из Майска в Осинов Яр, там в леспромхозе работал в лесу на волокуше, так вытаскивали или вывозили лес. Женился на Широковой Нине, тоже ссыльной. Она сумела разглядеть в этом скромном немногословном турке любящего и заботливого

мужа и отца. Всю трудовую жизнь он работал в леспромхозе. Где черпает силы этот сухощавый, вовсе не обладающий богатырским телосложением человек, неизвестно. Но до сих пор он, не покладая рук, трудится в своём хозяйстве. Рядом с Илико верная жена, живут, отдавая свою любовь детям и внукам. Вся жизнь братьев в работе и заботе о семье.

Но всё чаще и чаще вспоминается далёкая Родина...

Не только выжить, но и остаться человеком

«Белохвостов Иван Яковлевич, 1897 года рождения, с. Ново-Рейное, Новоузенского района, Самарской губернии, проживал в п. Шкарино, Каргасокского района ЗСК, сапожник артели «Север». Арестован в 1937 году. Расстрелян.»

Впервые сведения об арестованных в 1937 году спецпереселенцах были опубликованы в книге «Боль людская»¹. Только тогда Василий Белохвостов узнал о судьбе своего отца.

Как и тысячи других спецпереселенцев, их семью выслали с Алтая. В 1931 году их выбросили на берег Нюрольки и уже позднее это место назвали Оторвановкой. Здесь прожили около 5 лет, а затем переехали в Шкарино.

Дед построил себе домик, он был отменным сапожником и думал, что проживёт своим ремеслом и работой в артели.

В 1937 году в посёлок пришёл катер с милиционерами. Дед в это время рыбачил с рыбартелью в верховьях Васюгана. Расспросив местных, где найти Ивана Яковлевича, паузок отправился туда. Подошли, спросили: «Кто Белохвостов Иван? Собирайся, поедешь с нами». За что и почему, ничего не объяснили. Паузок

¹ Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и начале 50-х годов. Управление КГБ СССР по Томской области, 1991, ч. I, с. 90.

прошёл мимо Шкарино. Дед даже не смог проститься с женой и своими детьми. С тех пор моя бабушка воспитывала детей одна, не имея никаких сведений о муже. В настоящее время в живых остались только три тётки: Антонина Ивановна, Раиса Ивановна, Екатерина Ивановна.

У деда были братья, но о них мой отец ничего не рассказывал, так как после высылки ничего не знал о них, связей не поддерживал.

В 1956-57 г.г. отец мой посылал в розыск. Пришёл ответ - умер от сердечной недостаточности, и прислали деньги. А в горбачевские времена в газете «Северная правда» стали печатать имена людей, расстрелянных в Колпашево. Я нашёл фамилию своего деда. Когда его забирали, у бабушки было уже пятеро детей: четыре девочки и один мальчик - мой отец. Она была беременна шестым ребёнком. Кормить детей было нечем. Однажды, от безысходности, она выпроводила детей на улицу и, закрыв дверь на крючок, повесилась. Услышав плач детей, соседи сорвали крючок и откачали бабушку. С тех пор всю оставшуюся жизнь она ходила в чёрном одеянии, даже в праздники. Умерла Мария Андреевна в 1961 году.

Отцу было 10 лет, когда закончилось его детство. Учиться довелось всего два года. Школа была в Волчихе, учитель Соколов обучал детишек репрессированных. Как говорил отец: «Учился на крысах», т.е. ставили в подполе капканы, ловили крыс, обдирали и сдавали шкурки (благо

М.А. Белохвостова с внуками

крыс было много). На эти деньги покупали хлеб. После уборки картофеля снова шли в поле и искали оставшуюся картошку. А ещё переезжали на другую сторону Нюрольки, на которой стоит п. Волчиха, и воровали турнепс, брюкву, которые выращивали на колхозных полях.

Окончив 2 класса, отец пошёл работать в Шкарино: готовил осмол (корчевали пни, готовили дрова, из которых потом гнали смолу). Через некоторое время его отправили в Бондарку на курсы кузнецов. Во время войны работал бондарем (делал бочки).

В 1945 году его забрали в армию, он доехал до Томска и вернулся: война закончилась.

Позже вышел из колхоза и устроился в техучасток водником. В 1966 году с семьёй переехал в Мыльджино. Умер в возрасте 55 лет.

Мой отец до последних дней не мог простить власти тот ужас, который они пережили. Убить физически – просто, убивать морально, подавляя волю и человеческое достоинство – это самое страшное. Нужно было не только выжить, но и остаться человеком. Отец мой всегда был примером нам, своим детям.

Сейчас, принимая участие в проведении акции «Прощение и память», наблюдая за разворачивающимися событиями по увековечиванию памяти всех невинно загубленных, я чувствую некоторое душевное облегчение и стараюсь не только сохранить память о них, но и рассказываю своим детям и внукам.

Воспоминания Белохвостова Владимира Васильевича (внука) о расстрелянном в Колпашево Белохвостове Иване Яковлевиче.

Жизнь продолжается, несмотря ни на что...

*Но и до смерти до своей едва ли
Я позабуду тот и день и год,
Когда в Сибирь или куда подале
Поволжских немцев разом выселяли.
Не тех, кто побывал в судебном зале,
Не хутор, не деревню - весь народ.*

В. Савельев

Роковым днем для немцев Поволжья стало 28 августа 1941 года. В этот день Президиум Верховного Совета СССР издал по указанию Сталина секретный указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в другие края и области. Указ содержал прямое обвинение немцев Поволжья в пособничестве агрессору, поэтому всё без исключения немецкое население СССР, проживавшее западнее Урала, подверглось депортации.

Женя Штраух, 1941 год

В этот водоворот страшных событий попала и шестнадцатилетняя девушка Женя Штраух.

Евгения Александровна Нейман (Штраух) родилась 21 января 1925 года в г. Саратове.

- Мои родители, Александр Петрович и Мария Ивановна 1905 года рождения, жили в любви и согласии. Я - единственная, любимая дочь в семье. Папа работал кладовщиком на заводе

тракторных деталей, мама при заводской больнице. Здесь же при заводе мы занимали крошечную комнатку. Я училась в 41-й средней школе г. Саратова. Тяжело давался русский язык - имела «посредственную» отметку, а по всем остальным предметам «4» и «5».

Когда появились в России немцы Диц, Штраух Евгения Александровна не знает, возможно, со времен Екатерины II, а может и при Петре I. Евгения Александровна говорит, что испокон веков их род проживал в России. Её дедушка Штраух Петр, будучи уже в возрасте, работал кучером при этом же заводе. Богатства никакого не было, жили очень скромно.

- Летом 1938 года мы с мамой отправились на базар за продуктами. День был жаркий. На базаре было людно, нам пришлось долго стоять в очередях, я лакомилась мороженым, а мама настолько устала от летнего зноя, что ей уже ничего не хотелось. Мы с трудом добрались до дома. Упав в изнеможении, она выпила холодного молока, а к вечеру у нее поднялась температура. Когда мама обратилась в больницу, было уже поздно. Диагноз - туберкулез.

21 января Жене исполнилось 14 лет, а 29-го она потеряла свою любимую мамочку. Безысходное горе навалилось на хрупкие девичьи плечи...

Через полгода отец привел в дом Александру Сергеевну Волкову. Нужно сказать, что мачеха изо всех сил старалась наладить

Александр Петрович и Мария Ивановна Штраух

отношения с падчерицей, старалась смягчить ее душевную боль, и ей со временем это удалось. Возвращаясь с работы, она всегда ей приносила гостинец, заботилась, как о родной дочери. Боль душевная улеглась, Женя поняла, что жизнь продолжается, не смотря ни на что...

- 1941 год... в первых числах сентября в товарных вагонах поезд мчал нас на восток, в суровую Сибирь. Вагоны были переполнены, благо нам место досталось напротив двери, иначе бы задохнулись от вони и духоты. Вещей было немного, но взяли все самое хорошее.

Высадили нас на станции Ояш, п. Антоновка, Новосибирской области. Дедушка Штраух Петр ехал вместе с нами, но куда его высадили, что с ним было дальше неизвестно.

Еще в дороге мы познакомились с молодой семьей, у них был полуторагодовалый сын Костя. Они были образованные люди, специалисты по гидромелиорации. Их взяли в колхоз в бухгалтерию, а я нянчила их мальчика. Отец до Нового года работал в колхозе.

А 27 января 1942 года его забрали в трудармию на строительство железной дороги Абагур - Тайшет.

О пребывании российских немцев в трудармии почти ничего неизвестно, т.к. они не относились к числу заключенных. Суровые климатические условия, непосильный труд вели к высокой смертности. Уже через некоторое время Александр Петрович обессилел, перестал выполнять наряд-задание, а нормы питания устанавливались по нормам ГУЛАГа. За невыполнение наряд-задания норма хлеба урезалась.

- И вот, как-то в феврале мне женщины мне говорят: «Женя, беги домой, отец твой вернулся». Я побежала. Навстречу мне шел худой, весь обмороженный, на костылях человек, в котором я с трудом узнала своего отца. Мне пришлось менять свои платья на

молоко и другие продукты для него. Через два месяца он уже мог ходить с палочкой. В мае его вновь забрали в трудовую армию.

Это было последняя наша встреча, прощаясь, мы понимали, что прощаемся навсегда.

Женя осталась одна, теперь она тоже работала в колхозе. От отца еще приходило письмо, он сообщил, что его вторая жена прислала деньги ему на продукты, но их украли в «зоне», что болел цингой, и просил прислать чеснок и лук. Женя помочь ему уже ничем не могла. Вещей уже почти не было, лишь оставался отцовский добротный новый костюм, но он просил хранить его до самого «черного дня», да и чеснок весной достать она не могла. Новые брюки отца она обменяла на картошку и посадила огород. Картошка буйно цвела, когда в июле их посадили на баржи и отправили вниз по Оби. С собой только ручная кладь. Окрики конвоиров, плач детей, растерянные лица и обреченность в глазах людей, молча выполняющих приказы.

- Народу на баржах и в трюмах было так много, что даже пере-
ставить ногу или пошевелить ею не было возможности. Люди не
сходили с места, иначе потом некуда было сесть. Все держались
семьями, с родственниками, а я одна - одинешенька...

- Тех, кто в пути умирал, чаще всего просто выбрасывали за
борт, не предавая тело земле. Мне было так страшно...

В пути председатели колхозов набирали себе работников.
Только в Каргаске председатель колхоза из Киндала взял Женю и
еще трех девушек на покос. Расселили по людям.

Самое трудное было пережить дискриминацию по отношению
к немцам, моральное угнетение. Власти не пытались объяснить
местному населению, что советские немцы не несут ответствен-
ности за развязанную Гитлером войну. Это усиливало неприязнь
к переселенцам не только коренных жителей, но и тех, кто совсем
недавно сами были спецпереселенцами.

- Нас вообще за людей не считали, унижали, обзывали фашистами. Но председатель Киндальского колхоза был, казалось нам, добр по отношению к нам. Он в некоторой степени позаботился о питании, предложил рабочую одежду.

- Когда закончился покос, приехал из Каргаска вербовщик из Торгплодоовощи тесать клепку. Завербовал нас всех. Мы валили кедрач, пилили чурочки поперечной пилой и лучком. Потом чурочки раскалывали. Нам платили небольшие деньги.

В Старом Киндале был организован промкомбинат, мастерские по пошиву одежды, обуви (шили чирки), была пимокатная.

- Нас определили заготавливать дрова для мастерских. Лес пилили двуручной пилой, обрубали сучья, а вывозили его на быках. Бык - упрямое животное, погрузив дрова на сани, мы «упрашивали» быка тронуться с места, но безуспешно, нам приходилось подтаскивать бревна к быку, мы тянули быка, а он сани. 16-летние девчонки... Теперь не могу представить, как мы выполняли план, а он был жестким, особенно по отношению к новому контингенту, к «фашистам». Один день лес валили, потом пилили и кололи на две мастерские. За что и получали свои - 800 г., иждивенцам хлеб выдавали по 600 г., а детям - 400 г.

- Я ходила за хлебом сама и всегда просила продавца дать мне «горбушечку» хлеба, никогда не могла донести его до дома, по крошечке, по крошечке съедала его по дороге.

В Киндале жили с Зоей Карле (она работала бухгалтером в промкомбинате). В выходной день мы ходили в лес за краснопрутником, а после работы вечерами плели корзины и сдавали их за хлеб. За корзину давали 400 грамм хлеба. Это был дополнительный паек. У Зои был сын трех лет, пока Зоя была на работе, мальчик находился дома один и ждал, когда мама вечером его накормит. Мальчик, увидев хлеб, закрывал его руками, целовал его и кричал, что это его хлеб. Мы с трудом успокаивали его, но он потом «щедро» делился с нами этим хлебом. До сих пор перед

глазами эта картина. У Зои муж был в трудармии, как оказалось, вместе с моим отцом, мы подружились. Сама Зоя русская, поэтому ходатайствовала о своем возвращении в Поволжье. Но она должна была развестись с мужем, отказаться от него. Когда она попросила у него развод, он повесился. Зоя простить себе этого не могла.

- С Зоей мы жили у местного рыбака на квартире. Сам дядя Герасим был добрый человек, но жена его всегда досаждала нам. Повесим на ночь на шесток одежду просушить, она обязательно сбросит ее на пол, утром приходится надевать мокрую. А одежда - то была: штаны из мешковины, чирки, которые уже расползлись окончательно, и худая поддевка. Мы сами заготавливали им дрова, носили воду, убирались в доме, но хозяйку это не устраивало, и она выменивала у нас одежду за картошку. Так пришлось обменять мамин подарок - сережки с хризолитом. У меня еще была перина, и вот хозяйская дочь все время у меня ее выпрашивала, а я отказывала. «Ну, ничего, - говорила она, - все равно будешь сдыхать с голоду, никуда не денешься, отдашь». Герасим, бывая дома, после ужина говорил жене: «Налей девчонкам ухи». Она выловит всю гущу, отдаст собакам, а нам плеснет юшки, но мы и этому были рады, хотя от обиды ком в горле стоял, но хотелось выжить...

- Вскоре по вербовке я попала в Вертикосский леспромхоз. Здесь вышла замуж за Неймана Александра Карловича.

Родился он 16 мая 1926 года. Бабушка Саши жила в прислугах у богатых. Мария, мать Саши, была простой и скромной девушкой. Вышла замуж за Неймана Карла, родила ему двух сыновей. Но однажды Карл сказал Марии: «Я нашел любимого человека, не обижайся на меня. Если хочешь, отдай мне сыновей». Так распалась семья. Карл работал на маслозаводе мастером, новая семья жила в достатке, а Мария, работая техничкой, жила впроголодь. Тогда она попросила мужа забрать сыновей себе, Саше в ту пору

было 7 лет, а Ване три годика. Вскоре они переехали в Среднюю Азию. Но отец отпускал иногда сыновей летом гостить к матери.

Бабушка переехала в другой город и вышла замуж. Мария жила в людях, но потом они взяли её к себе. Когда Саша подрос, он поступил в ремесленное училище в городе у мамы. Ванечка тоже все время просил маму забрать его к себе, но жить было негде. И дедушка пообещал ему, что на следующий год он тоже останется у них.

Наступил роковой 41 год...

Саша с мамой, бабушкой и дедушкой оказались в Сибири. Саше еще не было 15-ти лет, поэтому в трудармию он не попал. С ним мы оказались на одной барже, вместе были в Каргаске и Киндале. Куда отправляли работать меня, там оказывался и Саша. Естественно сначала возникла дружба и взаимопомощь, а потом пришла любовь...

В Вертикосе мы жили в бараче. Здесь жила и их семья. Мама Саши работала техничкой в пекарне, бабушка жила в няньках у Егора Аркадьевича (он работал продавцом в магазине), дедушка собирал милостыню, работать он уже не мог.

-Я была совершенно одна, у всех были родственники, а у меня никого совершенно, может быть, поэтому все меня жалели, помогали всегда мне. Бывало, приду с работы, хлеба уже нет, вечером варить нечего. Мария Нейман видит, что я сегодня не показываюсь у плиты, принесет мне чашечку супа, картошки, заставит съесть.

А в 1946 году мы с Сашей поженились.

Нельзя сказать, что с этого момента жизнь наладилась, но теперь Женя вновь обрела семью, за спиной была защита и опора - муж. В 47-м появилась Ирочка, затем пошли один за другим дети... В 1948 году их перевели в Нюрольский леспромхоз.

И здесь опять наряд-задание. Лес под валку нам выделяли всегда чапыжник, а вечером в конторе вывешивали «Молнию»-

Слева направо: Александр, Евгения и Иван Нейман

сводку о выполнении работ на лесозаготовках, и нас, немцев, всегда «продергивали» за невыполнение нормы.

Теперь у Евгении Александровны хранятся правительственные награды: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», - много почетных грамот и благодарностей. Она «Ветеран труда».

Но какая жизнь прошла...

Татьяна Ивановна Фёдорова.

Внучка репрессированных крестьян Омской области и дочь репрессированного немца Поволжья, учитель истории Новоюгинской школы, одна из авторов проекта «Прощение и память», краевед.

(п. Новоюгино)

«Помяните все деревни поимённо...»

*«Помяните все деревни поимённо,
Поклонитесь всем деревням порайонно,
Всем могилам позабытым и крестам,
Поклонитесь деревенским пустырям...»*

Все мы родом из детства, у всех оно было разным, но не ошибусь, если скажу, что у большинства оно было деревенским: с ароматом утреннего воздуха, настоянного на запахе черёмухового цвета и молодых берёзовых листьев, со вкусом парного молока и свежее испечённого хлеба. Купание в реке, покос, костёр, грибы, ягоды, шишки - это всё оттуда.

Мы выросли... Теперь уже своих детей и внуков отправляем в деревню к дедушкам и бабушкам - должны же быть и у них свои прелести детства! Вроде ничего не изменилось, и в то же время, захваченные круговоротом жизни, мы порой не замечаем - исчезают деревни, умирают... Ничто не вечно, да. Но, как человек рождается в муках, так рождались и деревни на Васюганье,

тем они и дороги нам. Об этом многое могли бы рассказать наши родители и деды - спецпереселенцы.

Спецпереселенец – слово-приговор, слово-клеймо. И это клеймо носили тысячи безвинных жертв сталинской коллективизации. Выдворенные за пределы родной земли, крестьяне обживали наш суровый сибирский край, преодолевая невероятные трудности. Именно их тяжким трудом осваивались берега Васюгана, представлявшие собой узкую полосу суши, шириной от нескольких десятков до нескольких сотен метров, а дальше – болото...

*...Простор Иртыша и земли Алтая
Навсегда остались позади...
Впереди - болота Нарымского края,
Нужда, голод и смерть впереди...*

***Жилище спецпереселенцев на р. Васюган
(из фондов Томского краеведческого музея)***

Именно раскулаченное крестьянство в начале 30-х годов XX века основало сотни населённых пунктов Нарымского края, большинство из которых носили названия селений, откуда судьба их, тружеников - земледельцев, безжалостно вышвырнула.

*...Славгородка и Волчиха, Красноярка, Тевриз...
Как память о родине, вы здесь вновь родились...
Сколько бед и страданий пережить вам пришлось!
А молитвы - стенания, а деревенский погост!?...*

Из почти 160 деревень Каргасокского района на сегодняшний день осталось около 30... Только по Васюгану и его притокам было более 100 деревень, 82 из которых были основаны спецпереселенцами¹.

Сейчас осталось только 12...

Деревни умирают, как люди, унося с собой ещё очень много несказанного. Красноярка, Тюкалинка, Ново-Уралка, Ново-Славгородка и много-много других маленьких посёлков спецпереселенцев, исчезнувших в небытие... Время стирает прошлое, вода съедает берега... И только поклонные кресты возвышаются над Васюганом, указывая места, где были деревни и жили люди...

Были и жили... Жили - были...

Здесь было прошлое, нет настоящего и никогда не будет будущего?

Так не должно быть!

Остановись, путник! Здесь была деревня, здесь жили люди!

Это место было родиной тех, кто волей судьбы попал сюда!

Велика цена тем бедам и страданиям, что пришлось им здесь пережить! И деревня, и люди заслужили, чтобы о них помнили!

¹ По данным примерного списка населённых пунктов, основанных спецпереселенцами (составитель Ранн П. Я., житель с. Каргасок).

Как они жили? Какой след оставили в истории района?

Это и стало целью проекта «Энциклопедия каргасокских деревень от А до Я»: сохранение памяти о людях и времени через восстановление истории поселений Каргасокского района на основе воспоминаний старожилов, документов из областного, районного и личных архивов, книг писателей-земляков, публикаций районной газеты «Северная правда», данных районного военкомата и Интернет-ресурсов.

И результаты таковы:

- Составлен сборник «Как это было», ч.1 (воспоминания о коллективизации и раскулачивании, о работе в тылу в годы Великой Отечественной войны, о послевоенной жизни края);
- Собран материал для 2-й части сборника «Как это было»;
- Организован поиск материалов по теме «Удивительные судьбы земляков»;
- Собираются экспонаты для музейной экспозиции о спецпереселенцах;
- Выполнены макеты-реконструкции «Жилище спецпереселенцев» и «Баржа на Васюгане»;
- Налажена переписка и общение с теми бывшими спецпереселенцами и их родственниками, кто жил в деревнях по Васюгану и его притокам, а сейчас живут в разных уголках России или за её пределами: в Швеции, Израиле, Германии.

Из переписки:

16.06.08.

Stockholm, Sweden

Dear Tatjana Ivanovna! I got your book and your letter. Thank you very, very much. I was affected to tears. You, your colleagues and the pupils of your school do a great job.

I will answer you soon in Russian...

The picture on the book cover remembered me the bank of the river Wasjugan.

Sincerely yours Paul W.

Дорогая Татьяна Ивановна! Я получил вашу книгу и ваше письмо. Спасибо очень, очень. Я был тронут до слёз. Вы, ваши коллеги и ученики вашей школы делаете большое дело. Я отвечу Вам скоро на русском языке...

Картина на книжной обложке напомнила мне берег реки Васюган.

Искренне Ваш Пол В.

2.10.08.

Liebe und sehr geehrte Tatjana Ivanovna!

Könnte Sie mir bitte noch ein Buch «Proschenie i Pamjat» schicken??? Ich brauche es für die deutsche Schule in Solingen. Ich rufe Sie auch morgen an. Bitte alle Lehrer und Schüler dieses Projektes grüssen.

Viele liebe Grüsse, Ihr Paul.

Дорогая и многоуважаемая Татьяна Ивановна!

Я работаю над сборником «Прощение и Память», но всё идёт очень медленно. Прошу Вас прислать мне ещё один экземпляр книги проекта «Прощение и Память» для немецкой школы из Солинген, если это возможно. Привет всем учителям и ребятам проекта.

С уважением и любовью, Ваш Пауль.

12.12.08.

Дорогая и многоуважаемая Татьяна Ивановна!

Как я Вам однажды писал, я намеревался связать Вашу школу с одной школой в Германии, в городе Солинген, где ученики зани-

маются такой же благородной работой в «проработке» печального прошлого, что и Ваши ребята делают. Немецкие ребята ухаживают за могилами на еврейском кладбище, ибо в городе нет наследников к этим похороненным и ухаживать за этими могилами некому.

Я связался с руководителем этого проекта, преподавателем истории, с которым я лично знаком, написал ему подробное письмо о Вашем проекте, послал ему копии из Вашей книги и спросил его о возможности связи и обмена опытом между вашими двумя школами.

Перед Рождеством мы получили от этого учителя очень длинное и обстоятельное письмо. Он очень ценит Вашу работу и, конечно, хотел бы сотрудничать с Вами и с Вашей школой...

И в Австрии тоже начали работать школы и юноши с такими же проектами, как и Ваши юноши. Но у них, полагаю, есть совсем другие ресурсы, чем у Вас. Их финансируют государство и другие местные организации, а у Вас многое делается добровольно, как кресты и прочее. И о них я напишу в другой раз.

С уважением Ваш Пауль.

2.03.08.

Тель-Авив, Израиль

«На память уважаемой Татьяне Ивановне и людям, которые будут жить после нас... Это не должно быть забыто... Сердечно, Маргит Бартфельд - Феллер» (надпись на книге автора «И прошедшее не уходит...» (Черновцы - Сибирь - Израиль).

Всё это является рабочим материалом для написания истории каргасокских деревень и создания на их основе мультимедийных работ с голосовым и музыкальным сопровождением.

*Землянка спецпереселенцев. Снимок 30-х г.г.
(из личного архива Фёдоровой Т. И.)*

*Макет-реконструкция «Жилище спецпереселенцев»
(вид снаружи)*

*Макет-реконструкция «Жилище спецпереселенцев»
(вид внутри)*

Макет-реконструкция «Баржа на Васюгане»

Послесловие

Из высказываний учащихся МОУ «Новоюгинская СОШ» об участии в краеведческих проектах:

В ходе работы над проектом можно не только собрать какие-либо данные, но с его помощью можно и нужно пробудить самосознание местных жителей, уважение к судьбе их предшественников - спецпереселенцев, показать, каким трудом далось освоение этих земель, какими лишениями и горем.

Парфенович Владимир

...Нужно пробудить в людях чувство ответственности, чувство уважения к старшему поколению. Это необходимо и для сохранения памяти о наших родных, чтобы мы - внуки и правнуки - не забывали, ЧТО БЫЛО и КАК ЭТО БЫЛО! Ведь пока жива память о них, они живы!

Былина Галина

...Я считаю, что всё, произошедшее в годы репрессий, забывать нельзя: ведь это часть нашей истории. А народ, не знающий своей истории, - бездушный народ, бессердечное существо...

Пирожкова Анастасия

Этот проект очень важен для нас, потомков спецпереселенцев: он позволит не только пропустить через себя боль своих предков, но и понять их, не всегда нами, молодыми, понимаемых. Надо отдать, наконец-то, дань уважения и памяти пострадавшим от репрессий!

Тимофеева Анастасия

Растёт новое поколение, которое должно знать, как жили их родные, через что они прошли ради нас, чтобы мы жили без всяких забот. Это история, которую мы должны знать.

Подлесская Катя

...Я участвовал в изготовлении макетов «Баржа на Васюгане» и «Жилище спецпереселенцев» ещё и потому, что наш посёлок осваивался за счёт ссыльных, среди которых был мой дедушка. И мне захотелось узнать побольше о временах, которые ему пришлось пережить.

Этот проект дал мне знания о том, как можно выжить в естественной среде обитания и как защитить родных и близких в случае репрессий.

Грицина Пётр

...Мне было интересно узнать о том, как жили люди в то время. За что их сослали в Сибирь? И почему именно в Сибирь?

Мне не хочется, чтобы это время вернулось к нам опять, это были страшные времена. Мне этот проект помог узнать, как жили наши дедушки и бабушки, какое было детство у них и как им было тяжело.

Соснина Полина

Я участвую в проекте, потому что мне это интересно, и я хочу сохранить память о репрессированных.

Нелюбина Ирина

Из воспоминаний родных Буряк Дарья Кузьмовны и Ивана Андреевича

Д. К. Буряк

...Родилась Дарья Кузьмовна в 1901-м году на Украине. Через некоторое время родители в поисках новых земель переехали на Алтай.

...Замуж вышла в хорошую семью. Её муж, Иван Андреевич Буряк, был участником Гражданской войны, служил в Красной армии, сражался с врангелевцами на Перекопе. В 1923-м году родился первенец Павел.

...У семьи, а они жили с родителями, был дом, земля, скот. Работников не нанимали. Сами много трудились.

...Весной 1930-го года Ивана Андреевича отправили гонять плоты под г. Камень-на-Оби, а в

это время его семью раскулачили. Родителей, сестру, брата, жену с детьми выслали в Сибирь.

Дарья Кузьмовна рассказывала:

«Привезли нас на барже, высадили на берег реки Васюган в районе Белого Яра. Метров 10 - сухой берег, а за этой узкой полосой - бесконечное болото. Нас было несколько семей, построили шалаши, нарубив веток. Утром проснулись, а одежда, постель - всё мокрое.

...Я должна была родить, ночью начались схватки. Ушла от людей, а куда - не видела ничего. Нашла меня золовка: стою по колено в воде, обхватив дерево, а ребёнок лежит на муравьиной куче.

...Голод, холод, комары уносили жизни детей и стариков. Перебрались мы в Новоюгино. Местные жители встретили нас настороженно. Их и понять можно – «враги народа» мы.

...Организовался в посёлке колхоз им. 18-го партсъезда. Работали с раннего утра до ночи. Женщины наравне с мужчинами корчевали лес, работа очень тяжёлая. А ведь ещё и дома надо было что-то сделать. Дети были малые. У меня их было уже четверо. Как-то заболела годовалая дочка. Оставила я ребёнка со старшей, 9-летней, и ушла на работу (остаться – боже упаси!). Пришла домой почти ночью, а ребёнок уже мёртвый.

...За людей нас не считали - мы были как рабочий скот. Но со скотом обращались лучше.¹

...1941 г. Война... На фронт из посёлка забрали сразу 28 человек. Мой муж, Иван Андреевич, не попал под призыв из-за возраста, но был назначен бригадиром колхоза им. 18-го партсъезда. Будучи трудолюбивым и ответственным, он работал так, что его не раз ставили в пример и писали о нём в районной газете.»

¹ Действительно, так и было! Об этом свидетельствует следующий документ (Макшеев В.Н. «Нарымская хроника. 1930 - 1945» (Трагедия спецпереселенцев), стр. 45.):

Призывы к 1 Мая 1933г., разосланные в райкомы ВКП(б) (в том числе и в Каргасокский):

- «1. Крепче удар по кулаку, жулику, лодырю!**
- 2. Усилим внимание коню, корове, свинье, кролику!**
- 3. Томящимся в тюрьмах узникам капитала, жертвам фашистского террора - пламенный пролетарский привет!**
- 4. Да здравствует вождь ВКП(б) тов. Сталин!»**

1942г., 27 декабря:

Дадим стране больше леса

Лесорубы и возчики взяли конкретные обязательства по досрочному выполнению производственной программы.

Буряк И. А. – бригадир из колхоза им. 18-го партсъезда Наунакского сельского совета, заявил: «Моя бригада выполняет дневные нормы по заготовке на 120% и по вывозке на 122%. Мы не снизим производительность труда в течение всего сезона».

1943г., 21 февраля:

На собрании лесорубов и возчиков Старо-Маргинского лесозаготовительного участка технорук райлесхоза т. Долгополов подвёл итоги работы лесоучастка в 4-ом квартале 1942г. Участок закончил план с перевыполнением. За хорошую работу более 20 стахановцам начислена премия.

- «В этой успешной работе, - говорит т. Долгополов, - идут впереди колхозы «Пятилетка», «Красная горка» и «18 партсъезд». Т. Долгополов особо отметил стахановскую работу лесорубов и возчиков Душкина Петра, Костаревой Натальи, Буряка Ивана (бригадира) и других из колхоза им. 18 партсъезда... Они выполняют задания на 139-200%. Эти стахановцы за вторую половину декабря получили премиальных от 150 до 236 рублей каждый.

В своих выступлениях стахановцы лесорубы и возчики Буряк, Меликов и другие взяли на себя обязательство выполнить план лесозаготовки и вывозки леса 1-го квартала к славному юбилею Красной армии и вызвали на социалистическое соревнование лесорубов и возчиков Панигатского лесоучастка.

1943 г., 9 апреля:

Сезонный план выполнили досрочно члены колхозов им. 18 партсъезда, «Пятилетка» и «Кр. Горка» Ново-Югинского с/с, работая на лесозаготовках на Маргинском лесоучастке, по-боевому

боролись за досрочное выполнение заданий. Несмотря на то, что рабочей и тягловой силы было не больше 50 процентов, колхозники за счёт повышения производительности труда добились завершения сезонного плана как по заготовке, так и по вывозке леса на 14-10 дней раньше срока.

Лесорубы и возчики из колхоза им. 18 партсъезда Душкин, Коростелев, Мелков и др. под руководством бригадира Буряк И. А. выполнили дневные нормы от 135 до 200%.

1944г., 8 июля:

На восстановление пионерского лагеря «Артек»

Комсомольцы села Новоюгино организовали сбор средств на восстановление разрушенного немцами Всесоюзного пионерского лагеря «Артек». За короткое время они собрали 1000 рублей, превысив предполагаемую сумму на 600 рублей.

Почин комсомольцев подхватили и взрослые колхозники. Заместитель председателя колхоза Буряк И.А. внёс 50 рублей.

1949г., 18 июня:

В КОЛХОЗЕ ИМ. 18 ПАРТСЪЕЗДА

Дружно и организованно идёт работа на полях колхоза им. 18-го партсъезда. Здесь привыкли работать по строго определённом плану, соблюдать график полевых работ. Выполнив план весеннего сева, члены сельхозартела приступили к подъёму паров, который они закончили к 13 июня. Пахари работали непокладая рук. Особенно отличились Буряк Иван, Даниленко Прокофий, Черкашин Иван, ежедневно выполняющие норму на 120 процентов каждый.

Сейчас развёртываются работы по уходу за посевами. К 15 июня полеводческая бригада

произвела подборонку яровых на площади 18 гектаров. Образцы труда показывает звено семеноводческого звена Михаил Митрофанович Ярошенко. Он ежедневно заборанивает по 4, а в отдельные дни до 4,5 гектара.

Одновременно в колхозе идёт подготовка к сенокосу и силосованию кормов. Отремонтировано 2 конных граблей, 2 сенокосилки, сделано 50 ручных граблей, 5 железных вил. План сенокосения намечено выполнить в 25 дней.

В. Александров.

1954г., 26 августа:

«Старички на сеноуборке»

В с/х - артели «Путь к коммунизму» престарелые колхозники активно участвуют на заготовке кормов и уборке урожая. 75-летний Георгий Александрович Останин работает стогоправом. Молодые мётчики Иван Фатеев и Даниил Дершнгус еле успевают подавать сено на стог. Тут же на лугах копнит одногодок Останина Пётр Павлович Душкин. Он также перевыполняет нормы выработки.

И. Буряк, звеньевой на сеноуборке

«...Из 13 детей вырастить, поднять удалось только 5-х, но и тут вмешалась война, - продолжает Дарья Кузьмовна. - Забрали моего старшенького Павла, и положил он свою голову на чужбине, под Нарвой (**Буряк Павел Иванович**, 1923г.р., мл. лейтенант, погиб в бою 12.02.1944г., у хутора Андресоре Эстонской ССР). За что?

Я как вспомню о его проводках, так и плачу. Голодно было. Сварила я картошку меленькую, нечищеную. Поел он её с растительным маслом и с тем увезли его из родного дома.

... Когда получила похоронку, чуть с ума не сошла, руку повело. С тех пор пальцы на

П. И. Буряк

Татьяна Ивановна Фёдорова.

правой руке не работают. Ладно, что вокруг было много хороших людей. У каждого – своё горе, а вместе было легче. Часто вспоминаю тех, кто был как родной в тяжёлое для всех нас время: это семьи Дорошенко, Черкашиных, Токман, Волошенко и других».

Д. К. Буряк

**Записали правнук Матко Евгений, ученик 9-го класса,
и его бабушка Буряк Нина Алексеевна
(невестка Буряк Д. К.), 2005г.**

...Дарья Кузьмовна была общительной, любила людей, старалась помочь каждому, кто нуждался. Была очень гостеприимна, любила петь старинные песни. Она в каждом человеке видела только хорошее.

Из воспоминаний родных Лаврушенко Анны Михайловны

А. М. Лаврушенко

Иртыш... Места привольные, красивые... Заливные луга с высоким разнотравьем, рыбная река да щедрая земля - всё это привлекало людей селиться на его берегах. Издавна здесь занимались земледелием, животноводством, рыбной ловлей. Кто трудился с умом, у того был достаток в доме. И таких зажиточных много было по Иртышу.

Одной из таких зажиточных крестьянских семей была семья Кокотчиковых. Проживала она в д. Бызовка Большереченского района Омской области, где 25 июня 1908 года родилась моя прабабушка Нюра. Семья была большой: родители и 5 детей - Таисья, Михаил, Нюра, Анна и Василий. С ними жила ещё мать отца или «бабынька», как её называли. Жили справно, потому что были они великими тружениками. Во дворе всё было: коровы, лошади, свиньи, овцы, куры, гуси. Сельхозинвентарь хранился не на улице, а в специальных хозяйственных постройках. Был большой амбар для хранения собранного урожая. Всё это было ухожено, сделано по-хозяйски.

«Объем хозяйства до революции: дом, амбаров 2, баня, лошадей 3, коров 10, овец и свиней 1, машинная сенокосилка. После революции: дом, амбаров 2, баня, лошадей 4, коров 12, овец 7, свиней 1.

Наемной рабочей силы нет, торговлей не занимался. Из членов семьи избирательных прав никто не лишался».

Из архивной справки

«Кто рано встаёт, тому бог подаёт» - это про них. Уже в 5 часов утра подводы со взрослыми выезжали со двора, но к этому времени бабынька уже выпекала хлебушек - это было её обязанностью, как и присматривать за малыми внучатами, пока их родители работают. А те возвращались с полей затемно, наломавшись на тяжёлой крестьянской работе. И так с ранней весны и до поздней осени. Даже Гражданская война, затронувшая и их деревню (здесь бесчинствовали колчаковцы: от них, пьяных, мать прятала рослую Нюру под перевернутую дубовую колоду, из которой кормили свиней), не нарушила этот извечный крестьянский распорядок. Хотя праздники тоже были: обязательно отмечали Покров день (урожай в закромах, можно и повеселиться).

Шло время, дети подрастали. Тася вышла замуж за участника гражданской войны Ивана Соломенникова и переехала к нему в соседнее село Ботвино. А Нюра вышла замуж за своего односельчанина Александра Александровича Копейкина и перебралась к его родителям. Но недолго пожилось вместе молодым: однажды приехали из «органов» за Сан Санычем и увезли. Все попытки узнать о его судьбе натолкнулись на зловещую фразу: «Больше не расспрашивайте, иначе хуже будет». Так стала Нюра «соломенной» вдовой и вернулась к своим родителям. Благо, места здесь всем хватало: дом был большой, двухэтажный. Брат Михаил с женой, Нюра, подростки Анна и Василий были хорошими помощниками своим родителям. Но ещё Анна Михайловна вспоминала, что всю крестьянскую пору, когда бы они ни возвращались домой, проезжая мимо одной захудалой развалюхи, видели её хозяйина, прислонившегося к завалившемуся тыну и наигрывающего на гармошке (на вечерках ему давали за игру продукты, тем и кор-

мился). Его прозвали в деревне Голодранцем. Но пришли 30-е годы, и Голодранец был выбран бедной председателем сельского совета.

А в апреле 1931-го года началось массовое раскулачивание в Большереченском районе. И Голодранец пришёл раскулачивать семейство Кокотчиковых. Они в это время лопатили зерно в амбаре. Их так оттуда и не выпустили, пока не подогнали подводы. То же самое происходило в каждом дворе хозяев-единоличников.

Вспоминает старшая дочь Раиса Никитична Нейман (со слов мамы):

«...Слух о высылке семей единоличников разнёсся накануне. Бабынька (её, как престарелую, не высылали) с вечера завела квашню и ночью напекла хлеба на дорогу, и велела одеть на себя побольше одежды. Но когда пришли утром их выселять, то хлеб не разрешили взять. Но умница - бабынька как-то сумела запихнуть в повозку под сено маленький невод, который впоследствии спас их и многих односельчан от голодной смерти. А когда вывели их семью на улицу, с Михаила Петровича (отца мамы) один конвоир снял шубу-тулуп со словами: «Ты поносил, теперь я буду носить».

...Привезли их из Прииртышья на Васюган, высадили на берег, и баржа ушла. Река, стена леса и они: мужики, женщины, дети - и всё...

...Мама рассказывала, много очень людей умерло с голоду. Вот тут и выручил невод: ловили рыбу, сушили в печках (печки лепили из глины прямо на берегу). Солить нечем, соли вообще не было. Когда рыба высыхала, её ели так, варили из неё варево, даже хлеб пекли: толкли вперемешку с травой и выпекали.

...Стали рыть землянки, корчевать лес. Утром уходили на корчёвку, день работали, а на возвращение уже не было сил. Некоторые по пути домой отставали, часто садились отдыхать, говоря: «Идите, я потихоньку дойду», - и остальные знали, что они уже

больше не поднимутся. Утром следующего дня, идя на работу, их видели уже мёртвыми.

...Построили деревеньку, назвали её Краснояркою - в честь омской малой родины, откуда было больше всего сосланных. Создали колхоз «Заря». Но по-прежнему жили впроголодь, пообносились. На трудодни давали так мало, что поесть не хватало сытно, не то чтобы обменять на одежду.

В те годы колхозники, отработав с весны до поздней осени страдную пору, должны были ещё помогать в зимнее время лесоучасткам в заготовке леса. За это им платили там заработную плату, на которую хоть что-то можно было купить. Поэтому многие стремились в лесозаготовительные бригады, но не всех желающих отпускали: в колхозе и зимой хватало работы. Моя мама тоже просилась на сезонные работы в лесу, но ей отказывали.

В колхозе в то время уже была скотина. Но так как вокруг Красноярки не было ни заливных лугов, ни пастбищ, то её приходилось пасти в лесу. И не дай Бог, корова или телёнок потеряется или покалечится, споткнувшись о валёжину, наткнувшись на острый сучок, - это считалось вредительством, и пастуху грозила статья. Поэтому желающих пасти скот не было. И когда маме предложили эту работу, она тоже отказывалась, и согласилась только при условии, что будет заключён договор: если она всё лето пропасёт скот, то её отпустят на зиму на лесозаготовки. Как же трудно ей пришлось: животные разбредались, а ко времени вечерней дойки нужно было всех их выгнать из леса, найти в сгущающихся сумерках отставших и, срывая голос до хрипоты, звать и искать какую-нибудь бурёнку, не желавшую идти и уже лёгшую где-нибудь под кустом на ночной отдых. Но маме удалось сохранить всё стадо, и зимой 1939-го года её отпустили на валку леса в Нюрольку.

Там она встретила Лаврушенко Никиту Лазаревича - вдовца с тремя детьми (Ване на то время было 16 лет, Вере - 14 и Андрею - 12). Они были высланы из Алтайского края Славгородского района.

Из архивных документов ИЦ при УВД Томской области (личная карточка выселенца) следует, что «житель с. Славгородское Славгородского района - Лаврушенко Никита Лазаревич (так в документе), 1902 г.р., уроженец Украины, по национальности украинец, социальное положение - крестьянин кулак, лишен избирательных прав; род занятий хлебопашество, в старой и белой армиях не служил; членов семьи, служащих в Красной армии, нет; подвергался адм. взысканиям «...кратно продан в 1929 году. К моменту выселения членом колхоза не был и в госпредприятиях (совхозах и прочих предприятиях) не работал. Политхарактеристика: «...эксплуататор кулак закабалял молотилкой бедноту брал не посильную плату с населения». Состав семьи на момент выселения: жена Агрефина (так в документе) Игнатъевна 1902 г.р., Иван 1922 г.р., Вера 1924 г.р., Андрей 1926 г.р., Михаил 1928 г.р., Лаврушенко Лазарь Иванович 60 лет, мать Агрипина Дмитриевна 60 лет.

Семья была выслана 18 мая 1931 года в Каргасокский район Томской области. Согласно сообщению с/артели Эконом пос. Н-Уральск Нюрольской поселковой комендатуры № 9-27 от 27 сентября 1937 года, «...Лаврушенко Никита Л. состоит членом артели с 1933 года. За период его состояния в арт. отношение к артельной работе никуда негодное. И вообще человек непривычный работать за тр. дни все стремится работать за чистую монету. С 1-го января по 11 апреля заработал 12 тр. дн. в среднем 34 т/д в месяц. После исключения с артели работал на заготовке дров к.п.ч. работал совершенно по другому - за 20 дней заработали по 260 руб. Это говорит зато что работал не за тр.дни. Семья состоит из 4-х человек кроме него 3 - детей от 8 до 14 лет». (Стиль и орфография в документе сохранены подлинными).

А ведь к этому времени он похоронил мать, отца, жену, младшего сына!

В 1939-ом году они поженились, и маму, так как она вышла замуж «на сторону», из колхоза отпустили. Они срубили в Нюрольке избушку (до этого папа с детьми жил в бараке) и стали жить. В июне 1940-го года родилась я.

...Помню: меня прижимает к себе паренёк, одетый в пальто, а в моих руках крепко зажат калачик. Став старше и вспомнив как-то этот эпизод, я рассказала его маме. Она заплакала: «Это мы Ваню на фронт провожали». А было это 5 октября 1942-го года, и мне тогда было всего-то 3 года 3 месяца...

***Извещение о без вести пропавшем
И. Н. Лаврушенко***

библиотеке прочитала книгу, точно помню, партизанского командира (на фотографии в книге он был с бородой, возможно, это был П. Вершигора или С. Ковпак), где в конце повести упоминается среди прочих имён и Лаврушенко Иван Никитич. А вот название книги забылось).

...Ваню мы больше не увидели. Только в 1949-ом году пришло извещение, что «солдат Лаврушенко Иван Никитович, находясь на фронте, пропал без вести в июле 1943-го года».

(Когда в 1957-м году, закончив курсы радистов, я приехала работать в п. Мыльджино, то в местной

...Когда в 1943-м году закрылся лесоучасток Центральный (точка Нюрольского леспромхоза) и люди стали выезжать оттуда, родители разобрали свой домишко, сделали из него плот и сплавились на нём по Васюгану до д. Вишнёвка, что в 7 км от Каргаска. Здесь его снова сложили. Неказистый, крыша без стропил - таким был их первый дом...

...В августе 1947-го года умирает папа. Он болел ещё с довоенных лет. В 1932-м году его в числе других плотников (а жил он тогда в Ново-Уралке) отправили в п. Васюган на строительство школы. Он упал с лесов и повредил себе что-то внутри. Вот с тех пор он и хворал.

(В Информационном Центре г. Томска в личном деле Лаврушенко А. М. хранится письменное прошение мамы с просьбой разрешить мужу выехать из Нюрольки в Каргасок в больницу для лечения. На прошении резолюция: «Отказать»).

***Никита Лазаревич и Анна Михайловна Лаврушенко
(снимок 40-х г.г.)***

На руках у мамы осталось четверо детей: мне 7 лет, Мише - 6, а родившимся уже на Вишнёвке Любе и Наде соответственно - 3 года и 11 месяцев. Старшие, сестра Вера и брат Андрей, уже работали в подсобном хозяйстве леспромхоза на Усть-Старице.

...На Вишнёвке мы жили плохо. После смерти папы нам платили 107 рублей пенсии по потере кормильца. Было голодно. С ранней весны и до поздней осени мы жили на подножном корме. Весной рылись в оттаявшей земле на колхозных полях, искали перезимовавшую картошку, тёрли её на тёрке и пекли драники, выкладывая лепёшки прямо на горячую плиту, ели крапиву, пестики хвоща, кислицу, колбу. Летом выручали мартыны – речные чайки, ловили их и варили в большом чугуне, а ещё собирали и

заготавливали в больших количествах грибы, ягоды. Хорошо выручал кедровый орех. У нас были одни большие сапоги, чтобы всем подходили, а в основном мы ходили босиком.

...Наш огород в 15 соток мы вскапывали лопатой. Но мир не без добрых людей: иногда, когда пахали колхозные поля, могли и нам поздно вечером или ночью вспахать.

...А ещё была у нас хорошая корова-ведёрница, но в то время с каждой животины нужно было сдать 40 кг мяса и 13 кг топлёного масла. Для этого мама относила немного молока на молоканку, там определяли его жирность, после чего называли то количество, которое необходимо приносить ежедневно для сдачи. Сначала мама каждый день утром уносила по ведру молока. А потом она договорилась с соседями по фамилии Буряк, которые тоже сдавали по ведру молока, и теперь через день они, чередуясь, брали на коромысло два ведра и несли их за три километра на молоканку. Там его пропускали через сепаратор и получали сливки. Оставшийся после пропуска обрат (обезжиренное молоко) они приносили домой. С ведра молока высокой жирности выходило 2 кг сливок, с 3-4 кг сливок - 1 кг сливочного масла, перетопив которое можно было получить чуть более 0,5 кг топлёного. После расчёта с государством по маслу, всё равно сытно не жили: теперь мама копила его, чтобы рассчитаться с налогами. А как единоличники (в колхоз наша семья так и не вступила, хотя каждое лето там подрабатывали), мы должны были платить большие налоги: 800-900 рублей в год.

...В январе 1949-м году мама написала заявление с просьбой: разрешить выехать на Алтай к родственникам умершего мужа, которые помогли бы поставить на ноги её малолетних детей. Ответ был прежний: «Отказать».

...А в ноябре 1949 года нас открепили от комендатуры. Это была радость со слезами на глазах: свобода, которой нельзя было воспользоваться.

Так и прожила она здесь всю оставшуюся жизнь. Поставила на ноги детей, дала им образование. И очень редко вспоминала о прошлом. Но если заходил разговор, то всегда со слезами она вспоминала своего отца («папеньку», так она его называла), о судьбе которого семья ничего не знала с 1936 г., когда он бежал обратно, в Омскую область. И только в 2006-м году стала известна его судьба.

Кокотчиков Михаил Петрович, 1875 г.р. Место рождения: Омская губ., Большереченская вол., Тарский уезд, с. Бызовка; русский; образование: малограмотный; член колхоза «Гудок»; место проживания: Омская обл., Ежовский р-н, д. Ботвино

Арест: 21.02.1936

Осужд. 12.03.1938 тройка при УНКВД по Омской обл.. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР

Расстр. 21.03.1938. Место расстрела: Тара

Реаб. 29.04.1989 прокуратурой Омской обл., основание: на основании Указа ПВС СССР.

Источник: Книга памяти Омской обл.

...Анна Михайловна Лаврушенко (ур. Кокотчикова) умерла 30 апреля 1995г. и похоронена в п. Бондарка Каргасокского района, рядом с могилой своего мужа Никиты Лазаревича.

**Записали правнучка Фёдорова Марина, 2000г.,
дочь Нейман Раиса Никитична, 2005г.**

Из воспоминаний Недоступ Нины Фатеевны

Н. Ф. Недоступ

Родилась 15 ноября 1924 года в п. Алексеевка Славгородского района Алтайского края в многодетной семье Фатей Ивановича и Зинаиды Афанасьевны Ена. У каждого из супругов это был второй брак, а от первого брака у каждого были дети: у отца – Кузьма, Демьян, Анна, у матери – Яков и Иван (умер ещё маленьким). Появились общие дети – Нина, Иван, Ольга. Семья жила в новом просторном саманном доме, который делали из глины и соломы, т.к. в округе на многие километры не было леса, имела хороший земельный участок, на котором все

работали, не покладая рук, и считалась по тем временам небедной. В личном хозяйстве были корова, лошадь, несколько овец, имелись крепкая телега, плуг, сенокосилка. Сеяли пшеницу, лён, коноплю, подсолнух, горох, сажали картофель. На бахче выращивали арбузы и дыни. Всё лето и осень семья была занята заботами о будущем урожае: поливали, пололи, тяпали. Зато как красиво выглядели осенью огромные поля спеющей пшеницы, жёлтого подсолнуха, голубого льна, духмяной конопли! Наступало время уборки урожая, и начиналась страдная пора. Убирали пшеницу, потом копали картошку, рвали лён и коноплю, ставили их в снопы. Старались убрать всё по погоде и без потерь. А ещё сенокос! Когда с полей было всё убрано и вывезено, наступало время мо-

лотьбы. Зерно отвозили на мельницу, семена подсолнечника – на маслобойню, лён и коноплю замачивали и трепали для получения волокна. Из бахчевых готовили сладкое и ароматное варенье: нарезанные кусочками арбузы и дыни (без корок) насыпали в глубокий чан и уваривали до густоты повидла, причём сахар вообще не добавляли. Излишки сельхозпродукции отец отвозил в г. Славгород, что был в 40 километрах от деревни. Продав их, он на вырученные деньги покупал и привозил домой «товар» (так тогда называли ткань фабричного изготовления) и пряники для детей, называя их «гостинцами от зайчика». Дети с особым удовольствием грызли их, удивляясь, какие вкусные прянички умеет стряпать зайчик. Зимой старшие братья и отец работали на заготовке дров, а младшие помогали по хозяйству.

В 1929 – 1930г.г. по всей стране прокатилась волна раскулачивания, которая не обошла стороной и Алтайский край. Раскулачивали не только кулаков-эксплуататоров, но и семьи, которые просто крепко стояли на ногах.

В 1929-м году у семьи Ена отобрали всё: дом, скот, весь рабочий инвентарь, зерно, продукты. Дошло до того, что взяли икону из красного угла вместе с рушниками и подзорами, сдёрнули занавески с окошек (Нина Фатеевна до сих пор помнит, какими были они нарядными: нежная лёгкая светлая ткань с узкими вертикальными и горизонтальными полосками, образующими клетки, а в каждой клетке – красивая розочка). Распотрошили содержимое сундука, забрали валенки и, уходя, прихватили даже собаку. При этом никакой описи отображенного имущества не велось. А вскоре некоторые свои вещи они увидели в домах соседей-бедняков, а жена председателя сельского совета, не стесняясь, щеголяла в полушубке их матери. Его нельзя было спутать ни с каким другим: белого цвета, приталенный, он был оторочен по краям белым мехом. В их новом доме расположился сельский совет, а их самих выгнали в старый курятник, размером 2х3 метра. Родители ухи-

трились и спрятали немного картошки под половицы, но и этот небольшой запас, вскрыв пол, выгребли.

А тут новая беда свалилась на семью: они остались без отца - кормильца. Его посадили на 3 года по доносу соседей, которые обнаружили спрятанную под копной сена сенокосилку (она тоже подлежала конфискации) и доказали, что сделал это Фатей Иванович. Тот, не желая отдавать её, оттолкнул уполномоченного, и его арестовали за сопротивление властям. При аресте, ещё не зная, какой срок ему дадут, и увидит ли он семью, Фатей Иванович крикнул жене: «Тыльки дытей бережи!».

А семья голодала. Продуктов питания практически не было, дети постепенно слабели. Из-за голода мать вынуждена была послать старших детей побираться. Но голодно тогда было многим: в результате раскулачивания справных хозяев сделали бедными, а у бедных лишним ничего не бывает, тем более продукты. Поэтому дети, обойдя свою деревню и соседние (а там кто подаст, а кто собак натравит), возвращались чаще всего с пустыми котомками.

В мае 1930-го года в Алтайском крае началось массовое выселение раскулаченных крестьян на постоянное проживание в отдалённые необжитые местности Западной Сибири. Семья Ена тоже подлежала выселению. С собой им брат ничего не разрешили. Из отрывочных детских воспоминаний (на момент высылки Нине было 5,5 лет) помнится, что они (мать и 6 детей) ехали сначала на поезде, потом больше месяца на барже по рекам Иртыш, Обь, Васюган, Нюролька. А по пути следования на двух битком набитых баржах, которые тянул тихоходный катер, каждый день от голода и болезней умирали люди. Раз в день катер останавливался, и на берег отправляли мужчин и подростков (в их числе был и брат Кузьма). Они рыли длинную яму и укладывали в неё умерших, перекладывая каждый слой пихтовыми и еловыми ветками. Так похоронили и их младшую сестрёнку Олю, которой не было ещё

Татьяна Ивановна Фёдорова.

и года. Знакомый их семьи Пануренко Фёдор¹, видя, как голодают дети, брал маленького брата Ваню на руки и с кепкой в руке обходил баржу. Кто-нибудь да сжалится и даст сухарик. Так и наберут кусочков, и дети хоть немного, но утолят голод. Наконец тягостный путь подошёл к концу.

Высадили их и ещё три семьи в глухом безлюдном месте на берегу реки Ньюролька.

...Было очень тяжело, но все четыре семьи поддерживали друг друга физически и морально. Совместными усилиями был построен из жердей барак. Щели между ними заткнули сухой травой, еловыми лапками, обмазали глиной, смешанной с соломой. Барак разделили тряпичным рядом на четыре части: каждой семье свой закуток. Пол засыпали сухими листьями, укрывались одеялом, сотканным матерью ещё до высылки из овечьей пряжи почти в палец толщиной. Позднее мать распустила одеяло и навязала

*Мать Зинаида Афанасьевна Ена
с внучкой Ниной, п. Новоуралка.
Снимок 1954-55г.г.*

¹ Пануренко Фёдор Анфигенович, 1894г., род. с. Сергеево Херсонской обл., проживал в п. Рабочий, член к/х «Большевик». Арестован в 1942г. Осуждён к расстрелу с последующей заменой на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. («Большая людская» - из газеты «Северная правда» от 19.05.1995г.).

из него носки детям. Удивительно, но эту голодную и холодную зиму семья Ена пережила без потерь, а вот соседи по бараку до весны не дожили: умерли от голода и болезней.

Надо отдать должное матери, Зинаиде Афанасьевне: она сделала всё возможное, чтобы дети при таком скудном пайке, что выделяли ссыльным, не умерли с голоду. Полученную муку она перемеряла небольшой кружкой. Разделив количество отмеренных кружек на число дней в месяце, прикидывала, сколько муки может расходовать в день до получения следующего пайка, и строго придерживалась этой нормы.

Вот так, питаясь мучной затирухой, они протянули до весны 1931-го года. А в марте этого же года, после трёх лет тюрьмы, возвратился отец Фатей Иванович. С разрешения властей он перевёз семью, оставшуюся в одиночестве на месте их первого поселения, с Нюрольки вверх по Васюгану в п. Новоуралка.

Этот посёлок тоже был основан раскулаченными спецпоселенцами, высланными сюда в 1930-31гг. Позже здесь будет организована неуставная промартель «Прогресс», занимающаяся выращиванием коров и овец. Но это будет позже, а в первую очередь по окончании строительства барачков мужчины-ссыльные взялись за возведение в Новоуралке 4-классной школы. Какая это была радость для всех! А первая учительница Мунира Вафеевна Багаутдинова! Всегда ласковая, доброжелательная – она для пострадавших детей была тем «лучом света в тёмном царстве», который протянул им тёплую руку и повёл по пути знаний, помогая хоть на несколько часов в день отвлечься от тяжёлой действительности. Жажда к учёбе была столь велика, что дети заготавливали бересту и писали на ней, пока не прислали тетради. Нина, пошедшая в 1-й класс в 1935-м году, любила учиться и все четыре школьных года в Новоуральской начальной школе была отличницей.

Но как ей это доставалось! Жили они, восемь человек, в землянке (родители и шестеро детей: в январе 1934-го года в семье

родилась ещё одна дочь, названная Олей). Тесно и голодно: у матери грудной ребёнок, у отца пошатнулось здоровье после тюрьмы. Но он со старшими сыновьями взялся за постройку избы. А в 1936-м году, ослабев от голода и болезней, но доведя строительство до конца, отец и сын Демьян умирают. Дostatка в семье и раньше не было, а теперь и вовсе не стало, и каждый старался хоть как-то заработать себе кусок хлеба. Нина жила в няньках у учительницы Анны Сергеевны Молодцовой: нянчила за еду её детей. Квартира учительницы и её мужа, продавца ларька (в годы войны он погибнет на фронте), находилась здесь же, в школе. Для этого тупиковую часть школьного коридора отгородили досками, и получились две небольшие комнатки.

После окончания 4-х классов она отправилась за 56 км учиться в Усть-Чижапскую семилетнюю школу. 1939-1940 учебный год Нина проучилась, живя в людях, питаюсь тем, что присылали из дому: картошкой, хлебом. Когда продукты заканчивались, а по пути из дома не ожидалось, опять шла в няньки.

В следующий, 6-й класс, в 1941-м году Нина уже не пошла: у семьи, оставшейся без отца, не было средств учить её дальше. И она устроилась работать в засольный цех, открытого недавно предприятия Гослова, в соседней Забегаловке. Солили всякую рыбу: окуня, щуку, подъязка, чебаков. Их продукция шла в госпитали для раненых и на фронт.

...В 1942-м году из посёлков, расположенных по Васюгану, набрали в трудовую армию 120 девушек. Нина Фатеевна помнит даже число - 2 сентября, когда она и ещё две девушки уезжали из Новоуралки. И отправили их в Новосибирск на завод №7. Завод назывался «Большевик» и расположен был на улице Большевистской. Вновь прибывших девушек поселили в общежитие, представлявшее собой огромное помещение с рядами коек. До соседней кровати расстояние – только руку протянуть. Работали в две смены: с 8 утра до 8 вечера и с 8 вечера до 8 утра. Через неделю

менялись сменами: тот, кто работал днём, выходил теперь в ночную смену. В воскресенье был выходной день. На работу приходили всегда вовремя, т.к. их предупредили, что за опоздание на 10 минут будут отдавать под суд. А работа на военном заводе была ответственной: завод изготавливал ящики под снаряды. Эта работа начиналась с нулевого цикла и представляла целую цепочку отдельных операций.

Девушек снимали с работы и отправляли на разгрузку брёвен с баржи, которая к этому времени стояла у причала. Разгружали вручную, переноса брёвна на себе на берег. Там их грузили на машины, которые отправлялись на завод. На заводе привезённый кругляк доставляли в лесопильный цех, где его разделявали на доски. А доски поступали в машинный цех, где и работали ваюганские девушки. Цех не обогревался, его так и называли «холодным». На стеллажах вдоль стены в качестве образцов лежали гильзы от снарядов, для которых и делались ящики. В задачу девушек входило изготовление всех деталей для ящика. А их набиралось не так уж и мало: 2 боковые стенки в одну – две доски (в зависимости от заказываемого калибра снаряда), 2 торцевые стенки из двух планок, сбитых не вплотную, а с зазором (чтобы удобнее было ухватиться при переноске), плотно сбитые днище и крышка, на которые для прочности и для опоры прибивались снаружи по две планки. А внутри ящика к боковым стенкам и к крышке крепились по две поперечины с двумя полукруглыми выемками для снарядов. Вот эти детали и нужно было напилить.

На столешницу станка укладывалась стопка оструганных досок, поверх них накладывали металлические полосы, прикреплённые на шарнирах к упору на противоположной стороне станка. Расстояние между полосами на разных столешницах было неодинаковым, в зависимости от того, что нужно было напилить: короткие торцевые планки или длинные боковые. А затем нажатием на педаль приводилась в действие циркулярная пила,

полотно которой отсекало отрезки доски точно у металлической полосы. А внутренние поперечины с полукруглыми отверстиями изготавливались таким образом: на доски, находящиеся между упорами, опускались сверху два полых цилиндра и вырезали два круга. Уже на другом станке эти планки распиливались вдоль точно по середине.

Дальше эти детали поступали в сборочный цех, где работали только мужчины (много было парней из Белоруссии). Они сколачивали ящики и оббивали их края для прочности металлической лентой. А затем ящики по понтонному мосту перевозили на машинах на противоположный берег Оби в п. Кривощёково, где находился другой военный завод, уже секретный, занимавшийся выпуском снарядов. Их укладывали в ящики завода №7, а затем отправляли эшелонами на фронт.

Норму всегда выполняли, зарплату получали от 500-600 рублей и больше, если перевыполняли.

...В мае 1947 года Нина Фатеевна с дочкой Ниной вернулась в Новоуралку. И сразу же вышла на работу в лесозаготовительную бригаду, в которой были только женщины. Летом в посёлке собирались открывать спиртопорошковый завод, и для его бесперебойной работы необходимо было заготовить очень много древесины, особенно берёзы. Деревья валили двуручной пилой. Берёзовый ствол сучкорубы освобождали от веток, которые затем собирали в большие кучи и сжигали: зимой – сразу, а заготовленные весной и летом – только поздней осенью, когда ляжет снег. Затем берёзу пилили на чурки длиной 75 см, снимали с них бересту и укладывали в штабеля. К лету было запасено достаточно и дров, и древесины. Можно было приступить к строительству завода. Пока мужчины возводили корпус, женщины делали кирпичи из глины. Глина была хорошая, жирная. Её смешивали с сухой травой, набивали в формы, а затем сушили. Из высушенных кирпичей сложили вытянутую в длину печь с шестью топками. Над ними

тянулась горизонтальная труба, от которой в кирпичную кладку печи отходили шесть трубок меньшего диаметра с краниками. С обратной стороны во всю длину печи тянулась ниша. В ней лежали металлические ёмкости овальной формы – реторты. К днищу каждой из них сзади подходила трубка. Процесс выгонки спирта был сложным: из начального сырья – берёзовых чурок – нужно было получить конечный продукт – спиртопорошок.

Вот как это происходило. Окорённые берёзовые поленья закладывали в реторты, отверстия закрывали крышкой, наглухо обмазывая края глиной. Огонь в топках печей раскалял герметичные ёмкости, и в них начинался процесс выгонки. На дне реторт накапливалась жидкость цвета компота. Её между собой рабочие называли «жижкой». Так вот, когда поленья в ретортах превращались в уголь, переставали подкидывать дрова в топки. Ёмкости охлаждались, давление в них падало. Можно было без опаски открывать краники, и из реторт по трубам вытекала «жижка». По трубе большего диаметра, вышедшей сквозь стену топочного цеха, она сливалась в колоду, выдолбленную из бревна. По ней самотёком «жижка» попадала в огромный чан стоящего на отшибе цеха. В нём жидкость затравливали известью, давали отстояться хлопьям, затем переливали в другой чан. Там снова её травили, отстаивали и получали жидкость свекольного цвета. Вот эту свекольную «жижку» осторожно, чтобы не затронуть осадок, переливали в огромное металлическое корыто, находящееся наверху печи, и начинался процесс выпаривания. Испарения, поднимавшиеся вверх, были столь едучими, что вызывали безостановочные кашель и слёзы. Работницы заматывали лицо целиком, оставляя узенькую щелочку для глаз. Выпаривание продолжалось до тех пор, пока не останется половина от того, что было. Затем содержимое корыта выкладывали на металлическое сито, давали жидкости стечь (она стекала на землю и сжигала всю растительность) и получали густую массу. Эту сырую массу, перемешивая,

сушили на печи тоже в металлическом корыте, но меньшей высоты. В итоге получался порошок серого, как зола, цвета. Его закупоривали в бочки и ставили на склад. В ожидании транспорта накапливалось очень много бочек. Весной после ледохода приходил катер, тащивший баржу, гружённую известковыми камнями для завода. Обрато катер увозил не только бочки с порошковым спиртом, но и бочки с дёгтем, который гнали из бересты в дегтярном цехе.

...17 лет просуществовал Новоуральский спиртопорошковый завод. А в 1964-м году его закрыли. Н.С.Хрущёв провозгласил, что «коммунизм – это советская власть плюс химизация всей страны», и промышленное производство искусственного заменителя порошкового спирта оказалось проще и дешевле. Взрослое население Ново-Уралки, потеряв работу, стало уезжать в её поисках и, найдя, перевозило свои семьи в Мыльджино, Большую Гриву, Новоюгино, Канаскино, Каргасок. Вот и Нина Фатеевна с семьёй (она к этому времени вышла замуж за Недоступа Михаила Ивановича) переезжает сначала в Усть-Старицу, где работает скотницей в откормсовхозе, а в 1966-м году - в Новоюгино. Здесь они купили небольшой домик на берегу Васюгана...

...Нина Фатеевна вспоминает о том, как, по приезде устроившись разнорабочей, штукатурила здание новой школы. Внутри полов нигде не было, козлы стояли прямо на земле, и нужно было по лестнице поднимать вёдра с раствором глины на высоту 5 метров. Как болели потом руки!

Сколько ещё воспоминаний хранит Нина Фатеевна, какая дивная у неё память: до мельчайших подробностей помнит всё с раннего детства! А как интересно рассказывает!

Записала учитель истории Фёдорова Т. И., 2005г.

Ирина Николаевна Шашель

«Всё это, слава Богу, давно пережили...»

Вот так всепрощающе, истинно по-христиански оценивают события тридцатых годов оказавшиеся в числе спецпереселенцев Ольга Гавриловна Бобрышева (на снимке) и Анна Гавриловна Клепикова.

В чём-то этим женщинам в жизни повезло. Хотя бы в том, что сёстры вместе были в трудные годы ссылки, выжили и по сей день живут рядом на одной улице, имея возможность общаться, делиться проблемами и по возможности, которых не так уж много, сообща их решать...

Ольга Гавриловна Бобрышева

Семья их пережила две ссылки: сначала в 31 году - в Новосибирскую область (с Алтайского края), там в селе Никитино они и родились, затем - сюда, в Парабельский район в Боровое...

Оле было четыре года, Аня - на пять лет постарше.

- Ладно, всё уже пережито, - говорят, - что вспоминать...

- А всё-таки расскажите, ведь ваши воспоминания - это история как минимум трёх поколений наших сограждан...

- На Боровом жили в трёх километрах от поселения кержаков-вольнонаёмных. В семи километрах - тоже жили такие же, уже

обустроенные. Наши родители ходили туда на заработки. Мама пряла им, ткала. Всё за пропитание - кто репку даст, кто картошку. Мама умерла, когда Оле было десять лет. Простыла, заболела и умерла...

В Боровом был колхоз, денег там не платили. Пришлось ехать на лесозаготовки, работа тяжёлая, но хотя бы за плату...

Ольга Гавриловна рассказывает, что и лес приходилось валить, и сучки рубить, и на пекарне мешки таскать. Действительно, что и говорить, работа явно не женская. Но почему-то в ответ на это люди старшего поколения, как правило, замечают: а что делать, всем же было тяжело. Опять же христианское смирение. Ведь явно не всем было в те годы трудно, голодно и холодно...

Конечно, что было, то было. Они выжили, потому что, несмотря на то, в какие условия их поставила власть, умели работать, были приучены к труду с детства.

Они сегодня могли бы отдохнуть, хотя и получают небольшую пенсию. Но опять проблемы и трудности. Детям нет ни работы, ни зарплаты. Те деньги, что родители откладывали на книжку по копейке, сгорели при реформе. В 61 - реформа, в 91 - реформа, в 98 - ещё одна. То есть, продолжают мысль мои собеседницы, при каждой власти есть свои недостатки, все, по их мнению, норовят обмануть... А денег, как они убедились на собственном опыте, получается, что честным трудом не скопить...

Ну да ладно. Люди старшего поколения умеют работать.

- Я вот старая, - говорит Анна Гавриловна, - держу скотину, а иначе как жить? Так ведь нет! Опять не дают! Власть бы радовалась, что пособия не бегаю не прошу, так снова норовят ободрать, как липку. Вместо того чтобы помочь, за покос - аренду, сено купи, а если сам поставишь, то за вывоз пятьсот рублей заплати, копны свозить - плати. Где на всё денег взять? А попросишь три дощечки на переход от дома с дороги - нету, мол.

Словом, хоть какая власть - она крестьянину не всласть...

Понятное дело, разговор плавно перешёл на критику власти. Но тут уж все мы это умеем делать прекрасно. А выговориться иногда просто необходимо.

На своей родине Ольга Гавриловна и Анна Гавриловна так и не побывали - ведь родились уже не в родительском доме. Получили они и положенную им, как детям репрессированных, компенсацию - восемь тысяч рублей. Но о жизни-то той, допереселенческой, так ничего и не знают.

И в этом тоже трагедия и зло того времени.

«Наконец-то это свершилось!»

Именно так высказался реабилитированный житель Каргаска Александр Иванович Власов. Сам, будучи пострадавшим от политических репрессий тридцатых годов, обладающий уникальным

Александр Иванович Власов

в своём роде документом - свидетельством о рождении с данными о матери, отце и круглым штампом комендатуры Сиблага, пенсионер уверен, что работу по такому проекту, как «Прощение и память», необходимо было начать давно. Люди давно этого ждали.

- И ведь, посмотрите, - говорит наш собеседник, - насколько затянули с этим делом. Сегодняшние пацаны, к примеру, не знают ничего о подробностях той

Свидетельство о рождении Власова А.И.

трагедии, не верят, что на самом деле всё было так ужасно, что так вообще могло быть в родной стране...

Бабка (по материнской линии) рассказывала, что их ссылали из Омской области. Предков по отцу - из Новосибирской. У деда по матери было десять ребятишек. Надо было как-то их спасать. Когда везли на барже, дед самолично договаривался с командой,

чтобы выдавали им хотя бы кипяток. Спускали горячую воду на верёвке в трюм, где сидели переселенцы...

И здесь, уже в Сибири, спас, собственно говоря, всю семью благодаря своей старой крестьянской закалке: умудрился как-то «схоронить» рыболовные снасти, провёз их до места ссылки, а здесь начал рыбачить. Словом, выжить всей семье удалось только за счёт деда, отца матери - Телятникова Ильи Егоровича...

Мать моя 14 года рождения, в то время ей было 15 или 16 лет. А я родился уже в ссылке, на Салате в 36 году. Помню, кладбище там было огромное: помирали люди от голода, от неприспособленности. Да что и говорить - тайги никогда не видели, травились грибами, ягодами, медведи задирали многих...

В 38 году отца забрали и расстреляли. За то, что он, якобы, с друзьями организовал «Общество помощи японцам». А работал он учителем в школе, учил неграмотных. И мать моя была в числе его учеников.

Был я как-то в Томске, ходил в архивы КГБ, смотрел документы и выяснил, что в тот год из Салата забрали десять человек. Обвинили в шпионаже в пользу Японии (!?). В материалах дел было и сообщение о том, что группа «шпионов» вооружена берданками...

Но это всё я узнал уже потом. А в 43 году бабушке прислали 70 рублей и сообщение, что муж её погиб в лагере от гангрены лёгких.

В «расстрельных списках» я нашёл данные о своём отце, когда их публиковали в августе 91 года в «Северной правде». О том, что он был расстрелян 8.01.38 года в Колпашевском районе. Скорее всего, он сгинул вместе с тысячами других невинных в печально известном Колпашевском Яре...

Хорошо помню, как пригнали к нам на Салат немцев. Ещё там впервые узнал, что помимо русских есть какие-то азербайджанцы... Помню старый азербайджанец соберёт вокруг себя мест-

ных ребяташек и рассказывает, как жил на юге, какие у них были фрукты, какие помидоры росли. Потом долго-долго плачет. Так и вымерли все, в основном, бедолаги.

Наши, конечно, тоже умирали. Ведь ни фельдшера не было, ни врача. Брат мой Колька умер. Болезни всякие были, малярия - никогда не забуду - людей годами трясло во время приступов. Рожали детей дома. Мать, помню, всё на болото меня посылала: рвал там траву - трёхлистная какая-то, горькая, её запаривали, а ещё корой осиновой спасались...

Сегодня Александр Иванович - пенсионер. О гуманитарной акции «Прощение и память» узнал из «Северной правды». Уверен, неоднократно подчёркивает в беседе, что для пожилых людей она очень важна. Что Крёстный ход по Васюгану совершили, кресты поставили и провели поминальные службы - это прекрасно. Будет теперь куда людям пойти и помолиться за упокой души своих близких и родных.

Но ветеран убеждён, что какой-нибудь памятник жертвам репрессий нужно поставить обязательно и в Каргаске. Вот бы нам на берегу Оби организовать такую аллею с деревьями и с именными табличками: кто садил. Вот это была бы память! Крест поставить бы по-русски, по-православному, чтобы любой мог сюда прийти, посидеть с друзьями, помянуть ушедших в мир иной.

А ещё у Александра Ивановича есть мечта: съездить на Салат, в те места, где похоронены близкие ему люди из числа спецпереселенцев (прабабушка, брат, тётушки), посмотреть, что изменилось за более, чем полвека, взять с собой фотоаппарат, снимать места своего детства.

«Всё равно, - говорит Александр Иванович, - соберусь как-нибудь и съезжу туда, пока ещё силы есть. Прямо на обласке, как истинный остяк и старожил тех мест...»

Дай Бог.частливого пути и исполнения желаний Александру Ивановичу Власову.

«...Душа сжимается от боли»

Евдокия Васильевна Диженина родилась в 22 году на Алтае в большой дружной крестьянской семье, в которой, как водится, ребяташек с самого малолетства приучали к труду, порядку, ведению хозяйства и прочим премудростям, помогающим крепко стоять на земле.

Девочке шёл девятый год, когда их семью внесли в список подлежащих раскулачиванию с конфискацией имущества и выселению...

Евдокия Васильевна до сих пор не может говорить об этом спокойно:

- Бывает, праздник какой отмечают в посёлке, памятную дату, меня просят: выступите, расскажите о том, как всё было и что пришлось пережить, а я не могу. Сердце камнем замрёт, сожмёт, слово невозможно сказать...

Евдокия Васильевна Диженина

Ведь какой ужас! Нас только на барже целый месяц везли. Сколько людей дорогой умирали - в реку их скидывали, даже не хоронили. А привезли - сыро, грязь, комары, есть нечего, муку всю дорогой съели. К остякам ходили - гонят, собаками травят. Люди наши все попухли так, что ходить не могли. Мама заболела, на нас, ребяташек, вши напали.

Помню, косички до пояса у меня были, давай братья отрезать мне их... Малярия страшно трясла. Те, кто помоложе да покреп-

че, выжили, а многие умирали прямо на ходу. Хоронили по девять человек в одной яме. Три кладбища нахоронили берегом, вдоль реки подряд ямы копали, недалеко от Волчихи, где мы жили...

Ещё лет десять назад спросить: за что нашим бабушкам и дедушкам выпали на долю такие испытания - могли себе позволить только мы, их внуки и правнуки. Сами они молчали. Настолько въелся в душу страх перед комендатурой, перед любым неосторожно сказанным словом. А ведь тогда те, кто дожил до наших дней, были ещё совсем детьми. И многого ещё не понимали - нет-нет да и попросят у мамы румяных пирожков...

Сегодня можно говорить обо всём. Не страшно даже вслух задать кому-нибудь риторический вопрос, который мучает бабу Дусю на протяжении всей жизни: «За что с нами так? Ведь сами работали и только для себя. Ну делали если что-то не так, ну соберите собрание, объясните, в чём мы не правы...»

Только вот Евдокия Васильевна сомневается: а надо ли это молодым, разве они это понимают, если порой и сам понять не можешь, и не верится, что такое могло быть, и, более того, смогли такое пережить. Сейчас, мол, совсем другая жизнь.

Вот как раз поэтому говорить об этом надо. Чтобы знать, чтобы понять, чтобы помнить.

«Я всё хорошо помню, - рассказывает Вера Васильевна, - с того момента, как у нас в Ключевском районе Алтайского края началась коллективизация, как создавались коммуны - а шли туда те, кто работать не хотел...»

Но, как показала жизнь, работы у коммунаров хватало: раскулачивать, экспроприировать, клеймить работяг-кулаков на собраниях... Дело своё активисты хорошо знали, даже косы женщин заставляли расплетать - вдруг золото там припрятано...

Но кое-что, самое святое для себя спрятать всё-таки удалось. У Веры Васильевны до сих пор хранится евангелие и псалтирь, книга, изданная в самом начале века - мама её как-то сохранила в ссылке и передала дочери, которая по примеру отца, с малых лет изучавшего Слово Божье, всегда была глубоко верующей, с детства запомнила все молитвы.

С болью вспоминает, как люди умирали на барже и их бросали в воду. Многие везли с собой иконы - все они отправились в Иртыш, вслед за людьми...

Вера Васильевна Пожарова в Каргаске личность довольно известная. Она героиня публикаций и в «Северной правде», и в томской газете «Жизнь». В своё время вела активную работу по претворению в жизнь идеи строительства в Каргаске Православной Церкви. Добивалась в райисполкоме разрешения проводить церковные службы, крестить людей.

Восьмидесятилетняя бабушка от всей души приветствует идею проекта «Прощение и память», просила, чтобы её взяли в состав экспедиции. Она даже нарисовала примерный план местности, куда нужно обязательно заехать, чтобы поклониться усопшим...

Светлое будущее на чёрной воде

*«В тридцатые те, роковые,
От стонов вздрогнула река,
То были стоны неземные
Земных людей. И вот тогда
Не думали и не гадали,
Что выживут в глухой тайге,
Подымут край. В своей печали,
В своей незыблемой тоске
Здесь всякого хлебнули горя:
По берегам погостов тьма...
И кровь, и пот, и слёзы боли
Несла проклятая судьба».*

Татьяне Александровне Лапко исполнилось 79 лет. В этот день на предложение пообщаться, вспомнить молодость, жизнь со всеми её трудностями она ответила отказом: «Нет, не сегодня. Сегодня не могу, может быть, завтра. Хотя вообще не хотелось бы мне ничего вспоминать - тяжело...»

Что и говорить, месяц май для Татьяны Александровны особенно значим и памятен. Ведь именно в мае 31 года для её семьи наступил конец нормальной жизни. Разом обрушился привычный домашний уклад, и уже не суждено было обычным крестьянским весенним хлопотам принести свои плоды.

Получается, что свой пятый в жизни день рождения Таня «отметила» в дороге, как раз когда их, «раскулачив», везли из деревни Асаново Болотнинского района Новосибирской области на паузке (так раньше называли баржи) навстречу неизвестности...

Выгрузили на берег Васюгана в районе Большой Гривы. С родственниками отца получилось их своих девять человек. В пер-

вую очередь подумали о том, что надо где-то спать, и, несмотря на шок, начали строить балаганы. Но в тот год воды на Васюгане было очень много - весна, паводок. Проснулись от того, что наспех сооружённые жилища подтопило, вода поднялась. Пришлось ставить их выше. А из девяти человек один работяга - отец...

Вообще поначалу никто в себя прийти не мог. «Дня четыре горевали, - говорит Татьяна Александровна, - всё ходили туда-сюда друг за другом, толком не понимая, что же это происходит, что делать-то, как жить?»

Могу себе представить, какие чувства бушевали в душе взрослых. Детям своё отчаяние, конечно, старались не показывать. И мнение по поводу случившегося, в частности, и о советской власти в целом вслух не выражать. Дети рядом, что они понимают? А вдруг, не дай Бог, услышит кто!

Горюй - не горюй, а надо как-то устраиваться. «Пошёл отец в лес деревья валить для избушки, - продолжает Татьяна Александровна. - А тайга тогда густая была, непривычная для крестьянина с ширью его полей, пугающая. Вот и отец, проработав весь день, к вечеру понял, что не знает, как к «дому» выбраться из тайги. Ни колокольчика у него не было, ничего не было. Пошли искать. Оказалось, он, когда туда шёл, зарубки на деревьях делал. Вышел кое-как. Пришёл и сразу лёг молча. Четыре дня болел - испугался очень. Не за себя, за семью. Подумал: если сгину, как они будут без меня...

Потом отошёл. Да и как не отойти - надо же печку делать. Сделали печурку из глины, с деревянной заслонкой. Отец-то на все руки мастер был. Кричит: бабы, месите лепёшки! Собрали у кого, что есть. Помаленьку-то всё с собой захватили - муки, соли. Испекли в новой печи лепёшки, поели... Ну, а потом - снова лес рубить. Топор был с собой, лопаты. Кто может - за отцом пошли, помогать. Кое-как к осени срубили избушку. Крышу дранкой покрыли. Так и обустроивались...

Когда всё своё съели, стали к осяткам в Наунак ходить, тряпки менять. Кто картошки даст, кто ершей. Потом картошку уже не ели, берегли на семена...»

Как образовывался колхоз, Татьяна Александровна помнит плохо. Отчётливо отпечаталось в памяти, как посылали корчевать лес под поля, и мама брала с собой ребятишек. Помнит, грязные прибежали домой, как поросята. Мама кусок мыла даст и на речку отправит - мыться. Помнит, как дизентерией болела - шишки в тот год много было. Как от слабости ходить не могла, только ползала. Помнит, как мама тихонько говорила ребятишкам: «Завтра Пасха» (запрещённый праздник), а они просили её утром по такому случаю разбудить пораньше...

Помнит, как уже сама устроилась на работу - нянечкой в детском саду. Как в колхозе боронила на быках. Как на пихтовом заводе трудилась. И, конечно же, «яркие воспоминания» - лесозаготовки в колхозе «Большая Горка» от Большой Гривы.

В 49 году Татьяна вышла замуж за фронтовика Алексея Васильевича. Переехала с мужем в Староюгино, где они прожили 32 года. Староюгинцы-старожилы прекрасно знают и помнят семью Лапко. Татьяна Александровна работала в больнице санитаркой. Стационар тогда был большой. И печек - тьма. В Староюгино супруги Лапко вырастили троих дочерей: Зою, Олю и Тамару. Не захотели дочки ехать к матери в деревню после того, как похоронили отца. Пришлось выбираться оттуда самой Татьяне Александровне.

Пожила у одного зятя, теперь вот живёт у второго. Хозяйничает, за порядком следит, как сама говорит: «Завтраки готовлю.» Молодец! Слава Богу, в таком возрасте, хоть и не ходит уже никуда, но отлично держится - настоящая сибирская закалка.

И, кстати, если посмотреть на наших бабушек и дедушек, вспомнить, что им пришлось пережить, как и в каких условиях приходилось трудиться с ранних лет: репрессии, война, послево-

енные годы, голод, холод... А ведь вам сегодня, дорогие наши, по 75-80 лет! Не совсем удобно, но очень хочется спросить вас. Как?! Как выжили? И сегодня на склоне лет ещё и вспоминаете о тех страшных временах во всех подробностях, до мелочей. Чаще со слезами, но ведь порой и с юмором...

«Что дожили до таких лет, - с полуслова понимает меня Татьяна Александровна, - так это потому что витамины одни с детства ели. Потому и организм здоровый был, и работали как лошади, не то что сейчас: скотину - и ту не хотят держать, вообще работать никто не хочет...»

Да, экологически чистые продукты, витамины: колба, саранки, грибы, ягоды, орехи, весьма умеренное питание и исключительно здоровый образ жизни. Рецепт из детства Татьяны Александровны (ох, и вкусно казалось): нарезать таз лука типа батун, начистить, намыть и вывалить в похлёбку, чтобы погуще была. В одной руке ложка, в другую мама даёт турнепс.

И всё-таки, думается, секрет не в этом. Да и не секрет это никакой. Выжили, потому что могли и хотели работать, привыкли жить, ни на кого не надеясь, только на себя - в крестьянских семьях так воспитывали детей испокон веков. И не таили в душе злобу. Ни на кого. А злоба, зависть - самые страшные яды для человека.

Этих людей везли на Север в верховья рек, в тайгу, чтобы они «не мешали строить светлое будущее» у себя на родине. И они его строили на тёмной Васюганской воде.

Это вычеркнуть из памяти нельзя

Мария Дементьевна Чернова

В новом российском паспорте Марии Дементьевны Черновой датой рождения обозначен 32 год. Получается, что Машеньку мама родила уже в ссылке, ведь раскулачили семью в 31 году. Но запись эта неверна. Когда однажды страшной ночью на одной из улиц Анжеро-Судженска Кемеровской области случился погром, девочке было уже полтора годика.

Родные потом рассказывали об этом кошмаре: все бегает, мечутся, дети кричат, бабки причитают, страх, паника, кто-то бежит, кто-то падает, в спины толкают прикладами мать с детьми - в одну сторону, отца - в другую... В результате взять с собой практически ничего не удалось...

Когда погрузили спецпоселенцев на баржу и повезли, никто сначала не был готов к тому кошмару, который предстояло пережить. Двое Машиных братиков умерли в дороге. Мама рассказывала ей, что тела спихивали в Обь прямо ногами. А ещё рассказывала, как маленькая Машенька докучала конвоирам постоянным плачем. У тех было сильное желание отправить девчущку за борт...

Партию «спецов», где была Мария, высадили на бугорочке в Староюгино в районе Кирпичного – так сегодня называется это местечко недалеко от посёлка. Дело было в июле: тайга, страш-

ное комарьё. Сразу начали делать балаганы. Женщины разрывали свои широкие юбки, чтобы хоть как-то обтянуть эти строения, напоминающие шалаши. Здесь выгрузили несколько семей. Мария Дементьевна припомнила Шевкуновых, Ажечаковых. Но это и не важно. Жить всё равно стали одной семьёй, были как родные друг другу.

В “общине” из представителей сильного пола оказались два дедушки - они-то и делали для всех печки из глины. Только вот выпекать в этих печках было практически нечего...

Неподалёку (где сегодня посёлок) жили остяки Югины - дедушка Иван Иванович с сыном Алексеем Ивановичем. К ним вела тропинка, но к себе они не подпускали. Потом подружились. “Не любили они нас, - говорит Мария Дементьевна, - а как узнали, что папа сапожник (папа к нам потом вплавь добрался - из-под стражи сбежал), так сразу залюбили: папа им чирки шил. У остяков девочка была - Полина. Мы с ней стали общаться. Я тогда первый раз у них дома вяленую рыбу поела. Вообще, как с остяками сошлись, питаться хоть начали более-менее. А так берёзовый сок пили, бруснику ели - её море тогда было, грибы. А что привозили нам, страшно вспомнить. Жмых вместо хлеба дадут: вот, жрите. А это прессованные отходы от проса и конопли. Сухой, как камень, крошится. Ой, противный, никогда не забуду!

Ходили голые, босые. Из маминых юбок тряпки нарвут нам, чтобы только спереди прикрыться. Из бересты чирочки делали - жутко неудобные, цеплялись за всё. Скинешь их и босиком - так проще. Не дай Бог никому...”

Комендатура свирепствовала до 49 года, даже до соседнего Новоюгино путь для поселенцев был закрыт. Зато, приезжая, представители власти с удовлетворением констатировали результаты каторжного труда по раскорчёвке леса, обустройству артели и освоению покосных угодий. Не забывали и по домам пройтись со шмоном. Придирались к каждой мелочи. Мария Дементьевна

вспоминает соседку, у которой на печи увидели самовар. Подивились: как это удалось вам прихватить? Забрали женщину вместе с ребёнком. Увезли куда-то, так никто их больше не видел. Старшая девочка у соседей гостила в это время. Так и осталась одна, без матери. Мало прожила - умерла, с тоски, наверное...

В 43 году Марию забрали на Щучий мыс. Там косили сено, молотили лён. В колхозе Маша научилась кататься верхом на лошади. И работать, будучи одиннадцатилетней девчонкой, с утра до ночи. А вот в школу мама её непустила. Сама неграмотная была и порешила, что дочке тоже грамота ни к чему. Мария Дементьевна постигала основы грамоты по букварю, когда уже её дети пошли в школу - хоть расписываться научилась...

Потом работали в Староюгино. Тоже не сладко пришлось: сено, навоз - всё на себе таскали, всё руками делали. «Ничего хорошего не вспомню. Работа одна, ни молодости никакой, - говорит Мария Дементьевна, - ни романтики. Пихтовый завод открыли. Работа не из приятных. Пихта высокая, залезешь на неё, нож в руке огромный - надо ветки рубить. Попробуй норму не сделай - так и останешься на пихте сидеть. Потом организовали нас лес валить поперечной пилой. Жили в избушке. Днём лес пилим, а ночью варежки да носки вяжем для фронта. Приедут, соберут, увезут куда-то. А дойдут ли они до фронта - не знаем.

Очень много от нас мужиков на фронт ушло. А вернулись шесть ли семь человек. И те, кто без руки, кто без ноги...»

Но самое страшное воспоминание Марии Дементьевны - это то, как клёпку готовили для деревянных бочек. Нужно было толстенный кедр свалить, отпилить чурку и расколоть её на ровненькие, как струнка, досточки определённого размера. Норма - четыреста досточек и 24 доньшка. «Пилишь, пилишь эту чурку, - продолжает Мария Дементьевна, - потом колешь, а она винтом пойдёт. Заревёшь, заголосишь... А эти штаны брезентовые! Сколько лет прошло, а гляну вот сейчас по телевизору на эту ре-

кламу прокладок проклятых, тьфу ты, Господи прости, аж душу выворачивает. Сразу штаны те вспоминаю: напялишь их, а они как береста - швырк-швырк... А что мы заработали - от жилетки рукава...»

На своей родине Мария Дементьевна побывала всего один раз. Сердце сразу заболело, когда увидела, что осталось от отчего дома. «А какое место было хорошее, - вспоминает, - церковь рядом стояла...» Да и зачем Марии Дементьевне теперь уже делать какие-то попытки вернуться в прошлое? Здесь уже прижилась, дети здесь, не обижают. Лишь бы дожить свой век спокойно - единственное её желание. Не заработала приличной пенсии - так что ж теперь? Зато гордится своими тремя медалями. И путёвку как-то давали, в Басандайке отдыхала. Значит, что-то всё-таки заработала!

«Ни живым покоя не было, ни мёртвым...»

Когда «Северная правда» первый раз опубликовала обращение к жителям района с просьбой принять участие в реализации межрайонного проекта «Прощение и память», к тексту организаторы и авторы идеи приложили анкету для тех, кто пережил страшные годы репрессий, кто сегодня, спустя много лет, готов поделиться воспоминаниями с детьми, внуками и правнуками.

В том числе были вопросы о том, стоит ли вообще вспоминать те далёкие времена, и нужно ли каким-то образом увековечить память жертв сталинских репрессий на местах высылки? А если нужно, то кому и зачем?

Что удивительно, полностью «за» установление крестов и строительство памятника или часовни безвинно пострадавшим те, кто является потомками репрессированных, а впоследствии

реабилитированных. Большинство здравомыслящих людей убеждены в том, что о печальных уроках прошлого нельзя забывать ни на минуту. Хотя бы для того, чтобы такого больше не повторилось. Ведь «под раздачу» попало целое поколение наших сограждан, был разрушен стабильный жизненный и хозяйственный уклад целых областей и автономных округов. Люди гибли десятками тысяч, и ни могил у них нет, ни оградок, ни крестов, ни мраморных плит...

Более скептически относятся к этой идее, как ни странно, сами жертвы политики партии и правительства того времени.

Татьяна Гавриловна Черных, бабушка, которая отметила в прошлом году 80-летний юбилей, считает, что поздно спохватились: «Не вернёшь уже ничего. И не найдёшь сейчас никаких могил, потому что закапывали умерших просто так, без одежды, без гробов - ничего не было. И живым покоя не

Татьяна Гавриловна Черных

было, и мёртвых, получается, бросали, как собак. Где сейчас кого искать - падали-то замертво прямо на корчёвке...

А вообще-то неплохо, наверное, как-то увековечить память. Хотя бы смогут родным поклониться те, кто потерял их уже здесь, в Сибири, на берегу Васюгана...»

Семью Татьяны Гавриловны выслали из села Романово Панкрушихинского района Алтайского края в мае 31 года. Тане было тогда шесть лет. Отец погиб в том же году, поэтому забирали мать с девятью ребятами, старшему из которых едва исполнилось 17. Дом, как потом выяснилось, местные власти определили под

сельсовет. Дом был новый, добротный, с баней, амбаром, большим хозяйством и мельницей. «Злостные кулаки» мать и отец - оба вышли из работников и всё, что имели, нажили собственным трудом. Татьяна Гавриловна прожила уже 80 лет, но до сих пор пытается и не может понять: за что, почему объявили кулаками? Сеяли хлеб, коноплю, лён, пряли, ткали, скотину держали, пару лошадей - сено привезти, дрова. Жили натуральным хозяйством, в магазинах ничего не было. А если и было, то не было денег, чтобы купить. Бывало, что лишнее зерно отец увезёт в город на продажу. Тогда - праздник. Обязательно купит детям что-нибудь из гостинцев: ситцу на платице, конфет, пряничков...

Высадили на крутой берег Васюгана, наверное, это было в районе Усть-Чижапки. Там и обустроивались те, кто остался в живых после долгого изнурительного пути. В дороге умерла Танина сестрёнка - трёхлетняя Даша...

Из бывших кулаков впоследствии формировали крепкие рыбацкие и лесозаготовительные артели. Привыкшие с детства к крестьянскому труду спецпоселенцы работали на совесть. И на страх. Норму им спускали сверху, а их быт никого не интересовал...

Татьяна Гавриловна - одна из тех, кто пережил всё это. Она, как и все репрессированные, дожившие до наших дней, до сих пор не может понять, как удалось выжить. Зато понимает, опять же, как и все, что того, через что пришлось пройти, нельзя желать даже заклЯтому врагу.

Крестьяне-труженики... Крестьяне, пострадавшие только за то, что работали истово. И, сосланные, обездоленные, они продолжали трудиться не покладая рук, потому что не привыкли иначе...

В.Н Макшеев «Нарымская хроника»
1930-1945 Москва Русский путь 1997

Владимир Егорович Андрейчук. Воспоминания

«Родился я 01.03.1929г. в с. Кулаково, Яшкинского района, Кемеровской области. Село Кулаково - небольшое поселение, расположенное на правом берегу р. Томь в 70 км от г. Томска, выше по течению.

Мне, как и многим моим сверстникам, брошенным в омут сплошной коллективизации 1931 г., жернова которой со страшной силой прошли по нам, трудно считать её своей малой Родиной.

Свою родословную, к своему огорчению, знаю только в пределах родной бабушки по отцу, остальное - обрыв...

Со слов старших имею скромные сведения о том, что в 1912 году по Столыпинскому закону мой родной дедушка - Андрейчук Максим, в составе семьи из девяти человек, прибыл в Сибирь искать лучшей доли. На такое

переселение из Вилинской губернии (Литва), деревни Гребе, где они проживали, сподвигло отсутствие земельных наделов, без которых обеспечить содержание такой семьи в сельской местности было невозможно. Так дед Максим оказался в Томской губернии и поселился в п. Подосеновка (район п. Моряковка). Занимались заготовкой леса и дров, нанимали лошадей и возили продукцию на продажу в г. Томск.

Со временем прикупили лошадей, занялись раскорчёвкой леса под пашню, однако ручной труд на такой работе результатов не дал.

Дедушка вскоре умер. Причина неизвестна, но, наверное, не от хорошей жизни.

По воле рока оставшаяся за главу семейства бабушка Андрейчук Зинаида Петровна, выросшая в сельской местности, где лес только на картинке, понимала, что обеспечить семью может только за счёт сельского хозяйства, развить которое в Подосеновках условий нет, а выход искать надо.

Отправленные «ходоки» нашли удобное для жизни место, с. Кулаково, с наличием свободных земель, пригодных под пашни и сенокосные угодья. Затраты на обустройство посевного поля несомненно потребовались, но они были под силу, и семья приняла решение поставить здесь точку путешествию.

Как рассказывали - два ведра самогонного вина, выпитого на сходе, было достаточно, чтобы получить добро на поселение в этой деревне и земельный надел, который в те времена давался только мужскому полу. Так они начали жизнь с чистого листа, в составе:

- Андрейчук Зинаида Петровна - 1854 г.р.
- Андрейчук Ипполит Максимович - 18.. г.р.
- Андрейчук Таисья Максимовна - 188. г.р.
- Андрейчук Егор Максимович - 1888 г.р.
- Андрейчук Прокоп Максимович - 18.. г.р.

- Андрейчук Арсей Максимович - 18.. г.р.
- Андрейчук Мария Максимовна 18.. г.р.

Имена ещё двоих детей мне узнать пока не удалось.

Трудолюбие этих людей дало быстрый рост селу. Край посёлка, где им дали место под застройку, и сегодня зовут «Виленским». В 1948 году, когда я с сестрой Клавдией Ипполитовной впервые приехал в это село, край носил это название, но село умирало. Почему? Это впереди.

Все братья в 1931-м году были раскулачены и пущены по Сибири кто куда.

Встретиться им довелось только в 1946-м году, когда мой отец возвращался из армии, но далеко не все дожили до тех дней.

Так рассыпалась трудовая семья, которая могла на много больше принести пользы государству, если бы жила на месте.

Изучая дело отца - Андрейчука Егора Максимовича, в архиве г. Кемерово, нашёл единственную запись о месте его рождения - село Гребе, Вильнюсской губернии (Литва), национальность «поляк». Личное дело оформлено безграмотно и вызывает некоторые сомнения. Поляка я в нём не замечал, скорее, он «белорус».

Мои родители занимались сельским хозяйством, к чему приучали и нас, своих отпрысков. Крестьянский труд больших дивидендов не давал, так было всегда в России, так обстоят дела и сегодня, но прожиточный деревенский минимум обеспечивал, с учётом крайне малых запросов их обитателей. Царский режим позволял крестьянину, если любишь трудиться, неплохо кормить семью.

Не исключением была и наша семья, состоящая к 1931-му году из следующих членов:

- Андрейчук Егор Максимович - 1888 г.р.
- Андрейчук Анастасия Дмитриевна - 1898 г.р.
- Андрейчук Валентина Егоровна - 1921 г.р.

- Андрейчук Сергей Егорович - 1923 г.р.
- Андрейчук Римма Егоровна - 1924 г.р.
- Андрейчук Александр Егорович - 1926 г.р.
- Андрейчук Владимир Егорович - 1929 г.р.

Нелёгким трудом крестьянина родители создавали незначительные, но так необходимые материальные блага. Повседневные дела и заботы по хозяйству, обработки засеваемых полей, сама обстановка в селе не оставляли время на учёбу, да и, пожалуй, такого стремления и необходимости у большинства населения того времени не было. В результате отец был безграмотный, правда, отлично считал, а мама, она местный житель - сибирячка, русская женщина, закончила три класса церковно-приходской школы, хорошо пела и в деревне считалась довольно грамотным человеком.

Имея возраст 1,5-2 года от роду, я не мог знать подлинную картину повседневного бытия, интересы каждого, материальное положение. Родители впоследствии по этому поводу особенно не распространялись, а мы в достаточной мере, к сожалению, тоже интереса не проявляли, а сегодня восполнить этот пробел нигде.

Вот так и теряется родословная, и остаёмся без прошлого, изучаем его по учебникам истории, в которых вранья столько, на сколько таланта у составителя и заказчика истории. А взглянуть в истоки своего прошлого, своего происхождения хотя бы поколений на 5-10 назад, понять, кто ты, кому обязан своим появлением, почему это произошло именно так, а не иначе - ленимся.

Это непростительное разгильдяйство по отношению к своим предкам, а следовательно, и к себе, своим детям и внукам, настоящим спешу исправить, насколько это в моих силах. С учётом того, что до 17 лет я проживал в семье, по-прежнему занимающейся сельским хозяйством, воспитываясь в окружении ей подобных. Пробую мысленно понять жизнь нашей семьи до 1931 года. Од-

нако это делаю с позиций колхозного строя и немного капиталистического, на что удалось немного взглянуть изнутри.

Подошёл 1931 год, какой рок бросил страну, Матушку Россию, в чудовищный круговорот сплошной коллективизации села?

Не миновала эту чашу унижения бесправием, разграбления и наша семья, а мои родители испили её до дна.

Постановлением бедноты этой же деревни в мае 1931 года, а затем постановлением пятёрки уже района наша семья подверглась раскулачиванию и выселению в Нарымский край Томской области. Солнечным майским днём 1931 года на повозке в одну лошадь, разрешили взять коня, т.к. дети идти не могли, погрузив разрешённый скудный скарб, в сопровождении конвоя, как злейших врагов страны Советов, по расхристанной грунтовой дороге, отправили в г. Томск, где находился пересыльный пункт.

Нетрудно представить: весна, вокруг возвращалась после долгой зимней спячки жизнь, просыпалась природа, зашумели ручьи, во всю расцвели подснежники, крутили свои любовные хороводы звери и птицы, приятно, по-весеннему шумел сибирский лес. А что люди? Как ни странно, лишь люди, высшее создание всего живого на земле, не находили покоя.

Гомо сапиенс, не ведаешь, что творишь! И всё это под неусыпным оком Всевышнего. Невольно задаёшься вопросом, да есть ли ОН?

Мама была глубоко верующим человеком, даже в самую лихую годину не забывала Бога, была беззаветно предана Ему, нас старалась воспитать в этом же духе. Так почему он допустил такой произвол, подверг своих подданных жесточайшему испытанию на выносливость. Кто даст ответ?

В июне 1931 года, после длительного мытарства, нас погрузили на баржу и отправили вниз по р. Обь, в Каргасокский район, за 500 км от г. Томска, в составе 100 семей, таких же обездоленных

и униженных. Дальше по р. Васюган, и через 40 км от устья высадили на необжитой берег.

Поселение нарекли п. Новоюгино. Баржа поплыла дальше вверх по р. Васюган, продолжая разбрасывать горемычных переселенцев на никем не изведанные места по берегам реки, закрепляя все души под недремлющее око спецкомендатуры.

Жизнь переселенцев на Васюгане довольно полно и красочно описал хлебнувший всех её «прелестей» писатель - томич Вадим Макшеев. Раскулачивание, переселение, обустройство и жизнь в Нарымском крае, если это можно назвать жизнью, обернулись для нашей семьи очень дорогими потерями. Я не имею ввиду материальные потери: дом, скот и пр. хозяйство. Не враз, но постепенно, хотя и каторжным трудом, мы «на ноги» встали, так что Бог с ним, с этим скарбом.

Мы понесли безвозвратные потери. Голод и холод на Васюганье сделали своё дело:

- в 1933-м году от истощения ушёл из жизни Александр,
- в 1934 году с этим же диагнозом умерла Римма,

Тяжелейшие испытания голодом, холодом, бесправием, непосильным физическим трудом, голодной смертью детей легли на плечи родителей.

Нам, моим сверстникам - пацанам, было проще, мы не понимали происходящего варварства вокруг нас, не воспринимали заботы и боль родителей. Мы жили в своём, детском мире - босые, голодные, но радостные, что живём, растём, дышим, и считали, что так и должно быть, потому что по-другому быть не может. Мы были все равные среди равных, жили в замкнутом мире, не ведая, что где-то есть радио, электричество, что где-то ходят поезда, летают самолёты, даже есть театры и кино.

Всё это нам предстояло узнать, прокрутить через извилины и определиться в дальнейшей жизни.

Отмечено, что дети всего мира плачут на одном языке. Можно добавить, что, имея разные материальные возможности, они радуются тоже на одном языке. Они - ДЕТИ. Этим всё сказано.

Но когда-то всё кончается. С завершением учёбы в Каргасокской средней школе закончилось и моё отрочество.

Пора было взрослеть, чему способствовала Отечественная война 1941-1945 г.г...»

**Вера Васильевна Комарова
(Прокопчук)**

Сотрудник Каргасокской районной библиотеки.

Памяти моего отца

«...Помни тех, с кем дорога свела тебя. Особенно предков своих - и жить они будут. Ибо память - это не церковная ограда и не крест на холмике, а тот образ, что создать ты можешь в сердце своём. И не тускнеет он, как позолота на куполах, и ремонта не требует, как покосившаяся изгородь на кладбище. Память бессмертна, как и те, что живут в ней...»

(А.Е. Червоненко)

Уходят люди, наши родные и близкие, а память о них живёт в наших сердцах вечно. Тяжела и невозполнима потеря дорогих

людей... Уже пошёл второй десяток лет, как ушёл из жизни милый и дорогой моему сердцу человек - мой отец, а мне его всегда не хватает, хоть и казалось бы, за это время должна была притупиться на сердце боль утраты, ан нет. Говорят, незаменимых людей нет, – неправда это. Слишком значимой, безупречной личностью был этот уважаемый Человек - аккуратист во всём, интеллигентный, всегда подтянут, тихий, скромности необыкновенной, по-детски наивный, с добрейшей душой и беспокойным отзывчивым сердцем. Все эти качества он пронёс через всю свою жизнь и сохранил их до самой старости, несмотря на великие трудности, которые преподносила ему жизнь. Это был действительно уникальный Человек...

Уважение к нему я испытала с самого раннего детства. От него всегда исходило необыкновенное тепло и свет, всегда спокойный, никогда не повышал голоса, не произносил бранных слов. До сих пор я про него говорю слово «папа», потому что «отец» для него как-то грубовато - настолько он был мягким, хотя духом был очень твёрд и несгибаем. Говорят: береги честь смолоду. Этот человек прожил необыкновенно честную жизнь, хотя для многих и казался «чудаком», «белой вороной», но его это ничуть не смущало, он шёл по жизни ровно, обладал ангельским терпением, был предан своему делу, своей стране, всегда был в гуще общественной жизни, так сказать, занимал активную жизненную позицию.

Сейчас, перечитывая его письма, дневниковые записи, приятно отмечаю и поражаюсь его грамотному изложению речи, «чистоте языка», так не свойственной нынешнему поколению.

Родился он в 1910 году в с. Вишнополь (это Украина, Староконстантиновский район Хмельницкой области). Отец его был сельским учителем, мать - домохозяйка, глубоко верующая женщина. С детства был приучен к труду и бережному отношению ко всему. Мечтал выучиться на агронома, но жизнь распорядилась по-своему. А любовь к земле, к природе, конечно же, осталась.

Видно, это дар Божий. И сохранил он его до самых последних дней. И смог передать это состояние благостного, бережного, уважительного отношения к окружающему миру нам, своим детям... Гражданскую войну пережил в родном селе, военные действия происходили прямо за стенами дома - выстрелы, крики, кровь, раненные, убитые. В хате крошились стёкла, дребезжали дверные косяки. С тех давних пор зародилось в его детской душе ненависть к войне, к насилию, к разрушению. Из письма к сестре:

На родину в Винновом Удирато.
 Когда поедете Вы и поедите? Если поедете
 и тогда сразу в Турму (город) в... Если приедете,
 можете выехать с собой... Формы эти... и выехать же
 если бы это событие произошло, лет турму...
 зная, когда я был свидетелем, мало в силе и нахо-
 дится надо было бы... в турму... и нет ни хол-
 ми двора. Навстречу реки... были на... Вас-
 сыла и споса... ей. Но в возвращение
 выехали бы у ней... выехали бы...
 любви на другом... так... тому... и
 матери... в Сибирь и там, и в...
 меня... Турму, умирание...
 так... видна, на...
 Стань... родину Удирату, родину Винновом,
 где родился и вырос, но что под...
 полетела...
 всей...
 над золотой, есть...
 мой... с...
 ч. и. о. 8. 1. 10. 11.

...Перечитываю, перебираю пожелтевшие от времени бумаги. За каждой - кусочек его судьбы. Мелькают даты - за каждой всплывают события. Всё это представляется очень живо, потому что происходило с родным человеком, и порой невозможно сдерживать слёз.

В 1930 году арестовали отца, почти единственно грамотного человека в селе. Отправили в Красноярский край, в Ачинск, позже перераспределили в Новосибирскую, ныне Томскую область. А в октябре 1930 года семье предъявили предписание о «высылке в Сибирь на воссоединение с главой семьи». Папу, одного, в лёгкой одежде, без багажа (после предварительного заключения, чтобы не сбежал), отправили на поезде, мать с сестрёнкой увезли другим эшеленом. В Томске на перроне случайно встретились. Зиму пережили в дачных посёлках Томска, а ближе к весне повезли дальше, до Парабели, там ещё какое-то время жили до открытия реки. Сестрёнке Шура тогда было 9 лет. Местные ребятишки над ней смеялись, что она разговаривает на украинском языке, а не на русском, и она замолчала. И очень долго (несколько месяцев) не разговаривала совсем. Когда на реке прошёл лёд, их на баржах повезли дальше, вниз по Оби. Так оказались в Каргасокском районе, а если сказать точнее - в Нёготке. Тётя Шура рассказывала, что заключённых держали в деревянных бараках. Суровый климат Сибири сказывался на их здоровье. Начиналась цинга. Они с бабушкой ходили в лес, находили там бруснику, вытаивающую из-под снега, и передавали деду. Так помогли ему выжить. Через какое-то время деда освободили и разрешили преподавать в Усть-Тымской школе под надзором. Жили в землянке. Потом перевели в Бондарку, и здесь запретили работать в школе вообще.

Тем временем папу, как одного из грамотеев, отправили на курсы счетоводов. И стал он работать бухгалтером. И проработал в этой должности 40 лет (уважение и признание пришли уже потом, а в начале были притеснения и гонения). Свой первый го-

довой отчёт он составил в 1936 году в сельхозартели «Верный путь» в Максимкино, затем - Бондарка, Старо-Югино, Каргасок и Майск. Так, практически вся жизнь была отдана этому суровому краю. Трудные были годы. Работать приходилось с пяти часов утра до самой ночи. Одни только отчёты надо было переписывать в пяти экземплярах вручную. А сколько учётных документов нужно было вести, ведь тогда учитывали каждый грамм муки, каждый метр земли. Работал при керосиновой лампе, а во время войны при отсветах топящейся печи (керосина не было). Буквально за несколько лет такого напряжённого труда потерял большой процент зрения.

В октябре 1937 года второй раз арестовали отца. Пришли ночью, когда уже все спали. Обвинение предъявили вообще какое-то непонятное. От работы дед тогда уже был отстранён, а его обвинили в каких-то колхозных делах. По ошибке хотели арестовать папу, видимо, им было всё равно. Три дня держали деда и ещё двоих человек под арестом, а потом увезли. И только в 1955 году папу пригласили в КГБ, где вручили письмо о том, что Прокочук Иван Никанорович скончался от сердечной недостаточности в 1940 году в томской тюрьме и реабилитирован посмертно. О настоящей причине его смерти узнал только в конце своей жизни - в 1991 году из расстрельных списков, опубликованных в газете «Северная правда» (расстреляли в декабре 1937 года в Колпашево).

Умных и грамотных всегда не очень-то жаловали. Арест отца сказался на судьбе не лучшим образом. Приходилось терпеть и унижения, и оскорбления, и угрозы.

В 1942 году дважды призывали на фронт, оба раза возвращали по состоянию здоровья. Но в тылу в эти годы было ничуть не легче. Работал он в том году в Старо-Югино, жил один, семья оставалась в Бондарке. Жил на квартире. Голодал страшно. На день выдавали по 400 г хлеба, и больше ничего не было.

Записи из дневника:

25 апреля: «...Ходил в магазин, получил до 1-ого мая хлеб по 200 гр. На день...»;

27 апреля: «...Сегодня с 8 часов утра до 9 часов вечера работал в конторе с напряжённостью, даже обедать не ходил. Да и обедать незачем ходить: грамм 300 хлеба осталось, так их надо растянуть ещё на три дня: на 28, 29 и 30 апреля. Молоко я хотя и беру по 0,5 литра в день на МТФ (молочно-товарная ферма), но из него 2 стакана отдаю ребятишкам своих хозяев. Достанется мне, наверное, здесь вдоволь...»;

29 апреля: «...сказали мне, чтобы я сегодня приходил за добавочным хлебом, что мне теперь будут отпускать хлеба по 400 грамм в день, это хорошо, а то у меня на завтра совсем не осталось хлеба. Вот я в 7 часов сходил и получил хлеб. Теперь всё же не так будет чувствоваться голод...»

Постоянно чувствовался холодок в отношениях со стороны начальства и грубое превосходство. Даже радио разрешали включать и слушать только в присутствии тов. Шестакова (председателя артели). А так хотелось чаще слушать вести с фронта. И всегда была твёрдая вера в победу советского народа.

Нет, к сожалению, дневниковых записей за остальные военные годы. Видно так жизнь прижимала, что не было никакой возможности и сил что-либо записывать. Но помню из рассказов мамы, как помогал он семьям фронтовиков, очень искренне, немного по-детски, как истинный тимуровец (сам-то он об этом не рассказывал). Удивлялись многие вдовы Бондарки, которым требовалась помощь, когда обнаруживали утром у себя на крыльце охапку дров или вязанку сена, а у кого-то расколотые дрова. А на краю села жили старички, сыновья которых были на фронте. Старички были совсем немощные, но коровку держали, и к весне в хлеву накопилось столько навоза, что корова спиной в потолок упиралась, так он за ночь выкидал весь навоз, домой пришёл совершенно мокрый до нитки от пота. А бабушка утром пришла доить корову и обомлела: «То ли Домовой поработал?!» Это один из ярких примеров добродетели, совершённой этим тихим, скромным Человеком.

Вот некоторые выдержки из его писем к Вадиму Николаевичу Макшееву, опубликованные в «Красном знамени» за 1974 год: «... Может, родители мои не во всём хорошо разбирались, но считаю, что такие качества, как честность и уважение ко всякому труду, я унаследовал от них... Как-то был у меня тяжёлый разговор с одним председателем артели, пытавшимся нажиться нечестным путём. Он мне тогда сказал: «Без обмана не проживёшь» - закончил он свою жизнь плохо... Жить надо честно. У правого человека на душе легко. Пусть не будет большого богатства, зато совесть чиста. В деньгах сила, но счастье не в них...

...У нас с Надеждой (супругой моей) счастье в детях. Сочетались мы с ней браком в декабре тридцать шестого. Свадьбу, можно сказать, не справляли, не на что было. И сейчас богатства не скопили.

Зато вырастили и вывели в люди пятерых детей. Все они уже разлетелись по белу свету, и теперь ждём мы от них добрых весточек. Все наши дети хорошие, никто из них родителей не опозорил. Как говорится, дай Бог каждому таких...» И действительно, всё что могли, они отдавали нам, своим детям, прежде всего это высокая нравственность и духовность. Ведь несмотря ни на что, родители Бога почитали. Во многом это помогло нам всем стать порядочными людьми и с почтением относиться к родителям. И даже теперь, когда их давно нет с нами, в каждый день памяти мы созваниваемся с родными и вспоминаем их добрым словом. А жизнь у каждого из детей сложилась по-своему... Старшая

Валя, с 1937 года рождения, после окончания школы поступила в Томский медицинский институт на фармакологический факультет. Работать распределилась в Новосибирск. Была руководителем одной из железнодорожных аптек. В своём коллективе всегда поддерживала тёплую, душевную атмосферу. Очень ответственный и уважаемый человек. Два взрослых сына. Всегда заботилась и помогала нам, младшим. Бывая в Новосибирске, в их семье мы всегда находили частичку своего дома и никогда не чувствовали себя там чужими... Люба, 1941 года рождения, окончив в 1958 году среднюю школу, поступила в Томское фармакологическое училище и по распределению тоже попала в Новосибирск. Всю жизнь проработала фармацевтом. Добрейшей души человек. Необыкновенно творческая натура. Двое взрослых детей, две внучки. Прекрасная семья... Ваня, 1943 года рождения, после окончания семилетки поступил в ремесленное училище, работал кузнецом, служил в морском флоте. Затем окончил Иркутское художественное училище. Работал художником, преподавал в школе... Катя родилась в 1947 году. Была одной из учениц первого выпуска Каргасокской музыкальной школы. Окончила Томское музыкальное училище. Работала преподавателем музыки в Среднем Васюгане, Каргаске, Кедровом, Томске, руководила хором, всегда участвовала в художественной самодеятельности. Заботливая мать, великолепная хозяйка... Меня родили через 11 лет после Кати и говорили, что я им очень пригодилась на старости лет. Особенно когда жили в Майске. После учёбы в Новосибирске, с 1979 года работаю в центральной районной библиотеке. Заочно окончила Кемеровский Университет культуры. Воспитываю двоих внуков...

Вот так сложились наши судьбы... Всякое было в жизни у родителей, но всегда они были едины в том, чтобы дать детям образование, хоть и бедствовали страшно. Они смогли привить нам любовь к земле, ко всему живому. Научили уважать старших, не

обижать младших, любить свой край, свою Родину со всеми её грехами и ошибками...

А далее снова из письма: «...Не был я на действительной службе в армии, и на войне не довелось тоже... Так и остался штатским из-за своего слабого здоровья и не знаю за какой конец держать винтовку. И порой неловко перед людьми, что будучи взрослым человеком, пережил войну, а воевать не пришлось. Но скажу Вам, что у нас в глубоком тылу пришлось вынести очень много. Работать, не считаясь со своими силами и временем, и голодать, и помогать всем, чем только можно, фронту и семьям красноармейцев-фронтовиков. В сорок шестом году выдали мне медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» Это моя единственная награда, и она мне очень дорога...»

Всегда был принципиален и честен. Около сорока лет проработал он бухгалтером, а должность эта такая, что частенько приходится держать экзамены на прочность этих качеств. «...Вот меня спрашивают, сколько я, работая бухгалтером, сберёг за свою жизнь денег государству? Затрудняюсь ответить. Это ж моя работа - считать и беречь государственную копейку. Мне за это зарплату платят. Могу сказать лишь, что всюду, где бы ни работал, старался, чтобы производство было прибыльным...» (из личных размышлений). Он-то работал честно, не жалея ни сил, ни времени. А получал за эту работу мизерный оклад. Даже северная надбавка ему не была положена (спец. переселенец). Куда он только ни обращался. Надбавку стали платить в самом конце 60-х годов, буквально за несколько лет перед выходом его на пенсию.

И ещё об одной очень важной и интересной деятельности моего отца невозможно не рассказать. Всю свою жизнь, начиная с 1938 года, он был сельским корреспондентом. Первая его заметка была опубликована 11 марта 1938 года в окружной газете «Советский Север». И до самых последних лет жизни (1991 г.) он про-

должал писать. Вадим Николаевич Макшеев в одном из очерков о нём написал: «Сегодня собранные воедино его корреспонденции и статьи могли бы стать частицей летописи Северного Каргасокского района за сорок лет. И во всём, что написано Василием Ивановичем, отчётливо видна его собственная нравственная позиция. По своей натуре мягкий и застенчивый, он никогда не поступится там, где приходится отстаивать правду, справедливость... Во всех его заметках видна была одна характерная черта: каждое его слово было строго взвешенным, ёмким, точным. Писал ли он о женщинах-стахановках, был ли это отчёт с собрания членов артели «Маяк» - в каждой строчке видишь напряжённость мысли, большую информационную нагрузку...». А эти строки из заметки журналиста А. Аксенова: «...Когда в редакционной почте видишь его надписанный характерным почерком конверт, исчезают всякие сомнения насчёт того, с какого письма начинать. Ну, конечно же, с письма Василия Ивановича. Селькор Прокопчук о пустячках писать не станет. Каждого приходящего работать в редакцию знакомили с рабселькоровским активом газеты, и возглавлял этот список В. И. Прокопчук. На этот счёт даже бытовала шутливая поговорка: журналисты приходят и уходят, а Прокопчук остаётся. Редкая неделя проходила без его письма. А когда случалось лично самому бывать в редакции - вынет из портфеля аккуратно сложенные листки: «Вот, тут я написал...». Пожилой, повидавший виды человек, а сохранилась в нём юношеская застенчивость, настоящая скромность интеллигента...».

Так случилось, что редакция не сохранила свой ранний архив «Северной правды», и папа отдал им свои экземпляры газеты, начиная с 1940 года. Несмотря на тяжёлые времена, житейскую неустроенность, переезды, он сохранял все номера газеты и относился к этому архиву очень щепетильно и бережно. Были у него аккуратно сложены и хранились долгое время подшивки «Красного знамени», «Правды», журнала «Огонёк». Каждый день он

заканчивал прочтением газет, несмотря на усталость, плохое освещение и другие невзгоды. Была у него собрана хорошая библиотека. Даже в голодные довоенные и военные годы он выкраивал из своей мизерной зарплаты деньги на книги и прочитывал их.

И ещё строки из письма: «Вы спрашивали - удовлетворён ли я своей работой? Наверное, мог сделать больше, лучше... Но, оглядываясь, всегда легче судить. Вообще, проработав почти сорок лет бухгалтером, сказать сейчас, что напрасно прожил жизнь, нельзя... Нельзя даже подумать так. Жизнь моя была подчас трудной, но счастье я испытал тоже. В борьбе с этими же трудностями...».

Вот такой он был, мой отец, Человек с большой буквы, Человек, творящий нашу эпоху. И недаром всегда ему были по душе слова из песни: «Пока я ходить умею, пока глядеть я умею, пока дышать я умею - я буду идти вперёд. И снег, и ветер, и звёзд ночной полёт тебя, моё сердце, в тревожную даль зовёт...».

Прожив долгую жизнь, пережив все её тяготы и невзгоды, познав разочарование в том, во что свято верил всю свою жизнь, этот человек, тем не менее, ни разу не высказал горьких слов обиды, озлобленности или сожаления. Так и остался до конца дней своих доброжелательным, улыбчивым и по-детски искренним Человеком.

Светлая вам память, мои дорогие родные родители...

Евдокия Ивановна Ломакина (Бердинская)

Автобиография или «хождение по мукам»

Евдокия и Пётр Ломакины

Я родилась в 1910 году в Алтайском крае в семье зажиточного крестьянина. Отец, Бердинский Иван Иванович, держал скот, сеял хлеб, излишки продуктов вывозил на базар в город. Этим и жила семья. Мать, Бердинская Ирина Фёдоровна, была домохозяйкой, растила нас, детей. Детей было много. Когда я родилась, старшему брату Алексею Ивановичу было 7 лет. Когда началась революция, мне было 6 лет. Отца взяли на фронт. Нас у мамы было четверо, и ожидала пятого. Из имеющегося хозяйства - 10 коров и 10 лошадей - мать половину продала, а 5 коров и 5 лошадей оставила. Брату Алексею было 14 лет, он закончил 5 классов и стал в

доме хозяином. С матерью сеял хлеб, ухаживал за скотом.

Пашня у нас была за 7 км от села. До 6 лет я была с бабушкой, а когда у мамы родился пятый, я стала ездить с ней на пашню и водиться с малюткой. Поднимать малыша не могла, но коляску возила. Мама посадит мальчика в тележку, поставит кринку с кашей, и он ест ручонкой, а захочет спать, уснёт. Проснётся - и опять за кашу. Так с утра до обеда, с обеда до вечера. А я его всё катаю. В 1918 году отец вернулся и начал работать ещё больше.

Мы стали подрастать, и нам работы доставалось много. Мне шёл девятый год. Отец запряжёт коня, а кони были умные, накладёт полную телегу осоки, меня посадит, даст в руки вожжи и отправит. Приеду в деревню к бабушке, она меня встретит, выложит всю осоку, а в телегу положит готовые вязки, вязать снопы хлеба. Напечёт мягкого хлеба на пашню. И я опять поехала за осокой. А когда у мамы родился шестой, я уже была самостоятельная нянька. Но ребёнок пожил недолго и умер. В 10 лет я уже начала прясть, вязать и ткать.

После революции в стране была полная разруха. Товара не было. Купить было нечего. Сами ткали холсты, шили юбки, рубашки. А у нас было столько ребятни, надо было всех одеть и обуть. Вот мы с мамой пряли по всей ночи. А школы не было. В 1920 году женили брата Алексея. Взял он Наталью Дмитриевну. А в 1921 году все стали выезжать на посёлки. И наш отец решил выехать в Ракиты. Перевезли дом и два амбара. Один не успел вывезти, подошло лето, у мамы родился ещё один мальчик - Гоша. На новом месте отец быстро выстроился, деньги у него были. Поставили дом, два амбара, посеяли хлеб, покосили сено. Осенью хлеб убрали, обмолотили, высыпали в амбар, выкопали картошку. Всё своими силами, нам, детям, отец не давал отдыхать. А в октябре нас кто-то поджёт ночью, и у нас всё сгорело. Молодёжь ещё была на улице, скот успели выпустить, вещи из дома кое-какие выкидали, а что было в кладовой, в амбарах - всё сгорело, остались одни столбики. Сгорел конь, так как был на привязи, и телёнок.

На углу двора стояла летняя кухня, её успели залить. И вот мы, 10 человек, зимовали в ней. А отец наш снова всю зиму возил лес, рубили дом. Привезли последний амбар из деревни и за лето выстроили новый дом и пристройки. Всю зиму ели хлеб дымный, зерно лежало в закромах, амбары сгорели, а хлеб только обгорел сверху и весь пропитался дымом.

В 1922 году выстроили школу от нас в трёх километрах. Было мне 13 лет. Отец сказал: «Все пойдут в школу» - как мы радовались! Но мама и бабушка меня не пустили. Мальчики все учились. А мне мама сказала: «Будешь прясть, вязать, кто будет помогать одевать ребятишек?» Как я плакала! Но без толку. Так и осталась неграмотная. После пожара отец заболел, а потом ещё в зиму надсадился с лесом и так болел до конца дней своих. Умер он в 1932 году. Мы уже все работали по хозяйству, кто что может. В 1923-24г.г. стали жить лучше. В 1925 году в магазинах появилось много товаров (по истории НЭП). Я уже стала девушка - 15 лет. Одна дочь в семье, остальные ребята. Отец покупал мне наряды. Возил на базар хлеб, мясо, масло лишнее, а с города привозил подарки. Я была скромная, все меня в посёлке уважали. Парни, какие меня знали, все хотели проводить меня до дома. А в 1926 году стали меня сватать и наши, и из других деревень. Такая была мода. И выходили замуж девушки совсем молодые.

С Петром Ломакиным мы встречались, но редко. Зимой в будни я пряла, никуда никто не ходил. А в воскресенье пробежишь по улице и домой, так как холодно. Клуба не было, в школу учительница не пускала. А летом тоже работа, не до гулянья. Неделю на полях косили, убирали, пололи хлеб. Правда, весной я ходила на молококанку каждый день, молоко сдавали на завод. Замуж за Петра я не собиралась. Боялась их большой семьи. Да и матери у Петра не было. Она умерла, когда ему было 9 лет. Был у меня другой парень. Он был один в семье сын. О нём я мечтала и думала.

И вот 15 октября 1927 года Гавриловы пришли свататься, а на второй день - Ломакины. Так длилось 4 дня. Одни уходят, другие приходят. А родители мои разбирают всю родословную, всех предков, тех и других. Меня и не спрашивают, за кого пойдёшь. А я так и не осмелилась сказать, что пойду за Гаврилова. Приехал к нам дедушка Федот, мамин отец, он и решил мою судьбу, раскорил Гавриловых, посоветовал отдать меня за Ломакиных. И так,

«запой» был 20 октября, 10 ноября - «сговор», а свадьба состоялась 21 ноября. Чувствовала я, что тяжела будет жизнь моя. Гуляли свадьбу целую неделю. Стала я привыкать к Петру, жили мы с ним неплохо. Правда, с первых лет он стал уходить по вечерам с парнями играть в карты. Так было заведено, все ходили, что им вечерами делать? Бабы пряли, с детьми возились. Пришёл 1928 год, родился у нас Саша и сразу заболел. Три месяца я с ним не смыкала глаз, мучилась, обходила всех бабушек, врачей не было, и сама уже с ним больная стала. И всё-таки одна бабушка вылечила его, начал быстро поправляться, в 10 месяцев стал ходить.

В начале 30-х годов всех зажиточных стали раскулачивать. Отец мой попал в первую очередь. Брат Алексей был отделён, ему выстроили домик небольшой. А у отца всё отобрали и из дома выгнали. Жили они на квартире, да и пускать не хотел никто. Один парень работал в сельсовете, он их пустил на квартиру. Брат Максим уехал в Ленинск-Кузнецкий работать на шахту. У Ломакиных семья была большая. Брат Петра Андрей был отделён, нас пока не трогали. Было у нас 2 коровы, 2 лошади. Мы убирали хлеб, лён обрабатывали. Старшего брата Петра - Василия Алексеевича - выбрали секретарём сельсовета.

В 1930 году у нас родился Миша. Этот мальчик был спокойный, не болел.

В декабре этого года внезапно пришли описывать имущество. У нас был двор крытый, я работала во дворе. Смотрю, заходят 4 человека и прямо к нам в дом. У нас со сношеницей Федорой были ящики в кладовке. Я забежала в кладовку, подняла половицу пола и давай туда кидать из ящиков, что получше. Потом вышли во двор, а Пётр с Ильёй Тереховым приехали с дровами. Я им сказала, что нас описывают. Что делать? Они забежали в амбар, вынесли по 2 куля муки, положили около поленицы дров и уронили её на мешки.

Когда всё в доме переписали, зашли в амбар, посмотрели и закрыли на замок. А на второй день подогнули подводы и всё до зёрнышка погрузили и увезли. А через неделю приехали и всё забрали, что было переписано в доме, и постель, и одежду. Мы всякими неправдами, что могли, прятали, не отдавали.

А в марте 1931 года всех мужиков стали забирать. Забрали моего отца и брата Алексея.

У Ломакиных старший брат Василий уехал на шахту, отец - Алексей Иванович - был стар, тогда забрали Петра, угнали в Барнаул, Федора ждала ребёнок.

Вот в эти годы устраивались ликбезы - ликвидация безграмотности, были десятидворки, учили неграмотных. Как вечер, я усыплю Мишу и прошу свёкра: «Папаша, покачай Мишу, если проснётся». Он меня ругает, не пускает. Но я всё равно убегу, хоть на полчаса. Я с неделю походила, узнала азбуку, вот моя грамота. В марте Федора родила сына Ивана, а в апреле нас выгнали из дома. Мы перешли к Тереховым. Вещи, что мы кидали в кладовые, были спрятаны в снегу, а снег стал таять. Сложили в ящик, выкопали яму в подполье у Тереховых и закопали, а что осталось, я разнесла по родным. Девятнадцатого мая нам сказали собираться, а 30 мая повезли. Разрешалось 20 кг на человека взять: хоть вещей, хоть продуктов. И поехали мы с Федорой, и дедушка Алексей с нами. Вывезли нас в г. Дедруху, от нашей деревни 40 км, и остановились ждать, пока все сельсоветы съедутся.

До Барнаула нас вёз Илья Терехов и Андрей, а Пётр и многие мужчины из нашей деревни работали в Барнауле. Привезли в Барнаул, поселили в бараки. Столько людей, крик, шум, плач детей. Двое суток мы там были и все стояли на ногах, вещи положили на пол, а на них – детей. А самим даже сесть негде.

Мужчины, что работали с Петром, пришли к семьям. А Петру дедушка Алексей наказал, чтобы он не сбежал. И он к нам не пришёл. Двадцать шестого рано утром нас погрузили на поезд и

привезли в Новосибирск на ст. Кривощёково. К вечеру выгрузили на перрон, мы попадали все и спали как убитые. Проснулась, уже светло, идёт дождь. Слышим, плачут женщины, в эту ночь 4 ребёночка прилежали матери. У нас, слава богу, все были живые. А Пётр не вытерпел в этот день, пришёл в бараки, а нас нет, и поехал с другим районом. Их повезли на баржах по Оби в Нарым. Когда он ехал, на всех берегах люди, он всё искал свой район и доехал до Каргаска, а нас нет. И остался он работать там грузчиком.

Под нас подогнали подводу и повезли в Шегарку, там всего 200 км, а везли нас 17 дней. Хорошо, хоть с нами ехали наши матери, Федорина и моя. С моей мамой Петя - 10 лет, Микиша - 14, Гоша - 9 лет, С Натальей Дмитриевной Толя - 7 лет, Фрося - 5. У Федоры Тима - 7 лет, Варя - 4 года, Ваня - 1 месяц. У меня Саша - 2 года, Миша - 6 месяцев. Хлеб, что наши соседи на дорогу дали, мы давно съели. Ехали мимо деревень, ходили, просили кусочки. Кто даст, кто не даст. Дорога была плохая, застрянет одна телега, весь обоз стоит.

Сопровождали нас верхами, как палачи ездили, всё молодые парни. Кто они были? Наверное, по тем временам, комсомольцы. Остановимся ночевать, у кого мужчины, раскинут палатки, разведут костры, варят ужин. А мы пока своих детей перевернём, переоденем, все уже поужинают. Питались мы вместе с нашими, Бердинскими. Вешаем ведро на огонь, завариваем муку, саламат называется, если есть, маслом заправим и едим. Привезли нас в Шегарку, болото. Комаров - страшно! Детей наших так изъели комары, как корявые стали, а на второй день стали собирать всех мужчин и женщин, у кого нет детей, делать мост - елань на Бакчар - длина его 50 км. Угнали их туда в июне, а вернулись в сентябре, и в живых осталась третья часть. Нас спасли дети. А кто пришёл, на них страшно было смотреть, чёрные как земля, всё лето не мылись, на комарах. Наши на этот мост не попали. Дедушка Алексей

был стар, брат Петя молод. Петю послали на покос за 110 км, и он сбежал к брату Максиму на шахту.

Потом их стали преследовать, они уехали в Донбасс, там проработали 2 года.

Мы жили в палатках. Стали нам давать по 6 кг муки на душу и какие-то граммы крупы и сахара. Делали печки, пекли хлеб ржаной. На работу нас посылали, делать кирпичи. Мы с Федорой ходили подённо, одна с детьми, другая на работу, а маму не трогали - старая. Там жили старожилы. Им предложили уехать за 30 км в колхоз, и они стали продавать постройки. Мы уговаривали дедушку Алексея купить избу, как кухня летняя, была в ней печь русская и пол деревянный - просили за неё 30 рублей. У нас всего было 40 рублей. Папаша на избу не соглашался, паёк, мол, чем будем выкупать? Мы настояли. Вместе с мамой купили, отдали по 15 рублей. Вот мы своих детей и спасли. Как заболели дети в палатках дизентерией, никто не лечил. У некоторых все дети примерли. А наши хотя голодные, но чистые. У хозяйки огород был, мы попросили листочков капустных поломать, а то и огуречик сорвёшь, морковочку, а к осени картошку подкопаешь. Через месяц Василий Алексеевич бросил шахту и приехал к семье, привёз сухариков детям, начал работать, на паёк зарабатывать. Да и свёкор Алексей Иванович сторожить стал амбары - тоже копейка. В сентябре пригнали мужчин, целый этап к семьям. Пришёл и отец мой, весь больной, и брат Алексей. И стало нас 17 человек в этой хате. На малых детей Мишу и Ваню давали по четушке молока. Дедушка сделал бочку вёдер на 18, купили мы зелёных капустных листьев, насолили и до нового года съели. В январе 1932 года пришёл к нам Пётр. Когда он доехал до Каргаска, написал в Рапиты, и мы стали домой писать. Почта ходила плохо. Когда узнали, где он, стали хлопотать. Его отпустили к семье, а мы все болели тифом. Но все остались живы.

А люди до снега жили в палатках, а потом семьи по 4 стали делать избы. Когда Петя приехал, нам стало легче. Дожили до весны. Весной всех послали на корчѣвку. Отец мой поработал с неделю и умер. Наши мужики возили лес, срубили избу большую, дали нам лошадь. Весной мы перешли в свой дом, а мама осталась в купленной хате. В августе 1932 года Тереховы написали, что умер Андрей, а они уезжают на производство. Нужно ехать за вещами, а то дом продадут, а там, в подполье, мой ящик. Я так болела, трясла меня малярия. Но что делать? Мы все обносились, а там хорошие вещи. Федора не едет, я решила поехать. Пётр меня не пускал.

Пашня была у нас за 30 км. Сеяли, убирали, молотили хлеб, пололи лён. Зерно возили и сдавали в склады. Нам давали паёк. И вот мы с одной бабушкой договорились поехать за вещами. Приехали на пашню, и нас Пётр увёз ночью на пристань за 160 км. Дома соседи думают, что мы на пашне, а кто на пашне - думают, что мы дома. Приехали на пристань, попросились на квартиру, нас пустили и сказали, что пароход идёт до Барнаула в следующую ночь. Мы нигде не бывали и ничего не знали, хотелось быстрее уехать. И мы решили на пригородном пароходе ехать до Новосибирска, а тут миру! Сидят люди по две, да по три недели, не могут уехать. Все голодные, да грязные, на всех вошь. Что нам делать? Встанешь в очередь за билетом, возьмут командированные, да военные - и нет опять билетов. Мы на станцию, хотели поездом уехать - там то же самое. Мы просидели 4 дня, а меня малярия на день 2 раза стала бить. Стоишь в очереди и слышишь, за тобой говорят: «У бабы вошь по платку ползёт.» Что нам делать? Подходили грузчики, предлагали купить билеты. Мы боялись, возьмут деньги, обманут. Смотрим, люди дают им деньги, а они выносят билеты. Так и мы сделали. На пятый день сели на пароход. Река была мелкая. Пароход шёл три дня до Барнаула. А мы всё одну единственную булку хлеба ели. В Барнауле у

моей спутницы был брат. Нас встретили, накормили, вымыли. Ночевали у них и пошли на поезд. Доехали до ст. Коломанки и сошли. До Куличихи отправились пешком. Там у меня дядя жил, брат двоюродный отца. Пришли к ним рано утром. Тётя Маша нас встретила, накормила. Они были в колхозе. Выходить нам не разрешала, и мы спали целый день. А в ночь мы - в свои Раки-ты. Пришла я к Тереховым, они меня вымыли, голову вычесали, накормили. Ночью я ходила к родным, а день сидела. Всё, что я отдавала на сохранение, ничего мне никто не вернул. Выкопали ящик. Все шерстяные вещи моль побила. Швейную машинку отдала бабушке-попутчице. Остались простые платья, бельё. Навязала я два тюка холста, полотенец. Пожили мы 5 дней, наняла я старичка, нас отвезли до станции. Отдала ему чугуна да самовар. На станции взяли билеты. Я свои вещи кое-как поднимаю. Подошёл поезд, бабка моя заскочила, все вошли, а я не могу подняться на ступеньки. Проводник-мужчина помог мне залезть и захлопнул вагон, оставив меня в тамбуре, спрашивает: «Что везёшь, муку? Сейчас доложу начальнику станции!» Объясняю ему, что не мука это, вещи - холсты тяжёлые. «Оторви, - говорит, - на портянки». Я ему отвечаю, что не жалко, но ведь всё надо распаковывать. Тут на счастье кто-то вышел в тамбур, и я зашла в вагон. В Барнауле мы наняли носильщика с тележкой, перебрались с вокзала на пристань. Билеты взяли быстро. Приехали на пристань Батурино, здесь какие-то были подводы. Попросились мы, говорят, увезём только вещи. Отдали мы им что-то, провезли они нас км 60, а там опять старика наняли, довёз до Старого Азута. Здесь были знакомые, оставили у них вещи, а сами пешком за 30 км ушли на пашню. С пашни увезли нас домой. Ребятишки мои оставались с Федорой. Приехала я чуть живая.

Работа была у нас разная. Зимой лён колотили, картошку перебирали в хранилищах. Весной 1932 года мы сажали свой огород. Урожай был хороший, накопили два погреба картошки, моркови

соток 10 сеяли, капусты. Так наголодались! Всё выросло. Дети наши стали поправляться. Миша стал ходить. Стеша - работать, начали давать хлеб.

Мама моя написала Максиму, что можно и здесь жить, приезжай. Он рассчитался в Донбассе и приехал. Но в пути простыл - выпил кружку молока холодного, получил воспаление лёгких, заболел и умер в декабре. В январе 1933 года умер мой брат Никита, а в марте умерла бабушка - отцова мать. В эти годы жили мы все вместе с Василием. Пётр всё хотел отделиться, а дедушка, отец его, не разрешал.

В августе 1933г. мы предложили Василию продать все вещи и купить корову. Они не согласились. Поехал Пётр на пашню, я отдала ему 6 метров сатину, брюки его последние и занавес розовый на кровать. С товаром тогда было плохо очень. Он с пашни поехал в Пихтовку, там был базар. Всё продал за 218 рублей, поехал по деревням и купил тёлку за 200 рублей. Сена накосили коню и прокормили тёлку. Она была стельная, а в 1934 году в июне отелилась. Тогда отец разрешил нам разделиться с Василием. А что было делать? Паёк врозь получать. Зимой Пётр заключил договор на охоту на пушного зверя. Уезжал на месяц в тайгу и больше. В это время начали организовываться колхозы. В конце 34 года Василий и брат мой Алексей вошли в колхоз за 30 км. Их перевезли туда. Я настаивала тоже пойти в колхоз, не хотела от своих отбиваться, но Пётр был упрямый, не хотел и слушать. Понравилось ему охотиться, по тайге лазить. У нас жили Андрея дети - Ваня и Коля. Их привезла из Ракитов тёща Андрея - Кулешова. Мать их стала просить привезти детей обратно.

В феврале 35 года папашка Алексей поехал с ними. Пётр увёз их на станцию Пеньки за 110 км, там был тупик. А в марте Пётр затосковал, говорит: «Поеду я на родину, там пойду в колхоз и за вами приеду.» А я уже с Ниной ходила, не хотела я оставаться, но его не убедишь. Встали на лыжи с одним парнем и ушли ночью.

Правда, на работу меня не посылали, потом перешла ко мне жить мама.

А Пётр приехал домой, пошёл в Сельсовет, стал искать справедливость: «В чём меня обвинили? Я же молодой, хочу работать здесь» и т.д.

Ему дали пакет какой-то, сказали: «Неси в район.» Он пакет, конечно, не распечатал, донёс, подал адресату, его сразу арестовали и отправили в Барнаул, потом в Новосибирск, потом в Томск, потом этапом пригнали к нам в Шегарку, их таких тогда много было. Когда сказали, что он в комендатуре, я взяла Сашу, и мы пошли. Нас и близко не пустили, держали их как преступников. Я поплакала и ушла. А им дали отработать принудиловки 15 дней и отпустили домой. Мы с мамой посадили картошки, всякой мелочи, корова отелилась. Пётр стал работать, куда пошлют. Друг у него был, ходил всё к нам и говорил: «Не пойдём в колхоз, скоро опять пойдём в тайгу на охоту.»

Второго августа 1935 года родилась у меня Нина, а в сентябре нам сказали собираться в Нарым. Вот уж этот день я не забуду никогда. Говорю: «Не хочу жить, и всё, и не буду.» Подогнали телегу, посадили наших детей, а я не иду из избы. Уполномоченный говорит: «Будешь жить!» А я говорю: «Нет, не буду! Не хочу!» Скидали наши шмотки, люльку, Нину в телегу, а меня под руки привели к ней. Привезли нас в контору, он в потолочину забил гвоздь, повесил люльку и положил в неё ребёнка, говорит: «Качай». Маме сказали: «Хочешь - езжай с ними, хочешь - оставайся». Она осталась, переехала к Алексею. Ночью нас погрузили на подводы и повезли в комендатуру во Вдовино. Мужчин и женщин бездетных погнало пешком. У кого были коровы - вели. Тогда мой Пётр подошёл к коменданту и говорит: «А если я войду в колхоз?» Тот ответил, что теперь поздно. Из Вдовино до Пихтовки нас везли на машинах. В Пихтовке два дня стояли, ждали, когда пешие подойдут. Потом всех повезли до пристани Батурино, погрузили

на баржу нас всех в трюм, а коров на палубу. Утром и вечером мы выходили коров доить. Варили нам суп, давали хлеб, рыбу солёную. Когда доехали до Каргаска, посадили на пароход, а скот на баржу и повезли по р. Васюган. Доехали мы до с.Седельниково, там ссадили 7 семей, остальных повезли дальше. Мы все зашли в заезжий дом, там ночевали. Утром пришёл председатель Ковригин и сказал: «Пойдёте в колхоз, дадим квартиру, сена коровам, а не пойдёте - стройтесь и косите сено.» Ну, и все написали заявления и пошли в колхоз. Стали давать паёк. И опять у нас нет картошки, нет ничего.

У меня были ботинки, я в них приехала. Их продала за 4 пуда картошки, а себе сшила чуни из старой шубы, ходила в них за водой, за дровами. А у Петра кирзовые сапоги были. На колхоз давался план драть дранку, вот всю зиму и драли. Избу дали холодную, печка русская, утром встанешь, по углам иней. Сделали камелек, а дверки нет, зиму еле-еле пережили. Весной выдали нам чуни, вышли на корчёвку. Яслей не было, а на работу посылали. Принесу Нину в контору и оставляю председателю. Он скажет: «Оставляй, пекариха посмотрит или доярки.» А ребёнку 10 месяцев, целый день плачу.

Зимой Пётр связал сеть. Как пошёл икромёт, поставит сеть под окном, и рыбы полно. Походила я на работу недели 2 и не пошла дальше. Тогда паёк мне детский стали давать 200 г. Вот на рыбе и жили. Когда появилась работа в посёлке, я стала выходить, а Нину оставляла с мальчишками. Саше было 8 лет, Мише - 6. Они её бросят, а сами уйдут на рыбалку. Я прихожу, их нет, а Нина наревётся, грязная, мокрая. Думаю, придут, всех излуплю, а их нет допоздна.

Тогда уж думаю, хоть бы пришли живые, не буду ругать, не буду бить. Смотришь, идут, несут низку рыбы, и опять начинаю плакать. Что с них возьмёшь? Бог их спас у меня.

Свёкор Алексей жил у Тереховых, делал кадушки, стеклил окна, зарабатывал и посылал деньги и нам, и в Ракиты сиротам, Андреевым детям - ребятам и Федоре. Василия в 1937 году забрали, дали ему 10 лет. В 1938 году стало жить легче, начали привозить материал, обувь, стали получать на трудодни пшеницу, рожь.

В 1938 году 23 августа у меня родился Ванюшка. Зимой я уже не работала, а в 39 году весной первым парходом приехал к нам свёкор Алексей. Ванюшку понесла в ясли, там его простудили, и он умер. С дедушкой мне стало легче. Он смотрел за детьми, за огородом. Ребята учились в школе. А в 1940 году 7 ноября родилась Тоня. Пётр не был ленивым. Всегда у нас была рыба, дичь всякая. Потом и мальчишки стали ходить на охоту, на рыбалку.

И вот в 1941 году началась война! Стало совсем плохо. Хлеб весь сдавали государству, ели одну картошку, траву, рыбу. У меня

заболел желудок. Петя рыбачил с бригадой, и я 2 года рыбачила. Всё лето босиком, обувь нечего. Пётр стал болеть ревматизмом. В 1945 году его направили в колхоз «Новая жизнь» председателем. Один год жил там один, потом перевёз нас. Но там колхоз ещё беднее, ещё хуже - не дай бог. Промучились мы 3

***Мужчины посёлка Седельниково
перед отправкой на фронт***

года и всякими путями стали проситься обратно в Седельниково. В это время в 1947 году Миша уехал в Томск в техникум учиться. Учиться было тяжело, послать было нечего, денег не было. Напишет письмо, изжога жжёт от ржаного хлеба, картошки купить не на что. И опять я плачу. Пётр на меня кричит: «Посмотри, Матвей

Русаков едет с лесом тоже наполовину голодный! Может, наши дети в будущем будут жить как люди».

В 1948 году Саша уехал в Томск, всякими неправдами вырвался из колхоза на учёбу. В 1949 году приехал врач с областной больницы, всех обслушивал, у Петра признал что-то и дал направление на рентген в Томск. Съездил он за паспортом в Новый Васюган и уехал. Прошёл рентген, ничего не обнаружили. И он обратно не вернулся. Приехал в Кемеровскую область в пос. Увал, здесь уже жил Василий Алексеевич, и стал работать в леспромысле. А мы остались в Васюгане: Тоня, бабушка, Нина училась в 7 классе в Ср.Васюгане. Я ходила Васей. В 1950 году 1 февраля родился Вася. Чтобы выехать к Петру, нужен был паспорт. И вот весной с 4-х месячным Васей и с Тоней ездила я хлопотать этот паспорт.

Приехали в Увал. Сначала жили неважно, всё были недостатки, нужда. В 1951 году 4 мая хоронили бабушку (свёкра).

Потом обжились. Пётр купил домик, корову, садили огород. Ребята стали военными, Нина с Тоней окончили институты, потом и Вася окончил СМИ. Пётр построил дом, купили пчёл, стали жить хорошо. Дети ездили к нам, их дети жили у нас на каникулах. Пётр заработал пенсию, держал коня, корову, любил тайгу, охоту, рыбалку, пчёл, птиц.

Любил всё живое, хотел жить долго. Но жизнь оборвалась внезапно. Вот 5 сентября 1976 года взял и умер мой Пётр. Так прошла вся моя жизнь.

Живу в городе, у Васи. Видно, немного осталось и мне жить, ведь мне уже 68.

1977 г.

Ломакины Михаил (слева) и Александр. 1956 г.

(г. Новокузнецк)

Михаил Петрович Ломакин.

По окончании военного училища 25 лет служил в Прибалтике. По завершении службы вышел в отставку. Ветеран труда, ветеран воинской службы, труженик тыла.

Я, Ломакин Михаил Петрович, второй сын Ломакиных Петра Алексеевича и Евдокии Ивановны, 1930 года рождения.

До первой ссылки мой дед Алексей Иванович Ломакин жил в Алтайском крае, Топчихинский район, село Ракиты. Кстати, он не коренной житель Алтая. 18-летним юношей со старшим братом приехал из Тамбовской губернии. Вначале работали работниками у хозяина. Затем за хорошую работу хозяин выделил ему часть своей земли, он построил дом и стал самостоятельным хозяином. Семья у него была большая, но наёмный труд он не использовал. В 1987-м году (это через 57 лет) я впервые побывал на своей Родине. Нашёл двоюродного брата, у которого оказались некоторые документы времён первой ссылки. Я сделал выписки.

Состав семьи, подлежащей ссылке:

1. Ломакин Алексей Иванович - 60 лет
2. Сын Андрей Алексеевич - 27 лет
3. Его жена Анна Дмитриевна - 27 лет
4. Их дочь Мария - 8 лет
5. Их сын Иван - 4 года
6. Их сын Николай - 1 год

7. Сын Алексея Ивановича Василий - 25 лет
8. Его жена Федора - 23 года
9. Их сын Тимофей - 5 лет
10. Их дочь Варвара - 2 года
11. Их дочь Анна - 1 месяц
12. Сын Алексея Ивановича Пётр - 20 лет
13. Его жена Евдокия - 19 лет
14. Их сын Александр - 7 месяцев

Этот документ составлялся в 1929 году, а ссылка была в 1931 году, поэтому состав семьи изменился в большую сторону, а именно - 17 человек подлежали выселению.

Подлежит конфискации:

1. Дом - 300 руб.
2. Изба - 150 руб.
3. Амбар - 60 руб.
4. Малушка - 20 руб.
5. Двор - 100 руб.
6. Рига - 20 руб.
7. Баня - 15 руб.
8. Молотяга - 250 руб.
9. Сенокосилка - 150 руб.
10. Конные грабли - 40 руб.
11. Плугов 2 шт. - 60 руб.
12. Борона - 28 руб.
13. Рабочая лошадь 4х60= - 240 руб.
14. Молодая лошадь 2х30= - 60 руб.
15. Сосун (жеребёнок) - 2 руб.
16. Дойных коров 3х20= - 60 руб.
17. Нетель 1 шт. - 15 руб.
18. Телят 3х3= - 9 руб.
19. Овец старых 21х5= - 105 руб.

-
20. Ягнят 22х1=	- 22 руб.
21. Свиной старых 2х15=	- 30 руб.
22. Свиной молодых 1 шт.	- 5 руб.
23. Телега на железном ходу	- 100 руб.
24. Телега на деревянном ходу	- 15 руб.

Это имущество, согласно документа, подлежало конфискации. А из рассказа матери известно, что конфискации подвергалось всё имущество в доме, включая личные вещи, одежду, обувь и продукты. Разрешалось брать узелок личных вещей и продуктов питания на один день. Да и физически много вещей и продуктов не было возможности взять с собой, т.к. взрослые мужчины за год до ссылки были увезены на стройку в Барнаул, а большинство женщин были с младенцами на руках. Мужчин отпустили к семьям только спустя год. Вторую ссылку хорошо помню. Её я описал в поздравлении к юбилею старшего брата Александра в 2003 году. В 2007 году Александр умер.

*...Я как подумаю, что Сане семь с полтиной,
Так сразу вспоминаю Васюган,
Как нас везли в машинах как скотину,
Потом на барже, дальше, в глухомань.*

*В селе Седельниково нас сгрузили
Где лес, болото, тучи комаров,
Сказали - стройтесь, сейте и корчуйте,
А старожил там было пять дворов.*

*Отцы наши не дрогнули, впряглись,
Корчёвка, стройка - всё на их плечо,
Из техники - пила, топор имелся,
Пара гнедых, да бык один ещё.*

*Мы в стороне, конечно, не остались,
Навоз возить, снопы и боронить,
Нужда к труду нас рано приобщила,
Иначе те года не пережить.*

*Освоили домашний чвор и длинный,
Кривой, затем Борисовский проток,
Где окунь, вероятно, был голодный,
Клевал порою на пустой крючок.*

*Но главное для нас была охота,
Гонять утят в траве - одно кино,
Подбить глухарку на яру было непросто,
Ружьишко у нас было на троих одно.*

*Поэтому порою с одной палкой
По кочкам, по осоке, босиком,
Где ловишь сам, а где бежишь за лайкой,
Утят и линьку подбираешь с вещмешком.*

*Однажды ты загнал мне две дробины
Под кожу на ноге - я завизжал,
Чтоб не кровило - я замазал глиной
И дальше за собакой побежал.*

*Как руку на охоте я ломал,
А ты меня потом вёз на покос,
Где дядя Родя мне лошадку оседлал,
Чтобы ещё преодолеть пятнадцать вёрст.*

*Как иногда мать по утрам тебя будила,
Чтоб глухаря прям с собственной бани снял.
Как зайцу лапу мы с тобой лечили,
Потом он по ночам девчат пугал.*

*Зимой мы обмораживали ноги,
Так-так из валенка торчал соломы клоч.
Ты первенец - тебе порой были обновки,
А я только обноски носить мог.*

*Все эти «прелести» Нарымской жизни,
Конечно, никогда не позабыть.
Лишь только удивляешься порою,
Что человек способен пережить.*

*Затем пришли студенческие годы,
Голодные, холодные всегда.
Мы и не знали, что бывают бутерброды,
Раз в сутки - пайка хлеба и вода.*

*Зато увидели впервые паровозы,
Как радио - тарелка говорит,
Трамвай, троллейбус - всё впервые тоже,
Как клево лампа Ильича горит.*

*Вот при такой цивилизации студенты
Учились и крутились угрём,
Кто продавал поштучно сигареты,
Кто разгружал вагончики с углём...*

Из письма Ломакина М. П.:

«Воспитывался я при советской власти и понимаю, что в то время нужна была коллективизация, а без конфискации и ссылки её не проведёшь. Я сам впоследствии являлся пропагандистом и воспитателем, почти 40 лет состоял в рядах КПСС и, несмотря на это, хочу отметить два нюанса не в пользу Советской власти. После окончания техникума к нам в Томск приехал офицер из Высшего военно-морского училища г. Владивосток. Он набирал курсантов. Из нашей группы записались 3 человека, в том числе и я. Двоим просьбу удовлетворили, а мне - нет. В ответе было написано: «Сын кулака». Это повторилось через год в военкомате. И лишь когда меня призвали в армию, где тоже предложили училище, я подал заявление, а в автобиографии не стал упоминать, что родители подвергались ссылке. Просто написал, что переехали. Меня приняли. Это было в 50-51 годах. А в конце девяностых годов, когда началась реабилитация и сестра Нина написала в архив, оказалось, что мы все были реабилитированы в 1948-м году. А почему нам не сообщили об этом?

Второй нюанс. Нужна коллективизация. Её без конфискации имущества зажиточных крестьян сделать было нельзя. Но почему ссылным разрешалось взять продуктов питания только на сутки? Почему нельзя было взять лишнюю пару белья? Почему ссылку проводили в сентябре месяце, а не в мае? Ведь ссылных высадили на берегу Васюгана, а через неделю начались морозы. А если бы это сделали в мае, то наши отцы и матери раскопали бы землю, посадили бы кое-что, построили бы землянки на первое время и т.д.

Ведь кто проводил конфискацию? Представитель с района приезжал в село, набирал активистов-комсомольцев и с ними работал. А кто такие комсомольцы-активисты, которые первыми вошли в колхоз и притащили с собой одну вошь на гашнике? Это - лодыри, пьяницы, неудачники. У них ничего не было в хозяйстве

и им нечем было рисковать. А работающий мужик, хозяйственный, не пьяница, он что-то имел и, конечно, не желал делиться с этими неудачниками.

Поэтому я считаю физику раскулачивания не до конца продуманной.

Надо было бы как-то зажиточных тоже заинтересовать или хотя бы дать какие-то привилегии.

Это лично моё мнение».

Моя Сосновка

Третий год на территории Каргасокского района действует гуманитарный проект «Прощение и память». В местных СМИ очень много рассказывали и писали о летних экспедициях по Васюганью. Дела и поступки краеведов направлены на изучение истории родного края и, в частности, одной из самых трагических её страниц.

Казимир Иванович Милковский

О политических репрессиях прошлого века я знаю не понаслышке. Все тяготы и лишения довелось испытать на себе. Моя судьба, история моей семьи тесно связаны с Сосновкой. В прошлом веке это село стало родиной для многих ссыльных кулаков.

В 1931 году моего отца сослали из Украины в Каргасок. Спустя год на север Томской области вслед за своим мужем

отправилась моя мама. А спустя ещё один год на свет появился я - Казимир Милковский.

Когда мне исполнилось пять лет, отца арестовали, увезли в Колпашево и вскоре расстреляли. Сразу же после ареста главы семейства нас с мамой выслали в посёлок Щучий Мыс. А потом разрешили переехать в Сосновку, где в те времена проживали, в основном, так называемые «бывшие кулаки и враги народа».

Итак, в декабре 1938 года мы оказались в Сосновке. Это был хороший населённый пункт. На сельских переулочках красовались добротные двухквартирные дома, медпункт, клуб, начальная школа, магазин и маслозавод. Сосновцы всегда умели работать, они были очень трудолюбивыми людьми.

Осваивать новую землю наши новые односельчане начали ещё в 1931 году. Тогда машина политических репрессий работала с размахом. Первых спецпереселенцев сослали в места, которые вскоре были названы Сосновкой, из Алтайского края. Высадили их на крутой берег протоки. Очень врезались мне в память слова одного из местных жителей: «Нашей новой родиной стала глухариная гора». Я, будучи мальчишкой, застал остатки полуразвалившихся первых землянок, сделанных второпях из подручного леса...

Когда мы приехали в Сосновку, быт был налажен. Многие сосновцы в ту пору работали в колхозе имени Молотова или на Пыжинском ЛЗУ. Прилегающие к населённому пункту земли были раскорчёваны. Больше пятидесяти процентов пахотной земли находились в районе Востока, примерно в семи километрах от Сосновки. Почва была неплодородной. Урожай колхозники из года в год собирали небогатый. Люди держали лошадей, коров, овец, свиней, пытались разводить кроликов. На колхозных полях сеяли пшеницу, овёс, горох, выращивали картофель и лён.

Да... кулаки умели работать. С личным временем они не считались. На сенокос ходили дружно и с песнями. Умели люди и

отдыхать. По вечерам в клубе не было свободных мест. Мы, мальчишки, очень часто смотрели художественные фильмы, прилипнув лицом к окну местного «кинозала».

Великая Отечественная война стала и для взрослых, и для детей большим потрясением. Она сильно изменила наш размеренный и устоявшийся жизненный уклад. Мужчин забрали в трудармию, молодых девушек увезли на фабрики и заводы. Пахать, сеять и заготавливать корма приходилось женщинам и подросткам. Работали мы без выходных. Следует отметить, что, несмотря на трудности и тяготы, в сороковые годы колхоз имени Молотова успешно справлялся с планом по сдаче в государственную продовольственную корзину хлеба, молока и мяса.

Закончилась война. Колхозники не голодали, но всё равно свои ремни им приходилось затягивать потуже. В хлеб добавляли картошку и молотый шиповник. Правление, как могло, старалось улучшить условия труда, быта и жизни. Сначала возили зерно на размол в Каргасок на неводнике. Потом умельцы построили ветряную мельницу. Стали брать в аренду катер в артели «Красный нарымец», из него вытаскивали мотор и механизировали обмолот хлеба. Чуть позже у сосновцев появился свой собственный катерок мощностью десять лошадиных сил.

В колхозе было много разных производств. Люди вручную пилили пиломатериал, гнали дёготь и смолу, готовили хвойную лапку, выделывали кожу... Помню, даже делали попытку выпустить колбасу, но в районном центре она в реализацию не пошла, поэтому всю пробную партию решили раздать за трудодни.

Сосновцы были на хорошем счету в районе. В 50-х годах колхоз имени Молотова имел на своём счёте капитальных вложений более ста тысяч рублей! По тем временам - деньги немалые. Настоящим событием стала покупка локомобиля. Содействие в его приобретении оказал сам начальник районного Управления сельского хозяйства. Что тогда было!.. Диковинную технику вы-

гружали всем колхозом, потом руками катили через мост к месту установки.

...Прошли годы. Село росло и развивалось. В домах появилось электричество и радио. На ферму провели водопровод. Коров стали доить и поить при помощи специального оборудования, пожару, первыми в районе.

Люди жили одной семьёй. Они трудились от зари и до зари. В Сосновке никогда не было национальных распрей. Каждый человек ценился за труд. Помню, на колхозной свиноферме работала женщина из Прибалтики. Полученное ею высшее образование самым лучшим образом сказывалось на работе. Свиньи, скажу я вам, были на загляденье. А во время войны в Сосновке появились три брата немецкой национальности. Очень долго они осваивались на новом месте. Привыкли. Обжились. Через несколько лет среднего из тех братьев за добросовестный труд в колхозе наградили орденом.

Сейчас мои односельчане, их дети и внуки живут в разных уголках России, ближнего и дальнего зарубежья. Белоруссия, Красноярск, Новосибирск, Алтайский край... После того, как комendantского надзора не стало, перед людьми открылись новые пути и возможности.

Наша семья решила уехать в Каргасок. Но это уже совсем другая история.

Алексей Парфенович.
Внук спецпереселенцев. Участник экспедиций «Прощение и память». Студент Томского Политехнического Университета.

Если бы не проект

Если бы не проект, я, скорее всего, не узнал бы историю своей семьи, и даже узнав, не смог бы понять того, чего понять невозможно... Но это было...

Мой далёкий прадед, Иван Горобец, был переселенцем с Черниговской губернии на «вольные земли» Алтая. Железной дороги ещё не было, добиралась на телегах, везли домашний скарб. Ехали семьями, и устраивались вместе Колодины, Задковы, Буряк, Воробьёвы (фамилия Горобец была записана на русский язык, и далее следует - Воробьёв).

Трудились не покладая рук: распахивали целину, сеяли, держали скот. Из поколения в поколение передавалось умение сапожничать. Постепенно расширялось хозяйство, и прадед, Емельян Никитович Воробьёв, уже считался зажиточным крестьянином - имел мельницу, с/х инвентарь, хороший дом. Сыновья были женаты, но жили одной большой семьёй. Работали все 18 человек: и взрослые, и дети, без найма рабочей силы.

Все и попали под раскулачивание в 1930 году. Всё нажитое забрали, из дома выгнали, ютились по квартирам и сараям, а в мае

1931 г. всех собрали в Гоноховский сельский совет, очень много семей посадили на подводы и увезли в Камень на Оби, там погрузили на баржи. Людей везли отдельно от домашнего скарба, сказали, что привезут следом, но обманули. Мужчин отделили и забрали на принудительные работы. Буксир тянул 5 барж вниз по Оби, потом по Васюгану, а по пути следования всё высаживал по районам, начиная от Томска и до Нюрольки. Завьяловский район высадили на точке №8 (Малый Яр), видимо, названия ещё не было. Была Троицкая суббота. На берегу ни одного дома. Шёл снег. Разжигали костры, грелись. К утру всё засыпало. Старшие сшивали рядна (самотканые полотна), ставили палатки, делали шалаша. Потом делали дорогу через болото, строили бараки. Посреди барака - глинобитная печь. По одну сторону печи жила одна семья, по другую - другая. Очень голодали - 200 граммов хлеба на день, и всё. Выжили на бруснике. Осенью приехали мужчины, стало полегче. Место оказалось совершенно непригодным для поселения, и им разрешили выехать в Ново-Югино. Прадед, Емельян

Семья Дмитрия Емельяновича и Ксении Евдокимовны Воробьёвых (фото довоенных времён)

Никитович Воробьёв, умер в 1932 году и был похоронен на Малом яру.

В Ново-Югино построили дом на две половины - Воробьёвы и Колодины. На две семьи дали корову (один день доили одни, другой - другие), и понемногу ожили. И те, кто перенёс все лишения и выжил тогда, прожили долгую жизнь.

Константин Васильевич Романов.

Сын репрессированных. Участник и ветеран Великой Отечественной войны.

(с. Каргасок)

Воспоминания

Жизнь моя с раннего детства началась с неудач. На третьем году жизни остался без матери, которая умерла от тифа в 1929 году вместе с моей маленькой сестрёнкой Анюткой. А в следующем, 1930-м году вся моя семья была раскулачена и сослана в Нарымский край, отец попал в ссылку по речке Чижапка, где-то в районе семидесятого километра. Поселение так и называлось - Семидесятый. А его старший брат Тимофей Васильевич свои первые письма прислал из Нёготки, где они вручную пилили лес на пиломатериал и строили из этих

Маленький Костя Романов со своей семьёй до высылки

досок большие лодки-неводники, грузоподъёмностью 5-10 тонн, которые в те времена были основным водным транспортом в этих местах. Передвигались на них с помощью гребей и шестов.

Сноха, жена брата Тимофея, Анна Тимофеевна, имела двух детей - семилетнего Павла и десятилетнего Михаила. Их сослали в посёлок Восток. По дороге, в Томске, Михаил убежал от матери, сел на товарный поезд и приехал обратно в свою родную деревню Драгунку Омской области. А мать чуть не сошла с ума, когда он потерялся, подумала, что он где-нибудь погиб, что случалось тогда нередко. Почта в то время работала плохо, прошло не меньше года, а то и больше, когда мать узнала, что Миша жив, здоров. Меня же Анна Тимофеевна была вынуждена оставить в Драгунке у своей старенькой матери, бабушки Агафьи, которая жила в земляной избушке, сложенной из пластов дёрна с глиной, со своим слепым с детства сыном Семёном. Бабушка была полуслепая, и дядя Сема совсем слепой, да ещё с нами жила бабушкина внучка Полинка, у которой родители погибли где-то на железной дороге. Вот в таком составе мы и жили некоторое время. Вдоволь хватило нам и голода, и холода.

Никогда не забуду один случай, произошедший в те времена, когда я был совсем мал. Мужчины мылись в бане и выпивали. В очередной раз, когда они выбегали из парилки обтираться снегом, случайно попался им на глаза я, маленький мальчишка. Завели меня в баню, раздели, положили на полок, поддали побольше пару и начали парить. У меня потемнело в глазах, очень замутило, но моих криков никто не слушал, для мужчин это была только забава. Спустя небольшое время я потерял сознание, очнулся в избе какого-то дяденьки, закутанный в тряпки и отогреваемый у печи. Оказывается, когда я потерял сознание, пьяные мужики подумали, что я умер, и выбросили меня, без одежды, голым, в холодный сугроб. Там-то меня вовремя подобрал незнакомый мужчина, житель нашей деревни. Если бы не он, наверное, я бы там и замёрз

на смерть. С тех пор я не переношу жаркой бани, мне становится в ней очень дурно.

Ещё припоминаю один случай из детства, который на всю жизнь отучил меня петь песни и употреблять матерные выражения. Чтобы от меня была польза, поставили меня, пятилетнего ребёнка, пасти свиней. Наслушавшись на вечерних улицах деревни матершинных частушек, я потом пел их, когда гонял свиней на пастбище, чтобы не было скучно. Однажды, когда я гнал свиней и распевал эти частушки, незнакомая женщина поймала меня за ухо и со словами: «Никогда не пой матершинных песен» - ихлестала меня всего крапивой.

Ещё остался в деревне каким-то образом не высланный с родителями старший сын моего брата Семён, которого приютил мой сродный брат Михаил Григорьевич Бачин, там жил и беглец Михаил. Потом, после смерти бабушки Агафьи, Михаил Григорьевич взял и меня к себе. Он был моим крёстным, и я звал его лёлей Мишей.

У лёли Миши своя семья: жена Лиза и две дочки - Нюра и Шура. Они были чуть младше меня, Нюра - на год, а Шура - на два года. Моей обязанностью стало с ними водиться, присматривать за ними. Семёну было уже 15 лет, и он работал в колхозе, который организовали в деревне, а Михаил учился в школе. Потом Семён в 16 лет вынужден был жениться из-за нас с Мишей. Михаилу Григорьевичу трудно было содержать столько иждивенцев. Семён женился, нам нашли свободный домик, подремонтировали, и мы стали жить своей семьёй. В то время в деревне пустых домов было немало, эпидемия тифа унесла очень много людей. Также очень многие были сосланы. В 8 лет я пошёл в школу, это было в 1934-м году. В своей родной деревне окончил два класса. К тому времени у нас наладилась переписка с нашими родителями, они прислали денег на дорогу, и мы с Михаилом приехали в Восток к родным. Случилось это 14 августа 1936 года. Своих родных я

никого не узнал, долгое время они казались мне чужими, пока не привык к ним.

Василий Романов

Отец тогда, как он говорил, «вышел из годов», т.е. было ему уже больше 60 лет, и на работу в колхоз его уже не гнали. Он стал брать меня с собой и на рыбалку, и на покос, и в лес за кедровыми шишками. Всё это мне очень нравилось, к отцу я очень привязался, ведь мы с ним своей добычей кормили всю семью, и даже иногда продавали излишки добытой рыбы. Только для этого надо было ехать на обласке очень далеко, на

речку Чемжельку и Корольку, где работали сплавщики леса, которые у нас охотно покупали рыбу. А в посёлке денег у людей не было, работали все за трудовни, которые ничего не стоили. При расчёте в конце года многие оставались должниками, особенно многодетные семьи.

В Востоке тогда был захудалый колхоз, председатель его Никифор Афанасьевич Бут заботился не о людях, а старался выслужиться перед начальством. Он ездил по своим владениям верхом на коне, и, бывало, когда бабы копали колхозную картошку, пекли её в костре, он растапывал конём костёр, угли, чтобы они не ели «казённой» картошки.

Мой брат Тимофей Васильевич и его жена Анна Тимофеевна работали в колхозе от темна до темна. Летом он трудился на разных работах, в основном - плотником. Зимой он был охотником от колхоза, все деньги за добытую пушнину шли в колхоз, а ему за это начисляли трудовни, так что заработки были не роскошными, но зато бывала у нас на столе дичь. Он был очень весёлым человеком - любил песни, хорошо пел и мастерски играл на гармошке,

которая была у него. В посёлке жил ещё один весёлый человек - Тихон Петрович Корзун. Он хорошо играл на скрипке, и они нередко веселили людей своим дуэтом прямо на улице.

Охотником Тимофей Васильевич тоже был прекрасным. Ещё на родине они с отцом были известны во всей округе как волчатники. По их словам, они каждую осень добывали до сорока волков, избавляя от этих разбойников местное население.

В общем, жили мы во время ссылки в Востоке не так уж и плохо, но это продолжалось недолго. В 1939-м году мой брат Тимофей Васильевич умер прямо на охоте от припадка эпилепсии.

В посёлке все люди были спецпереселенцами, на учёте в комендатуре. Без разрешения комендатуры нельзя было отлучаться из деревни, но когда в 1936-м году были выборы в Верховный Совет СССР, почему-то все участвовали в них. Я даже помню, как людей торжественно возили на санях в Сосновку, где был избирательный участок. Голосовали за Петра Еремеевича Голещихина и Манник, инициалов которого я не помню. Это были депутаты от Нарымского края. Улица Голещихина в Каргаске названа в честь первого депутата Верховного Совета СССР, который в первые дни Отечественной войны добровольцем уехал на фронт и вскоре погиб. Он жил на этой улице.

В 1936 году я пошёл в третий класс в Сосновскую начальную школу. Третий и четвёртый классы я окончил в Сосновке, а в пятом учился уже в Подъельнике. По новой Сталинской конституции был принят закон о всеобщем семилетнем образовании, и в пятый класс пошли вместе с нами уже взрослые парни и девушки, окончившие 4 класса и уже работавшие. Всех заставили учиться до седьмого. Классы были большие, в нашем пятом «Б» было около 40 человек. В Подъельнике учились ребяташки из всех близлежащих селений, где школы были только до четвёртого класса либо вообще отсутствовали. Поэтому и было в Подъельнике так много учеников. Жили по квартирам - кто как устроится. Обще-

5 «Б» класс, село Подъельники, 1938 год

житие было только для девочек. Мы, трое друзей (я, Вася Захаров и Алёша Соколюк), жили только в самую распутицу, когда грязь, а всю зиму бегали на самодельных лыжах каждый день домой за 7 километров от Подъельника до Востока. Зато на физкультуре мы всех обгоняли и приходили к финишу первыми на кроссах. Учёба давалась мне очень легко, во всех классах, начиная с первого, я был круглым отличником. С начала учёбы в пятом классе нас, как спецов, даже не принимали в пионеры, но случилось так, что все отличники класса, да и всей школы, были спецями, а все отстающие оказались большинством из местных жителей. Тогда наша пионерия спохватилась, ведь был лозунг «Пионер - всем пример», и нас стали усиленно приглашать вступить в пионеры, грозили даже исключением, или оставляли на второй год, но мы не испугались, пионером я так и не стал, но закончил школу отличником.

Получили аттестаты мы 20-го июня 1941 года, а 22-го числа кончилось мирное время, началась Великая Отечественная война. Всех мужиков подходящего возраста в Подъельнике сразу забрали в армию. Когда увозили их в лодках в Каргасок, в деревне стоял жуткий стон и вой женских и детских голосов. Не дай Бог никому услышать и увидеть такое. Спецпереселенцев сначала на фронт не брали, но потом, уже в 1942 году, стали забирать и их. Моего племянника Павла взяли в июле 1942 года, а Михаила осудили ещё в 1939 году за то, что от истощения пало много колхозных овец, а он был ветеринаром, и его в этом обвинили, хотя виноват был председатель, не обеспечивший скот сеном. Но председатель был угоден властям, поэтому Михаилу дали два года заключения, он просидел до начала войны, потом добровольцем ушёл на фронт, и судимость с него была снята. Я был кадровым охотником, добывал пушнину и мясо для отправки на фронт. В 1944-м году, когда мне было 17 лет, меня мобилизовали на фронт.

13 апреля 2009 года Константин Васильевич ушёл из жизни.

Вера Васильевна Сергеева (Кабыш).

Дочь репрессированных. Работает в системе дополнительного образования более тридцати лет. С 2005 года методист по краеведческой работе МОУ ДОД Дом детского творчества, село Каргасок. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации.

Жизнь репрессированных - отдельная история, имеющая, впрочем, общие черты, характерные для той эпохи. Многие из сосланных были ещё детьми, и поэтому детства, беззаботного, весёлого и счастливого, у них не было. С малолетства они испытали все тяготы голода, холода, непосильного труда в колхозе, на пихтовом заводе, ферме. Работали от темна и до темна, никто никого не спрашивал - можешь или нет...

Все помнят и знают стихи великого русского поэта Н. Некрасова «Есть женщины в русских селеньях со спокойною важностью лиц, с красивою силой в движениях, с походкой, со взглядом цариц...». Именно этими словами хотелось бы начать рассказ о русской женщине, труженице, матери-героине, вдове и просто нашей маме и бабушке - Анастасии Яковлевне Кабыш (Сухоробрик).

Родилась она 24 декабря 1919 года в с. Орехово-Лог Красноозерского района Алтайского края. В начале XX века русские

семьи были большие: родители и маленькие дети, тёти и дяди, бабушки и дедушки - все жили вместе в одном большом родительском доме. Не исключением была и семья Сухоробрик. Семья была верующая, в доме строго соблюдали все посты и праздники. Каждый раз, садясь за стол перед едой, мамин дедушка читал молитву, так как он считался главой семьи и все ему подчинялись и почитали. Особенно нашей маме и бабушке запомнились праздники: Крещение, Пасха и Масленица. На христианские праздники все, от мала до велика, празднично одевались и ходили на утреннюю и вечернюю службы. Детям всё это было интересно, и каждый стремился в церкви встать на службу «в первый ряд», чтобы лучше было видеть и слышать батюшку.

***Анастасия Яковлевна
Кабыш (Сухоробрик)***

Ярким, красочным, запоминающимся праздником была Пасха. Готовились к ней заранее: в чистый четверг нужно было до захода солнца вымыть пол, постирать, вымыть всех детей и помыться самим, а так как бань ещё не было, все мылись в больших широких бочках - шаплыках. Стряпали куличи, красили яйца, варили мясо, сало и колбасы. Первый, «холодный» завтрак в Пасху начинался, когда взрослые приходили из церкви после службы в шесть часов утра. Затем, отдохнув, женщины готовили горячее, и все дружно садились за большой, праздничный, пасхальный стол. В этот день нужно было покушать 6 раз. Праздник длился всю неделю, в течение которой все ходили в гости друг к другу с крашеными яйцами и пасхой.

В семье Сухоробрик были свои пашни. Весной начинались традиционные посевные работы: пахали земли, сеяли пшеницу,

Семья Кабыш

овёс, гречиху и просо, сажали картофель, подсолнухи, арбузы и т.д. Для земледелия была своя техника - лобогрейки, сеялки, плуги, грабли, телеги и брочки. Все хозяйственные работы выполняли сами, т.к. семья была большая, и поэтому батраков как временных, так и постоянных не было. Часть собранного урожая перерабатывали своими силами, а излишки возили на брочках на базар в Славгород и продавали. На вырученные деньги покупали сахар, мануфактуру, спички, нитки и иголки и т.д. Собственной мельницы не было, хлеб мололи у частного мельника. Продуктов питания было вдоволь.

В 1929 году началась сплошная коллективизация, и каждая крестьянская семья должна была «добровольно» вступить в кол-

хоз, при этом отдать безвозвратно свою технику, скот и птицу, а также землю. Семья Сухоребрик отказалась вступать в колхоз и скоро попала в разряд «кулаков». Сначала у «зачисленных» в кулаки описывали имущество, на продажу, затем облагали его высокими налогами и доводили задания по хлебопоставкам. Так как платить зажиточным крестьянам было уже нечем, начали конфисковывать скот, лошадей, технику и посевы. Предчувствуя это, частично скот, хлеб и одежду спрятали у бедной соседской семьи, с которой были дружеские отношения.

Весной 30-го года началась первая высылка. Семью Сухоребрик разделили на две половины - мужскую и женскую. Мужчин отправили на принудительные работы, а женщин, во главе с Софьей Ефимовой, с детьми (среди них была и маленькая Настя) и мамой Ксенией Ивановной сослали в Красноярский край, в Енисейск. Что они могли взять с собой? Да ничего, во что были одеты и обуты, в том и отправили. Даже документов у них с собой не было. По приезду в Енисейск всех ссыльных распределили «по работам». Чтобы заработать какие-то деньги на питание и как-то выжить, работали не только взрослые, но и дети. Дети ходили в лес, собирали колбу и продавали - это был их вклад в копилку семьи, а Ксения Ивановна работала в няньках у богатой семьи.

Холод, голод, изнурительная работа - невыносимые условия для жизни. На «семейном совете» решили «бежать» на родину - в Алтайский край. Софья Ефимовна договорилась с одним из пассажиров парохода, чтобы во время проверки документов он сказал, что это его семья. Так они доехали до Красноярска, а затем на попутном транспорте - где пешком, где на бричках - добрались до своего родного села Орехово-Лог.

Как только семья Сухоребрик собралась вместе, весной 1931 года началась вторая высылка. Куда? Зачем? На сколько? Никто ничего не говорил, было лишь сказано взять всё самое необходимое, даже сухарей не успели засушить. Посадили женскую

половину на брочки, под конвоем повезли в Новосибирск. Затем пересадили на баржи и повезли вниз по течению реки Обь. Баржа была не предназначена для перевозки людей в трюмах. Спали на соломе, не было питьевой воды, тут же был туалет - обыкновенное ведро. Детский плач и стоны старших слышались круглые сутки. Баржа не отапливалась - было холодно, горячей воды тоже не было. Простуженные люди, недоедая, стали умирать. Умерших складывали рядами на носу баржи, завернув в домотканое покрывало, если оно было, а иногда и просто так. По пути следования у членов комендатуры были свои остановки. На остановках иногда рыли братскую могилу, чтобы захоронить мёртвых, а когда не было остановок, река становилась местом захоронения.

Приехав в Каргасок, комендатура распределила кого куда. Семью Сухоробрин в числе других посадили на баржи и повезли дальше по реке Васюган. Условия были просто невыносимыми, остановок стало меньше, комендатура пересчитывала всех «поголовно». Люди не выдерживали таких ужасных условий и умирали. Умерших иногда просто оставляли на берегу, не предав земле (так маленькая сестрёнка Надя и осталась лежать под деревом, не захороненная). Всю эту страшную картину на всём пути следования барж видели и слышали птички, невольные свидетели тех ужасных событий, они бы могли многое рассказать, но их птичий «говор» люди не могли понять, так и осталось это большое людское горе в воспоминаниях детей и взрослых, тех, кто выжил.

Привезли их и высадили на высоко необжитом берегу, между двух рек Чижайка и Усть-Чурулька. Кругом дикая тайга, комары да мошки, птицы да звери. С чего начать «новую жизнь»? А начать нужно было с жилья, поэтому стали строить балаганы. Крыши крыли берестой, чтобы жилище не промокало. Затем построили землянки с печками, в них уже стало тепло. В честь маленькой болотной речушки спецпереселенцы назвали свою де-

ревню Усть-Чурулькой. Чем питались? А тем, что росло в лесу: ягодой, грибами,

Все сосланные состояли на учёте в комендатуре, чтобы никто не сбежал, всех поголовно пересчитывали. Через комендатуру нашёл свою семью отец - Яков Захарович. В семье появился глава, и жить стало чуть легче. Начали раскорчёвывать лес под поля и под строительство жилья. Посёлок строился, люди начали обживаться, появилась школа, магазин, контора, изба коменданта. Также образовалась артель «Красный октябрь». Здесь мама закончила 4 класса. На этом обучение закончилось, нужно было работать. Выполненная работа в колхозе оплачивалась трудоднями. На заработанные трудодни давали муку и хлеб, предметы первой необходимости. В колхозе дети работали наравне со взрослыми: пасли коров, убирали и молотили хлеб, вязали снопы, косили сено. Жизнь была трудная, но жить и выживать нужно было в любых условиях.

В 1939 году мама вышла замуж за спецпереселенца Василия Модестовича Кабыша (ехавшего на одной барже с ней) и родила первую дочь Зину. Жили они со свекровкой и свёкром в одном доме. Нужно было вставать в 5 утра и до работы в колхозе выполнить всю домашнюю работу (наносить воды, приготовить завтрак, обед, подоить коров, постирать). Уставшая от домашней работы, мама шла на работу в колхоз. Молодость есть молодость, и поэтому тяжести от работы на своих плечах она не чувствовала.

Построили село, артель «Красный Октябрь» переименовали в колхоз «Красный Октябрь», наладилась работа, людям стало жить немного легче, и вдруг началась война. К этому времени родилась вторая дочь - Надя. Война требовала солдат, и Василия Модестовича сняли с учёта как спецпереселенца и отправили в 1942 году на фронт. Мама осталась с двумя детьми на руках, живя у свекрови. Во время войны женщины выполняли не только женскую, но и всю мужскую работу под девизом: «Всё для фронта, всё для по-

беды». Драли drankу, работали на пихтовом заводе, ломали лапку, вязали вязанки, несли их, падали, плакали, поднимались и опять шли, помня, что вечером выдадут пайку хлеба. Жили в бараке как единая семья, ели картошку и запивали водой, пели песни и забывали об усталости. На выходные дни мама, вместе с другими женщинами, приходила домой. Поздним вечером, заслышав песню, Зина и Надя кричали: «Мама идёт!» и бежали на берег реки, зная, что она несёт им подарок от «зайчика». Зимой это была картошка в мундире и мёрзлый кусочек хлеба (не доедая, она каждый раз несла подарок для своих дочурок), а осенью - ягода (в пятиминутный перерыв между вязкой снопов бежали в лес, чтобы собрать бруснику, чернику или клюкву и принести её домой). А дома её ждала домашняя работа: наколоть и напилить дрова, принести воды, убрать в стайке, а также натереть два ведра картофеля на крахмал и лепёшки, чтобы утром свекровь их спекла.

Каждая семья облагалась налогом - нужно было сдавать молоко, масло, мясо, шкуры и кожи, а себе что оставалось? Вязали варежки, носки, шили кисеты и носовые платочки - отправляли посылки на фронт. А сами были холодные и голодные, ходили босиком или в чирках, у кого были.

Закончилась война. В 1946 году раненый и контуженый вернулся муж с фронта. Появился свой небольшой домик. После войны родились Таня, Вера, Вася, Галя, Люба. Забот и хлопот в доме прибавилось, нужно было всю семью накормить, обстирать, обшить, содержать большой огород и хозяйство. Отец работал бригадиром в колхозе, а мама где только ни трудилась - доила и пасла коров, работала на молоканке, ухаживала за свиньями и овцами. Старшие дочери Зина и Надя учились в школе в Чижапке и жили в интернате, а остальные дети учились в начальной школе в Усть-Чурульке.

Счастье в семье длилось недолго: в 1958 году заболел отец и его увезли в больницу в Каргасок. Мама, беременная, осталась

одна вместе с детьми и со своими домашними заботами и хлопотами, работая ещё в магазине вместо мужа.

23 января 1959 года в больнице умер отец. Чижапский рыбокооп отправил подводы лошадей для вывоза семьи на похороны в Каргасок. Но извозчики только сказали, что умер муж и отец, а сами загрузили подводы мясом и уехали. На руках у мамы была двухнедельная дочка Наташа. Брат мужа повёз маму и Наташу зимой, в 40-градусный мороз, в Каргасок на похороны. На ночлег остановились у Надежды Васильевны Пластун, и она, не зная, что женщина едет на похороны мужа, рассказала о смерти Василия Модестовича Кабыша и о том, что у него в Усть-Чурульке осталась большая семья. Услышав это, обессиленная мама упала в обморок. Когда она пришла в себя, то Надежда Васильевна предложила оставить малышку у себя, сказав при этом: «Когда вернётесь с похорон, возьмёте её обратно». Поила Наташу коровьим молоком. Когда мама вернулась после похорон за дочкой, женщина стала уговаривать маму оставить малышку (так как у неё не было своих детей), но мама не согласилась, сказав при этом, что посоветуется с детьми. Приехав домой, в Усть-Чурульку, рассказала детям о возможности отдать Наташу, но все дети стали плакать и говорить, что помирать будем все вместе с голоду, но сестрёнку никому не отдадим...

А весной 1959 года мама с детьми переезжает к своим родителям в Каргасок. Чтобы купить небольшое жильё, часть хозяйства была продана. Пенсию на отца платили 30 рублей, в семье старшие 2 дочери пошли работать на предприятия, а мама - в колхоз. Одновременно в школу ходило 5 детей. С наступлением лета подросшие дети - Таня, Вера, Вася - работали в колхозе «Заря Коммунизма» (на покосе, пололи и собирали малину, сажали капусту), чтобы заработать себе деньги на школьную форму. Колхозный бригадир постоянно говорил и предупреждал: «...если не будете работать в колхозе, то заберём землю, и негде будет вам

сажать картофель и косить сено». Галя и Люба следили за домашним хозяйством. Чтобы как-то выжить и жить не хуже других, масло, молоко и яйца дети ходили продавать на базар. К каждому празднику мама шила наряды не только своим ребятишкам, но и принимала заказы от подруг детей. Каждый Новый год ставили ёлку, украшали её бумажными игрушками, готовили подарки и концерт для Деда Мороза и соседей. Жили бедно, но мы, дети, всегда были у мамы под рукой. Беда и её выручка. Косили сено, заготавливали дрова в лесу, копали картофель. Было трудное детство, но вместе большой трудовой семьёй мы выжили.

Мама никого из детей не отдала в детдом, хотя было тяжело растить одной (на этом настаивал Райсобес). Не вышла повторно замуж и жила ради детей. В трудную минуту всегда рядом были её родители и родители мужа.

Дети выросли, получили образование, покинули «родное гнездо», создав свои семьи. Старшая дочь сейчас живёт в п.Самусь Томского района, Таня - в г. Енисейск Красноярского края, Вася проживает в с.Новый Васюган Каргасокского района, Галя - в г.Тюмень, а Надя, Вера, Люба и Наташа живут в Каргаске. Когда половина детей разъехались, мама осталась жить с зятем Славой, дочерью Верой и внучкой Настей.

Каждый день она ждала весточки от своих детей. И они приходили - телеграммы, открытки, письма, посылки и телефонные переговоры. По зову сердца каждый из детей стремился навестить маму, побыть с ней хоть несколько дней. Когда вся семья собиралась за большим домашним столом, мама всегда рассказывала о своих трудных годах жизни со слезами на глазах. Но было непонятно - это были слёзы радости или горя...

Уйдя на пенсию и невзирая на свои годы, она всегда в свободную минуту читала книги (записалась в библиотеку), вязала всем носки и варежки. Была очень гостеприимна не только для своих детей и внуков, но и для всех её близких знакомых. Встречаясь

со своими старыми подругами по спецпереселению за чашкой чая, всегда пели украинские песни о жизни, труде, частушки и присказки. Готовила для гостей: варила необычный украинский борщ, пекла блины, пироги с картошкой и капустой, свёклой и морковкой.

1 сентября 2005 года наша мама, бабушка, прабабушка ушла из жизни. Прожив такую трудную жизнь. Не раз жизнь была её, но она не пала духом, не сломалась и не согнулась и на закате жизни осталась молодой душой. Как эта хрупкая женщина смогла всё это вынести?

Она вырастила 7 дочерей и сына, дав каждому образование. Прожив 85 лет, была заботливой, любящей бабушкой и прабабушкой. У неё 16 внуков и 9 правнуков.

2008 г.

Иван Серяков.

Ученик школы №8, 9 «а»
класс.

(г. Томск.)

**«Я не жалею о том, что мы пережили,
это была такая эпоха..!»**

Это строчки из письма моего героя - Ивана Семёновича Пожидаева. Знакомство с ним началось ещё в 2005г., когда я жил в с.Каргасок, Томской области, учился в средней школе №1. В субботнем выпуске областной газеты «Красное знамя» от 07 мая 2005г. была опубликована статья С. Иконникова «Он побеждал именитых соперников». Мой учитель по истории В. М. Зарубина предложила мне написать письмо Ивану Семёновичу, почтовый адрес у неё был. В школьном музее в то время велась большая переписка с бывшими выпускниками школы. Я написал письмо, в котором рассказал немного о себе, о школьном музее, попросил Ивана Семёновича поделиться воспоминаниями о себе, его семье, о Каргаске. Моя бабушка Мария Всеволодовна Сорокина, прожившая в Каргасокском районе почти всю свою жизнь, вспомнила, что во времена своей молодости они с дедушкой были знакомы с Пожидаевыми, которые жили по ул. Учебная, а также го-

стили в Москве у их родственников. Но про Ивана Семёновича бабушка ничего не могла вспомнить.

В краткой энциклопедии «Томск от А до Я» есть небольшая заметка про моего героя. Про его детство и малую родину - всего одна строчка: *«Пожидаев Иван Семёнович родился в крестьянской семье, детские годы провёл в Каргаске...»*.

Не было никакой информации об этом и в газетной статье. Но Иван Семёнович ответил на моё письмо, у нас завязалась переписка. От него я узнал, что родился Иван Семёнович 27 марта 1918г. в д. Крутые Луки, Калачинского района, Омской области.

«Семья была большая - четыре брата, две сестры, отец, мать и няня-старушка, которую приютили в семье, она была беспризорная. Жили своим натуральным хозяйством; было четыре лошади, коровы, овцы, куры, гуси, индюки. Отец работал в кузнице, а мы, дети, занимались сельским хозяйством. За девять километров от деревни был наш участок земли. Там мы пахали, сеяли хлеб, лён, коноплю, горох и т.д. Платили налоги зерном. Какую бы пользу принесла наша семья стране. Это был целый колхоз...»

Из письма И. С. Пожидаева.

Хотя Иван Семёнович и не назвал имён членов своей семьи, но я нашёл их в Интернете. Вот этот список, в нём даже есть и человек, не упомянутый моим героем в своём письме:

Пожидаев Семён Михайлович, 1882г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931г., обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаева Анна Ивановна, 1882г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931, обв. Кулаки. Постанов-

ление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаев Фёдор Семёнович, 1904г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931г., обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаева Елена Фёдоровна, 1909г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931г., обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаева Наталья Семёновна, 1911г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931г., обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаев Александр Семёнович, 1912г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931г., обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаев Владимир Семёнович, 1913г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931г., обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаева Мария Семёновна, 1916г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931, обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Пожидаев Иван Семёнович. 1918г. рождения, место рождения: Омская область. Осужд. 12.12.1931, обв. Кулаки. Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930г. Приговор: спецпоселение в Томской области.

Источник: данные УВД Томской области.

Название этого сайта - ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА в СССР.

Так пишет об этом времени сам Иван Семёнович:

«... в 1929г. начали организовывать колхозы. Беднота сразу же пошла в колхоз, им нечего было терять. А те, кто имел среднее и зажиточное хозяйство, в колхоз не шли. Тогда их начали просто загонять. Если не пойдёшь в колхоз, то подкулачник или кулак. Мы вступили в колхоз. Но ни тракторов, ни другой техники не было... Хлеб забирало государство, меньше доставалось колхозу. Пришли к тому, что лошадей кормили плохо, посевы были плохие. Люди начали бежать в города. Вот и мы вышли из колхоза. Всё хозяйство оставили там и выехали в г. Омск. Отец и брат (видимо, старший - Фёдор, у которого, как я думаю, была жена Елена, упомянутая в списке - моё примечание) поступили на завод в кузнечный цех, мы учились. Но в 1931г. нас забирают, всю семью сажают на баржи, в которых возят лес, и на буксире вывозят в Нарымский край как кулаков, сбежавших из колхоза... Когда нас сослали, то няню передали брату отца. Она у них жила и впоследствии пошла по миру. Видимо, умерла где-нибудь под забором, как мы её жалели... Везли по Иртышу, Оби, Васюгану и высадили на берегу р. Чижанка. Там мы хватили и голод, и холод. Сначала сделали землянки, потом к зиме построили бараки... Так мы прозимовали. Муки получали по 300г - иждивенцы, 500г - рабочие, 700г - тяжёлые работы. Мы с сестрой, чтобы получить по 500г, щипали дранки: метровые сосновые чурки кололи, разогревали в печке и делали из неё дранки, которыми обивали стенки, чтобы штукатурить. Но в 1932г. нас завербовали на рыбную ловлю на Оби. Так мы оказались в Каргаске.»

Но, несмотря на все трудности и невзгоды, Иван Семёнович очень по-доброму вспоминает о своём детстве.

Самое счастливое детство
мое связано с Каргаском
с его простором рек и про-
токов, с тайгой и кедрами,
по которым я лазил. Помню клуб
на площади, где мы выступали
в таких произведениях, как
«Недоросль», «Без вины вино-
ватые». На площади играли в
баскетбол, вертелись на пере-
кладине.

«Самое счастливое детство мое связано с Каргаском, с его простором рек и протоков, с тайгой и кедрами, по которым я лазил. Помню клуб на площади, где мы выступали в таких произведениях, как «Недоросль», «Без вины виноватые». На площади играли в баскетбол, вертелись на перекладине».

Из письма И. С. Пожидаева.

Письмо И. С. Пожидаева

Может быть, потому, что жизнь их семьи после переезда в Каргасок немного улучшилась, он пошёл учиться в школу и начал свои первые шаги к главному делу всей жизни - спорту.

«Мария, Владимир, Наташа и Александр уехали в Ласкино на рыбную ловлю. Впоследствии мы все съехались в Каргаске, купили домик на ул. Красноармейской и стали жить. Отец работал в артели кузнецом, Владимир - бухгалтером в рыбтресте, Александр ездил на моторке, Наташа работала в магазине продавцом, а я ходил в школу, которая стояла на берегу Оби. Владимир подарил мне лыжи, и я на них ходил в школу и много тренировался. Однажды на Оби устроили соревнования, где участвовали допризывники, их обучали в военкомате, прежде чем отправить в армию. Я попросился участвовать. Выскочив вперёд, помчался по лыжне. Это было на Оби, 5 км туда и столько же обратно, т.е. 10 км. Когда я прибежал на финиш, военрук вытаскивает из-за пазухи будильник и говорит: «Ты пробежал за 38 минут!». Это

было здорово, если учесть, какие были лыжи - с мягким креплением. Остальные далеко отстали, и я стал лучшим лыжником Каргаска. В школе на линейке мне вручили костюм - гимнастёрку и брюки цвета хаки. По окончании 7 класса к нам приехал преподаватель из г. Мариинска по набору в сельскохозяйственный техникум. Мне хотелось выехать с этого места. Никто из ссыльных выехать не мог, ни у кого не было паспорта. Я воспользовался случаем, сдал экзамены, мне выдали паспорт, и я выехал. Во время учёбы в техникуме зимой участвовал в соревнованиях города и выиграл. Преподаватель физкультуры посоветовал мне поехать в Новосибирский техникум физической культуры. Я так и сделал. В Новосибирске стал одним из лучших лыжников. По окончании техникума был призван в армию...»

Из письма И. С. Пожидаева.

В областной библиотеке им. Пушкина я нашёл статью В. Туркина «Мужество», опубликованную в газете «Красное знамя» за 19 сентября 1968г.:

«Навсегда запомнились И. Пожидаеву соревнования на новосибирской лыжне. Он, тогда ещё молодой спортсмен из северного села Каргасок, учащийся техникума физической культуры, успешно выступал в трудных гонках. Остался только один лыжник, которого Пожидаеву так и не удалось одолеть. Это был мастер спорта Фёдор Ивачёв. В войну Герой Советского Союза Ивачёв пал в бою. Для И. Пожидаева он навсегда остался тем, на которых равняются в жизни. Но прежде чем довелось принять от Фёдора эстафету на спортивной стезе, Пожидаеву предстояло пройти через трудные испытания».

В армию Иван Семёнович был призван в 1940г. Служил на Дальнем Востоке: Лазовая, Биробиджан, окончил танковую шко-

лу, командовал взводом танков Т-26, охранял Дальний Восток от нападения японцев. Но вот наступило 22 июня 1941г.

«В 1941г. нашу дивизию перебрали под Тихвин. Так как Т-26 были лёгкие танки, нас быстро разбили, и я переехал под Москву. Работал в полку обеспечения, готовили танкистов для фронта. У нас были танки Т-34. В 1943г. я был направлен на третий Белорусский фронт, был ранен, после ранения вернулся в часть, в гвардейский танковый корпус Черняховского».

Из письма И. С. Пожидаева.

И. С. Пожидаев

«Атака под Минском была стремительной и скоротечной. Он был в танке во главе взвода и, может быть, на долю секунды позже, чем следовало, заметил засаду - замаскированный в глубине рои немецкий «Тигр». Они выстрелили друг в друга одновременно и запылали вместе. Ухватившись за край люка, Иван выбрался из танка сквозь пышущие нестерпимым зноем рыжие языки огня. Упав на влажную землю, старался сбить пламя с одежды.

Кожа с обожжённых рук и спины сошла, оставшись на бинтах после первой перевязки в госпитале. Боль заполнила собой всё, даже лёгкое дуновение ветерка причиняло страдания. Над койкой марлевый балдахин. Шесть месяцев - ни одного лишнего движения, пока не стали покрываться молодой тонкой кожей обожжённые места... Разрешили вставать. Но! Едва он начал сгибать пальцы, кожа на руках лопалась. И тогда Иван ре-

шил: «Клин клином!». И, преодолевая боль, разрабатывал кисти рук, стараясь, чтобы суставы были в движении».

Из статьи С.Иконникова «Он побеждал именитых соперников», газета «Красное знамя», 7 мая 2005г.

В 1944г. Иван Семёнович был выписан из госпиталя инвалидом 1 группы. Вернулся в Каргасок к родителям. Но он не сдался, не опустил рук. Когда поджили раны, Пожидаев пешком по реке Обь ушёл в г. Томск. Там ему предложили работу в транспортном институте, он создал семью. Жизнь снова стала налаживаться. Но, видимо, не тот характер у Ивана Семёновича, чтобы жить спокойно и размеренно, восстанавливая своё здоровье после тяжелейшего ранения. Мысли о спорте не давали ему покоя. *«А разве в спорте есть только лыжи? А беговая дорожка уже не для тебя?»* - такой фразой врач Николай Николаевич Артемьев помог Ивану Семёновичу вернуться и в спорт.

«Пожидаев первым в Томске стал тренироваться зимой, в любую погоду бегая по улицам, по глубокому снегу. А чтобы не привлекать внимание собак, чаще всего, буквально до «седьмого пота», бегал за Истоком, по дамбе, продуваемой ветрами».

Из статьи С.Иконникова «Он побеждал именитых соперников», газета «Красное знамя», 7 мая 2005г.

Иван Семёнович не просто вернулся в спорт, он достиг в нём больших вершин, навсегда записав своё имя в историю лёгкой атлетики не только нашего государства, но и всего мира.

«Пришла весна. Для спортсменов Томска она началась общегородским кроссом. Когда финишировал первый из бегунов, судьи, посмотрев на секундомеры, недоуменно переглянулись. Результат был высокий, слишком высокий. На рядовом соревновании

небольшого города такого просто не может быть. Решили, что ошибся замерявший дистанцию. Измерили трассу заново. Оказалось - никакой ошибки. Тогда снова заговорили о победителе - И. Пожидаеве».

**Из статьи В. Туркина «Мужество», газета
«Красное знамя», 19 сентября 1968г.**

1945г. - Иван Семёнович выигрывает первенство Сибири и Дальнего Востока (дистанции 1000 и 5000 м);

Весна 1947г. - Пожидаев впервые участвует во Всесоюзном кроссе в Москве - 2 место;

1947г. - с опозданием на старт, участвовал в финале Всесоюзной спартакиады - 2 место;

1948г. - Иван Семёнович участвовал во Всесоюзном кроссе в Симферополе, победил всех именитых соперников - **ЧЕМПИОН СОВЕТСКОГО СОЮЗА** - 1 место, **РЕКОРДСМЕН СОВЕТСКОГО СОЮЗА** в часовом беге и в беге на 20 км, Член сборной команды Советского Союза по лёгкой атлетике;

1949г. - участник международных соревнований на приз газеты «Юманите» - 4 место;

1949г. - участник X международных студенческих и молодёжных игр в Будапеште - 3 место

«Наши легкоатлеты, - рассказывает очевидец этих соревнований, ректор института им. Лесгафта профессор Д.П. Иванов, - решили овладеть инициативой бега, сразу предложив соперникам высокий темп. Из трёх советских бегунов кто-то должен был взять на себя роль лидера. Даже при полном безветрии эта роль нелегка, а в день соревнований дул холодный северо-западный ветер. Лидеру предстояло взять на себя сопротивление ветра и пожертвовать своим личным результатом ради интересов всего коллектива. Эту благородную роль взял на себя Пожидаев. У

него хватило мужества и сил занять почётное 3 место. Советские бегуны завоевали все три призовых места в этом соревновании».

**Из статьи В. Туркина «Мужество», газета
«Красное знамя», 19 сентября 1968г.**

И.С. Пожидаеву присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

До 1954г. он входил в тройку лучших стайеров страны, тренировался вместе с двукратным олимпийским чемпионом легендарным Валерием Куцем у известнейшего тренера Григория Исаевича Никифорова.

1952г. - в составе сборной СССР Пожидаев принял участие в XV Олимпийских играх в Хельсинки, в это время ему было 34 года - 9 место.

«Мне уже было 34 года, и четыре года войны отняли мою возможность стать ОЛИМПИЙСКИМ ЧЕМПИОНОМ!»

Из письма И. С. Пожидаева.

Ещё в 1949г. Иван Семёнович поступил в государственный институт физической культуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта. После получения диплома он остался работать в институте в качестве преподавателя.

«Если бы я остался в Кургаске, я бы обязательно работал в новой школе, но получилось так, как получилось. Я об этом не жалею. В Ленинграде у меня дочь, сын, две внучки и два правнука».

Из письма И.С. Пожидаева.

Пожидаев - один из тренеров олимпийской сборной СССР. 4 всесоюзных рекорда, несколько медалей чемпионата страны и Спартакиады народов СССР, чемпионы Европы (зимних соревнований) - достижения его учеников. Весной 1968г. И.С. Пожидаеву присвоено звание «ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР».

Иван Семёнович Пожидаев имеет правительственные награды: за свои фронтовые подвиги он награждён Орденом Красной Звезды и Орденом Отечественной войны I степени, за спортивные подвиги - Орденом Знак Почёта.

«Есть у спортсменов уважительное определение - пахарь. Пожидаев истинно пахарь. Спокойный, словно отторгнутый от шумного мира с его литаврами и соблазнов, он бережно, ни капли не расплёскивая, нёс по жизни свою энергию и силу, отдавая спорту ум, темперамент и талант... Человек исключительной скромности, Иван Семёнович стесняется, когда речь заходит о его достижениях. Эти черты всегда определяли его характер...»

Из статьи С.Иконникова «Он побеждал именитых соперников», газета «Красное знамя», 7 мая 2005г.

Я вообще считаю Ивана Семёновича героическим человеком. В. И. Даль в своём «Толковом словаре» определяет героя как доблестного воителя, богатыря, доблестного сподвижника вообще в войне и в мире, самоотверженца. Пожидаев проявил себя героем ещё в юности, когда сумел вырваться с места ссылки навстречу своей мечте. Он стал героем в годы войны, защищая свою Родину, которая так несправедливо обошлась и с ним, и с его семьёй. Героическими были его усилия по восстановлению здоровья после тяжелейшего ранения ради возвращения в спорт. И каждое его выступление на беговой дорожке на дистанциях, требующих такой физической выносливости и силы воли, - это тоже подвиг!

Кроме того, я считаю, что можно признать героической, в смысле самоотверженности, всю жизненную позицию Ивана Семёновича:

«Я не жалею о том, что мы пережили, это была такая эпоха. Да, народу приходилось трудно, много было жертв. Но Россия-то выжила!»

Из письма И. С. Пожидаева.

Когда в Каргасокском районе стал претворяться в жизнь проект «Прощение и память», я написал об этом Ивану Семёновичу, решив узнать его мнение. Оказалось, что идея организаторов проекта была созвучна желанию моего героя.

«Мы вынашивали идею собраться в Каргаске втроём - Александр, Владимир и я, сесть в лодку и поехать по Васюгану, по Чижапке к месту нашей ссылки. Но наше желание не осуществилось. Александр уехал из Каргаска, о чём всю жизнь жалел, особенно Мария. Владимир вскоре умер... Если бы я был немного моложе, я бы обязательно съездил посмотреть эти места. Если поедут освящать эти места, напиши мне об этом, если буду жив...»

Из письма И. С. Пожидаева.

Я рад, что познакомился с таким человеком, как Иван Семёнович Пожидаев, и могу рассказать о нём его землякам. Эта работа научила меня писать письма, собирать информацию из различных источников - разговоров с людьми, газет, книг, Интернета, обобщать её и оформлять всё это в различных вариантах. Считаю, что в ходе этого смог даже сделать небольшое открытие неизвестных моментов в жизни моего героя, так как нигде не говорилось о том, как крестьянский паренёк из хлебородных Омских степей попал в суровый Сибирский край.

Не мог забыть об Иване Семёновиче я даже тогда, когда переехал в г. Томск. Возможно, это даже символично! Я думаю, что судьба не случайно свела меня с Иваном Семёновичем (пусть даже заочно, по переписке). Ведь каждая встреча с человеком, сотворившего СЕБЯ своими же руками, даёт силы и желание работать над собой, ставить цели в своей жизни и добиваться их упорным трудом.

«Всего тебе хорошего, выбери свой путь в жизни и не ошибись!»

Из письма И.С. Пожидаева.

Источники:

1. С. Иконников «Он побеждал именитых соперников», статья в газете «Красное знамя», 7 мая 2005г.
2. С. Иконников «Первый томский олимпиец», статья в газете «Томский вестник», 15 февраля 2002г.
3. В. Туркин «Мужество», статья в газете «Красное знамя», 19 сентября 1968 г.
4. Краткая энциклопедия «Томск от А до Я», г. Томск, 2004г.
5. В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка, том 1, Москва, «Русский язык», 1978г.
6. Личная переписка с Иваном Семёновичем Пожидаевым.
7. Фотографии из домашнего фотоархива.
8. Сайт «Жертвы политических репрессий», сеть internet.

**Надежда Владимировна Чувствина
(Зонова).**

Дочь и внучка репрессированных крестьян Омской области.

(с. Новый Васюган)

Мартиновы...

Сентябрь 2008... Неожиданный телефонный звонок... В. М. Зарубина только начинает что-то тебе говорить, и ты мгновенно понимаешь, что на жизнь нужно посмотреть по-другому, задета та глубина души, которая долгие годы мучила тебя и не давала покоя. И только сейчас вдруг осознаёшь, что время утеряно, но осталась ещё последняя ниточка, связывающая нас с событиями, которые пережили наши дедушки и бабушки. Очевидцев уже почти не осталось, материал пришлось собирать по крупицам, а также в основу легли детские воспоминания.

Есть понимание значения проделанной работы, смею надеяться, что теперь в наших сердцах ярче будет жить память о людях, прошедших тяжелейшие испытания и подаривших нам жизнь.

В среднем течении реки Васюган, приблизительно между 330 и 340 километрами находится место, на которое в 1931 году были высланы спецпереселенцы из Омской области. Это место было

необжитое, и только высокий яр своим видом показывал, что оно чем-то отличается от других берегов этой глухой таёжной речки. Вот на этом месте и образовалась деревня. В числе первых ссыльных спецпереселенцев был Тимофей Евстафьевич Мартынов. Человек бывалый, народный умелец, от скуки на все руки, и чтец, и жнец, и на дуде игрец. Люди его уважали и назвали эту деревню по его фамилии - Мартыновкой. А от этого названия деревни и речка стала Мартыновкой, и перекат, и исток, и три Мартыновских озера. Посмотрит на карту кто-нибудь из родственников, да и невзначай скажет: «Наши угожья». На самом деле даже не подозревая, что название действительно пошло от их родовой фамилии и как от одного названия деревни вся округа стала Мартыновской. Вот такой широкой души был Тимофей Евстафьевич Мартынов. Судьба его была тяжёлой, но, несмотря на все тяготы жизни, он умел радоваться каждому прожитому дню и учил этому других.

Т. Е. Мартынов

Давным-давно семья Мартыновых проживала в херсонских степях, а семья Ткачёвых - в Харьковской губернии. Дети уже подросли, и прокормиться в этих местах становилось всё сложнее и сложнее. В 1911, по Столыпинской реформе, в поисках лучшей доли переезжают Мартыновы и Ткачёвы в Омскую область, Щербакульский район. Там образовалась деревня Дмитриевка. Земельных наделов давалось столько, сколько сможешь обрабо-

тать, а рук рабочих в семьях хватало. У Евстафия Михайловича и Екатерины Трофимовны Мартыновых было 4 сына и много дочерей. Только немного стали обустраиваться и обживатьсь на новых землях, грянула Первая Мировая война. Все сыновья ушли на фронт. Трое погибли, а Тимофей попал в плен в Венгрии. Батрачил от рассвета до заката. Шесть раз бежал из плена и шесть раз его ловили и ставили на «дыбки», на сутки, подвешивали человека со связанными руками так, чтобы ноги не касались пола. Много лет спустя он часто пел своему внуку: «Дыбы, дыбоньки, дыбок, скоро Славику годок...», а по щекам его текли слёзы. Находясь в плену, вместе с другими солдатами Тимофей построил деревянную церковь, а он ещё в стеклянной бутылки смастерил точно такую, только маленький её макет. Трудлюбие и мастерство русских солдат покорило венгров, они выдали документы и отпустили пленных домой. Война и плен до конца жизни будут напоминать о себе бессонными ночами, когда руки и ноги будет выкручивать невыносимая боль.

И какие бы судьба ни преподносила испытания, а в родное село Тимофей вернулся высоким, красивым, бравым солдатом. Заиграет он на балалайке или мандолине – ноги сами в пляс идут, ну, а если запоёт, то десятилинейная лампа гаснет от мощи его голоса, на всю округу слышать и никакого не надо микрофона! Мог он дом построить, и столярное дело было ему по плечу: делал шайки, вёдра, бочки, ушата, – всё спорилось в его руках. А какие добротные он мастерил куженьки и туюски, разного размера, а какие детские игрушки – просто чудо! Вот такой был волшебник и удалец Тимофей Мартынов.

Однажды шагал по улице и напевал свою любимую песню «Вдоль по улице метелица метёт», и только раскинул руки на словах «Ты, стой, стой, красавица моя», как из соседнего дома ему навстречу вышла чернобровая, голубоглазая, темноволосая, с перекинутой на плечо косой красивая девушка. С этой минуты

закончился покой в душе Тимофея, он с первого взгляда полюбил Наталью Федосеевну (Ткачёву) и до конца жизни пронёс и сохранил свою любовь. Она была на 12 лет моложе его, поэтому он безумно ревновал её. А она рожала ему красивых детей, варила вкусные украинские борщи, всегда была при муже, послушна, покорна, но только сильно обидчива. У Натальи Федосеевны был красивейший голос, высокое сопрано, и настолько душевно она пела, что от её пения слёзы умиления сами текли из глаз. Они были счастливой парой, семейная жизнь складывалась неплохо, детки подрастали. Тимофей стал председателем сельского совета. Жизнь в Дмитриевке с его приходом ожила, с помощью сестёр организовали воскресную вечернюю школу. Проводили в клубе тематические вечера, ставили спектакли, концерты. Жили и радовались жизни. К тому времени образовался колхоз, и туда требовался счетовод. Тимофей Евстафьевич по тем временам человек был грамотный, хорошо знал бухгалтерское дело и к тому же имел уже жизненный опыт. Он оставил место председателя и перешёл работать счетоводом в колхоз. Часто приходилось ездить в командировки по деревням, и к его приезду председатель колхоза нет-нет да и подсунет то падёж скота, то созревшее зерно на списание в виде акта. Дескать, произошло в твоё отсутствие. Но Тимофей был честным и быстро выводил всех обманщиков на чистую воду, поэтому и был неугодным начальству. Летом 1931 года на сельский совет в строгой секретности пришли списки людей на высылку. В этом списке был близкий родственник председателя, которого он предупредил, и они всей семьёй скрылись в лесах. День отправки был неизвестен. А чтобы вместо сбежавшей семьи послать кого-то, собрали срочно совет, одного из собравшихся заставили подписать против Мартынова документ, иначе его семья будет расстреляна. Вот так скомбинировали дело против честнейшего человека, Тимофея Евстафьевича Мартынова. Времена были жестокие, и каждый человек в страхе жил за семью. Всех,

кого ссылали, предупредили за 3 дня, а семью Мартыновых - за несколько часов до отправки по этапу. В семье уже было шестеро детей, но их не разрешили взять, поехали только дедушка, бабушка, Тимофей, Наталья и двухмесячная грудная дочь Полина. Остальных детей оставили «в людях». Кто скажет, кто ответит, каким должно быть сердце отца и матери, чтобы оно не разорвалось от горя? Пятеро детей при живых родителях стали сиротами. Старшей Александре было 11 лет, Марии - 9, Ольге - 8, Николаю - 4, Анне - 2 года. Когда забирали

Евстафий Михайлович Мартынов (предположительно) с внуками Александрой, Марией, Ольгой, Анной, Николаем, Омская область, начало 30-х годов

родителей, в доме стоял сплошной рёв. Дети сбились в угол комнаты, обхватили друг друга руками и так плакали, что никто их не мог утешить. Так продолжалось несколько дней, пока их не расцепили и не разобрали по разным дворам, только после этого они потихоньку начали отходить и приходиться в себя. Как жилось им «в людях», об этом мы сейчас не узнаем точно, но спасибо и низкий поклон тем, кто не дал этим ребяташкам за 6 лет разлуки с родителями умереть с голоду. При встрече родная мать не узнала своих детей, старшую дочь она назовёт именем средней дочери, а среднюю увидит и не поверит, что за годы разлуки Оля совсем не подросла. И не потому, что не кормили, в то время никто досыта не ел, а дети не подросли от тоски по своим родителям. По-

том тайно от детей мать будет подкармливать Ольгу (среднюю дочь) каждый день стаканом молока, чтобы та хоть чуть-чуть подросла. И Оля стала расти, и выросла выше всех сестёр.

В 1931 году спецпереселенцев отправляли в ссылку на выживание. Собравшаяся наспех семья Мартыновых была в их числе. На пристани Иртыша женщина из района, увидев Тимофея, не поверила, она точно знала, что в списке его фамилии не было. Она сразу же побежала выяснять эту ошибку. Выяснила, но было уже поздно. Баржа отплыла, а по берегу ещё долго бежала женщина, что-то крича и махая листком бумаги... Тогда Тимофеем сказал себе: «Если не я, то другую семью пошлют, так пусть лучше буду я.» Ни одну семью в то время горе не обошло стороной. На открытой барже плыли почти два месяца. Уже ближе к осени ночи стали холодными. В дороге умерла 2-х месячная Поляночка, простудилась мать Тимофея - Екатерина Трофимовна. С каждым днём слабела и слабела. Она была в числе первых, кого похоронили на кладбище будущей Мартыновки. То, что пришлось пережить в дороге, было страшным, но они ещё не знали, какие трудности и ужасы ждали их впереди. Позже они никогда не жаловались, но вместе с тем старались не вспоминать то тяжёлое время. Даже при малейшем напоминании лица становились каменными и наступало долгое молчание, которое нарушалось только тяжёлыми вздохами. Тогда не принято было об этом говорить, и эта рана до конца жизни не зажила. Удивляет другое: что люди не ожесточились, а наоборот - стали дружнее.

*С добрым сердцем, так по жизни
Все Мартыновы прошли
Дружной стайкой, с оптимизмом
Во всю ширь своей души.
Свет той лампы-керосинки,
Что сближал их за столом,
До сих пор живёт в глубинке*

*В детях, в внуках, в остальном.
Никогда не перестану
Корни эти я любить,
Даже если жить устану,
Буду об одном молить:
Род чтоб наш большой, весёлый
За добро любил народ,
Закалённый был, кремнёвый
Просто жил, но не тужил...*

Ю. Зонов

В 1937 году Тимофей построил дом в Новом Васюгане и привёз туда своих детей. Он всю жизнь мечтал создать семейный ансамбль народных инструментов, его мечта «проросла» в его потомках. Они почти все музыкально одарённые, зажигательные и душевные, как и он сам. Несмотря на трудности, сибирская земля стала для всех любимой и единственной Родиной. За несколько месяцев до кончины Тимофея Мартынова потянуло в Омскую область, где прошла его молодость. Там его встретил тёплый, ласкающий ветер, знойный запах пшеничного поля и почти уже заброшенная деревня. И так всё это разбудоражило ему душу, что он раскинул свои руки и во всю мощь своего голоса запел свою любимую «Вдоль по улице метелица метёт». На его голос вышел полуслепой старец с длинной седой бородой. Он подошёл, опустился перед Тимофеем на колени, обхватил его ноги, и шептал одни и те же слова: «Прости меня, Тимофей, наконец-то я тебя дождался, если бы я тогда не подписал те бумаги, они бы расстреляли всю мою семью!» В этом старце он узнал своего двоюродного брата...

Все годы Тимофей никогда ни на кого не держал зла, а теперь и подавно. За околицей он увидел берёзу, ветви которой когда-то росли вверх, а теперь поникли, стали плакучими под тяжестью

серёжек. Рядом у дороги простиралось цветущее поле льна, от которого невозможно было отвести глаз. Тимофей любовался и радовался этой красоте. В то время он и предположить не мог, что его дети станут «Ветеранами труда», что дочь Анну наградят орденом «Знак Почёта». В 2005 году на Омской земле на Всероссийском конкурсе народной песни победителем станет ансамбль «Родник», участницей которого будет его правнучка Анна, что его внук Юра напишет сотни стихов и песен, посвящённых Васюганской земле, что его внучка Ирина будет писать целые поэмы. Это будет потом. Но своим сердцем он чувствовал и понимал, что в каждом из его потомков живёт та искорка тепла и света, которую он сохранил и пронёс на протяжении всей своей нелёгкой жизни.

Александра Тимофеевна Костарева (Мартынова),

05.05.1920 г. р.

Самая старшая дочь унаследовала профессию отца. Строгая, аккуратная, требовательная, пунктуальная, добросовестная. Она проработала всю жизнь бухгалтером, работу знала на «отлично». В её семье четверо детей.

Мария Тимофеевна Веселкова (Мартынова),

05.11.1922 г. р.

Выучилась на мастера рыбного хозяйства и работала на рыбзаводе в Новом Васюгане, но когда семья переехала жить в п. Весёлый, то творческая ниточка перетянула, и Маруся стала работать заведующей клубом и библиотекой. Певунья, плясунья, необыкновенной скромности и доброты, она была радушной хозяйкой. Двери в её доме для всех всегда были открыты. В сердце - столько гостеприимства и теплоты, что дом всегда наполнен был гостями. И она для всех находила время, чтобы каждого гостя не обделить вниманием и заботой. В её семье родилось трое детей.

Анна Тимофеевна Косихина (Мартынова), 23.02.1929 г. р.

Окончила Омский учительский институт. Рабочий стаж 40 лет. Живая, энергичная, она в своей профессии, можно сказать, достигла совершенства. В Новосибирске окончила педагогический институт. В школе г. Новосибирска преподавала математику по методу Шаталова. Удостоена самой высшей награды для того времени - звания «Учитель-методист». У неё множество наград, всех просто не перечислить. Главные - орден «Знак Почёта», медали «За доблесть и труд» и «Ветеран труда». В этом году ей исполнилось 80 лет. Она до сих пор энергичная, доброжелательная, поёт и даже любого молодого перепляшет. Таких педагогов в России по пальцам пересчитать можно. По жизни всегда скромная и оптимистичная. В её семье двое детей.

Валентин Тимофеевич Мартынов, 04.07.1933 г. р.

Он приобрёл профессию радиста-радиооператора и много лет работал по специальности, затем был директором КБО. Долгие годы они вместе со своей женой соединяли сердца людей с помощью телефонной связи. Он, как и все у нас в Сибири мужики, заядлый рыбак, охотник. По натуре Валентин человек общительный и ему есть чем поделиться и есть что рассказать, жизненный опыт богат. В этом году они с женой отметили золотую свадьбу. Ему здорово повезло - рядом с ним всегда заботливая жена. Сейчас он плохо видит, но окружён вниманием так, что не замечает этого недуга. Они счастливая семейная пара.

Василий Тимофеевич Мартынов, 16.12.1937 г. р.

Окончил Омский педагогический институт, физико-математический факультет. Отслужив в армии, работал преподавателем физики в школе, а потом в медицинском институте. Об этом человеке можно книгу написать. Он так рано ушёл из жизни, но до последних дней никогда ни к кому не был равнодушным.

До чего он был артистичным! Однажды на Новый год нарядился цыганкой и так вошёл в роль, что толпа желающих погадать не давала ему проходу. У Василия Тимофеевича было особое отношение к детям. Всё свободное время он уделял своим ученикам, ходил с ними в походы, занимался изучением родного края, и они его любили. В Омском медицинском институте 15 лет проработал на кафедре физики и кибернетики. Без его участия не проходило ни одно мероприятие. Он обладал тонким юмором, незаменимый ведущий на всех вечерах и капустниках. Василий Тимофеевич прожил короткую, но яркую жизнь. В сердцах людей он остался весёлым, неунывающим оптимистом и светлейшим человеком, человеком-светильником.

Надежда Тимофеевна Хворенкова (Мартынова),

08.01.1940 г. р.

Надежда Тимофеевна - самая младшая в семье Мартыновых, самая красивая из сестёр. Она была ведущей на всех вечерах и концертах в ДК, кроме того, она, сама не подозревая того, была ещё и режиссёром. Всю связку между концертными номерами всегда подбирала сама. В художественной самодеятельности это был звенящий, светящийся колокольчик. Её артистизму можно было только позавидовать. Эффектная, красивая, талантливая, она себя умела держать на сцене как настоящая артистка. Также была неплохим педагогом. 25 лет проработала воспитателем в школе-интернате. Доброжелательная и находчивая при любых ситуациях, мастеровая, из ничего может сделать что-то. Её улыбка и глаза очаровывали всех. Лёгкая на подъём, она часто была «палочкой - вырчалочкой». Кратко о ней можно сказать: «Огонёк».

Николай Тимофеевич Мартынов, 19.12.1927 г. р.

Об этом человеке можно говорить бесконечно много. Это старший сын в семье Мартыновых. Он прожил нелёгкую жизнь.

От родителей ему достался дар настоящего артиста, и он мог им быть. Его отец играл на сцене в спектаклях. В «Свадьбе в Малиновке» Тимофей Евстафьевич сыграл когда-то Попандупуло, а много лет спустя сын Николай в той же постановке сыграл деда Ничипора, дочь Николая, Галина Добровольская - Комариху, племянница Надежда Чувствина - Гарпину Дормидонтовну. Целый семейный ансамбль. Но у Николая Тимофеевича было ещё одно пристрастие - рыбалка, охота, сибирская тайга. Каждую свободную минуту он бежал в лес, зная наперёд, что тайга накормит и многому научит. С 4-летнего возраста он уже стал для своих сестёр и мужичком, и защитником, и добытчиком. Его семья никогда не страдала, он старался её обеспечить всем самым необходимым. Николай Тимофеевич отработал в Западной экспедиции 34 года бурьльщиком. Имеет множество наград.

Ольга Тимофеевна Зонова (Мартынова), 10.08.1923 г. р.

Посмотрев генеалогическое древо семьи Мартыновых, можно отметить, что самая ветвистая ветка от Ольги Тимофеевны. Известно: чем пушистее ветвь, тем больше на ней плодов. В Нововасюганской средней школе это, наверное, единственная семья, состоящая из 4-х поколений, окончивших эту школу. Ольга была третья дочь в семье Мартыновых. Её стремлению к учёбе может позавидовать любой человек. По окончании Нововасюганской средней школы она с подружкой пешком отправилась в г. Колпашево, преодолев расстояние около тысячи километров. Последний катер уже ушёл, и они от деревни к деревне добирались где пешком, где на обласке перевезут, и дошли. Ольга поступила в учительский институт. Шла война, денег на учёбу не было. Из дома присылали посылки с кое-какими продуктами, в основном мороженые колобки тёртого картофеля и сушёные (в тёплый период) картофельные очистки. Студенчество было голодным, но Оля хорошо училась и окончила институт. По распределению по-

пала в Средневасюганскую школу учителем математики. Ей часто писали потом письма благодарные ученики. Вот строки из письма Леонида Белова:

«Дорогая Ольга Тимофеевна! Я до сих пор помню Вас в синем платье с множеством пуговиц на рукаве и Ваши руки. Только благодаря Вам я получил такие крепкие знания в области математики. Иначе я не стал бы кандидатом физико-математических наук...»

Ольга Тимофеевна была настоящим учителем, и ученики её любили, она старалась их всех окружить своим материнским теплом, заботой, вниманием. Ведь в Среднем Васюгане в большинстве своём были детдомовские ребяташки - школьники. Был случай: Ольга Тимофеевна попала в больницу с предположительным диагнозом - сибирская язва. Школьники стояли под окном больницы, плакали и никуда не уходили, пока ей не стало лучше. Диагноз, к счастью, не подтвердился. Со своими учениками она ездила с концертами в соседние деревни, ставили спектакли: «Сомбреро», «Петрушка-иностранец» и др. Ходили в походы. 16 лет проработала она в Среднем Васюгане, 13 лет - в Новом Васюгане, может быть, и ещё бы работала, но по состоянию здоровья не смогла трудиться дальше и вышла на пенсию. Её до сих пор вспоминают только добрым словом. В 1947 году она вышла замуж за Владимира Алексеевича Зонова, через 5 лет у них уже было четверо детей. Семья Зоновых тоже из спецпереселенцев, и Володя 10-летним ребёнком испытал все тяготы жизни. Их сослали из Казахстана, Павлодарского края, села Баян-Аул. В детской памяти остались лишь чистые, голубые озёра и степи. Зоновы мало рассказывали о себе, потому что пережили тяжелейшую травму. Их сослали за фамилию. По родословной Зоновы - тверские казаки. Алексей Михайлович Зонов (1870 г. р.) был волостной писарь. В честь его названа деревня Алексеевка. Он был вдовец с тремя детьми, когда женился на Анне Фёдоровне Крутиковой (1885 г. р.). У них роди-

лись ещё 5 совместных детей. Анна Фёдоровна была на 15 лет моложе своего супруга и в 35 лет осталась вдовой. Сослали её с четырьмя детьми, старшие остались в Казахстане, связь с ними пропала. Выжил только Володя, Виктор умер от брюшного тифа, Николай и Аркадий утонули, Борис погиб на войне, не дожив до Победы 6 дней. Он был учителем математики, словесности, химии. Преподавать мог и говорить на казахском и русском языках. Борис Алексеевич Зонов работал в Среднем Васюгане, оттуда его призвали на войну. Похоронили его на р. Висла, а матери прислали похоронку и орден. С войны вернулся только Владимир. Он дважды был ранен, много раз контужен. После войны Владимир отслужил ещё 2 года в армии, а когда вернулся, то мать, конечно, как могла, так и опекала своего единственного сына. Его трудовой стаж составил 50 лет. Почти до последних дней Владимир Алексеевич старался работать, потому что работа его вдохновляла. Для Среднего Васюгана В. А. Зонов сделал многое. Он привёз первую электростанцию в село и устанавливал её, первый катер и первый трактор в колхоз, даже первую радиолу «Рекорд». С чем и вошёл в историю села. В 1961 году семья Зоновых переехала в Новый Васюган. Там он проработал в геофизической партии заместителем начальника, а на пенсии - диспетчером. Владимир Алексеевич был хорошим организатором, умел правильно спланировать свой день. Осенью 1993 года переезжает в г. Колпашево, но своим детям наказал, чтобы похоронили его рядом с женой в Новом Васюгане. Умер он 20 апреля 1994 года рано утром, а в 2 часа дня его уже привезли в Новый Васюган, буквально последним вертолётом. Когда дома открыли крышку гроба, то все увидели, что по щекам Владимира Алексеевича текут слёзы, чистые слёзы, такие чистые, как озёра на его родине, слёзы бесконечной любви к необыкновенному Васюганскому краю, где прошла его жизнь.

Фамилия Зоновых до сих пор на слуху у средневасюганских старожилов. Владимир Алексеевич и Ольга Тимофеевна оставили после себя только добрые и тёплые воспоминания и четверых по своему одарённых и талантливых детей.

*Мир был создан Богом:
Где райским, где убогим.
Где кому какая выпала судьба
По законам строгим.
Мальчишкой босоногим
Мой отец в Сибирь был
Сослан навсегда,
На земле мой батя
Время зря не тратил,
Золотые руки, просто молодец
И за что ни брался,
От души старался -
Вот таким запомнился
Мне родной отец...*

**Витя и Юра Зоновы, Сред-
ний Васюган, 1958 год**

Юрий Зонов

Старший сын Зоновых - Виктор - в 1970 году окончил Томский топографический техникум. Для него на Васюганской земле «белых пятен» нет. Он всю её прошёл пешком, знает каждый ручеёк, каждую тропинку, каждый пикет на профиле прошёл через его сердце. 17 полевых сезонов по полгода и более 30 лет трудового стажа. Двое его сыновей росли практически без отца. Но свою любовь к Васюганской земле Виктор им передал. Виктор

- человек чести, дела, слова, замечательный отец и уже прекрасный дед.

*Мой брат топограф по веленью Бога,
Опять на карте дальняя дорога,
Разлука с домом с горечью в душе,
Теодолит-кормилец на плече.
Там где ещё нет хоженой тропы,
Пройдут, конечно, первыми топы,
Быть впереди, быть первыми всегда -
Такая у топографа судьба.*

Юрий Зонов

На сайте Нового Васюгана есть раздел «Достопримечательности». Наряду с памятниками жертвам сталинских репрессий, воинам-фронтовикам авторы сайта считают достопримечательностью стихи и песни Юрия Зонova. Он, наверняка, даже сам не знает об этом, настолько скромный человек. В Новом Васюгане его знают все. Он написал столько стихов и песен о родном крае, что, пожалуй, ему равных найти будет трудно.

*У нас встают в деревне очень рано,
Когда рассвет над Лиственной встаёт,
В лучах восхода, с бородой тумана
Неторопливо Васюган течёт.
Вдали курлыча незаметно, скрылся
Томящих душу журавлей косяк
Я Васюган люблю, я здесь родился,
Горжусь, что просто сибиряк.*

Как он любит своё село, своих односельчан и всё, что вокруг - речку, озёра, лес! Об этом рассказывают его стихи и песни, ко-

торые согреют душу любого человека, любого, кто хоть немного любит наш край. Его неповторимый, искромётный юмор заставляет смеяться от души, его зоркий глаз охотника увидит и заметит самое главное, а потом он изложит всё это на бумаге. Человек необычайного таланта, в своих письмах всегда подписывался «ваш непутёвый сын». Самый близкий друг его - костёр, подруга - гитара. Он неординарен и необычен во всём. Дождик у него стучит, молния галстукком сверкает, туман бородой стелет. Сколько приятных минут он подарил своим коллегам, написав им поздравления к юбилеям, праздникам. Так, как он любит природу, Васюган, его жителей, мало кто любит.

*Ведь помнят дебри древнего урмана
Далёкий тридцать третий год,
Всё дальше вглубь, в верховье Васюгана
Тащили баржи сосланный народ,
Беднякам тем сполна досталось,
А сколько слёз и пота утекло,
В таких вот муках зарождалось
Моё родимое село.*

*Природа людям выжить помогала,
Богатые таёжные места,
Тайга суровым гнусом досаждала,
Спасенье – дымокур – и все дела!
А жизнь свои деньки считала,
В бору сосновом быстро подросло
Красивое с самого начала
Моё родимое село...*

Хороший муж, отец, замечательный дед, душа компании, автор стихов и песен о Васюгане.

Самая яркая и самая талантливая в семье Зоновых - Зоя. Её имя в переводе означает «жизнь». Но случилось так, что она рано ушла из жизни. Для Нового Васюгана она была человек - праздник. У Зои был абсолютный музыкальный слух. В детстве мимо неё никто не мог пройти равнодушно. Её звонкий, как колокольчик, голос оживлял вокруг себя всё. Огромные голубые глаза, открытая детская улыбка и золотистые локоны удивляли всех. Казалось, этот ребёнок не от мира сего. Большим счастьем Зои было то, что она встретила на своём пути много хороших, талантливых людей. Лидия Фёдоровна Мейя - обыкновенный школьный учитель музыки с консерваторским образованием. Она первая разглядела юное дарование. Может быть, Лидия Фёдоровна и вложила бы в талант этой девочки всю свою душу, но случилось так, что после реабилитации семья Мейя уехала в Латвию, а семья Зоновых переехала в Новый Васюган. Здесь судьба свела Зою с необыкновенным человеком, Дмитрием Николаевичем Лавровым, капитаном медицинской службы, который прошёл Великую Отечественную войну, Бухенвальд. Замечательный хирург, талантливый художник, хороший пианист. Он и научил Зою первым азам игры на фортепиано. Потом из командировки отец привёз гармошку, а затем - аккордеон. И дом стал жить особым музыкальным миром, а жизнь Зои закипела. Она брала любой инструмент, и он оживал в её руках. Зоя окончила культпросвет училище, оркестровое отделение. Вся её жизнь прошла в бесконечной подготовке к каким-нибудь праздникам. Много лет она руководила ансамблем «Ветераночка». У неё было много учеников, которые так же, как она, полюбили мир музыки. Сколько дипломов, наград, их просто не сосчитать. Последний раз она принимала участие в концерте к 9 мая в 1995 году. Ей исполнилось всего-навсего 54 года, жить бы да жить...

В день похорон солнце светило по-особенному ярко, как бы прощаясь и обнимая её своими лучами. И в какой-то момент на

всё село зазвучал голос Зои. Его невозможно было спутать ни с каким другим. В её исполнении звучала «Лебединая верность» Евгения Мартынова на слова А. Дементьева. Все остановились и слушали её голос, неповторимый, с надрывом, с необыкновенным низким тембром, звучавший на всю округу, как колокольный звон:

*«Пусть летят по небу лебеди
И от белых стай, и от белых стай
Мир добрее стал...»*

Самая младшая дочь в семье Зоновых - Надежда (Чувствина). У неё сложная судьба. В жизни пришлось пережить много потрясений и трагедий. Но она старается жить и выживать в этом сложном мире. В почти неподвижном состоянии она вяжет, пишет стихи. Её основной источник общения с миром - телефон, но она умеет даже через эту связь поддержать и утешить добрым словом любого человека. Активная общественная жизнь была нормой её жизни. Без её участия когда-то не проходил ни один концерт. Творческую линию продолжает дочь - Анна Селезнёва, которая окончила Томское культпросвет училище и Кемеровскую Академию культуры. В настоящее время она работает в доме творчества «Авангард» в г. Томске заведующей сектором по концертной деятельности. Внуки Надежды Владимировны в 2008 году окончили Нововасюганскую школу. Они - четвёртое поколение семьи Зоновых и так же, как их предшественники, были активными, творческими в жизни школы. Три года подряд в агитбригаде они защищали честь школы, свой вклад внесли в победу Нововасюганской школы на конкурсе «Школа года» в 2007 году.

**Из инструкции № 001223 относительно способа
проведения депортации антисоветских элементов
из Литвы, Латвии и Эстонии**

«Совершенно секретно»

Депортация антисоветских элементов из Прибалтийских республик - задача большой политической важности. Её успешное проведение зависит от того, насколько тщательно местные и центральные органы власти способны разработать план выполнения операций и предвидеть заранее все необходимые факторы... Основной предпосылкой должно быть проведение операций без шума и паники, с тем чтобы не допустить каких-либо демонстраций и других беспорядков не только среди депортируемых, но также и среди определённой части окружающего населения, враждебно настроенного к Советской власти.

...Операцию следует начинать на рассвете. Войдя в дом депортируемого, старший опергруппы должен собрать всю семью депортируемого в одной комнате, принимая все необходимые меры против любых возможных эксцессов.

Проверив членов семьи по списку, следует уточнить местонахождение отсутствующих и число больных, после чего им следует предложить сдать оружие. Независимо от того, сдано оружие или нет, каждого депортируемого следует обыскать и затем произвести обыск во всём помещении с целью обнаружения оружия.

...При оказании вооружённого сопротивления вопрос об аресте лиц, оказывающих вооружённое сопротивление, и о препровождении их в районное отделение Народного Комиссариата Государственной Безопасности должен решаться районными «тройками».

...После проведения обыска депортируемым следует объявить, что по решению правительства их переселяют в другие области Советского Союза.

Депортируемым разрешается взять с собой предметы первой необходимости общим весом не более 100 кг: 1) Костюм. 2) Обувь. 3) Нижнее бельё. 4) Постельное бельё. 5) Посуда. 6) Очки. 7) Кухонные принадлежности. 8) Еда - установленный месячный паёк на семью. 9) Наличные деньги. 10) Мешок или ящик для укладки в него перечисленных вещей.

...При отказе депортируемого открыть дверь своего дома, несмотря на то что он знает о присутствии работников НКГБ, дверь следует взломать. В отдельных случаях следует вызывать соседние админ. группы, проводящие операции в данной местности, для оказания помощи.

...В связи с тем, что большое число депортируемых должно быть арестовано и помещено в специальные лагеря, а их семьи поселены в специальных пунктах в отдалённых районах, необходимо провести операцию депортации как членов семьи, так и самого депортируемого одновременно, не сообщая им об ожидающем их разделении. Только на станции главу семьи следует поместить отдельно от его семьи в железнодорожном вагоне, специально предназначенном для отцов семейств.

...Конвой должен действовать особенно осторожно при проведении колонны депортируемых через населённые пункты, а также при встрече с прохожими; конвой должен следить за тем, чтобы не было совершено попыток побега, и не должен допустить разговоров депортируемых с прохожими.

В каждом пункте посадки ответственными за посадку являются член районной «тройки» и специальное лицо, назначенное для этой цели.

В день проведения операции начальник пункта посадки совместно с начальником депортационного поезда и начальни-

ком военного конвоя НКВД проверяют оборудованные железнодорожные вагоны на предмет обеспечения их всем необходимым (нары, параша, фонари, ограждения и т.д.).

...После заполнения необходимым количеством семей железнодорожный вагон следует запереть.»

Инструкция о депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии была подписана заместителем народного комиссара государственной безопасности СССР И. Серовым ещё до включения Прибалтийских республик в состав СССР.

В. Макшеев, Нарымская хроника 1930-1945
Москва Русский путь 1997
«Радуга» («Vikekaar», Таллин, 1989, №11, с 49-53)

Е. Шестаков

С. В. Щадрина

Предыстория этого материала такова: Ученик Киндальской школы Каргасокского района Шестаков Евгений и Щадрина Светлана Владимировна (руководитель) на районную краеведческую конференцию представили проект «Ходячая энциклопедия». В нём шла речь об учителе Киндальской школы Мирдзе Карловне Грашиной, недолго проработавшей в этой школе, но оставившей большой след в душах учеников. Началась поисковая работа, очень хотелось узнать об этом необыкновенном учителе и человеке больше. От Б. Г. Кокорина (г. Томск) «ниточка» потянулась в Пудино, оттуда в г. Томск к внукам Мирдзы Карловны, через них в Ригу к её дочери Руте Эдуардовне, воспоминания которой предлагаем вниманию читателя.

Рута Эдуардовна Грашина.

Была репрессирована 14 июня 1941 года. Детство и юность прошли в Каргасокском районе. Всю жизнь проработала учителем в п. Пудино. В настоящее время на пенсии.

(г. Рига)

Воспоминания

14 июня 1941 года был страшным днём для жителей города Риги и для всей Латвии. Был тёплый летний вечер, мои родители искупали детей - 3-х летнего сына Юру и меня, маленькую девятимесячную Руту. Дети легли спать, а мама стала готовиться к урокам. Она преподавала историю и русский язык в восьмой Рижской школе. Папа, Эдуард Грашиньш, перечитывал записанные в университете лекции. Он был студентом Рижского университета юридического факультета.

Была тишина. Ничто не предвещало беду. И вдруг сильный стук в дверь. Вошли три вооружённых человека, которые сказали, что родители мои арестованы, и что им за два часа надо собраться, их вместе с детьми увозят. Куда? За что? Почему?

На эти вопросы никто не отвечал. Стали делать обыск, переписывать все вещи. Родители были в ужасном смятении. Что можно сделать, собрать за два часа? Кое-что сбросали. В основном это были детские вещи. Остальное всё осталось: пианино, посуда, мебель, одежда, книги - осталось всё и навсегда. Всех нас посадили

на грузовую машину и увезли на железнодорожный вокзал. Затем сказали, что мужчины поедут сначала, устроят место жительства, после чего подъедут женщины, дети и старики. Но мама с папой, расстроенные, не ожидая такого поворота, перепутали вещи, папа взял чемодан с детскими вещами, а маме досталось всё то, что было положено для него, и два маленьких ребёнка. Мужчин на самом деле увезли совсем в другую сторону. Папу отправили в Кировский район на север Урала.

Эдуард Грашиньш

В 1942 году в Вятлаге он умер. Об этом я узнала только в 1989 году из «Литературной газеты» Латвийской республики. Написал статью врач, которого арестовали прямо у операционного стола, не разрешив даже сделать операцию. Он отбывал свой срок в том же лагере, где был мой отец. Врач, используя бумагу от папирос, тайно составлял список умерших заключённых (писал фамилию, год рождения, место, откуда был увезён, диагноз и дату смерти). Этот список он вместе с воспоминаниями смог опубликовать только в 1989 году. В нём 409 человек. Среди них под номером 149 - мой папа.

Читать эту статью без слёз невозможно. Вот несколько выдержек: «Наш эшелон отправился утром 15 июня. По пути хотели выбросить записку, чтобы другие знали, в каком направлении нас увозят. Но охраняли очень строго, охрана ходила даже по крышам. Вагоны были заперты. Вместо туалета в конце вагона находилась деревянная труба. Нас долго не кормили. Только в Смолен-

ске принесли попить воду. А когда дали поесть, то мы не знали, во что положить еду. Подставляли кружки, баночки, черепушки и даже шапки. На станции надо было отдать все вещи: чемоданы, часы, кольца, ручки и т.д. После того как мы сложили вещи, нас построили по шесть человек, кругом была вооружённая охрана с собаками. Нас, восемь тысяч мужчин, разделили по сто человек. Пройти надо было 15 километров до распределительного лагеря Юхново. 24 июня через ворота, которые вели в баню, стали пропускать офицеров. Каждого раздевали догола, просматривали рот и даже задний проход (чтобы никто не пронёс какое-нибудь оружие). Офицеров увезли в Норильск. Часть расстреляли, часть работало на раскопках руды.

27 июня. То, что началась война, из заключённых никто не знал».

Дедушку Пиегазе Карлиса увезли в Сибирское Усолёе. До ссылки он работал в министерстве. Был главным контролёром Латвии. Добился всего честным, добросовестным трудом. Сначала закончил с отличием реальную школу в Великих Луках. Потом поступил в Рижский политехнический институт. После окончания ему предложили 3 места работы: Тверь, Пермская область или Сибирь - город Чита. Дедушка выбрал Читу. Проработал он там 12 лет, с 1908 по 1920 год.

Вот выдержка из его автобиографии: «Эти 12 лет были годами очень продуктивной работы. Трудился по своей специальности: проектиро-

Карлис Пиегазе

вал, строил мосты, дороги, различные здания - больницы, школы, курорты, казармы; проводил всякого рода испытания, был членом комиссии по решению различных вопросов и по приёмке работ. Всё шло хорошо и гладко, без всяких недоразумений.

Очень много путешествовал по широким просторам. Пересёк Забайкалье вдоль и поперёк на лошадях, на поезде, пароходе, пешком. Поэтому очень хорошо познакомился с Забайкальем, с его красивой и богатой природой, с его жителями и с их жизнью».

В 1920 году он с семьёй (двумя дочерьми, сыном и женой) вернулся на Родину в Латвию. За добросовестную работу в Министерстве главным контролёром получил два ордена. Один из них Орден трёх звёзд.

А 14 июня 1941 года его везут опять на Байкал, которому он отдал столько лет жизни, который так любил, для которого так много сделал. Но везут уже не на работу, а в ссылку, где от невыносимых условий, болезни, и непосильного труда через год девушка умер.

Моя мама была его старшей дочерью. В Чите она жила с двух лет. В Латвию приехала в 14-летнем возрасте. В эти годы она уже прочитала много книг великих писателей: А. Дюма, Драйзера, Мопассана, чувствовала себя взрослой и самостоятельной.

В 1936 году закончила философский факультет Рижского университета. После его окончания работала преподавателем русского языка в женской гимназии в городе

Мирдза Карловна Грашина

Резекне. Потом вела историю и русский язык в восьмой Рижской школе.

В молодости, будучи студенткой, она очень много ездила по городам Европы. Много читала, научилась вязать, вышивать, играть на пианино, хорошо пела, была участницей Рижского Университетского хора. Этот хор ездил с выступлениями по всем городам Европы: Осло, Вильнюс, Таллин, Стокгольм и другие. Была чудесная студенческая жизнь, затем интересная работа, муж, дети.

И вдруг всё рухнуло. Едем в одном направлении в разных составах. Опять Сибирь. Но поездка не добровольная, а ссылка. За что за одну ночь со всей Латвии увезли в грузовых вагонах четырнадцать тысяч человек? Это была вся «верхушка» Латвии: врачи, юристы, инженеры, министры, учителя, профессора, все люди, занимающие руководящие посты. А с ними старики, жёны, дети, младенцы. Мужчин и женщин разделили по разным вагонам. И никто не знал, что мы - дедушка, папа, мама с двумя маленькими детьми - едем в одном составе, но в разных вагонах, которые потом отправят совсем по разным путям: в Киров - в Вятлаг, в Томск - на Васюган и в Сибирское Усолье.

За одну ночь мама потеряла всё: Родину, отца, мужа, работу, имущество, а позже, уже в ссылке, шестилетнего сына. За что? Почему? Никто из находившихся в грузовом, душном, переполненном людьми вагоне на этот вопрос ответить не мог.

Так началось второе мамино путешествие в Сибирь. Ехали в поезде месяц. Только перед Уралом узнали, что началась война. Было очень жарко. В вагонах невыносимая духота. Люди кричали, просили хотя бы поток свежего воздуха, но никого не выпускали. Вагоны переполнены. Стали умирать старики, дети. Для того чтобы похоронить людей, состав не останавливали. Приходилось умерших на коротких остановках просто выбрасывать. Из еды давали только солёную рыбу, чёрный хлеб и немного воды. Некоторые женщины от безвыходного положения, от того, что

никак не могут помочь детям, стали сходить с ума. И даже был случай убийства своих детей. Так доехали до Новосибирска, затем был Томск.

Из Томска ехали на барже. Набитый битком трюм. Опять духота, жара, голод. Повезли по реке Васюган. Мою маму с сыном трёх лет и со мной, девятимесячной (пока ехали исполнилось уже десять месяцев), высадили в деревне Волчиха, которая находилась на притоке Васюгана - реке Ньюрольке.

Началась кошмарная жизнь. Нас поселили в холодные тёмные амбары, а некоторых подселили к местным жителям. Летом мы жили просто в вырытой в крутом берегу яме, которую прикрывали еловыми веточками. Позже одним из мест моего жилья был угол в интернате. А потом хозяйственная каморка, где хранились тряпки для мытья пола, вёдра и керосиновые лампы.

То, что жизнь была такой трудной, я, конечно, не понимала, потому что была ещё маленькой и другой жизни не знала. Но очень тяжело было маме, потому что на руках у неё два маленьких ребёнка. А чем их кормить? За просто так никто ничего не давал. Я очень болела. До трёх лет не могла ходить, соседи маме сочувствовали и говорили: «Да уж лучше бы она у тебя умерла и не мучилась». Но мама не могла себе даже представить, как это она когда-нибудь вернётся в Латвию без дочери. Братик уже тоже всё понимал и успокаивал маму: «Нет, она у нас вырастет и будет красивая-красивая». Казалось, что уже нет никакой надежды на то, что я когда-нибудь встану. Но я чудом выжила. Чтобы нас как-то прокормить, маме приходилось очень много работать на полях, на заготовке дров - везде, куда только ни посылали. Но этого было недостаточно, колхоз мало что давал, тогда она стала обменивать на кое-какие продукты свои вещи. Иногда зимой приходилось идти за картошкой в соседнюю деревню. Ходила в резиновых сапогах и на саночках привозила совсем замёрзшую картошку. Пригодилось маме умение вязать. Она вязала кружоч-

ки, потом их соединяла, и получались скатёрочки, которые она могла на что-нибудь выменять.

Ещё зарабатывала мама ворожкой на картах. На самом деле ворожить она не умела и даже не любила карты. Но так как у неё было высшее философское образование, хорошее знание русского языка и всех в деревне знала, знала их беды, надежды, у кого кто ушёл на фронт, то мама старалась их успокоить, вселить какую-то хоть маленькую надежду. Женщины были ей благодарны и всегда чем-нибудь угощали.

Из-за лютых морозов, постоянного недостатка одежды, обуви у мамы очень болели руки и ноги. Болели так, что на многих пальцах выпали первые косточки. Она месяцами ходила с перевязанными руками. Сна и покоя не было ни днём, ни ночью. А потом она очень переживала, боялась, что уже никогда не сможет играть на пианино. К счастью, мама дожила до того момента, когда играть смогла и на пианино, и на аккордеоне.

Проще с питанием было летом. Кормила тайга - ягоды, грибы, колба (черемша). В деревне была крапива - это самая главная наша спасительница. Но на всех жителей деревни её не хватало, поэтому приходилось территорию делить. Можно было поймать рыбу. А брат спрашивал у мамы, можно ли есть лягушек. Вспомнив, что во Франции их едят, она ответила: «А почему бы и нет, конечно же, можно». Нашли баночку и сварили.

Иногда мама с поля в карманах приносила горох. Но за этот горох, если бы обнаружили, могли посадить в тюрьму. Из крапивы и лебеды варили похлёбку, пекли прямо на плите лепёшки.

С наступлением лета стало жить легче, но тут нагрянула очередная беда. Мама была на полевых работах. Меня она где-то пристроила, а брат Юра был один. Пошёл с другими детьми на речку. Залезли в лодку. Наверное, раскачивали, и он с этой лодки упал, пока бегали за взрослыми, братик уже утонул. Достал его шестнадцатилетний мальчик. Чтобы похоронить, сколотить гробик,

Юра Грашиньш

не могли найти досточки. Тогда мама со своей подругой Эльзой Албатс содрали доски с сарая и сами, так как мужчин не было, сколотили гробик. Похоронили, положили на могилку багульник - это были единственные в то время цветы. Теперь багульник всегда напоминает мне деревню Волчиху и тот печальный незабываемый день.

Итак, я осталась у мамы одна. С шести лет начала ей помогать. Чтобы получить хлеб и суп, мне приходилось нянчиться с годовалым ребёнком. Каждую весну собирала на полях оставшуюся, очень часто сгнившую, но зато крахмалистую картошку. Вязала веники, собирала ромашку, драла с тальников так называемое «дубкорьё». Ходила всегда с мамой за ягодами, грибами. Вместе охраняли в течение всего лета от коров картофельные огороды, помогали людям собирать урожай, за что нас кормили обедом.

Через некоторое время мама раскорчевала в конце деревни клочок земли, и мы посадили свою картошку. Перетаскивали в деревню её сами в мешках, на мою долю мешочек доставался тоже.

В 1948 году мама стала работать техничкой в интернате. В нём от каникул до каникул жили дети селькупов из соседних деревень. Работа была довольно трудная - стирка белья, побелка, топка печей, мытьё полов. Но зато в тепле, появились какие-то деньги, а для меня - уголок в коридоре.

В 1949 году должна была из ГОРОНО приехать комиссия. Мама решила навести идеальный порядок. Всю ночь добела ско-

блила пол. Утром у неё заплыло всё лицо, глаз не видно. Члены комиссии спрашивают: «Что случилось с этой женщиной?» Учителя всё им рассказали: кто она, откуда, что у неё высшее педагогическое образование. Заведующий ГОРОНО Курдюмов сказал собрать все необходимые документы и устраиваться учителем немецкого языка в школу посёлка Рабочий. Так мама стала работать в школе.

Наша жизнь начала налаживаться. В комнатке с вёдрами, тряпками для мытья полов, керосиновыми лампами мы впервые спали не на полу, а на кровати. А потом завхоз Рабочинской школы Трапан Гаррий построил для нас на самом краю деревни рядом со школой маленький домик, а в нём печка, кровать, стол, полка для книг и столик для меня. Это было такое счастье! Я там каждый день наводила порядок. С порога смотрела, все ли вещи лежат на своих местах. Маме было некогда. Она, как всегда, очень много работала, поэтому я часто варила и даже умудрялась стирать. Один раз применила для смягчения воды золу. Можно представить, что там получилось, раствор я не процеживала, а выливала его прямо на бельё.

Ещё расскажу об одной очень интересной моей мечте. Мечтаньям не было конца. Хотелось, чтобы у мамы было много денег, почему-то 59 рублей, чтобы можно было купить на лето сандалии и платье. Хотелось увидеть Ригу, о которой много рассказывала мама. И мечтала, оказывается, даже о телевизоре. В 1949 году телевизор никто ещё не видел даже во сне. Привозили в клуб раз в месяц, а может быть в два, кино. Так как это было великим событием, то обязательно надо было идти. Идти в любую погоду, будь то мороз, снег или дождь. И вот один раз, когда привезли кино, была гроза. Как не хотелось мокнуть, и я подумала: «Как было бы хорошо, лёжа на кровати, только нажать на кнопку и посмотреть на противоположной стене кино». Мечта сбылась!

Один из классов школы посёлка Рабочий

Прожили мы в этом домике до 1952 года. Мама продолжала работать в школе. Был в ней очень хороший, молодой и дружный коллектив. Нравилось всё. Появились хорошие друзья, которые во всём друг другу помогали. Все ссыльные стояли ещё на учёте. Однажды приехало из НКВД начальство. Вызвали маму и говорят:

- Вы умная, образованная женщина, поэтому мы обращаемся к Вам с таким заданием. Вы должны прислушиваться ко всем разговорам ссыльных, запоминать, о чём они говорят, о ком, кто говорит, а затем рассказывать нам.

Мама ответила:

- Нет, этого я делать не буду никогда.

- Ну, если не будете, тогда мы Вас вышлем опять.

- Делайте что хотите. Только вы меня уже ничем не напугаете. Я видела столько хорошего и столько плохого, что уже ничего не боюсь.

- Хорошо. Тогда идите, пишите свою биографию.

Вечером мама писала, зачёркивала, переписывала. Всю ночь очень переживала. Утром пошла со своей биографией к начальству. В результате в 1952 году сослали её в другую деревню - в Киндал. Но это место оказалось гораздо лучше, чем посёлок Рабочий.

Деревня Киндал находится ближе к Каргаску. Хорошая школа, земля, отличная природа. Нам дали квартиру с огородом и банькой. Под горой протекает маленькая речка. Поэтому мама купила даже обласок. У нас появились кошка и собака, которая пела под аккордеон. Всё это было для нас большим богатством. В школе мама вела пение, немецкий язык и биологию, заведовала пришкольным участком, вела юннатский кружок. На участке всё очень хорошо росло. Подсолнухи, кукуруза были выше нашего роста. Очень много накапывали картошки - с трёх кустов целое ведро. А чудесные большие помидоры мы могли даже продавать.

В 1956 году маму перевели в Старо-Югино. Восьмого класса там ещё не было, поэтому мне пришлось учиться в Каргаске. Опять мама попала в хороший, дружный коллектив. Директором школы был Борис Григорьевич Кокорин. Он замечательно играл на баяне, а моя мама - на аккордеоне. Под их руководством ученики и учителя готовили очень хорошие концерты. Я это очень хорошо помню, потому что тоже принимала в них участие. Чудесные танцы готовили Галина Михайловна Федотова и Нина Николаевна Калясьева. Красивые танцы «Зима», «Берёзка» исполняли девушки. И особенно мне запомнился танец в исполнении Георгия Николаевича Калясьева под сопровождение песни «Чёрное море моё».

Самодельный коллектив Староюгинской школы

Был хороший не только учительский коллектив, но и очень серьёзные, умные, целеустремлённые дети. Лично я их знала мало кого, потому что там не училась, но об этом говорит их переписка с моей мамой Мирдзой Карловной Грашиной. Она получала от бывших учеников очень много писем и всегда старалась на них ответить. Письма её были очень содержательные и интересные. Вот выдержки из них: «Я в своей жизни видела много красивых городов и жила в них. Но никогда я не забывала о лесе, цветущих пахучих травах, о пленительном одиночестве среди природы. Это даже нельзя назвать одиночеством, потому что оно не угнетает, а наоборот, чувствуешь какое-то единство, неразрывное со всем окружающим. Чувствуешь, что ты маленькая, незначительная точка, которой дана возможность трепетать перед величием и

гармонией вселенной, и на какой-то короткий миг проникаешь в её тайны».

«В Сибири мне нравятся снег и морозы. Хрустящие морозы, когда всё, как заколдованное, боится даже шелохнуться. Кругом туман, в котором светится много солнц - огоньков, а наверху тёмное небо, сплошь усыпанное звёздами. Потом люблю выходить в снежные просторы и слушать тишину. Но больше всего меня чаруют мерцающие снежные дали, насквозь пронизанные и объятые лучами мартовского солнца».

«...от лётчика настоящего требуется в большей мере отрешимость от всего земного, исключительная собранность нервов и в то же время азартность, упоение риском, трудными ситуациями, железная дисциплина. Нигде не имеешь право показывать своё «Я», ты во власти долга».

В 1959 году мы переехали в село Пудино. До 1973 года мама преподавала в школе. Потом воспитывала двух внуков и внучку.

В 1983 году 8 февраля на 76 году жизни мамы не стало. Невыносимо жалко терять такую добрую, умную, чуткую маму, которая, несмотря на исковерканную судьбу, несмотря на то, что было потеряно, пережито, не обозлилась на всех и всё, а приняла жизнь такой, какая она есть. Она сделала очень много доброго, хорошего для односельчан, учеников, своих внуков и для меня. Она вкладывала в нас всю душу, учила доброте, учила быть трудолюбивыми, целеустремлёнными, чтобы мы стали хорошими специалистами и просто хорошими людьми, большинство такими становились: врачами, учителями, писателями, инженерами. А в их сердцах осталось чувство благодарности и незабываемая память об учительнице Мирдзе Карловне Грашиной.

22.03.2009 г.

Василий Александрович Демешкин.

Родился 06.05.1947г. в с. Пудино Парабельского района Томской области в семье спецпереселенцев. Выпускник Пудинской средней школы 1965г., кандидат исторических наук, доцент исторического факультета ТГУ.

(г. Томск)

Мирдза Карловна

Ближе к весне 1959 года во дворе Пудинского райкома партии выросли строительные леса. Сначала не очень было понятно, что там строится. Но вскоре стало ясно, что это судостроительная верфь, и на ней заложили паузок. Большую речную посудину для перевозки различных грузов. Деревенской детворе они были не в диковинку. По первой воде тянулись они вереницами к пристани с. Пудино и несли в своих чревах годовой запас продовольствия и мануфактуры для всего населения района. Это повторялось из года в год, но никогда паузок не строили в центре села. Для взрослого населения уже не было секретом, что район к лету будет закрыт, и вся районная чиновничья рать вынуждена будет искать работу в других местах. Где-то в апреле судно просмолили и вывезли на Чузик, где оно приняло имущество основных районных организаций - райкома партии, райисполкома, милиции, комендатуры и др. Центральная улица села сразу обезлюдела. Опустевшие здания стали занимать другие хозяева. В ходе переселения начальная школа переместилась в здание райисполкома,

совхозное руководство унаследовало помещение райкома партии. Был закрыт районный Дом пионеров, и школьники, которые туда ходили, очень жалели, что не стало хора, танцевального кружка и многого другого. С родителями уехали дети, и в сентябре многие не встретили в школе товарищей. Но появилось много и незнакомых ребят. Это были в основном дети из семей, которые переехали из окрестных спецпоселков в бывший райцентр. Классы пополнились детьми, но не настолько, чтобы восполнить урон, нанесённый закрытием района.

Уехали и многие учителя-предметники: учитель иностранного языка Г. Фляйшер, преподаватели математики Г.И. Щербатов, Н.И. Лосев, А.В. Аксёнова и др. Преподавательский состав в школе основательно обновился. Именно в этот сложный период в Пудинскую среднюю школу приехал учитель иностранного языка. Это была Мирдза Карловна Грашина.

Первая встреча с ней запомнилась навсегда. В наш 6 «а» класс вошла учительница, которая совсем не была похожа на других учителей. Внимание приковывали удивительно молодые глаза, которые всегда дружески, а иногда вопросительно были обращены к собеседнику. Глаза были поразительно синего или голубого цвета. Восприятие зависело от того, насколько ярко светило солнце или было пасмурно. В класс она вошла с улыбкой и никогда в дальнейшем не изменяла своей манере общения с окружающим миром. Это было удивительно!

Но ещё большее удивление вызвало её умение общения с нами, школьниками. Особенно это ярко проявлялось на уроках. Создавалось впечатление, что она обращалась только к тебе, хотя класс был полон.

Многие учителя не любили отходить от стола и классной доски и редко передвигались по классу. Возможно, у кого-то были резоны не оставлять за спиной школьников. Но Мирдза Карловна сразу же прошла в центр класса и начала с нами знакомиться.

Очень кратко сообщила о том, что она не сибирячка, родилась в Прибалтике, поэтому у неё трудное для правильного произношения имя - Мирдза. Она объяснила, что есть искушение при произношении сочетаний звуков рдз сократить (редуцировать) согласную «д». Для того чтобы этого не происходило при обращении к ней, она попросила вспомнить, как произносится фамилия Держинский. Мы все хором произнесли эту фамилию, а затем и её имя - Мирдза. Так вошла в нашу жизнь Мирдза Карловна. Мало кто из школьных учителей не имеет псевдонимов. Школьники во все времена всегда давали клички своим учителям. Они были иногда весьма обидными, но это та сфера, где запреты не действуют и языковые средства точно характеризуют личность педагога. У нового учителя немецкого языка в Пудинской школе не было прозвища. Между собой мы её называли по имени. Прошли годы, за спиной остались школа, вуз и многое другое... Выпускники с уважением и добрым словом вспоминают нашего учителя Мирдзу Карловну!

Ей всё было интересно! Не замыкаясь рамками школы, она вскоре стала узнаваемой и необходимой многим сельчанам. Очень часто можно было увидеть на улице Мирдзу Карловну, беседующую то с мамой ученика, то с участником клубной самодеятельности. Это был искренний интерес к людским судьбам. Постоянное стремление без крика и шума помочь словом и делом тем, кому было трудно. По-другому она не представляла своей жизни.

Как-то незаметно наши одноклассницы стали прислушиваться к её советам и мнению по многим вопросам. Её манера общения, одежда ненавязчиво формировали чувство вкуса. Своей внешностью она демонстрировала, что красота может быть не яркой и вызывающей. Её характеризовало стремление гармонизировать окружающий мир не с позиции силы, а путём мудрого, кропотливого, иногда очень длительного общения с воспитанниками.

Лишь по прошествии времени многие осознали, как, оказывается, много она значила для школы и нравственной атмосферы в селе.

В Пудинской средней школе Мирдза Карловна начала работать в сложный и тяжёлый период (1958 г.) Исчезали спецпоселки комендатуры, что привело к уменьшению числа учащихся в школе. Общественное сознание медленно, но неотвратно накапливало потенциал для осмысления своего прошлого. Оттепель 60-х годов не могла не отразиться на школе. В старших классах всё острее возникало стремление узнать историю не вообще, а историю родного края. Кто и когда основал в глухой тайге село? Почему в классных журналах школы такое разнообразие фамилий - Леус, Махно, Теус, Стразман, Гурзо, Узварик, Манжак и тут же Иванова, Фёдоров, Зыкова, Морозов? Откуда такое вселенское смешение? Публично наши педагоги, конечно, не могли в то время это объяснить и дать ответы на острые вопросы.

Мирдза Карловна за чашкой чая как-то взвешенно и спокойно сообщила, что в Сибирь она попала не по доброй воле. Впрочем, для основной массы школьников давно уже не было тайной то, что их деды и родители корчевали тайгу и обживали эти места не по своему желанию. Во многих семьях моих одноклассников история рода зачастую вообще не обсуждалась. Старшее поколение очень хорошо знало цену «детских» разговоров на улице и старалось не слишком подробно вспоминать о своих предках. Конечно, все мы знали, что родные края наших отцов и матерей где-то «за болотом». За болотом – это для одних Алтай, станицы Сибирского казачества в Омской области, а для других степи Барабы и Кулунды, далёкой Прибалтики.

А для нас эти таёжные края были уже нашей родной стороной. Её мы любили и любим, но историю в то время почти не знали. Весь этот мир, где мы выросли, – деревни, поля, дороги, мосты – был создан трудом, зачастую непосильным, крестьян-спецпереселенцев в 30-40 г.г. XX века, созидали его и депортиро-

ванные из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и других мест.

Совершенно очевидно, что Мирдза Карловна очень остро ощущала потребности своего времени и свою миссию. Возвращение к своим культурно-историческим корням, к истории семьи, рода она считала важнейшей задачей. Она сумела в рамках программы «Народного университета культуры» подготовить и провести праздник народной песни. Деликатность в общении, высокая общая и музыкальная культура позволили ей найти исполнителей и убедить их выступить.

На сцену Дома культуры вышли женщины и исполнили песни своей молодости - звучали и казачьи напевы, и девичьи страдания и многое другое. Музыковедческий комментарий к прозвучавшим песням был безупречен. Этот памятный вечер надолго запомнили жители с. Пудино. Обратившись к народной песне, к её исполнителям, Мирдза Карловна растрожила память старшего поколения. Стало очевидно, что прошлое – не проклятое время, оно достойно памяти и передачи её своим детям и внукам.

Мне кажется, что именно после этого вечера моя мама Т. Р. Демешкина (в девичестве Дорохова), которая исполняла казачьи песни, стала больше и подробнее вспоминать и рассказывать о жизни «за болотом» и при комендатуре. Именно тогда многие впечатления детства получили объяснение: вопросы получения паспорта в комендатуре, снятия с учёта и др. Прогнозировала ли Мирдза Карловна такие результаты? Вряд ли! Но она просто не могла жить вне атмосферы созидания культуры, толерантности. Она очень любила жизнь. Эта любовь была направлена на детей, школу.

От районного Дома пионеров в наследство школе досталось старое, разбитое пианино. Играть на нём было некому, и оно окончательно приходило в негодность. Мало кто из младшеклассников, да и старшеклассников не чурался ударить раз-другой по

клавишам... Что говорить, было, к сожалению, и такое! Мирдза Карловна смогла настроить инструмент, кое-что подладила, и в её руках он зазвучал! Правда, не в спортзале, а в её маленькой уютной квартире, которая располагалась в 5 минутах ходьбы от школы. Для школьников, желающих освоить азы нотной грамоты и игры на пианино, она открыла двери своего дома. Многие приходили не более 2-3 раз и всегда были напоены чаем, там проходили интересные беседы... Впервые слушали в её исполнении на пианино музыку Шопена, романсы русских композиторов и др.

Именно в домашней обстановке она подготавливала и репетировала с учениками классные вечера и диспуты. Диспуты всегда были интересными. Много сил было отдано подготовке и проведению обсуждения фильма «Кто Вы, доктор Зорге?» Рихарду Зорге посмертно в 1964 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Приоткрылась новая страница истории, и Мирдза Карловна спешила донести всё это до нашего выпускного класса. С интересом обсуждали сюжет фильма и реальную судьбу разведчика Р. Зорге. Мирдза Карловна деликатно и достаточно твёрдо направляла диспут. Ход и итоги обсуждения заставляли размышлять, задуматься о трагической и героической судьбе реального Р. Зорге, погибшего на чужбине в борьбе с нацизмом. По сути, в диспуте были поставлены для осмысления вечные вопросы. Что такое Родина? Должны ли мы её любить? Ответственность перед собой и обществом? Что значит быть гражданином? Эти вопросы Мирдзу Карловну волновали, и мы вместе с ней искали на них ответы. Ко времени окончания школы нам уже было по 18 лет, а кое-кто и все 20 имел! Взрослые люди. Серьёзные и важные вопросы для размышления искала и находила педагог М. К. Грашина.

Навсегда запомнился последний день, проведённый нами в Пудинской школе 22 мая 1965 г. На торжественной школьной линейке первоклассница на плече В. Радченко отзвонила для нас последний школьный звонок! Последний школьный урок прове-

ла Мирдза Карловна. Именно ей доверили учителя школы напутствовать в жизнь 20-й выпуск Пудинской средней школы Парабельского района.

Кабинет физики утопал в цветах черёмухи, за школьными столами последний раз сидели все вместе и с грустью глядели друг на друга. Мирдза Карловна поступила очень мудро - не стала говорить о том, что на нас надеются, а мы должны. Она хорошо понимала, что эти казённые слова-лозунги не тронут душу. Она просто открыла томик чудесного волшебника слова, романтика Константина Паустовского и сообщила нам, что прочитает сказку «Стальное колечко». Многие из нас переглянулись и улыбнулись. Это нам-то сказку?! Жизнь впереди – настоящая! Спутники летают! Космонавты живут на земле!

Спокойно, не напрягая голоса, Мирдза Карловна стала читать про обыкновенную девочку Варюшу, дедушку Кузьму и их простую жизнь в Моховом. Почти в конце чтения сказки Мирдза Карловна сделала паузу... Варюша в сказке собиралась, надев перстенёк, повидать белый свет со всеми его чудесами, но передумала... Она не захотела расставаться со своей родной стороной, о которой дед Кузьма говорил, что наша земля – истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете... Как-то все подумали о том, что мы почти все покидаем свой родной край. Кто с надеждой вернуться вновь, а кто и нет...

И действительно, прошли годы, ушли из жизни одноклассники В. Щадрин и В. Палинова. Нет с нами и Мирдзы Карловны... Но помнится это удивительное мудрое напутствие. В памяти и сама Мирдза Карловна - щедрый, душевный человек! Низкий поклон Вам, Мирдза Карловна!

27.03.2009г.

Захарова Елена Константиновна.
Дочь репрессированных. Судебный пристав по обеспечению установленного правопорядка деятельности судов.

с. Каргасок

В 1992 году я ездила в гости к своим друзьям в посёлок Новый Васюган. Только две семьи я знала в этом посёлке. В один из дней к ним пришла незнакомая мне женщина и, увидев меня, сказала: «Сразу видно, что ты Захаровская». Я была сильно удивлена. «Я знаю твоего папу, нас ссылали вместе». Как оказалось позже, - это была Рената Рудольфовна Таарде. Я очень жалею, что тогда у меня не возникло никаких вопросов к ней, да и дома мы с папой не говорили на эту тему.

Прошло 16 лет, когда я захотела вернуться к этому разговору. Моих родителей уже давно нет в живых, поэтому рассказать мне могла только Рената Рудольфовна. Позвонила ей, напомнила о себе. Так и завязалась наша дружба. Она же и познакомила меня с одноклассником папы – Ильмаром Нурме, с которым мы в настоящее время поддерживаем дружеские отношения.

Ильмар Нурме.

Спецпереселенец, пенсионер.
Пишет мемуары на русском и
эстонском языках

(Эстония, г. Пылва)

В Сибири прошли 17 лет моей жизни

Депортированные 14 июня 1941 года жители Вирумаа¹ прибыли в сёла Васюганского района Томской области. Одним из самых дальних назывался посёлок Весёлый. Это было большое село, расположенное на 20 км. дальше Майского (отмечено на современных картах). В этом посёлке было три колхоза: «Вперёд», имени Тельмана, «Путь Севера». По спискам, опубликованным в газете «Пяэвалехт», в эти колхозы были направлены 150 вирумаасцев (женщины и дети). В лихолетье 1941-1943 г.г. от голода умерли не менее 80 - 90 человек. В колхозе «Вперёд» жил и я с матерью. Нам было суждено пережить эти голодные годы и остаться в живых. Мне, 12 - 14-летнему подростку, в то время частенько приходилось участвовать в похоронах людей, погибших голодной смертью, - порой умирали целые семьи, как, например, семья Калвисте, кажется, из Раквере, – мать, дочь (примерно моего возраста) и трёх-четырёхлетний сын.

¹ Довоенный уезд северной Эстонии, где мы жили в городе Кунда

Недалеко от нашего колхоза (располагался он в конце села) находилось кладбище, и все погребения происходили у нас на глазах.

***Кундаская начальная школа, выпуск 4-го класса, 1941 год
Задний ряд: 5-й – Ильмар Нурме, 7-й – Костя Захаров
Средний ряд: 5-я - Ризель Рааг, 8-я – Вильма Омер***

14 июня 1941 г. вместе со мной и матерью пришлось покинуть дом и нашему отцу, Николаю Нурме, который работал школьным учителем в Кунда. В тот день мы были вместе до позднего вечера, когда обоз из грузовиков, на которых везли депортированных, остановился на станции Раквере, там отца поместили в другой вагон. Далее наш путь продолжался в общем составе ещё несколько дней, до станции Печоры. Там из вагонов с мужчинами составили отдельный поезд. Составы с женщинами и детьми и составы с мужчинами двинулись в разных направлениях.

Весной 1951 года меня вызвали в комендатуру Майского, где комендант сообщил мне, что отец будет освобождён из лагеря в

июне (истекают 10 лет, назначенных «тройкой»), и поскольку он инвалид второй группы, то я должен решить, подтвердив своё решение подписью, возьму ли его к себе «на иждивение», в противном случае его отправят в какой-нибудь дом инвалидов (теперь выходит, что это была отправка на принудительное поселение после лагеря, только под более «мягкой» вывеской). Конечно же, я дал подпись. В 1952 г. - в конце февраля или начале марта - отец приехал к нам, в п. Весёлый.

Как позднее рассказал отец, из Печор их поезд взял направление на юг, на Украину, часть мужчин сняли с поезда и направили на строительство линий обороны. Война уже гремела всюду. При приближении фронта их снова собрали вместе и отправили на такие же работы в Полтавскую область. Когда поздней осенью фронт стал подступать и туда, оставшихся в живых вновь отправили в путь, теперь уже в лагерь Свердловской области. Там им пришлось предстать перед пресловутыми «тройками» и выслушать их решение: за контрреволюционную деятельность - 10 лет лагерной «жизни».

Отец вспоминал, что когда им объявили этот срок, то один из них, депортированный намного раньше и к тому времени уже отсидевший 10 лет, на вопрос, как прошло это время, ответил: «Ничего страшного: зима-лето, зима-лето, так десять раз подряд, и больше ничего». Так «просто» пришлось и самому позднее вспоминать всё пережитое. Все 10 лет прошли в Свердловской области, в так называемом «Бермудском треугольнике» - лагерях Верхотурья, Сосьва и Ступино. Покуда позволяло здоровье, приходилось ходить на лесозаготовки, после ухудшения здоровья - участвовать во внутренних лагерных работах. 14 июня 1951 г. ворота лагеря открылись, и вновь предстоял долгий путь в Томскую область.

В Томске его погрузили на пароход с зарешеченными каютами, в которых доплыли по Оби до города Колпашево, потом река ста-

ла замерзать, и в местной тюрьме пришлось дожидаться, покуда окончательно замёрзнут реки и болота, по которым будет проложен зимник. Обыкновенно этот путь открывался во второй половине ноября или в начале декабря. Тогда и начался пеший переход (при зимних морозах) до Нового Васюгана, центра нашего района. Как я уже упоминал, отец прибыл к нам или в конце февраля или в начале марта. Помню этот день: была красивая солнечная погода, мы на лошадях возили из леса брёвна. И посреди села, на улице, кто-то сказал мне, беги, мол, домой, отец вернулся. Как он выглядел - этого я описывать не стану. Можно представить человека, пережившего 10 лет лагерей. Из них 4 пришлось на суровейшие военные годы. Здоровье его было совершенно подорвано.

Ещё несколько лет он проработал в колхозе ночным сторожем. В августе 1954 г. отец умер и был похоронен на сельском кладбище рядом со своими соотечественниками.

Я не знаю, сколько мужчин арестовали в Кунда 14 июня, но после лагерей в живых остались трое - мой отец, господа Пярн и Трейер, которые впоследствии вернулись в Эстонию.

В первые годы хрущёвской оттепели нам уже разрешали свободно передвигаться в пределах Томской области, конечно, с ведома комендатуры. Так и я уехал из Васюганского района в Колпашевский район весной 1955 г., где прожил до освобождения летом 1958 г.

В прошлом году исполнилось моё давнее желание побывать в тех местах, где прошли 17 лет жизни, – лучшие мои годы. Вообще-то я был в курсе тамошних событий, потому что переписывался с бывшими односельчанами, соседями и сверстниками.

Наше путешествие по Сибири началось 4 июля: из Ленинграда самолётом Ту-154 мы вылетели в Омск, оттуда на следующий день Ан-2 за три часа доставил нас до бывшего районного центра – Нового Васюгана. Мы летели втроём, я взял с собой двоих своих сыновей, чтобы они своими глазами смогли увидеть те места

и условия, где нам пришлось жить. В Новом Васюгане у меня состоялась первая встреча - с Верой Долговой, бывшей жительницей посёлка Весёлый, и с Ренатой Таарде, жившей когда-то в городе Кунда.

На следующее утро, когда мы находились в аэропорту Васюгана, чтобы лететь дальше в Майское, произошла ещё одна неожиданная встреча. Мы ждали прибытия самолёта из Каргаска (он летит далее в Майское), когда вдруг с толстым портфелем в руках появился Отто Ванн из Таллина - тоже с намерением лететь в Майское, где похоронена его мать. В 1941 г. мы с матерью и семьёй Ванн ехали в одном вагоне от Раквере до Новосибирска и оттуда на одной барже до Майского...

В прибывшем самолёте свободных мест не было. Но благодаря работникам местного аэропорта и отзывчивости командира экипажа все мы спустя 30 минут оказались в Майском. Мы с сыновьями пошли к Михаилу Пахомову, бывшему жителю посёлка Весёлый, там нас радушно встретили. После предложенного хозяйкой Ларисой плотного обеда, подкреплённого парой рюмок водки «Виру валге», мы с Михаилом принялись обсуждать, как и на чём добраться до Весёлого и где добыть балки, чтобы установить крест на могилу моего отца. Это ведь было главной целью нашей поездки.

Моё намерение отправиться в путь на телеге Михаил отверг сразу: дороги уже далеко не те, что были 35 лет назад. Он позвал меня к своему другу, шофёру местного совхоза, сказав, что, может, удастся сговориться. Перед одним домом мы увидели ГАЗ-66 и там же сидящих и что-то обсуждающих трёх-четырёх мужчин. Мы подошли к ним, и Михаил, обратившись к Борису (так звали шофёра), спросил, мол, завтра воскресенье, чем он думает заняться? Один из мужчин ответил, что на завтра у них запланирован выезд по ягоды большой компанией. Оказалось, что это был директор совхоза, и после его слов Борис с сожалением по-

жал плечами. Тогда Михаил поведал историю, почему и для чего нужно нам попасть в Весёлый. Директор (по национальности дагестанец) прореагировал на этот рассказ очень живо, вот что он сказал: «Бабы и ягоды могут подождать до следующего воскресенья. Езжайте в Весёлый!» Так молниеносно вопрос был решён. И когда разговор далее зашёл о том, что возле дороги можно срубить подходящее деревце, один из мужчин (он оказался местным трактористом) сказал, что у его соседа напилена целая куча брусьев, и уж одного-двух ему жалко не будет. Хозяин, выслушав историю о том, зачем нам нужны брусья, радушно предложил нам выбрать любые.

Мы сразу же отвезли брусья к Михаилу, обработали их, распилили на подходящие куски. Одним словом, изготовили крест, но не сложили его, чтобы удобнее было везти.

В воскресенье утром, в 7.30, как и было условлено, машина Бориса уже стояла возле ворот. Мы загрузили брусья и лопаты, хозяйка снабдила нас едой в дорогу, и мы тронулись в путь. С нами поехал и директор совхоза, он сел в кабину, а мы вчетвером забрались наверх, на бак. Через шесть-семь километров завиднелась большая равнина, на месте которой когда-то находилось село Каменное, и если бы мне не сказали, что на этом месте когда-то располагалось село, я бы ни за что не поверил. Убедился в этом окончательно, когда после того луга мы доехали до моста через реку Васюган.

Мы проехали ещё шесть километров лесными дорогами до того места, где когда-то располагалось село Елизаровка. Ни одного сохранившегося строения; о том, что здесь когда-то стояли дома, можно было догадаться по зарослям крапивы. Через пару километров два полусгнивших столбика указали нам место бывшей водяной мельницы. Дальше дорога раздваивалась: налево - Весёлый, направо - Шмаковка. По дороге на Весёлый всё же были

видны следы машин и трактора, а дорога на Шмаковку так заросла, что если бы Михаил не показал, я бы её не заметил.

И вот мы уже едем в гору, и перед глазами - равнина, десятки покосившихся бревенчатых домов, кое-где огромные старые деревья. Картина необыкновенно удручающая. Невольно вспоминается большой посёлок, между домами бегают дети, по улицам движутся телеги, по вечерам домой возвращалось стадо – это было село, где кипела жизнь... Удивительно сохранилось здание старого магазина, клуб-школа. Вокруг заросли крапивы и лопуха. И всё же я нашёл то место, где стоял наш дом. А вот здесь проходила широкая улица. Дом, что стоял справа, принадлежал семье Крупиных - в строительстве этого дома и я принимал участие. Немного дальше - дом Афониных, где когда-то, во время войны, находилась сапожная мастерская, а позднее - медпункт.

Проехав вдоль «посёлка», мы направились к кладбищу. Поля кругом заросли, а прежняя поросль между могилками превратилась в красивый белоствольный березовый лес. О могилах можно лишь догадываться по небольшим холмикам. Где чья могила - этого уже никто сказать не может, и о могиле моего отца тоже.

Я выбрал место для креста, решив поставить его перед тремя соснами, что

росли на краю прежнего поля в стороне, ближней к «посёлку». Поставить крест нам усердно помогали Михаил Пахомов и другие, поехавшие с нами. Огромное им спасибо. Так что теперь, если со стороны «посёлка» подниматься в гору по бывшей дороге, крест сразу виден. Почему я не поставил крест посреди кладбища? Дело в том, что в голодные годы (1941-1943), особенно в зимнее время, хоронили неглубоко, потому что выкопать глубокую могилу не хватало сил - и теперь я боялся наткнуться на кости. Крест был высотой 3,5 метра, и мы выкопали яму глубиной 1 м. На кресте установлена пластина из нержавеющей стали, на которой написано:

**«В память безвинно погибшим
Нурме Николай
1894-1941-1954»**

От всей поездки сохранились самые хорошие воспоминания.

Я записал поимённо всех людей и названия всех посёлков для того, чтобы вирумаасцы, бывшие жители того края, смогли получить какую-нибудь информацию. Надеюсь, что вирумаасцы, чьи близкие или родственники похоронены на кладбище посёлка Весёлый, не обидятся на меня за то, что я по собственной инициативе установил на нём крест в память погибших.

Журнал «Радуга», февраль 1992 года, город Таллин

Посвящаю сыновьям и внукам.

Всё, о чём здесь будет написано, зафиксировалось в моей детской и юношеской памяти, всё это видели мои глаза и слышали мои уши. Теперь, по прошествии 50 лет, эти события находят подтверждение в воспоминаниях друзей «по каторге». Написанное мною в большей степени относится к документальному жанру, нежели к художественному. Я не ставил цели раскрывать характеры действующих лиц и оставляю за собой право - кого-то называть по имени, а кого-то обозначать только инициалами.

Ильмар НУРМЕ.

14 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Было тёплое субботнее утро. Мы жили тогда в городе Кунда. Мы – это отец, учитель местной семилетней школы, мама - домохозяйка и я, только что закончивший четыре класса. Был у нас свой одноэтажный дом: три комнаты, кухня, а на чердаке ещё комната и кухня для тёти, которая жила отдельно от нас.

В доме были и квартиранты. Когда летом 40-го в Кунда вошли советские войска, к нам вселили офицера с женой и пятилетним сыном. Как сейчас помню: Гавриловы - Пётр, Татьяна и Вова.

Так мы и жили. Общались с Гавриловыми, бывали друг у друга в гостях.

14-го утром, завтракая, мы увидели в окно, что к нам во двор заходят Гаврилов, солдат с винтовкой, какие-то люди в штатском.

После завтрака мама послала меня за отцом. Я открыл дверь в комнату и увидел, что отец сидит в углу в кресле, а Гаврилов – за его письменным столом и что-то пишет. В комнате было всё разбросано, ящики стола и шкафов вывернуты... На меня никто не обратил внимания, и я убежал к матери. Не помню её реакции на услышанное, помню только, что тут же и маму позвали в комнату.

Пошёл и я. Там Гаврилов объявил, что нас решено переселить в другую область, на сборы даётся два часа и на человека можно взять не более ста килограммов вещей.

Все ушли. В доме стало как-то тихо и пусто. Родители взялись упаковывать вещи: сняли с чердака большие плетёные корзины, куда уложили зимние вещи, постельное и нательное бельё. Боялись, чтобы общий вес не превысил норму. Я сходил в булочную за хлебом.

Через два часа, как и было сказано, во двор приехал грузовик с двумя солдатами. Началась погрузка. Потом сели в кузов на вещи и поехали. Дом остался с раскрытыми дверьми и воротами. На дверь каморки был небрежно брошен сине-чёрно-белый флаг, найденный во время обыска. Флаг подарили отцу ещё в 1933 году учителя, и через много лет, в Сибири, комендант напомнит мне об этом флаге...

В ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ

Приехали в Раквере уже в сумерках. За вокзалом стоял длинный эшелон из товарных вагонов, окна которых были закованы снаружи двумя полосками железа. Шла погрузка людей. Объявили, что мужчины грузятся отдельно от женщин с детьми. Долго раздумывать не пришлось, и мы решили отдать отцу груз потяжелее - корзину с зимними вещами, а бельё досталось нам.

Эшелон со стороны путей охранялся, никого не подпускали и не разрешали разговаривать.

Дни стояли жаркие. На второй день всех начала мучить жажда. К счастью, у одной крестьянки оказался с собой бидон молока.

По обоим концам вагона были двухъярусные нары, на которых и разместилось что-то около тридцати пяти человек. Моя мать одна владела русским языком, и её назначили старостой вагона. Все переговоры между охраной и «пассажирами» шли через неё.

На третий день жажда доконала всех основательно. Поднялся шум, на что охрана среагировала закрытием дверей. Позже, правда, соизволили приоткрыть дверь и поинтересоваться, в чём дело. В результате разрешено было отрядить по 2-3 человека от вагона за водой.

Спустя трое суток поехали в сторону Тапа. По пути всё грузили и грузили людей. Помнится, на какой-то станции мы узнали о войне. Весть о нападении Гитлера была истолкована по-разному. Предполагали, что Гитлер начал войну, чтобы препятствовать вывозу людей, и не сегодня-завтра нас освободят. Но словно назло всем надеждам наш паровоз набирал скорость...

В Петсери эшелон разделили. Составили поезда отдельно - из вагонов с женщинами и детьми и из вагонов с мужчинами. Это не прошло незамеченным. Что можно было сделать? Ничего. И каждый эшелон помчался своей дорогой.

Мелькали города: Ярославль, Киров, Молотов (Пермь). Стало понятно - впереди Сибирь.

Дни тянулись однообразно, день ехали, ночь стояли где-нибудь в тупике, пропуская на запад воинские эшелоны. Так проехали Свердловск, Тюмень, Омск и в одно прекрасное утро - 1 июля - проснулись в Новосибирске. Эшелон подали к Оби, где у причала стояла огромнейшая баржа. Всех нас погрузили в трюм, и мы поплыли...

Худо ли, бедно ли, но в поезде нас чем-то кормили. Чаще всего гороховым супом и пшённой кашей с постным маслом. Кто-то ел, кто-то только притрагивался, остатки всегда выливали, когда съедался и хлеб. Кто бы мог подумать, что уже спустя два года эти супы, каши и хлеб, от которых .с брезгливостью отворачивались, покажутся поистине райской пищей!

...У одного большого села сделали остановку, и всем взрослым предписали идти на собрание. Моя мать вернулась заплаканная. Оказывается, на собрании объявили о цели нашей высылки: под

воспитание сроком на 20 лет. Село называлось Новый Васюган и представляло из себя районный центр.

Причалили мы к берегу посёлка Майск. Местный комендант зачитал списки распределения по посёлкам и колхозам.

Нашей семье предстояло добираться в колхоз «Вперёд», самый бедный колхоз того края. За нами пришли подводы. Нашим извозчиком оказался Ломакин Владимир Иванович, человек, с которым в дальнейшем нас связывала, можно сказать, крепкая дружба.

Так закончилась наша дальняя дорога, длившаяся целый месяц. На моей памяти это было 16 июля 1941 года.

Мы попали на квартиру в большую семью. Каждое утро приходил бригадир и всех поимённо сзывал на работу. Первой работой для нас была прополка. За каждый отработанный день выдавали хлеб: сначала по 500 граммов работающим и по 300 иждивенцам, затем норма сократилась до 300 и 150 граммов. В обед на работе варили в общем котле суп или кашу. Завтрак и ужин у каждого должен был быть свой. Так начался натуральной обмен вещей на картошку, молоко, капусту. О мясе, а тем более о масле, не было и разговора...

Так, помню, одна простыня «стоила» четыре ведра картошки, пальто - 12-15 вёдер.

Жизнь текла по заведённому распорядку. О далёкой и страшной войне знали только по газетам, которые осенью доходили редко, по зимней дороге чаще. Летом сообщение велось только по реке катерами на буксире с паузком. Они завозили товары и увозили госзаготовки - зерно, пушнину, пихтовое масло, ягоды, грибы.

... Вскоре одной из забот матери стало одеть меня к зиме, ведь тёплые вещи остались у отца, о судьбе которого мы ничего не знали. Мать сшила мне из простыней унты на вате с длинными, выше колена голенищами, на подошвы хозяин дал два куска лосиной шкуры с шерстью.

Наступила первая сибирская зима. Она сразу же показала настроение и отношение людей к постигшей их участи.

Много было молодых женщин с детьми, не знающих русского языка, не работавших до этого физически вообще (это жёны купцов, адвокатов, учителей). Зиму-то они прожили кое-как, но с наступлением лета подошли к барьеру, который для многих стал последним и роковым.

Хлеб, полученный за трудодни, заканчивался, вкус картошки был давно забыт. Колхоз перешёл на авансирование. Это значит, что выдавали муку на следующую пяти- или десятидневку. За 10 трудодней - 200-500 г муки. Количество зависело от времени года, и в посевную, покос или уборочную было больше.

С весной начался голод. Живших на квартирах стали выселять, так как платить стало нечем. Поэтому люди начали заселять стоявшую за околицей зерносушилку, которая фактически представляла собою огромную печь... После таяния снега почти первой росла «медунка». Она была съедобной. Потом появилась лебеда.

Люди стали совершенно безразличными к своей судьбе, на работу не ходили, а, следовательно, и лишились права выкупа хлеба. Летом 42-го в хлебе отказали всем окончательно.

К середине лета зерносушилка уже не вмещала всех желающих. Тогда освободили колхозную контору, куда и расселили людей. Перешли туда и мы с матерью.

В конторе начался повальный мор. Смерть и похороны - ежедневно. Признаком остановки сердца было выплзание вшей из одежды на лицо, шею, руки. Страшная картина...

Кризисное состояние было и у моей матери. К лету она ужасно почернела и похудела, на неё страшно было смотреть, но на работу мама всё-таки ходила. Нас, детей, тоже посылали на работу - пропалывать поля, таскать траву к силосной яме, косить.

Ближе к осени, кажется, в августе, колхоз надумал выводить своих кур в поле за 3 километра от посёлка. Птичница и другие

колхозницы наотрез отказались жить на культстане (избушка для ночёвки). Поэтому работу предложили матери. Она согласилась, и мы переехали. Тем самым был обеспечен каждодневный заработок, крыша над головой, да, чего греха таить, - одно-другое яйцо в день перепадало нам.

В начале сентября я как-то довольно долго не был в посёлке и, идя очередной раз на склад, заметил на улицах повозки, услышал плач, гармошку. Тут же узнал, что в Майск пришёл катер, и объявлена сплошная мобилизация мужчин на войну.

Вскоре посёлок опустел, остались пара стариков да парни 1924 года рождения...

... С наступлением зимы встал вопрос о квартире. Свой выбор мама остановила на одной женщине по имени Лукерья, жившей с трёхлетней дочерью Леной. В предыдущую зиму у неё квартировала эстонская, семья, пойманная на воровстве, и поэтому Лукерья зареклась пускать к себе в дом эстонцев. Но, к удивлению, нас пустила, попросив заботиться о дочери и дровах. Эта девчушка Лена окрестила меня новым именем, которое я и носил до последнего дня своей сибирской жизни. Я стал Ильёй, а впоследствии Ильёй Николаевичем.

У Лукерьи был свёкор, дед Ануфрий (дедом его прозвали из-за большой бороды). Работал он в колхозной бондарне, делал бочки для пихтового масла, кадки, сани. Я с этим дедом очень подружился и решил сделать себе санки, чтобы возить из леса дрова. Первые санки получились очень громоздкие и неуклюжие, вторые - уже ничего, и я с удовольствием возил на них дрова. Надо сказать, что этим занимались все мальчишки моего возраста.

Зимой 1943-1944 года мне пришлось пережить невероятные унижения, которых не забыть до конца дней: я ходил из дома в дом и просил милостыню. Настали такие дни, когда я взял суму и пошёл... На Рождество поздравлял с праздником, на Новый год – с Новым годом, даже помню дословно: «Сею, сею, посеваю,

с Новым годом поздравляю, здравствуйте, хозяин с хозяйской,
с Новым годом, с новым счастьем! Подайте милостыню, Христа
ради.»

Проговорю эту фразу скороговоркой, с опущенной головой, и
стою молча, жду, когда подадут. Кто давал, что было - картошку,
пирожок, морковку, другие сначала упрекнут, а потом подадут.
Всякое бывало. Одно уяснил я себе: более снисходительны были
бедные люди.

Нечего скрывать, все мы, жители колхоза, понемногу «тянули»
для себя, особенно осенью, с поля. Причём все следили друг
за другом, и каждый был готов донести на товарища. Что делать?
Голод - не тётка. Но воровать с колхозного поля не столь грешно:
могут осудить, постыдить, ну, ударить. Но не дай Бог воровать и
попасться на частном огороде - могут прибить. Ходил по колхоз-
ную картошку и я, но никогда пальцем не тронул личного огоро-
да.

Однажды выдернул я четыре корня турнепса на колхозном
поле, думая, что никто не видит. Но за мной, оказывается, уже
наблюдали. Только я сошёл на дорогу, как был схвачен за руку.
Повели меня в посёлок, где сразу встретили председателя, брига-
дира и ещё кого-то. Председатель Савельев заорал, но не ударил.
В общем, меня отпустили. А сами вчетвером принялись есть тур-
непс. На улице осталась куча кожуры. Очень мне было обидно!

1944 и 1945 годы

Этим летом кур мы с матерью больше не разводили, а ходили
на работу. Я сторожил круглосуточно зерно (небольшой амбарчик
стоял в пяти километрах от посёлка). Топить приходилось днём
и ночью. Но если бы кто-нибудь захотел украсть зерно, запросто
мог бы с улицы подпереть палкой мою дверь. К счастью, всё обо-
шлось без приключений...

...В 44-м получили мы письмо от отца из лагеря, расположенного в Свердловской области. Тогда, в военное время, подробности о своём житье-бытье нельзя было писать: цензура не пропускала. Помню, отец написал, что нас приветствует и его брат Няльг (по-эстонски голод). В том же году пришло известие и от тёти из Эстонии. От неё получали мы деньги и посылки, что безусловно, очень нам помогало.

Худо-бедно, но до весны 45-го мы дожили. Хорошо помню день, довольно пасмурный. Время было обеденное. К нам вбежала колхозный счетовод и закричала «Ребята, война кончилась! Бросайте работать, сегодня праздник!» Мы побросали топоры и выбежали на улицу. Кто-то радовался, кто-то безутешно плакал.

С окончанием войны появилась надежда на возвращение домой. Но амнистия последовала лишь для уголовного элемента, а мы оставались для государства столь же опасными, как и до войны.

Благодаря тёткиной помощи, мы с мамой закончили «кочевую жизнь» и купили за 200 рублей избу в три стены, печь и обилие клопов и тараканов. Так закончился 1945 год.

В конце августа 1948 года стали до нас доходить слухи, что тем, кого выслали детьми, теперь выдадут паспорта и разрешат вернуться в Эстонию. В Васюгане, где я к тому времени оказался, твёрдо узнал, что ехать домой можно. Я подал документы в милицию на получение паспорта, написал обо всём матери в Весёлый, тётке в Эстонию – с просьбой помочь деньгами. Пока ожидал ответа, взялся ремонтировать квартиру начальнику отдела кадров леспромхоза. Вскоре я получил временный (на три месяца) паспорт, деньги от тётки и решил поехать к матери.

Был уже сентябрь, когда я добрался до Весёлого. Нужно было убрать всё с огорода и тогда уже отправляться домой. Но тут произошли события, которые расстроили все мои планы.

Однажды пришёл мне вызов – явиться в комендатуру в Майск, где комендант Фёдоров известил меня, что постановление о снятии высланных детей с учёта спецпереселения отменено, и всех снова берут на учёт. В следующем, 1949 году, почти всех освобождённых детей этапом в арестантских вагонах привезли обратно, в места первоначальной ссылки.

Остался я с паспортом в колхозе. Комендант паспорт не отобрал, оставил на память, но только я сам его не сохранил.

Зимой я снова работал на лесозаготовках...

Зима стояла очень морозная. Как-то мороз был сильный, и мы попросили разрешения не выходить на работу. Но мастер всё равно выгнал нас на улицу, пинком под зад. Попробовали валить лес, кое-как спилили одну сосну, потому что пила ходила по стволу, как по камню. Простояли мы у костров до обеда и решили ехать в бараки. На следующий день объявили нам приказ директора: за самовольный уход с работы лишит всех прогрессивно-премиальной зарплаты, несмотря на то, сколько у кого выработано. Хотя, как мы узнали, в тот день градусник показывал минус 56...

... В начале июня 1951 года мне сообщили из комендатуры, что мой отец освобождается из мест заключения и теперь он инвалид 2-й группы. Но лишь осенью отец был с нами, и после отдыха дома стал работать сторожем колхозных амбаров.

Надо сказать, что жизнь вообще начала понемногу улучшаться. В магазине появились кое-какие товары, сахар. Люди стали строить отдельные новые избы.

В день смерти Сталина в клубе был созван траурный митинг. Большинство угрюмо молчали, каждый думал о своём.

Опять пришла подписка на заем, как обычно по 300-400 рублей на работающего.

В разгар уборочных работ прошёл слух, что будут отменены налоги и продовольственные поставки. Все мечтали о переменах,

об облегчении жизни, но дождались, увы, немногого. Хотя действительно жить стали лучше. Мы и мясом были обеспечены, и молоком, и зерном.

... В 1956 году написал прошение на имя председателя Президиума ВС СССР Ворошилова, указав, что отец уже отбыл свой срок и умер, так за что же я должен отбывать свой неизвестный срок?! Ответ пришёл из Таллинна: «Вы находитесь в ссылке за преступную деятельность отца». Оставалось только ждать...

К тому времени мне было разрешено передвижение в пределах области. В Тогуре я заканчивал вечернюю школу рабочей молодёжи, мы с женой жили в небольшой квартирке, сын ходил в детсад.

Летом 1957 года я, наконец, получил разрешение съездить в Эстонию к родственникам в Тарту, без права посещения Таллинна.

И вот через 16 лет я очутился в Кунда. Пробыл там неделю, а в конце сентября стал собираться обратно.

В марте 58 года меня сняли с учёта спецпереселения. Моим последним днём работы было 16 июня. Так закончились 17 лет, прожитые в нарымском крае...

От редакции:

Мы намеренно публикуем этот человеческий документ без всяких комментариев и обобщений. Рукопись Ильмара Нурме насчитывает более ста двадцати страниц машинописного текста, не считая копий различных справок, почётных грамот и пр. Мы выбрали всего полтора десятка из них. Но и в этих бесстрастных по изложению, суховатых строчках - отражение ТОГО времени, СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА.

Газета «Советская эстония» №138 от 14 июня 1991 года.

Андрей Узун-Хасан-Оглы.
Родился в семье спецпереселенцев в посёлке Весёлый Васюганского района. Частный предприниматель. Сибиряк по духу (на фото с супругой Светланой).

(Эстония г. Нарва)

Воспоминания

...Мои родители волею судьбы, а вернее того сложного для России времени оказались в Сибири. Отец мой, Ниязи Узун-Хасан-Оглы, попал в ссылку после войны, когда кавказские народы просто по разнарядке эшелонами этапировались в Сибирь и Казахстан.

Моя мама, Тамара Семёновна Полякова, и моя бабушка, Елизавета Яковлевна Полякова, были высланы в Сибирь 14 июня 1941 года из Эстонии, города Нарва, как члены семьи «врага народа».

Репрессии в Эстонии начались практически сразу после присоединения её к Советскому Союзу в 1940 году. В Эстонии в то время было много бывших военных царской армии, которые воевали на фронтах Первой мировой, а после октябрьского переворота не приняли новой власти, не изменили данной присяги.

Мой дед, Семён Павлович Поляков, воевал и в Первую мировую, а затем в Белой армии генерала Юденича. После войны был в Нарве издателем газеты «Русский голос», за что в 1941 году и был арестован. Дед был отправлен в Севураллаг и приговорён по ст. 58 п.2 к расстрелу, а маму и бабушку отправили в Сибирь.

Мои родители не любили вспоминать о том времени и о том, за что и как они оказались в Сибири. Но о жизни в Сибири и о людях мама и папа всегда помнили и рассказывали в самых превосходных словах.

Причину ссылки я смог узнать уже после смерти мамы. После того, как часть архивов рассекретили, мне удалось побывать в архиве в г. Таллине и получить на руки дела деда и мамы с бабушкой. В архиве я был вместе с моей дочерью, читая материалы дел, она просто была шокирована и не могла поверить, что было такое время и сколько жизней было погублено и переломано руками большевиков. Скорее всего, именно поэтому мама и не хотела нам с братом рассказывать о причинах ссылки, чтобы у нас не сложилось негативное отношение, ведь жить не веря - невозможно.

Сразу же после ареста ночью 14 июня 1941 года женщин товарным эшеленом отправили в Сибирь, и о судьбе своего отца мама так ничего и не знала до своих последних дней. Она была определена на спецпоселение в пос. Майск. В первую же зиму бабушка заболела и умерла. Мама работала на лесоповале и на пихтовом заводе, делали для нужд фронта пихтовое масло.

После войны пошли новые эшелоны из Закавказских республик, так попал в Сибирь мой отец. Отец был человеком неграмотным, но одарённым от природы, хорошо воспитанным и трудолюбивым. Родителей своих он не помнил и с малых лет воспитывался у бабушки. Жили в горах в лазском селении недалеко от турецкой границы. Отец знал очень много сказок и, бывало, рассказывал их нам с братом. Поначалу я думал, что он сам их сочинял, но позже мне как-то довелось прочитать сборник восточных сказок, и я был изумлён, что практически многие из них мне уже рассказывал отец, но в своей своеобразной интерпретации. У меня даже было какое-то сомнение, уж не шутит ли отец, что не знает грамоты, но выяснилось, что сказки ему рассказывала бабушка, большая умница.

Когда пришла разнарядка на высылку, то включилась старая, наработанная веками схема: в жертву приносился младший в семье и те, кто был не в состоянии откупиться. По этой же схеме набирались рекруты в царскую армию, что в итоге и погубило империю.

Вот почему отец не хотел возвращаться на родину после освобождения. Только в начале восьмидесятых отец впервые съездил к родственникам в Батуми и Сухуми, а затем и мы вместе несколько раз бывали в Грузии.

По приезде в Эстонию родителям пришлось долго доказывать своё право жить и работать здесь, но мир не без добрых людей, и всё постепенно уладилось. Часто разговаривали и вспоминали о Сибири, о людях, с которыми пришлось вместе пережить столько трудных лет, но были и дни светлые, которые и остались в памяти навсегда. Родители долго и много работали и после выхода на пенсию. В 1995 году мама ушла, а в тот же день через год ушёл и отец.

В 1956 году родился я, в 1958 году - брат, и пришла реабилитация на родителей. Мама не хотела возвращаться на родину в Эстонию, он не хотел ехать в Грузию. Но люди из посёлка начали уезжать, и в 1960 году родители решили уехать в Эстонию.

Так закончилась моя Сибириада, не успев начаться. В силу того, что мне тогда было всего 4 года, я очень мало помню из своего сибирского детства. Мама рассказывала, что у меня был друг Василий, и когда я пошёл в школу и научился грамоте, то первое своё письмо я отправил ему...

Андрей Узун-Хасан-Оглы с родителями, п. Весёлый

Указ

Президиума Верховного Совета СССР

«О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

28 августа 1941г.

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населённых немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, - следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землёй районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Оборона предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землёй и угодьями в новых районах».

Председатель Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Елена Носоленко. Выпускница школы №1, студентка Политехнического университета.

(г. Томск)

Публикация данного материала - это результат поисковой работы Е. Носоленко, которую она начала, обучаясь в Каргасокской школе №1. Целью поиска было желание найти первого золотого медалиста школы, Аврелия Васильевича Деттерера. Через немецкий Красный Крест был найден адрес Аврелия Васильевича в Германии. Началась переписка. Читателю предлагаем фрагмент из этой переписки.

...Каргасокская средняя школа оставила у меня хорошие воспоминания. У нас были замечательные учителя, хороший школьный коллектив. Чтобы ответить на ваш вопрос, как я попал в Каргасок, мне придётся начать издалека.

*Аврелий Васильевич
Детеррер*

Родился 27 апреля 1929 г. на Волге в с. Диттель Автономной Республики немцев Поволжья (была такая республика с 1924 по 1941 гг!). Сейчас это с. Алешники Жирновского района Волгоградской области. Мой отец, Деттерер Василий Иванович (10.03.1906 - 9.10.1956), был предпоследним, одиннадцатым ребёнком в многодетной семье. В юности работал каменщиком на стройке, учился сапожному делу, заведовал избой-читальней (сельской библиотекой).

Моя мама, Ольга Георгиевна (1.12.1897 - 30.05.1971), работала воспитательницей в детском доме, библиотекарем в сельской библиотеке. Она часто брала меня с собой на работу (не с кем было оставить). Рассказывала, что, посадив меня на пол, раскладывала вокруг пачки газет, чтобы не уполз далеко, а я с удовольствием «читал» их, разрывая на мелкие кусочки.

Вскоре после моего рождения отец был призван служить в армии на Дальнем Востоке в связи с военным конфликтом на КВЖД (Китайской восточной железной дороге). Он остался на сверхсрочной службе, перевёз меня с матерью в свой гарнизон.

Отец служил в 77-м Новгородском полку, которым командовал в то время майор Николай Эрастович Берзарин. В 1945 г.,

будучи генералом, он стал первым комендантом Берлина. Я это запомнил потому, что моя мама имела почётную грамоту, подписанную Берзариным.

Она работала воспитательницей детского сада. В 1935 г. Состоялся длительный конный пробег женщин, жён командиров, с Дальнего Востока в Москву. Их малолетние дети находились на круглосуточном попечении в детском саду. После возвращения можно представить их радость увидеть детей живыми и здоровыми. Все работники детсада, в том числе и моя мама, были отмечены грамотами и премиями.

Мне особенно запомнился г. Спасск, где мы жили в военном городке. Он был отделён оградой с колючей проволокой и глубоким рвом, наполненным водой. Вход в наш городок осуществлялся через КПП (контрольно-пропускной пункт) по пропускам.

В первый класс пошёл, как и все дети в то время, с 8 лет. В школу ходил вместе с другими детьми не только с ранцем, но и с противогазом. Тогда на Дальнем Востоке было очень напряжённо в связи с военными провокациями японцев. На границе погибали пограничники, их хоронили в Спасске.

Часто объявляли воздушную тревогу. Если мы были в школе, то вместе с учительницей шли с противогазами в бомбоубежище. Уроки, конечно, не проводились. Если сигнал тревоги заставал нас в дороге, мы были обязаны с противогазами идти в ближайшее бомбоубежище и ждать там отбоя. Спасск запомнился мне ещё и тем, что мы, мальчишки 6-8 лет, играли в войну на настоящем военном самолёте-истребителе, стоявшем на площади нашего военного городка. Нам разрешали в нём играть потому, что он был не пригоден для полётов, его потом увезли на металлолом. Но для нас он был не игрушкой, а настоящим самолётом. В 1938 г. известный лётчик-испытатель Владимир Коккинаки, совершил беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток. Он вы-

ступал в Спасске перед военными. Отец взял меня с собой на встречу с ним. Было удивительно, что лётчик привёз свежие номера газеты «Правда» из Москвы. Обычно московские газеты поступали через две недели по железной дороге. За этот полёт Коккинаки был отмечен званием Героя Советского Союза. Позднее (в 1957 г.) его наградили повторно.

В 1938 году закончил первый класс с похвальной грамотой. Отца уволили из армии по состоянию здоровья (во время полевых учений получил серьёзную травму). Мы переехали в г. Саратов к родственникам. Учился в 41-й средней школе со 2-го по 4-й класс. У нас был замечательный учитель - Пётр Яковлевич Лебедев, ветеран 1-й мировой войны. Имел ранение в ногу, прихрамывал, ходил с тросточкой. Нас он вовлекал в разные кружки.

Рядом с нашим домом была библиотека, в которой я был постоянным читателем и помощником. Мне разрешали рыться в книгах на полках, брать книги домой из читального зала. Здесь я освоился с энциклопедиями, читал много художественных и научно-популярных книг и журналов. Позднее понял: запаса прочитанного хватило до 8-го класса. В школе нас готовили к возможным военным событиям через кружки БГТО (Будь готов к труду и обороне), БГСО (Будь готов к санитарной обороне), ПВХО (Противовоздушная и химическая оборона) и др. В 3-ем - 4-ом классах я увлекался рисованием и фотоделом. Мой соклассник Дима прекрасно делал зарисовки с натуры, изображал и нас в классе, ходил в изостудию дворца пионеров. Взяв однажды с собой меня и ещё двоих ребят из нашего класса, он познакомил со своим руководителем. Тот внимательно просмотрел принесённые нами рисунки и предложил срисовать с натуры вздыбленного коня, слепленного из глины кем-то из студийцев. Дима быстро набросал эскиз, а мы, с трудом изобразив что-то похожее, поняли, что нет у нас такого таланта. Старшие ребята трудились над огромной, во всю стену, картиной, изображавшей военную

баталию. А Дима, накрыв «коня» мокрой тряпкой, увлечённо делал новый набросок «коня с попоной». Больше я туда не ходил. Более успешно проходили в школе занятия в фотокружке с нашим учителем Петром Яковлевичем. Мы учились фотографировать с помощью фотоаппарата «Фотокор». Камеру ставили на треногу и делали наводку на матовое стекло. Добившись резкого изображения, снимали на фотопластинку 9х12 см. Учитель познакомил нас с процессом обработки: проявлением, закреплением и фотопечатью в школьной фотолаборатории. 28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении немцев Поволжья, голословно объявленных пособниками немецко-фашистских войск, шпионами и диверсантами. Всех немцев республики и г. Саратова, в том числе нашу семью, в срочном порядке депортировали в Сибирь.

Тогда мы ещё не знали, что нас коснулись сталинские репрессии, что мы уже поставлены на комендантурский учёт.

В пути мы были почти месяц, медленно двигаясь через Казахстан к Новосибирску. Нас высадили на ст. Ояш и повезли в с. Новобибеево. Работать надо было в колхозе, убирать урожай зерновых и картофеля. В октябре я пошёл учиться в 5-й класс. Отца вскоре забрали в трудармию, отправив на строительство железной дороги Сталинск - Абакан. Оттуда он писал, в каких невероятно суровых условиях находились он и другие трудармейцы, строители дороги.

Остались мы вдвоём с мамой, которая по болезни не могла выполнять тяжёлую физическую работу. Чтобы прожить, мама стала шить для людей одежду на нашей зингеровской швейной машине, которую нам удалось взять с собой. За работу люди приносили ей молоко и другие продукты. В школе мы сначала участвовали в копке картофеля на колхозных полях. Потом ходили в лес, пилили берёзу, заготавливая лыжные болванки. Из них затем в колхозной столярной мастерской изготавливали лыжи.

Зимой по вечерам при свете «коптилок» (электричества в селе не было) школьники обязаны были в бондарной мастерской гнуть из прутьев кольца для лыжных палок.

Были у нас занятия по военному делу: строевая подготовка, метание гранаты, зимой ходьба на лыжах и т.д. Лыж у меня не было, но вскоре их удалось сделать самому. Квартирная хозяйка разрешила брать столярные инструменты её мужа и на его верстаке строгать и пилить. Пригодились знания и навыки, полученные в колхозной мастерской. Вскоре на своих лыжах мог заниматься в школе и с удовольствием кататься после уроков. Когда начались летние каникулы, пошёл работать в бондарную мастерскую, где научился делать бочки и кадочки с деревянными и металлическими обручами.

В июне 1942 г. вернулся из трудармии отец, больной, худой, поседевший в свои 36 лет. Его отпустили как безнадежно больного. Однако уже в конце июня нас снова подняли, свезли в с. Камень на Оби, погрузили на баржу и отправили на Север. Нас выгрузили в с. Усть-Тым Каргасокского района. Это было тогда небольшое рыбацкое село при впадении р. Тым в Обь. Отправили на рыбалку. Мы с отцом оказались в бригаде из 6 человек у опытного промысловика Сорокина, который взял нас к себе на квартиру. Нам удавалось постоянно выполнять норму, зарабатывать хлебный паёк и дополнительно получать муку и сахар по талонам (их называли рулонами). Отцу стало несколько лучше, но нелёгкий рыбацкий труд заставил вспомнить старую профессию сапожника. Его перевели на рыбозавод в с. Тымское на излучине старицы (старого русла) Оби, в 20 км от Усть-Тыма, где была школа-семилетка, и я смог учиться дальше. Директором Тымской школы-семилетки в то время был замечательный педагог, последователь А. С. Макаренко, Павел Африканович Пляскин. Перед началом учебного года он направил учителей для переписи детей школьного возраста. К нам пришла учитель-

ница математики Александра Афанасьевна Короткова. Она застала меня за изготовлением диапроектора. Из сохранившегося с саратовских времён (1915-1982) жестяного фильмоскопа и изготовленных мной деталей строил прибор, с помощью которого надеялся проецировать изображение на экран. Она рассказала директору об этом, а также о том, что моя мама прекрасно говорит и по-немецки и по-русски. Директор пригласил меня с мамой в школу для беседы. Так мы познакомились с Павлом Африкановичем. (Не удивляйтесь, что я так подробно рассказываю о нём. Он и его жена Лидия Андреевна работали потом в Каргасокской средней школе. Они и другие учителя, о которых расскажу далее, повлияли на моё формирование.)

Он рассказал, что нуждается в помощи моей мамы для работы с немецкими семьями. В Тымске был целый посёлок землянок, в которых они жили. Прибыв из сельской местности бывшей немреспублики, многие родители не знали русского языка, не решались по этой причине отправлять своих детей в школу, а ещё потому, что не было одежды и обуви. Директор попросил посетить эти семьи, разъяснить, что детей надо обязательно учить. В школе учителя помогут освоить русский язык, а нуждающимся из фонда всеобуча выделяют необходимую одежду. Мама согласилась, побывала в тех семьях, где были дети школьного возраста, сумела убедить родителей отправить детей учиться, а школа действительно помогла нуждающимся одеждой и обувью. Маму избрали в родительский комитет школы, и она продолжала опекать немецкие семьи.

Мне директор предложил участвовать в изготовлении диапроектора для школы с использованием солнца, как источника света, так как в селе не было электричества. Идея понравилась. С моими школьными товарищами она была осуществлена. Но осенью солнышко появлялось редко и не в то время, когда это было нужно для занятий.

В Новобибеевской семилетке тоже не было электричества, но там имелась карбидная лампа - прекрасный источник света, который позволял использовать школьный диапроектор. Я рассказал об этом Павлу Африкановичу, он внимательно выслушал, расспросил и зимой, съездив в райцентр Каргасок, привёз карбидную горелку. Проблема была решена. Другой интересный пример. В школе не было чернил и бумаги. Писали на газетах между строк. Павел Африканович на занятии физического кружка предложил изобрести чернила самим. Испробовали сажу, отвар дубильной коры, отвар луковой шелухи, но, к сожалению, они были малоэффективны. Какое-то время школа проводила испытания этих средств, мы гордились, что нашими чернилами можно писать. Из Каргаска привезли какие-то рыжие по цвету чернила, однако они держались лучше наших, и вскоре школа перешла на них.

Павел Африканович вёл заседания учкома (ученического комитета), в котором состоял и я. Он приглашал на заседания нерадивых школьников, но предоставлял нам, школьникам, возможность самим воздействовать, учил задавать вопросы и вести беседу, поощрял активность. Это пригодилось мне и позднее.

Зимой 1942/43 уч.г. для укрепления дисциплины и самоуправления в школе была проведена военная игра. Подготовительный этап включал в себя целый ряд элементов.

Началось с гардероба. Обычно после окончания занятий школьники бросались одеваться, с громкими криками сбрасывая одежду на пол, наступая на неё. На линейке директор сказал, что надо менять порядок, следует более бережно относиться к своей одежде. Военные одеваются быстро, без шума. Этому надо учиться. Показал, как следует сворачивать и вешать верхнюю одежду (в большинстве телогрейки). Потом договорились о выходе из класса и прохождению гардероба. Результаты вскоре были налицо. До начала занятий на гардеробе дежурила пожилая женщина-нянечка. Она по-матерински приветливо встречала

детей, помогала пришивать оторвавшиеся пуговицы, почистить обувь и др. После окончания уроков одевались быстро, организовано и без толкучки. Следующий элемент относился к выработке ответственности за свои поступки, соблюдению субординации, улучшению качества учёбы, повышению роли учкома через другую форму - Совет командиров. Новый год + 1943, + мы встречали дружным коллективом. Меня тогда премировали 12-листовой тетрадкой. Это сейчас она стоит копейки, а тогда имела огромную ценность. Я долго берёг этот подарок. Только в 9-м классе записал в неё два своих лучших сочинения. Заключительный этап научил нас также многому. Младшие школьники оставались в селе для обороны «крепости» и знамени. Старшие на лыжах пошли в обход села. Для этого надо было перейти по льду на противоположный пологий берег и незаметно подобраться к «крепости», которая была оборудована на крутом берегу старицы Оби.. Наступившая темнота и облегчала, и усложняла задачу. Но разработанные планы были осуществлены.

Разбор «полётов» был тоже поучительным. Упор делался на ход действий, на проявленную смекалку, на выносливость и стойкость, на соблюдение дисциплины. Так были достигнуты прекрасные воспитательные цели. Перед ледоходом Павел Африканович откликнулся на просьбу местного колхоза спасти сено на лугах. Ожидался высокий паводок, была опасность затопления лугов и оставшихся там стогов сена. Фермы могли остаться без кормов. Старшие школьники (5-7 кл.), имея опыт военной игры, организовано двинулись в поход. Два дня дружной работы с колхозниками позволили выполнить задание. Школа стала получать от колхоза молоко на школьные завтраки. Для военного времени это было ощутимо.

Школа имела печное отопление. Дрова заготавливали сами. В лесу надо было спилить деревья, разделить на двухметровые кряжи. Школьный сторож на лошадке отвозил их на школьный

двор, здесь школьники распиливали их на чурки и раскальвали. Процедура направления в лес была военизирована. Директор приглашал к себе в кабинет четверых парней и говорил: «Боевое задание - отправляйтесь в лес на заготовку дров. В буфете получите НЗ (неприкосновенный запас)». Это означало, что те, кто отправлялся в лес, получал дополнительный паёк хлеба - 200 г, иногда и сахар-сырец коричневой ползучей массой. Нам нравилось выполнять эти задания, мы были уже привычны к такой работе. Но однажды нас направили в лес в сильный мороз - около -30°C . Школьная уборщица, уже пожилая женщина, узнав, куда мы отправляемся, задержала нас и пошла к директору. Она ему сказала, что в такую погоду даже кадровые лесорубы не выходят на лесоповал - опасно, а здесь подростки. Директор задание отменил.

Жена Павла Африкановича - Лидия Андреевна - применила другие способы воспитания. Она объявила, что есть возможность заработать, взяв заказ у рыбозавода. Рыбакам поступили сети с мелкой ячейкой. Их надо было распустить, а из этой пряжи связать новые сети. Заказ приняли и после занятий стали собираться для его выполнения. Распуская сети, мы пели песни, рассказывали различные истории, декламировали стихи. Наша учительница математики Александра Афанасьевна Короткова удивила всех тем, что воспроизвела наизусть поэму А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Мне тоже хотелось запомнить пушкинские строфы, но удалось это только частично. Лидия Андреевна рассказала о своей жизни и учёбе в Томске. Эти посиделки нас всех очень сблизили. Весной Павел Африканович предложил раскорчевать пришкольный участок, посадить картофель, чтобы осенью иметь его для школьных обедов. Предложение было принято родительским и ученическим комитетами. Привезли корчевальный агрегат, приготовили ломы, лопаты, грабли. Рыбозавод выделил рыбные головы для ухи, которую приготовили ро-

дители. После дружной работы все школьники сели за столы для совместной еды. Настроение было приподнятое, сумели в один день управиться с раскорчёвкой.

Павел Африканович вошёл в мою жизнь, став примером истинного Учителя и Человека. Он много сделал и для меня и для школьников из других немецких семей.

В летние каникулы 1943 года я пошёл учеником в столярную мастерскую рыбозавода. Мне нравилось работать с деревом, пилить и строгать. Однако недели через две меня вызвали к директору рыбозавода. Он сказал, что из Каргаска прибыл мастер по плетению лубочных (из стружки) корзин, необходимых заводу для упаковки копчёной рыбы. Меня рекомендовали к нему в ученики, чтобы в дальнейшем наладить производство у нас на заводе. Отметив важность этого дела, директор просил отнестись к поручению с полной серьёзностью. Мне оставалось лишь согласиться. В течение недели корзиночный мастер научил меня выбирать деревья пригодные для изготовления стружки. Это должны были быть сосны, прямо- и тонкослойные. Следовало отпиливать заготовку в 120 см, а затем широким специальным ножом с рычагом, который тянули 4 человека, а мастер направлял ход ножа, получать стружку шириной до 10 см. Мастер научил меня плести двойные корзины стандартных размеров 30х30х60 см. Убедившись, что я освоил технологию, пришёл со мной к директору и доложил, что он свою работу сделал, а меня рекомендует в качестве бригадира для дальнейшей работы. Директор рыбозавода издал соответствующий приказ, и я в 14 лет стал бригадиром корзиночного цеха. В моей бригаде было 6 человек: взрослые женщины, младшей из которых было 20 лет, старшей (учительнице немецкого языка, которую не допускали к работе в школе по специальности) - около 40. 4 из них вообще не знали русского. Но я их понимал и старался говорить по-немецки. Коряво, но получалось. Они очень старались, освоили плетение корзин, и мы всей

бригадой на неводнике (большой лодке) по воде добирались в сосновый лес и делали нужные заготовки. Весили они около 50 кг, вытаскивать к неводнику было тяжело. Женщины брались парами, а я нёс один. Старшая (учительница) укоризненно качала головой и не раз говорила мне, как это вредно для подростка носить большие тяжести. До меня её слова тогда не доходили. Большой позвоночник сегодня напоминает мне о тех днях.

Мы работали дружно, научились перевыполнять норму. За это нам выдавали дополнительный паёк хлеба.

Однажды, переправляясь гружёнными через Обь домой, попали под штормовой ветер, поднявший высокую волну. Лодку стало захлёстывать. Я, как бригадир, сидел на корме и правил рулевым веслом, женщины гребли из всех сил вёслами. Было трудно, страшно, что утонем, но ангел-хранитель был с нами. Добрались до берега. Потом уже учительница рассказала, какой у меня был бледный вид, а ведь я старался не показывать, как мне было страшно за себя и за других.

К осени уже поблизости не было нужной древесины, и бригаду перевели в п. Белый Яр, за 40 км от Тымского. Там был прекрасный сосновый бор. Мне надо было идти в школу, в 7-й класс. Нашёл себе замену, парня старше меня. Подучил и сдал ему бригаду.

В октябре начались занятия, но директором школы стал бывший парторг рыбозавода Васьков. П.А.Пляскина перевели в райцентр Каргасок инспектором РОНО. Новый директор школы недели через две после начала занятий вызвал меня и сказал, что моя бывшая бригада в Белом Яре не справляется с работой, необходима моя помощь. Я стал отказываться. Тогда он заявил, что туда ошибочно завезли предназначенные нашей школе тетради, их надо переправить в Тымское. Он надеется на меня, а попутно поручает помочь бригаде. В качестве поощрения обещал через рыбозавод оформить мне заготовки на бахилы (мягкие

рыбачские сапоги). Знал, что мой отец сапожник, и сможет их сшить. Сапоги мне были нужны, я согласился. Сходил за 40 км по таёжной тропе в Белый Яр, где меня радостно встретила моя бывшая бригада, помог устранить поломку в строгальном станке.

Оказалось, никаких тетрадей ошибочно в сельпо не завезли, и я вернулся домой. Директор школы обманул меня и с сапогами. Учителем он оказался никудышным. Взялся вести географию, читал нам в классе всё по учебнику. Школьники приспособились, когда кого-либо вызывали отвечать, не выходили к доске, а читали по учебнику со своей парты. Так он ничему и не научил.

В начале 1944 года иждивенцам, т.е. не работающим членам семьи, отказали в хлебном пайке (выдавали всего-то по 200 г. на человека, а тут и этого лишили). Мама в это время не работала, болела, отец находился уже несколько месяцев у рыбаков в Усть-Тыме, обеспечивая их обувью. Он ремонтировал старую и шил новую.

Остались мы с мамой без хлеба. Я отправился к директору школы Васькову за помощью. Тот сказал, что ничем помочь не может, мне следует идти работать в колхоз, чтобы получать паёк. Мама согласилась, и я стал на лошадях возить в колхозе сено. Была зима, февраль, шла третья четверть. Я брал задания в школе по всем предметам, стараясь не отстать. Через некоторое время меня вызвал к себе отец. В выходной день встал на лыжи, 20 км пробежал легко. Отец был рад меня видеть, сказал, что он сверхурочно выполнил некоторым рыбакам заказы и получил от них муку. Работу в колхозе он велел оставить и учиться дальше, чтобы получить семилетнее образование. На первый случай нам с мамой хватит муки вместе с картошкой для пропитания, а дальше видно будет. Обрато я возвращался с драгоценной поклажей с хорошим настроением. Мы с мамой ещё

кое-какие оставшиеся у нас вещи обменяли на картофель, а я стал снова ходить в школу.

Весной, когда началась подготовка к выпускным экзаменам, мне удалось несколько раз подработать в рабкоопе (рабочем кооперативе). По воде пришёл паузок с мукой и сахаром. Меня позвали на разгрузку. Работая в бригаде взрослых мужчин, не отставал от них. В заключение председатель за работу велел нам выдать по килограмму хлеба. На следующий день надо было возить муку с берега на склад. Снова килограмм хлеба. И так несколько дней. В результате экзамены сдал всё на «отлично», получил свидетельство об окончании семи классов с одними отличными оценками. Наступили летние каникулы. Мама работала в рабкоопе, шила телогрейки. Мне председатель рабкоопа предложил пасти телят, пообещав хорошую оплату. Так в это лето я стал пастухом.

В конце августа отца приняли в Каргаске на работу сапожником в артель инвалидов. Комендатура разрешила переезд в райцентр. Мама стала работать в пошивочной мастерской. У меня появилась возможность учиться дальше в средней школе.

Так я оказался в Каргаске и был принят в 8-й класс Каргасокской средней школы.

До начала занятий оставался ещё месяц. Председатель артели предложил мне поработать на кожевенном заводе, пообещав кожи для сапог. На завод поступали свиные и коровьи шкуры. Их отмачивали в щёлоке, извести, затем отделяли шерсть и отмачивали в ручье. Потом шло их дубление, сушка, мялка. Ворочать сырые шкуры было физически трудно, уставал страшно. Этот месяц выдержал с большим трудом. Но кожу на сапоги заработал.

В октябре начались школьные занятия. С 8-го по 10-й класс за одной партой сидел я с Альбертом Пиннекером, ставшим моим другом на всю жизнь.

Его брат Евгений закончил в тот год Каргасокскую среднюю школу с отличием, но комендатура не отпустила учиться дальше.

Дядя Жени, профессор Томского Политехнического института, сумел оформить его на заочное отделение геологоразведочного факультета. Женя работал кочегаром на электростанции и упорно занимался, много читал.

Альберт показывал мне его читательский дневник. Записывался автор, название книги и краткая аннотация прочитанного. Если он читал книгу на немецком, то и запись была по-немецки. Через год комендатура разрешила Жене выехать в Томск для сдачи экзаменов. Он их блестяще сдал, был переведён на дневное отделение, в Каргасок не вернулся. Позднее, после окончания геологоразведочного факультета Томского Политехнического института Евгений Пиннекер стал кандидатом, затем доктором геологических наук. Работал последнее время зам. директора НИИ по научной работе в Иркутском Академгородке. Пиннекеры рано остались без родителей. Их взяла на воспитание тётя, учительница немецкого языка. Но вести занятия по специальности ей не разрешали, хотя учителя немецкого были нужны, и она работала в школе сначала техничкой, потом - секретарём.

В классе были и другие репрессированные, в частности дети богатых евреев из Латвии. Например, два брата - близнеца, Иосиф и Леонид Едейкины. Их отец имел велосипедную фабрику в Риге. Фабрику национализировали, отца выслали на Север - в Соловки, а мать и детей - в Сибирь. Иосиф выделялся феноменальной памятью. Он прекрасно помнил все исторические события, а ход военных операций в Отечественную войну мог назвать с точностью до часа.

Мы с Альбертом отличались склонностью к математике. У Альберта преобладало аналитическое мышление. Поэтому часто, решая трудную задачу, он обращался ко мне: «Есть такая-то теорема?» - «Да». - «Тогда я решил!» - опережал он меня.

В 9-м классе учительница математики Анна Антоновна Черникова поручила нам вести дополнительные занятия с отстаю-

щими, слабыми учениками. Это вызвало зависть И. Едейкина. Он однажды почти сорвал занятие у Альберта. Пришёл и стал задавать ему провокационные вопросы, отвлекая внимание других. Тогда мы стали с Альбертом проводить занятия вместе, дав отпор «Йоське».

Готовясь к письменному экзамену по математике в 9-м классе, мы, казалось, прорешали весь задачник по алгебре Шапошникова и Вальцова. И вдруг Альберт обнаружил задачку на совместные действия арифметической и геометрической прогрессий. Пришёл ко мне, пытались решить вместе, но не вышло. Завтра экзамен, а у нас эта задачка не решена, вроде как мы ещё не готовы. Продолжая поиск, поздно вечером независимо друг от друга нашли решение. Встретились утром перед экзаменом. Он жил дальше и в школу ходил мимо моего дома. Сверились и радостно убедились в правильности найденных решений. Когда учительница открыла на доске текст задания, мы с Альбертом переглянулись: к нашему удивлению задача была аналогична той, которую мы с таким трудом одолели. Конечно, мы выполнили её быстро, но многие наши соклассники не справились. Позднее, уже будучи учителем, мне удалось найти более рациональный способ решения подобных задач и передать его своим ученикам. Завучем в школе была Лидия Андреевна Пляскина (жена Павла Африкановича). Она следила за моими занятиями, руководила чтением, разрешая брать книги из её домашней библиотеки. Она не раз наставляла меня как писать сочинения по литературе. Однажды вызвала к себе в кабинет. В руках у неё была моя тетрадь с очередным сочинением. «Аврелий, - обратилась она ко мне, - как ты можешь так писать!» Сначала я не мог понять, что вызвало у неё возмущение. Оказалось, по привычке экономить бумагу, я писал убористо мелким почерком без соблюдения красной строки и абзацев. «Твоё сочинение трудно читать, - продолжала она. - Ты портишь зрение себе и учите-

лям, проверяющим работу.» Мне стало стыдно, и все замечания принял с благодарностью. С тех пор я стал обращать внимание не только на содержание, но и на оформление написанного.

В мае 1945 года закончилась Отечественная война. Со слезами на глазах слушали радио и радовались Победе. Но перемен в нашей жизни не последовало.

Ещё в 4-м классе отец научил меня переплетать журналы, которые мы получали. Потом мне это пригодилось. У меня всегда были хорошие отношения с библиотекарями. Вот и в Каргаске в районной библиотеке они узнали о моём умении и попросили подновить обветшавший за военные годы книжный фонд. В летние каникулы после 8-го класса меня приняли переплётчиком в районную библиотеку. Переплетая книги, много читал: А.С. Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Л.Н. Толстой («Война и мир», 4 тома; «Анна Каренина», «Воскресение»), А.Н. Толстой («Пётр 1», «Хождение по мукам») и др.

Я учился в 9-м классе, когда Лидия Андреевна организовала в марте 1946 г. посвящённый А.С.Пушкину литературный вечер, костюмированный бал учащихся 8-10 классов. Исполнялись роли литературных героев. Мне досталась роль Мазепы. Мама приготовила соответствующий костюм. Вся композиция была насквозь пронизана музыкой, мы разучивали бальные танцы. Выход торжественно начинался полонезом Огинского. Особенно трудным для меня оказался вальс. Спасибо Лидии Андреевне, она мне уделила внимание, обучая этому танцу. Вечер проходил в районном Доме культуры в присутствии родителей и имел большой успех. С тех пор я мог участвовать в танцах и на школьных вечерах.

Весной 1946 г. тяжело заболела моя мама. Диагноз: рак матки, нужна операция. В райцентре был лишь один хирург, да и то не умевший делать даже «простые» операции (аппендицит, например), которые часто имели летальный исход.

Поэтому мои родители отказались от операции в Каргаске. По направлению врача мама получила разрешение комендантуры на выезд для лечения в Томск. Очень помогли Пляскины. Родители Лидии Андреевны приветливо встретили её в Томске, помогли определиться в нужную клинику мединститута к профессору Пойзнеру. После обследования профессор сказал, что можно обойтись без операции: «Будем лечить консервативными методами». Лечение прошло успешно, через два месяца она возвратилась здоровой. Болезнь снова вернулась через 25 лет ... Тогда уже не удалось её побороть.

В 1946 г., после 9-го класса, меня привлекли к ремонту книг в школьной библиотеке. Ко мне прикрепили трёх девятиклассников, которых я должен был научить «лечить» книги, а затем вместе с ними приводить в порядок библиотеку. Работы было много. Приходилось странички книг подклеивать, а наиболее потрёпанные ещё и сшивать и переплетать. В то лето мне удалось прочитать многие сочинения М. Горького, В. Маяковского и др.

Нашу работу сочетали со спортом. Запомнился спортивный летний районный праздник, на котором соревновались в лёгкой атлетике. Мне удалось занять первые места в прыжках в длину и в высоту, в метании гранаты. В районной газете была информация о празднике, упомянули и о моих достижениях.

Особенно комично получилось с гранатой. Соревнование проходило на площадке районного Дома культуры. Гранату бросали в направлении к высокому забору, за которым находился райотдел милиции. Никому не удавалось даже попасть в забор. У меня с первой попытки граната ударилась об него. Болельщики стали кричать: «За забор её! В милицию!» Разбегаюсь и бросаю, но снова попадаю в забор. Призывы продолжают. Снова разбегаюсь, а граната из моих рук буквально выскользнула почти вертикально вверх. Все замерли, глядя как она, медленно описав

крутую траекторию, вдруг миновала забор и упала за ним под восторженные крики зрителей. Раздался хохот, когда судьи полезли через забор делать замер. Помнится, граната пролетела более 50 метров. Вечером подводились итоги и мне вручили призы - одеколон и ещё что-то. В 10-м классе оставили след в моём обучении молодые учителя, вернувшиеся с фронта: Михаил Николаевич Гаевский - по математике и физике, Михаил Петрович Петров - по литературе. Это были высоко эрудированные, соскучившиеся за время войны по учительской работе специалисты.

Заканчивал 10-й класс я в 1947 году. Ещё в 1944 г. вышло Постановление Правительства о введении в школе выпускных экзаменов на аттестат зрелости и награждении золотыми и серебряными медалями за успехи в обучении. У меня за все годы

10 класс Каргасокской школы. 1947 год.

учёбы в школе были годовые оценки отличные. Появилось желание справиться на отлично и с выпускными экзаменами. Требования к выпускникам тогда были высокие. Предстояло сдать 8 экзаменов: литература (письменно и устно), алгебра (письменно), геометрия с применением тригонометрии (письменно), геометрия (устно), немецкий язык, история, химия. Если какой-либо экзамен оценивался неудовлетворительно, к сдаче дальнейших экзаменов учащийся не допускался.

Были ещё и идеологические требования в свете Постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», изданного в 1946 г. В апреле 1947 Г. И. Едейкин на уроке истории передавал сочинённые им шаловливые стихи «Весна, весна - пора любви...» Меня тогда в школе не было по болезни и мне рассказывал потом Альберт, что он прочитал, подправил кое-где рифмы, передал дальше. Учительница истории, на уроке которой всё это происходило, обратила внимание на весёлое настроение учеников, заметила лист бумаги, который переходил из рук в руки, и потребовала отдать его ей. Йоська не возражал, даже был доволен, что она прочитает его стихи. Но учительница проявила «бдительность», пошла к директору и заявила об аполитичности сочинения. Срочно был созван педсовет, приглашён для объяснения автор и вынесено решение о его исключении из школы. Он такого исхода не ожидал, но повинился, просил прощения. РОНО смягчил решение об исключении одним месяцем. Так, накануне начала выпускных экзаменов, Едейкин потерял право посещать занятия. Ему сочувствовали, но решение было выполнено. Хорошо, что ещё допустили к экзаменам. На устном экзамене по литературе председатель комиссии, инспектор ОблОНО, задал ему дополнительный вопрос об отношении к Постановлению ЦК. Хотя в целом он отвечал очень бойко, оценили его только на «тройку», отметив идеологическую невыдержанность.

В школе была комсомольская организация, но в комсомол меня и моих сверстников-немцев по «идеологическим соображениям» не принимали. На письменном экзамене по литературе я выбрал для сочинения тему «Революционный романтизм в творчестве русских писателей». Эпиграфом взял слова Аветика Исаакяна: «Буря, промчись, грозой разразься! Смой с человечества гниль и грязь!»

Начав с русского гражданского романтизма поэта-декабриста К. Ф. Рылеева, показал связь революционного романтизма М. Горького с творчеством других русских писателей и поэтов: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и др. Сочинение получило оценку «5». Леонид Едейкин сделал в своём сочинении столько ошибок, что его оценили на «2». Другие мои соклассники написали на «4» и «3». Был сдан устный экзамен по литературе, мы пришли на экзамен по немецкому языку, когда нам объявили, что председатель комиссии, инспектор ОблОНО Карташов, не согласился с оценками сочинений и приостановил экзамены до получения разъяснений из Томска. Суть дела была в том, что для оценки сочинений предлагался новый критерий. Указывался объём сочинения, не менее 4 страниц, и соотношение количества орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок для соответствующей отметки. Наши учителя-литераторы истолковали критерий в среднем на 4 страницы, а председатель не согласился, считая критерий на весь объём. Вот и ходили мы потом в школу, ожидая ответ из Томска. Нам сказали, чтобы мы готовились к письменному экзамену по алгебре, так как срок его проведения был всесоюзный и не подлежал переносу. Действительно, мы написали письменную работу по алгебре и вечером пришли узнавать результаты. Нам объявили оценки, а затем сообщили ответ Томского ОблОНО: «Независимо от объёма придерживаться критерия». Была сделана переоценка. В результате ещё

8 работ признали неудовлетворительными. Оценка моей работы не изменилась. Из 18 учащихся нашего класса остались для сдачи следующих экзаменов 9, ровно половина. В итоге все экзамены были сданы мною на «5», педсовет представил меня к награждению золотой медалью. Мои экзаменационные работы и другие материалы направили в Томский ОблОНО на утверждение, мне осталось только ждать решение. Альберт Пиннекер и другие мои соклассники получили на выпускном вечере аттестаты зрелости, послали документы для поступления в ВУЗы.

На выпускном вечере оказался выпускник нашей школы, преподаватель Новосибирского института военных инженеров транспорта (сокращённо -НИВИТ). Он предложил мне поступать в его институт, послать документы без аттестата. Обещал поддержку. Я последовал его совету. Вскоре получил ответ: «Если вы не репрессированы и годны к строевой службе в Советской армии, будете зачислены в институт. Аттестат следует представить до 20 августа.»

Отправился в военкомат, там весной как призывник проходил медкомиссию. Мне выдали справку, что годен к строевой службе. Обратился к коменданту:

«Я репрессирован?» - Это слово я тогда узнал впервые.

Он отвечает: «Нет, по Конституции вы пользуетесь всеми правами гражданина СССР.»

- Мне разрешат поехать в Новосибирск для поступления в институт?

- Пишите заявление, приложите письмо из института.

Я так и сделал, стал ждать ответа из областной комендатуры, куда направили моё заявление.

20 августа 1947 г. меня пригласил зав. Каргасокским РОНО Л.А Кузнецов и сообщил, что я награждаюсь Золотой медалью и получаю Аттестат Зрелости особого образца. Он мне его вручил и поздравил. «Медаль будет позже, когда её доставят в

Аттестат зрелости Деметрер Аврелия Васильевича

валось, как согласиться Альберту отказали сразу, ему надо было сдавать вступительные экзамены. Меня обязаны были принять без экзаменов как медалиста, но отказывали, требуя разрешения комендатуры.

Мы с Альбертом обратились в областную комендатуру, где нам сообщили об отказах на наши заявления, отправленные из Каргаска. Всё было предельно ясно. Нам оставалось идти в стройтрест и работать, надеясь на следующий год получить разрешение учиться дальше.

Однако на следующий год мои надежды не оправдались. В Томских ВУЗах мне было отказано в приёме.

банк». На этом мы расстались, но радости не было. Срок поступления в ВУЗ прошёл, областная комендатура молчит. Альберт тоже ждёт разрешение на выезд.

В начале сентября комендант, к которому мы с Альбертом пришли в очередной раз, чтобы узнать, пет ли нам разрешения, сообщил, что из Томска приехал уполномоченный Томского облисполкома. Он подбирает людей для работы в тресте Томкстрой. Для нас, как считал комендант. это самый удобный случай выехать в Томск и через областную комендатуру решить свои проблемы. Нам ничего не оста-

Отчаявшись, я взял отпуск, получил разрешение комендатуры на выезд в Каргасок к родителям. На пароходе встретил девушку, окончившую Каргасокскую среднюю школу. Она рассказала, что её взяли домработницей Пляскины, переехавшие в Колпашево, где Павел Африканович стал заместителем директора Учительского института. Узнав мою историю, она предложила передать через неё заявление и документы для поступления в этот институт, мотивируя тем, что Павел Африканович сможет мне помочь, тем более что в институте постоянный недобор. Без особой надежды согласился.

После годичной разлуки была радостная встреча с родителями. Идти куда-либо не хотелось, сидел дома: знакомые интересовались, почему не поступил учиться в ВУЗ.

И вдруг меня вызывают на телефонные переговоры с Колпашево. Старшая дочь Пляскиных - Инна - сообщает по поручению своих родителей, что мои документы приняты, меня зачислили, скоро придёт официальное подтверждение - вызов.

Действительно, дня через три получаю извещение о зачислении в Колпашевский учительский институт и добрую открытку от Лидии Андреевны Пляскиной. Она сообщила, что рада моему обращению к ним, что были некоторые трудности, так как «на учительскую работу существуют некоторые ограничения», но Павел Африканович сумел их преодолеть. Она поздравила меня с зачислением в институт. Настроение моё поднялось, родители меня благословили, и я отправился в Томск, чтобы получить разрешение на выезд для учёбы в Колпашево. Был уже конец августа, в комендатуре мне сказали, что потребуется несколько недель на оформление.

- Как же с учёбой? Ведь 1-го сентября начало занятий!
- Придётся подождать.

Вдруг па следующий день меня вызывает комендант. Показывает большого размера карту г.Томска и спрашивает, могу ли я её скопировать.

- Конечно, - заявляю я.
- Если сделаешь, получишь разрешение сразу.
- Будет готово к завтрашнему дню.
- Хорошо, - с сомнением посмотрел на меня комендант.

Всю ночь я просидел над картой, но сделал копию на кальку в лучшем виде и утром принёс коменданту. Он обомлел, увидев мою работу. Напомнив про обещание, спросил, когда же смогу получить разрешение. Он несколько растеряно сказал, что сразу не сможет, но ускорит. Через неделю, 4-го сентября, с опозданием прибыл в Колпашево и явился в институт. Павел Африкаевич сделал мне замечание за опоздание, но я не мог ему всего рассказать.

Двухгодичные учительские институты были организованы для подготовки кадров учителей 5-7 классов в связи с начавшимся в стране переходом на всеобщее обязательное семилетнее образование. Колпашевский учительский институт находился в северном городе, имел план приёма 100 человек на 4 отделения: физико-математическое, естествознания, историческое, русского языка и литературы. Группы комплектовались по 25-30 студентов. Среди них были мужчины-фронтовики, коммунисты, имевшие жизненный опыт и большое желание учиться после демобилизации из армии. Они положительно влияли на молодых, задавали тон на занятиях и собраниях. С ними считались и наши преподаватели. Два года пролетели быстро. В 1950 году мне вручили диплом учителя математики и физики 5-7 классов. В 1955 году я заочно окончил Томский пединститут, а в 1960 году - аспирантуру Ярославского пединститута, В 1950 году началась моя семейная жизнь, я женился на сокурснице, выпускнице Александровской средней школы. Нас направили работать в Мирно-Озёрскую се-

Пётр Яковлевич Ранн

милетнюю школу бывшего Пудинского района. Но это уже другая история. Мы отметили золотую свадьбу в Германии, где живём с 1998 года. У нас три дочери, 6 внуков и правнук.

После окончания школы я трудился ещё 50 лет. Из них 11 лет в школе и 37 - в Томском педагогическом университете.

A. Detterer

Гамбург, 21.06.03

Пётр Яковлевич Ранн.
Спецпереселенец. Пенсионер.
Ветеран труда.

(с. Каргасок)

...Весной 1935 года, в мае месяце, пришёл пароход «Лебедь». Нас всех, старушек и детей погрузили и отправились вверх по Васюгану. Часть людей оставалась жить на месте, переселением командовала комендатура, она решала, кого оставлять, кого переселять, а кого в тюрьму. Ещё в 1934-1935 годах многих мужиков забрали, ночью приедут и к утру их нет, только слышны крики и слёзы жён и детей. По пути останавливались, высаживали намеченные семьи, женщин, детей на берег. П. Берёзовка - 12 участок, дальше 13 участок, 14 участок и 15 участок - Дальний Яр

Семья Ранн до высылки. 1928 год. Алтай.

возле Айполово, где жили народы Севера, старожилы. Потом Волково-16 участок. «Путь Севера»-17 участок. Там высадили наших земляков - Гембух, Винс и ещё несколько семей. Выше Огнев Яр - 18 участок, Ершовка-19 участок, Медведка-20 участок, Могутаево- старожилы, Андриюшкино- старожилы, Увал- старожилы, Малиновка-21 участок, Майск- 22 участок, Каменный-23 участок, наконец Елизаровка - старожилы. На другой стороне Васюгана пароход остановился. Наш черёд выгружаться, нас встречали мужчины, матери, сёстры и братья, которые были вывезены раньше. От берега Васюгана-реки до будущего посёлка семь километров шла узкая конная дорога, прорубленная по густому лесу, и мы отправились по ней, комара страсть, невомоготу. Мне пошёл тогда девятый год, мы, малыши, устали. Старшие нас посадили

на спину и несли до места будущего страдания. Пароход задом зашёл у устья Елизаровки-речки и поплыл вниз по Васюгану, дав прощальный гудок

Пришли мы на место жительства – раскорчёванное место под основание посёлка. Стали строить дома-двухквартирники, девять на шесть, на две семьи, а временное жильё готовили так: устанавливали стропила, обшивали жердями, накрывали берестом и дёрном, по середине выкопанная яма, в ней горел костёр для обогрева, летом было и так тепло, а потом? Готовили лес, возили на лошадях на место строительства, к козлам, где распиливали пиломатериал продольной пилой, женщины шкурили и готовили мох. Вся работа делалась за паёк: 600 граммов рабочим, 300 граммов детям, подросткам - хлебом. Мука была завезена по зимнику и уложена под крышей. Мама сторожила ночью, другая женщина днём. Снова в пищу пришлось употреблять крапиву, медунки, трёхлистку, кислянку, к нашему счастью, черемша росла, хоть литовкой коси. Чай заваривали «Ванька-чай», смородинник, малинник. И так во временном жильё пришлось жить у костра в шалаше, где нас было поселено шесть семей без мужиков, матери с детьми, которые ещё остались в живых. К новому году нам построили дома из стлыго леса. Мама наготовила кирпич-сырец, я ей помогал. Три сестры и брат на работе с темна дотемна, весь день, о выходных и не мечтали. Печь мама сложила, сделали полати из жердей, повыше, там спали. Постели не было, веток наложили на них и спали, стола нет, скамеек нет, когда печка высохла, стала немного обогревать комнату, кругом и сверху потолка стало всё оттаивать, сырость на нас бежала, все вымокли, пола не было, стылая земля, всё заледенело, ещё хуже как в шалаше. Печку топили и день, и ночь, дрова сырые, стылые, в таком виде мы встретили Новый год - 1936.

Весной лопатами раскопали раскорчёванную целину, небольшой огородчик, картошку собирали у старожилов п. Елиза-

ровка, которая от нас 7 километров, п.Барнаулка, 12 километров, п.Шмаковка, 18 километров. Так начали разводить картофель, на семена берегли, кушать не пришлось. А деньги мы в глаза не видели, купить не на что, за работу паёк и весь расчёт. Часть людей оставалась на строительстве скотных дворов, лошади зимовали в конюшне (успели, построили летом). Часть людей отправляли на покос в сторону Барнаулки, в 9 километров от нас. Мне приходилось верхом на лошади продукты покосникам возить в двух мешках, через спину связывали, меня посадят и поехал до места. На покосе мешки снимают, и поехал обратно. Когда начали строить дворы коровам, овечкам, объявили, что будет колхоз «Парижская Коммуна». Часть людей корчевали лес, сжигали всё, что мешало пахоте, следом пахали целину на тройке, готовили поля под посев. В 1936 году осенью у старожилов отбирали коров, овец и лошадей (они жили на другой стороне Васюгана) и переплавляли к нам на зиму коров, нетелей, овец и несколько лошадей. Так организовывались колхозы в верховьях Васюгана. Ещё выше по Васюгану, дальше п. Шмаковка, были посёлки старожилов Нижний Петряк и Верхний Петряк, селения небольшие были объединены в один колхоз. Сельский совет и почта были в п.Шмаковка, селение большое было, а в скорое время сельский совет, почту, связь и комендатуру с комендантом работать перевели в Майск. Ярославцев Иван Иванович комендантом, милиционером Тиванов Алексей Степанович. Это была власть на весь речной район от Увала до Петряков. От п. Елизаровки в сторону леса по речке Елизаровке был заселённый спецпереселенцами 25 участок - п. Весёлый, наш Берёзовка, - 24 участок. В п. Весёлый население было большое, организовали три колхоза, в Майске тоже большое население, организовали четыре колхоза. Все эти люди были повторно высланы от Нового Васюгана и до конца реки Васюган.

В этом 1936 году от голода и холода замёрзла на дороге сестра Катя. После работы пошла в Елизаровку игрушки детские

(я вырезал из осины петушки, курочки, голубей, белок) менять на картошку или репку, кто что даст, возвращалась домой, но не дошла. Таких случаев было много, умирали от голода и холода в первую зиму много, но такого ужаса, как в 1931 году, не было, по-видимому, привыкли к климату после алтайских степей

Строительство велось активно, достраивали жилые дома, стелили полы и т.д. В 1936-1937 годах построили детские ясли, контору большую, где находился клуб. Начали строить школу, такую как Нейгальштадте (Тевриз). 1936-1937 г.г. открыли школу в бараке, где раньше жили люди, в школу пошли все ребята, которые не доучили свои классы, тетрадей и карандашей не было. Мы готовили берестяные листы, обжигали круглые палочки, ими писали необходимое, в основном учились устно, изучали русский язык, арифметику, таблицу умножения и деление. Учителями были Клинг Данил Данилович и Хилькевич Александр Иванович. Учили в две смены, учеников было около восьмидесяти, учебников мало, на четыре ученика один учебник. Дрова готовили старшие ребята, а мы, малыши, складывали. Раз в неделю урок физкультуры. На этом уроке готовили дрова, чтобы истопить печь в этом бараке.

В 1937 году, зимой, «чёрный ворон» своими когтями забрал 24 мужика. В 1938 г., зимой, сделали подчистку ещё 12 мужиков, остались самые старшие 24-25 лет. Забрали председателя колхоза Черкасова М. и учителя Клинга Д.Д. Учителя до Нового Васюгана догнали этапом и отпустили его домой пешком, потому что не было учителя, у нас снова стало два учителя, в июне с горем пополам закончили свои классы. Постепенно вспаханные поля засеивались рожью, овсом, ячменём, горохом. Нас, ребятешек меньших, собирали на прополку хлебов, старших – на заготовку пихтовой лапки, берёсты, скот пасли, овец и т.д. В эти годы установлены были пихтовые и дегтярные заводы, на всё планы: выполняй, не выполнил, знай, что будет, это знали от малого до

старшего. В районе образовался Лесхимсоюз. Он ведал этими заводами по всем колхозам. А старожилы занимались посевами зерновых, чтобы обеспечить хлебом и семенами все посёлки сельсовета Майский, пять посёлков в нём. Мельница была построена водяная по речке Елизаровке. У них полей было много, и хорошие получали урожаи. Они, старожилы, заезжали до революции от Петряков, через болото в 50 километров, с Киштовского района из разных посёлков.

К 1938 году построили школу, учебный год начался в новой школе, появились тетради, карандаши, ручки, чернила, учебники, учиться стало интересней. Старшие окончили 4 класса, летом их посылали на работу. Построили магазин, грузы завозили на лодках по 3,5 тонн, которые были сделаны на месте, на гребнях и шестах, с Майска по речке Коровы, которая вся была завалена лесом, завалы были от посёлка до устья, её очистили и тогда завозили грузы, молотилку, веялку. Осенью хлеба убирали: серпами рожь, яровые скашивали литовками с грабками, связывали в снопы, составляли в сулоны, сваживали сухие сулоны на бричке на ток, где укладывали в скирды. После уборки зерновых молотили и веяли, сушили зерно, сдавали в госпоставки, засыпали семена на будущий посев. Как организовали колхозы, паёк отменили, стали трудодни (палочки), на них получали копеечки и отходы от провеянного зерна. Плановые налоги, госпоставки зерна, масла, мяса, шерсть и яйцо, куриц (завезли до войны), а также и свиней. Выходных не было, в свободную минуту люди стремились на зиму готовить: грибы солить, колбу (черемшу) и ягоду сушили, кедровый орех, немного стали накапывать картошку. Таким образом, жизнь людей улучшалась, меньше стало смертности. В магазине появились керосиновые лампы, керосин, до этого светились лучинками, на ферме освещались изготовленными самими «летучими мышами», фонарей не было. Наступил 1939-40 год. Мы пошли в четвёртый класс, все ребята думали скорее закончить и

на работу, не засиживаться в школе. В октябре Александра Ивановича взяли в армию, в декабре Данилу Даниловича и ещё несколько мужиков и двух женщин ночью забрали и угнали. Так мы остались без учителей. Данила Данилович дорогой умер, ему был 61 год. Так не дошёл до Нового Васюгана, умер своей смертью, не успели расстрелять. Что осталось в памяти? В 3 и 4 классах учили историю СССР, в эти годы заставляли клеивать фотографии Блюхера, Троцкого, Кирова(ушли из жизни). Прошло месяца полтора и к нам прислали 17 летнего учителя из Майска, он окончил семь классов, звали его Борисов Борис Николаевич, с ним мы закончили 4 класс. Нас было 22 ученика, ещё немного учеников в 3 и 2 классах, 1 не было, потому что во время переселения малыши умерли. В эту зиму сбежали несколько человек за болото, от Петряков и 50 километров болотом в Киштовский район и на родину добрались в Алтайский край. С ними сбежал колхозный сапожник Финк А. Я. После окончания школы меня заставили сапожничать, латать обувь рабочим, без сапожника невозможно было посылать на работу, все босые. В магазине были сапоги кирзовые, ботинки кирзовые для взрослых, были ткани, а шитой одежды завозили редко, шили сами вручную. Надо отметить и задать вопрос: «Почему в 1940 году все обувь для взрослых и ткани вывезли?» На прилавках осталась только детская обувь. Появились мысли у людей, что будет война, а какая и с кем, в то время никто не знал, радио не было.

Что интересно, людей, которые сбежали на следующую зиму, пригнали этапом с Алтая в Берёзовку. Убегали не только с нашего посёлка и с других деревень тоже. Увеличивали подоходный налог, бездетный - 150 рублей от 18 лет на год, налог на мясо - 46 кг, масло топленое - 12 кг, свиную шкуру, овчина - полторы шкуры. Есть скот, нет - облагали всех. Кто к новому году не рассчитался с поставками, удерживали из заработка после отчётного года. В течение всего года выдавали аванс один раз в месяц, кому три,

пять, десять рублей, больше не давали. Многие оставались в долгу после расчёта, снова жди аванс, живи и работай, зерно делили на трудодни, это было охвостье - спорынья и негодное зерно к сдаче в госпоставки. Благодаря тому, что были пихтовые заводы и богатые пихтовые массивы и масло пихтовое имело высокий процент камфары, за это Лесхимсоюз оплачивал дополнительно колхозам. Таким образом, появлялись дополнительные деньги, кроме стоимости пихтового масла. Жизнь стала немного направляться, раскорчёванные и раскопанные огороды стали приносить плоды, с дикоросами ознакомились, грибы, ягоды сами сушили. Готовили на зиму орех.

В 1941 году пришла весть, что началась война, все в панику, снова горе, муки, голод, холод, вдвойне работать, не успели одуматься с тех пересылок, и снова несчастье. Беда пришла и в дома старожилов: осенью 1941г забрали всех мужиков на фронт, оставался только председатель и бригадир по брони. Лошадей годных в конницу забрали, после чего пришлось запрягать взамен лошади быков и коров. Мужская работа легла на плечи женщин, девочек и парнишек малолетних, работавших с темна до темна. Работали без выходных.

Меня направили на пихтовый завод, старшая сестра была гонщиком, а младшая - на заготовке пихтовой лапки, и я с ней лазил. Обрубал ветки, спускал на землю, сестра ломала лапки 30-40 см, не длинше. Вязанки наломаем и связываем верёвкой вдвое и поперёк, наденешь как рюкзак, лёжа на спине, друг другу помогаем вставать и несём до завода, бывало, - полтора километра. Лошадь для подвозки держать невозможно: негде было пасти и косить траву. Так носили вязанки до завода, там взвешивают, в кучу укладывают. Дрова пилили 75 см длиной, кололи и носили к заводу. Пихтовый завод работал круглые сутки, было три гонщика, они работали посменно. Вечером мастер завода начисляет за проделанную работу: за килограмм пихтовой лапки, кубоме-

тров напиленных дров на месте отоваривали за трудовень мукой. Хлеба не было, делали, кто «заваруху», кто лепёшки – так и питались. Жили в бараке: с обеих сторон нары, не было постели; так рабочие спали, вернее, отдыхали от рабочего дня. Пихтовый завод стоял в 12 километрах от посёлка. Муку завозили зимой на лошади. Мука была засыпана в большой ящик, сбитый из досок (ларь), без замка. Никто не трогал, крючков, замков не знали в те годы. В апреле 1942 года мастера сняли и меня назначили мастером на пихтовый завод, работы все изучил. С начислением был знаком. В этом 1942 году весной мужчин-спецпереселенцев с 18 лет и старше освобождали от комендатуры и забирали на фронт по всем посёлкам, немцев не брали, тогда мы узнали, что война с Германией.

Весной 1943 года, в конце марта, приехал из Нового Васюгана к нам инженер по рыбодобыче Овчинников А. Е., он вербовал по посёлкам рабочих для рыбной ловли. Вербовка была не по желанию, а по спискам комендатуры. В Новом Васюгане был рыбозавод. Его директором был Бузановский И. В., а работали на нём «черноморцы» – эвакуированные специалисты по рыбодобыче. Из нашего посёлка по списку направили около 36 человек. Шли пешком до Нового Васюгана, у кого какие были вещи и продукты, сложили на санки и отправились в путь-дорожку от посёлка до посёлка, расстояние между ними было, где 25 км, а где 40 и больше километров. На восьмой день прибыли в Новый Ввсюган, нас поселили в один дом ночевать. Наутро мы отправились в контору рыбозавода, там нас распределили кого куда, выдали паёк на дорогу. Меня и 8 женщин направили в Катальгу, снова в путь, ещё 89 километров до места. Как несовершеннолетнему мне выдали детский паёк - 300 граммов хлеба, старшим по 500 граммов. Я директору Бузановскому рассказывал, что три года работал в колхозе самостоятельно, и женщины доказывали, а он - нет и всё. Правда, написал направление начальнику Катальгского рыбучастка Сосн-

лятину П. Я., где в конце пишет: «Дай Ранну П. Я. двух женщин, если заготовят 300 штук клёпки, а он вытешет, тогда выдайте ему полный паёк.» На третий день дошли до речки Каталъга и ужаснулись: она была залита водой. Вырубили палку, чтобы смерить глубину и крепость льда. Я с палкой пошёл вперёд, а женщины санки взяли на руки и за мной. Воды надо льдом посредине до пояса, ширина метров пятнадцать. На берег выбрались, обутки и одежду выжали и пошли мы так мокрые до места, а уже темно. Было это 13 апреля, сёстрам говорю: «Сегодня у мамы день рождения, вот и мы отметили его!» Дошли до посёлка, спросили, где живёт начальник участка Александр Макарович, нам указали, я зашёл. Отдал ему направление, он его прочитал и спросил, чем занимался в колхозе, я ему ответил, что два года сапожничал и последний год мастерил на пихтовом заводе. Второпях он жене сказал: «Пусть переоденется и накорми его». Сам пошёл устраивать женщин в избушку, там была печь, переоделись и легли отдыхать. Прошли 30 километров «последним путём», дорогу развезло, тяжело было идти пешком. Когда Александр Макарович пришёл домой, мне сказал: «Будешь жить у нас, откуда тебя бог послал! Ведь мы все разутые, обутки все износились, да и рыбаки три бригады - их тоже надо обуть». Паёк выдали полный. Ящичек с сапожным инструментом я взял с собой. Дело стало за колодками на ботинки и чирки всякого размера. Начальник говорит: «Где взять?» Я ему ответил, что сделаю сам, какие надо будут колодки.

В посёлке Каталъга бригадиром Гослова был Харчевников К. Первым делом я починял и обшивал рыбаков в этой бригаде, потом на обласке увезли меня в Фролы, 25 километров ниже по Васюгану, где бригадиром был Шашель Г. С. Там обул всех рыбаков и рабочих на засольном пункте. С Фролов меня на обласке повезли в Пестово, от Каталъги 30 километров, где бригадиром был Цыганков Ф. С. Там тоже всем рыбакам и рабочим починял и обшивал. Бригадиры Гослова были по брони, их на фронт не бра-

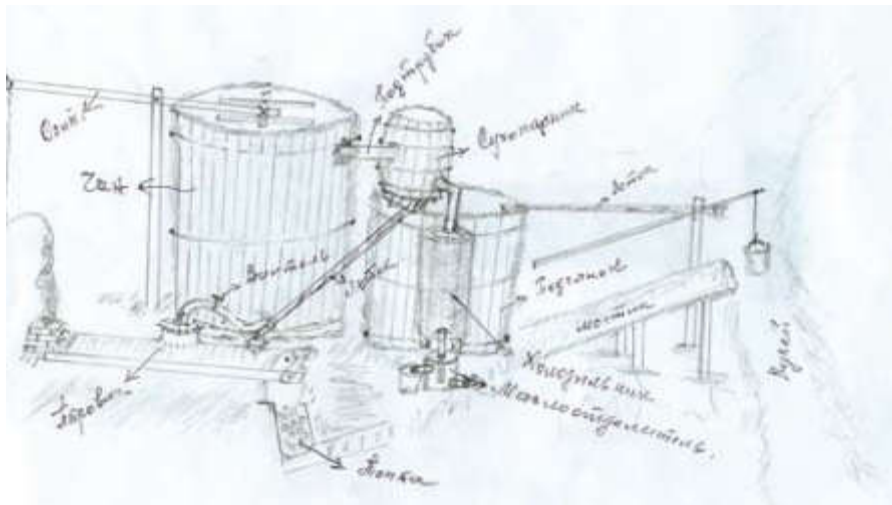

ли, все бригадиры считались военнообязанными. Возле засольно-приёмного пункта висели плакаты «Каждый чебак - удар по врагу!». Утром при отъезде на рыбалку проверяли, чтобы с собой не брали котелки, соль, чтобы не смогли рыбу сварить, хлеба получали по 500 граммов. Были установлены нормы вылова рыбы каждому рыбаку, планы выполняли и перевыполняли, за этим следили уполномоченные по посёлкам и бригадам. Зам. директора рыбозавода Щепёткин Андрей Полуэктович строгий был – ужас, только рыбаков и рабочих пугал, что посадит, если не делают план. За брань, если кто поругал чиновника, давали срок от 5 до 10 лет судимости. Так нам, горемычным спецпереселенцам, пришлось переживать третью судьбу нелюдскую. На новом месте вербованные были со всех посёлков с верховья Васюгана, где не было водоёмов, речек и озёрьев для рыбалки. Летом косили сено для лошадей рыбоучастка на зиму, лошадей передали мне, стал конюшить и продолжать шить чирки рыбакам к зиме, голенища пришивали из мешковины. Кожи не было, привезли с собой «черноморцы» морские бахилы рыбацкие, они были сшиты из верблюжьей кожи, их порол, кроил и шил головки-чирки. У старожилов собирали полушубки, подушки, одеяла, зипуны самотканые из толстой шерстяной нитки, всё без денег, всё для фронта. В этом 1943 году на фронт забрали последних трёх мужиков, остались в деревне два старика и женщины с детьми. Катальга - посёлок небольшой, 32 двора, из каждого дома уходили на фронт, всего 36 человек, а вернулось только 2, из них один прожил год и умер от ран.

В 1944 году, в мае, весна была ранняя, пришла «Тара», пароход ходил до Нового Васюгана, обратным путём по деревням собирал мужиков, парней, набралось 42 человека с нашего района. Довезли нас до Томска, на пути всё собирали в трудармию, доехали, нас выстроили, повели по Крестьянской улице, второй дом от моста через Ушайку в подвал. Там уже прибыли с Александр

ровского района, нас оказалось 102 человека, топчаны наставлены друг возле друга, с трёх тесин сбитые на ножках, и подушка деревянная. Дорогой нас кормили по 500 граммов хлеба и вода. На место прибытия паёк так остался 500 граммов...

Пихтовый завод

Принцип работы:

1. Паровик заполняется водой 2,5 тонны
2. В топку накладывают дрова 0,75 м. длиной
3. В чан загружают пихтолапку 2,5 тонны
4. Очипом крышку закрывают и открывают.
5. Вентиль открывается, пар идёт в чан
6. Из чана, по патрубку, пар идёт в сухопарник
7. Подчанок заполнен холодной водой
8. Из сухопарника пар попадает в двухстенный холодильник и охлаждается
9. Из холодильника жидкость вытекает в маслоотделитель

10. В маслоотделителе вода опускается вниз, масло поднимается вверх, и по трубке вытекает в ведро, из ведра выливают в бочку.

Топят пихтозавод 24 часа в сутки. Крышку чана плотно замазывают глиной, перед открытием крышки глину отковыривают, собирают в ведра для следующей замазки, т. к. глина впитывает много пара.

Крышку чана открывают очипом за верёвку 2-3 человека, и кладут на крышу, которая сделана над паровиком. Чан вышиной 3,5 метра, шириной 3 метра.

Добыча пихтолапки

Иллюстрации автора.

Первую часть воспоминаний П. Я. Ранн см. сб. «Прощение и память» 2008: г. Томск.

**Олег Георгиевич
Монголин**

со своей матерью
Л. А. Шнайдер. С её
слов записал ниже-
приведённый рассказ.

(с. Каргасок)

Лидия Августовна Шнайдер

Родилась 2 февраля 1930 года в селе Писаревка Горошевского района (Житомирской области, Украина) в семье немецкого крестьянина Шульц Готлиба. Когда мне было всего 2 месяца, мать моя умерла, и ухаживать за мной в семье было некому. Отец отдал меня в семью брата моей матери Шнайдер Августа, у которых не было детей. Так я стала жить с новыми родителями. Родители жили в достатке по тем временам. У отца был свой маслозавод по производству подсолнечного масла. В доме останавливалось много людей, которые приезжали на переработку семян подсолнуха в масло. Когда я подросла, то мне приходилось делать всю работу по дому, то есть следить за порядком в доме. Нужно было протереть пыль и помыть полы. Соседские ребята звали меня играть на улицу, а я не могла уйти, не сделав работу. Отец вечером приходил домой и проверял мою работу. Он очень строго спрашивал за чистоту в доме. Так меня приучали к труду. Во время коллективизации у отца завод отобрали. Но в колхозе никто не мог на нем работать, и вскорости его вернули отцу обратно. Он был уже в неисправности, но отец его починил и продолжал на

нем работать. Мама работала в колхозе и была стахановкой, она ездила даже в Москву на выставку передовиков производства.

В семье родного отца у меня было два брата (старшего звали Освальд, а младшего звали Берtrand). Старший брат иногда приходил ко мне в гости и мы играли с ним. Однажды он меня обманул и взял из дома продукты. За это меня отец наказал и запретил нам с братом встречаться.

А потом началась война. Родители закапывали в землю продукты, масло бочками. Готовились к худшим временам. Когда фашисты зашли в деревню, то они относились к нам хорошо. И когда им пришлось отступать, то они объявили о том, что все немцы будут отправлены на Запад. Кто добровольно не соглашался покидать родные места, их расстреливали. Так нам пришлось перебираться в назначенное место. Мы ехали на подводах и гнали с собой корову. Мне приходилось всё время вести корову. На подводе места всё равно не было. Отец был болен туберкулезом, мать была очень полная женщина. Кроме этого на подводе ехали и другие люди. Так нас пригнали в Восточную Пруссию. Отцу было уже совсем плохо, и его положили в госпиталь в городе Кенигсберге. Меня поместили в лагерь для девочек по обучению сельскохозяйственным профессиям. В лагере было 80 девочек. У меня был номер 80. По воскресеньям нам разрешали навещать родителей. Моя мама жила где-то в соседней деревне. Однажды мы с подружкой ходили к родителям, и вечером нужно было вернуться в лагерь. А в лагерь нас уже не пустили. Обрато к родителям нам тоже не удалось попасть. И так мы остались с подружкой одни. Потом мы встретили двух мальчиков и пришли с ними на железнодорожную станцию. Они предложили ехать с ними к их родственникам. Так мы попали в Германию в деревню Клаффенбах близ города Хемниц. Там они помогли нам устроиться на работу к хозяевам. Меня сначала не брали, потому что я была маленькая и худенькая, и боялись, что я не справлюсь с работой в поле и по хозяйству. По-

том я попала в дом к хорошим хозяевам, они полюбили меня, как родную, и были довольны моей работой. С годами я выросла, становилась девушкой, и мы с подружками и знакомыми парнями ходили на танцы. Жизнь снова протекала как обычно. Скоро закончилась война, но мне некуда было ехать, я жила в хорошем доме, в котором обрела снова себе родных людей. Так я прожила в Германии до 1949 года. В 1949 году меня и таких же, как я, вызвали в комендатуру и сказали, что мы поедем на Родину. Так вот нас собрали и погрузили в железнодорожные составы, приставив к нам охрану. Правда на Родину мы не попали. А привезли нас в Сибирь. В Новосибирске мы подписали документы на высылку в Сибирь на десять лет. В Томске нас заставили подписать документы на высылку на 25 лет. И вот так мы попали в Томскую область Каргасокский район с выселением на пожизненно. Нас привезли в октябре 1949 года в леспромхозовский поселок. Вещей у нас было немного. Тёплых вещей тем более не было. Расселили нас в бревенчатых бараках. Спали мы все вместе на деревянных топчанах. Мужчины и парни работали на валке леса. Мы же работали на обрубке сучьев. Нам выдали спецодежду. Ватные телогрейки. Все это за время работы намокало насквозь, и в поселок мы приходили обледенелые. В бараках были сушилки, и мы сначала шли в сушилки, потому что снять одежду нельзя было. Платили нам поначалу немного. И купить что-то из одежды нельзя было. Кроме немцев, в лесу работали тоже сосланные литовцы и эстонцы. А также работали вольнонаемные русские из соседних деревень. Весной и летом меня посылали работать на сплавачасток, где приходилось опять же, рискуя жизнью, сплавливать лес по реке. Нужно было ходить по бревнам и не провалиться в воду. Многие девушки и парни женились и тогда девушек не посылали на тяжелые работы. А я долго не выходила замуж, и меня посылали везде. Потом я тоже вышла замуж за русского парня, и у меня родился в 1955 году сын. Жили мы у его родителей, но его скоро

призвали в армию. И я продолжала жить с его родителями. Но после армии он не захотел жить со мной. И мне пришлось опять жить в общежитии, да ещё с ребенком. Потом нас освободили из-под комендатуры, и многие немцы из поселка уехали кто-куда. Многие уехали в Казахстан. Некоторые нашли своих родственников в Германии, и им разрешили вернуться в Германию. Я снова вышла замуж и опять за русского. Мы переехали в его деревню Ильино Каргасокского района. Вместе со мной в эту деревню переехала моя подруга, тоже немка. Она вышла замуж тоже за парня из этой деревни. Но скоро моя подруга нашла родителей в Германии и уехала туда. Кстати, мы с ней до сих пор переписываемся и общаемся по телефону. Я осталась совсем одна среди коренного населения далекой сибирской деревни. В деревне был колхоз, и я работала дояркой. У меня появились на свет сначала ещё двое сыновей (двойняшки), а через два года четвертый сын. В колхозе работа была тоже без выходных и с раннего утра до позд-

С первенцем

него вечера. Прожили мы в этой деревне 12 лет и потом переехали в Каргасок. В Каргаске мне пришлось работать сначала рабочей на предприятии, а затем техничкой в магазине. Образования у меня не было и возможности учиться тоже не было. Тем более, что когда нас привезли в Россию, то многие из нас даже не говорили по-русски. Вот поэтому на мою долю выпало всю свою жизнь выполнять тяжелую для женщины физическую работу. Муж тоже имел образование всего четыре класса и проработал всю жизнь механизатором. Война многим поискалечила жизнь и нам, немцам и русским, жившим далеко от фронта. Но мы с му-

жем вырастили четверых сыновей и дали им достойное образование, возможность выбрать достойную жизнь. Вот так я прожила всю жизнь в далекой Сибири, и только опять же страшная война провезла меня по всей Европе, и больше я в своей жизни ничего не видела и не знаю. Многие годы я пыталась разыскивать своих родных через Красный крест, а потом и через телевизионную программу «Жди меня», но, к сожалению, так никого и не нашла. Сегодня мне 78 лет, и жизнь моя безвозвратно проходит, и мне очень жаль, что я имею всё меньше возможности увидеть своих родных братьев, а может, и племянников. А также гложет меня одна мысль, что Родина – это то место, где живут люди одной с тобой национальности. По принуждению Родины быть не может. Поэтому мне суждено умереть на чужбине.

Глава 3

*«Машут ели своими ветвями,
Боль людскую нам полнить велят»*

Иллюстрация Василия Русанова, село Павлово

«...экордная процессия двинулась к деревенскому кладбищу... В санях, прикрытых старой мешковиной, лежал Абрам. Рядом с покойником лежали скринка в потертом футляре и деревянная лопата-пихло, пара штыковок, лом и лопата...»

В. Решетько «Скринка на снегу»

В работе экспедиций «Прощение и память» образовательная программа была насыщенной, во время поездки регулярно проводились лекции-беседы. В 2008 году это были лекции-беседы Татьяны Ивановны Фёдоровой, преподавателя истории СОШ с. Новоюгино «О проектной деятельности» и Севилле Руштыевны Кереджи Оглы, преподавателя истории ООШ с. Мыльджино, «Работа в архиве». В 2009 они опубликованы в сборнике «Методическое пособие по организации проектной деятельности учащихся» г. Томск.

Материалы лекции «Слово», автор которой – Валентина Михайловна Зарубина, преподаватель истории с. Каргасок, опубликованы в сборнике «Инновационная деятельность в образовании» Москва: ИРОТ, 2009. - 708с., о. Феодора, священника Спасской церкви с. Каргасок, и м. Юлии из с. Новый Васюган предлагаем в этом сборнике.

Ассоциативно-краеведческий подход в образовательном процессе при изучении отечественной истории XX-XXI в.в.

Сегодня многие согласятся с утверждением, что именно в руках учителя находится будущее страны и даже национальная безопасность России. В начале XX века российское общество задавало вечные для него вопросы - «Кто виноват?» и «Что делать?»

Наше время, на мой взгляд, ставит другой вопрос: «Почему?» Почему в современном обществе нет мира, почему у человека растёт внутренняя агрессия, почему бессовестность и цинизм перехлёстывают через край, почему нет настоящих мужчин и почему

они из жизни уходят молодыми, почему «обмельчал» народ, почему родители стали «шнурками», почему такая армия, почему женщина стала «бабцой», а девушки «тёлками»?

Мой знакомый, в недавнем прошлом офицер-подводник, рассказывал, что, будучи в Польше, он присутствовал на церемонии представления девяностолетнему старику женщины и её дочери. Когда к креслу почтенного старца подвели девочку, мужчина встал и поцеловал ей руку. Удивления своего мой знакомый скрыть не мог, на что старый поляк покачал головой и сказал: «Пани в любом возрасте пани».

Ну, почему у нас «тёлка», а у них «пани»?

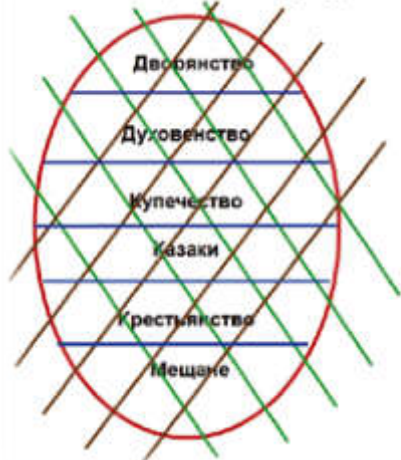
Для себя я нашла ответ в работах художника-абстракциониста В. Кандинского и поэта А. Блока. Картины В. Кандинского вызвали у меня ассоциацию, которую при подготовке к урокам, я попыталась перенести на историю Отечества. Российское общество начала XX века состояло в основном из шести сословий: духовенство, дворянство, купечество, крестьянство, казачество, мещанство. На уроках составляла схему, в которой, обозначив общество в виде овала и выделив внутри его горизонтальными линиями

В. Кандинский. Композиция 1913г.

Социальная структура Российского общества к XIX – XX века

История, вера, культура, народы,
Судьба, мушкетеры, жернова,
революция, язык, слезы

– наследие XX века.

каждое сословие, нанесла на это изображение перекрёстными линиями важнейшие политические события XX века: русско-японская война, первая русская революция, первая мировая война, революции 1917 года, гражданская война, политика «военного коммунизма», нэп, организация колхозов и раскулачивание, репрессии, финская и Великая Отечественная войны и т.д. Полученный результат меня ошеломил. Какое же мы получили наследство от истории XX века! Изломы, острые углы, оголённость, провалы, разрыв всех связующих нитей, которые влияли на народные массы. Гигантский «моloch» разрушения прошёл по истории, культуре, вере, судьбам людей, языку.

Я считаю, что своими работами В. Кандинский изображал собственное представление о будущем России. Чуть позже, читая в журнале «Начало века» интервью с Валентином Распутиным, прочла его ответ на вопрос журналиста В. Кожемяко: «Чем стал в Вашем видении 20 век для нашей страны?». В. Распутин ответил: «Этот век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие до-

стались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни Смута XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX веке идти не могут. Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека – в вере, идеалах, нравственном и духовном прямостоянии. В прежние тяжёлые времена это прямостояние не менялось. Не менялось оно и в поверженных во второй мировой войне Германии и Японии, что значительно облегчило им возвращение в число развитых стран, а ущемлённое национальное чувство – ущемлённое, а не проклятое и не вытравливаемое, – стало в этих странах возбудителем энергии. У нас же оказались убиты не только убитые, у нас убитыми оказались живые...»¹ Другим совпадением с мыслями В. Распутина стала его оценка послевоенной Германии. Публицистика Д. Гранина, Г. Померанца, опубликованная в 90-е гг. XX века в журнале «Знамя», убедила меня в этом и во многом стала поворотной.

Разрыв связующих нитей, потеря якоря, свободный полёт на грани беспредела, и только пульсирующие ниточки традиций в культуре и семьях удерживают нас от полного краха. При подготовке к занятиям с учениками я пережила целую гамму разных чувств и задала себе вопрос: «Что пережили те поколения, которые прошли через это горнило? Стало страшно, но вместе с тем пришло понимание того, кто виноват и захотелось найти ответ на вопрос «Что делать?»

Следующим было желание понять, в каком времени живу и что я могу сделать как учитель истории. Ответ я нашла неожиданно для себя в Библии: моё время - это время собирать камни. А в творчестве А. Блока нашлась подсказка:

*«Будить души колокола,
Чтобы распутица земная
От Родины не увела».*

¹ Распутин В. Интервью. // Начало века. - Томск. 2007. № 2

По моему глубокому убеждению, начинать надо с маленького человека – ребёнка, с возвращения имени своего и родословия, глубокого и вдумчивого понимания своей истории, культуры, языка. Слова. Одним словом, необходимо учить обретать Родину!

Основываясь на этом, мною была организована работа в школе. Впоследствии была составлена программа гуманитарных экспедиций «Прощение и память» 2006-2008 г.г.¹

Богатый нетронутый пласт истории края Васюганья дал нам возможность синхронной работы с памятью, историей, верой, культурой, родословной, «я» ученика. Вот так «родился» своеобразный каргасокский Ренессанс – проект «Прощение и память», где источником вдохновения стало краеведение. Этнограф О. М. Рындина, профессор Томского государственного университета, считает, что в XXI веке краеведение становится формой мировосприятия. А любое познание начинается со слова. Поэтому в программу каждой экспедиции включалась работа со словом, где ключевыми были «вера», «совесть», «стыд», «человек», «слово». Удивительные возможности открываются при использовании приёма «составление синквейна», который позволяет постичь глубину, постичь значение. Учитывая знания и жизненный опыт детей, этот приём использовался в начале беседы, а не для вывода.

В переводе с французского «синквейн» означает стихотворение, состоящее из пяти строчек и написанное по определённым правилам. Составление синквейна требует в кратких выражениях резюмировать материал, информацию, что позволяет рефлексировать по какому-либо поводу. Синквейн - это творчество по опреде-

¹ Гуманитарная экспедиция «Прощение и память» 2006-2007 г. - Томск: Издательство «Красное знамя», 2008.; Монголина Н.Г., Зарубина В.М. Проектная деятельность учащихся в современной школе: муниципальный проект «Гуманитарная экспедиция «Прощение и память». // Методика обучения истории в профильных классах современной школы: Сборник учебно-методических материалов. / Под ред. А.А. Сорокина. - М.: Российский университет кооперации, 2009.

лённому алгоритму. На первой строчке записывается одно слово - имя существительное (слово-замок), это имя существительное и является темой синквейна. На второй строчке - два имени прилагательных, определяющих тему синквейна. На третьей строчке записывают три глагола, означающие действия, относящиеся к теме синквейна. На четвёртой строчке размещается целая фраза, крылатое выражение, цитата в контексте темы. Последняя строчка - это слово-резюме (слово-ключ), дающее новую интерпретацию темы, выражающее личное отношение). В качестве примера приведём синквейн со словом «слово»:

- Слово
- Доброе, злое
- Лечит, убивает, вдохновляет
- Слово - серебро, молчание - золото
- Дар
- Вывод: Слово - это дар.

Приём «составление синквейна» помогает разобраться в сути слова, задуматься над его звучанием, силой и действием. Здесь можно обратиться к такой особенности русского языка, как его мотивированность.

По мнению доктора филологических наук, профессора Томского государственного университета О. И. Блиновой, русский язык - самый мотивированный в мире, около 80% слов в нашем языке мотивированны. А это значит, что этот язык и слова в нём обладают громадной мотивационной силой¹. Подтверждение этому выводу находим в творчестве русских поэтов².

*Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет в друг*

¹ Блинова О.И. Русская мотивология. - Томск: Издательство Томского университета, 2005.

² Русская поэзия 19-20 веков. - М.: Издательство АСТ: Астрель, 2003.

*И тёмный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орёл,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.*

А. Фет «Хочу и не могу»

*Молчат гробницы, мумии и кости, -
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный - речь.*

И. Бунин «Слово»

*Мой верный друг! Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб! Родной язык!
Мои стихи - как дым алтарный!
Как вызов яростный - мой крик!*

В. Брюсов «Родной язык»

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*Но забыли мы, что осияно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это - Бог.*

*Мы ему поставили переделом
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

Н. Гумилёв «Слово»

Сила звучания слова потребовала обращения к истокам богатства русского языка. По мнению Д. С. Лихачёва, формированию русского языка способствовали следующие обстоятельства: громадная территория; многонациональность; наличие второго языка - церковнославянского; особое место также принадлежит фольклору, науке, литературе, а также образам и понятиям мировой литературы, мировой науки, мировой культуры - через живопись, музыку, переводы, через языки греческий и латинский. «Язык одно из самых главных проявлений культуры. Язык не просто средство коммуникации, но, прежде всего, творец, создатель. Не только культура, но и весь мир берёт своё начало в слове. Слово, язык помогает нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели и не поняли, открывают человеку окружающий мир. Русский язык необычайно богат. Соответственно богат и тот мир, который создала русская культура»¹. Отсюда понятен мировой интерес к классике русской литературы и постоянное обращение к ней кинематографистов, театральных режиссёров, лингвистов...

XX век принёс разрушение, вседозволенность, подмену ценностей. Страшно представить, что произошло с русским языком!

После революций 1917 года мат (подзаборный) стал вторым русским языком, заменив церковнославянский. Культура начинается с запретов, и если запреты отменяются, начинается деградация общества. Революция 1917 года отменила многие запреты,

¹ Лихачёв Д.С. Русская культура. - М.: Искусство, 2000

этот год стал своеобразной точкой отсчёта вольного обращения с русским языком и культурного отката.

Продолжается уничтожение русского языка, победоносно шествует по стране мат. Истоки мата - древнейшие, они связаны с язычеством, культом матери - Земли, плодородия. Матерщина звучала при севе, при жатве, на свадьбе. Когда молодым желали добра, плодородия, их обязательно надо было обматерить. Возможно, есть объективная потребность существования такой ниши. Но есть и вопрос места и времени.

«Дурно пахнут мёртвые слова», - писал Н. С. Гумилёв. Мёртвые слова - подзаборный мат. Как много в современной жизни нас окружает «мёртвых слов», которые мы продолжаем транслировать!

Наше поколение может помочь языку, начав целенаправленную и осознанную борьбу с матом. Этот инструмент находится в первую очередь в руках учителя и не требует особых материальных затрат, только понимания и ответственности перед следующими за нами поколениями.

В заключение хочу привести фрагмент одного из последних выступлений Ч. Айтматова, которое можно считать своеобразным завещанием писателя: «Сегодня настало время понять, что во имя жизни, будущего далеко не всему на белом свете можно позволить чувствовать себя свободным. Не дать злу чувствовать свободу - это долг, прежде всего, людей, которым в силу своего призвания, самой своей профессии предначертано смотреть вперёд, строить завтрашний день, во многом оберегать будущее Словом. <...> Существует другая парадигма, первые шаги к которой мы сегодня делаем – все носители живого Слова, Образа должны объединяться, встать на пути распространения зла, точнее сказать, своим талантом, способностями, своей нравственной высотой, культурой и образованием <...> должны объединять общество на отражение чрезвычайно опасных для цивилизации

вызовов и угроз, направлять своё вдохновение против носителей зла и причин, порождающих трагедии...»¹.

Это обращение выдающегося писателя XX века можно отнести, на мой взгляд, прежде всего к учителям, основной рабочий инструмент которых - СЛОВО.

К сожалению, рамки статьи не позволяют рассмотреть все аспекты воздействия слова на сознание и мировоззрение учащихся, которые развиваются и формируются в процессе деятельности педагога. Но важно понимание того, что образные ассоциации, возникшие на занятиях, на которых изучалось творчество В. Кандинского, А. Блока и художников, поэтов - их современников, позволили взглянуть на памятники культуры (художественные, поэтические и др.) как на своеобразные исторические источники, в которых нашли своё отражения события отечественной истории начала XX века. В свою очередь, рассмотрение под новым углом зрения основополагающих событий истории Отечества, позволило по-иному проанализировать и историю родного края. Изучение истории края заставило обратиться к рассмотрению одного из основных средств обучения и передачи информации - к языку, слову, к началу. Вот так и было сформировано понимание того, что в начале было слово...

¹ Айтматов Ч. Интервью. // Начало века. - Томск. 2007. № 1.

о.Феодор (Прокопов)
священник Спасской церкви

(с. Каргасок)

Ещё древние мудрецы слово сравнивали с водой, а говорящего человека – с источником. И потому спрашивали: «Течёт ли из одного источника сладкая и горькая вода?».

В статье: «О языке устном и письменном, старом и новом», напечатанной в книге «Русская культура» (Изд. «Искусство», М., 2000), Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал о русском языке так:

«Самая большая ценность народа – это язык, – язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения – только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека (его умственное развитие, его моральный облик, его характер) – прислушаться к тому, как он говорит.

Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека – гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

Итак, есть язык народа, как показатель его культуры, и язык отдельного человека, как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Я хочу писать не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке - «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

«А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюётся словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевокми говорит, он выявляет свою циническую сущность».

Что означает слово циник? В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (М.,1995) циничный определяется как «бесстыдный», а цинизм - как «пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство».

Неужели кто-то из нас сознательно хочет быть или выглядеть бесстыдным?! Ведь бесстыдство несовместимо с любовью. Не стыдятся лишь того, кого не любят, кого не уважают, к кому выражают скверное отношение. Недаром в русской культурной традиции стыд всегда соседствовал с совестью: «Ни стыда, ни совести!» – гласит известное народное порицание человека с циничным поведением. А переступает человек границу добра и зла чаще всего через слово – через неправильное, неподобающее, противоестественное употребление слов, через ненормативную

лексику, то есть через скверные слова! От этого и само такое пере-ступление (или проще - преступление) норм общественной морали называется сквернословием.

Представьте, дорогие друзья, что кто-либо из вас идёт по улице в чистой, опрятной, новой одежде. И вдруг кто-то по неосторожности или намеренно обдаст Вас грязью. Ваша одежда вдруг примет совсем другой вид, и Вы сами себя сразу же почувствуете по-другому. Неужели Вам сразу же не захочется омыть своё лицо и руки, очистить свою одежду от этой грязи!?

Но и душа человека имеет свою невидимую для глаза, но осязаемую для внутреннего чувства одежду. Одежда души каждого человека обдаётся скверной, когда человек слышит сквернословие. Впрочем, если человек идёт в очень грязной одежде или привык всегда ходить только в грязной одежде, то ещё какое-то количество грязи, может быть, не так огорчит его, как человека, привыкшего ходить в чистой и опрятной одежде...

Известна нетерпимость Д.С.Лихачёва к ненормативной лексике. В одном из интервью 1976 года он сказал: «Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создаёт ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело».

Д.С.Лихачёв в книге «Письма о добром и прекрасном», в 19-м письме «Как говорить?», писал: «Наша речь - важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влиянием среды, если она «затягивает».

И ещё он писал молодёжи: «Избегайте слов-«паразитов», слов мусорных, ничего не добавляющих к мысли». В словах-паразитах есть скрытая опасность деградации личности говорящего. Например, привыкнет кто-нибудь на всякое дело говорить слово-паразит «отстой», смотришь, и сам человек превратился в «отстой» и даже не заметил этого.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв любил повторять завет Н.В.Гоголя: «Со словом надо обращаться честно».

В заключение позвольте привести ещё одно замечательное высказывание Дмитрия Сергеевича о слове и языке.

«Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других, связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство «культурного осознания» мира.

Русский язык необычайно богат. Соответственно богат и тот мир, который создала русская культура».

А теперь, дорогие друзья, главный вопрос: «Как научиться высокой культуре речи, то есть доброречию?»

Для этого необходимо не только знать правила и нормы русского языка. Не менее важно – читать и слушать тех, кто оставил нам высочайшие образцы русской словесности! Русская литература очень богата словесными сокровищами. Читая лучшие произведения русских поэтов и писателей, изучая содержание этой литературы, можно постепенно и самому научиться правильно писать и говорить чистым и красивым языком.

И напротив, если слух наш будет постоянно воспринимать только косноязычные фразы, сленг, жаргон, блатной язык и ненормативную лексику, то о какой культуре речи может идти речь? И как наше слово отзовётся в окружающем мире?

Хорошо, если наше слово будет нести в мир радость, свет, добро и любовь. Давайте, друзья, любить свой родной язык и охранять чистоту русского слова!

Юлия Александровна Мезенцева.

Регент прихода Преподобного Серафима Саровского

(с. Новый Васюган)

**Беседа «Как нам сохранить любовь к доброречию?
Что нужно для этого делать?»**

Одним из способов сохранения любви к доброречию может стать осмысление человеком самого себя в свете христианской антропологии (науки о человеке).

Христианство очень возвышенно учит о человеке. Человек создан по образу и подобию Божию. Образ Божий в человеке – это тот потенциал, который в нём заложен: таланты, дары... и том числе и дар слова, возможность озвучивать, выражать мысли. А подобие – это то, чего человек может достичь, используя данный ему потенциал. Человек, правильно использующий свой потенциал, может достичь Богоподобия, т.е он может обóжиться, из временного стать вечным, из тленного стать нетленным, из грешного стать святым.

Человек – существо духовно-телесное, т.е он соединяет в себе мир видимый, материальный(это наше тело со всеми своими

потребностями), и мир невидимый - духовный(это наша душа). Поэтому над человеком имеют власть как законы материального мира (физические, химические, биологические и т.д., которые изучают в школах и институтах), так и законы мира духовного, которые нигде, кроме церкви, не сохраняются и не изучаются. Верующие мы или неверующие – это значения не имеет, законы для всех одинаковые.

Мир невидимый – мир нашей души, делится на добро и зло.

Добро - это мир с Богом, Царство Небесное, как он называется в Священном Писании. Спасение души – это утверждение души в добре, каждый миг её бытия, и в мыслях, и в словах, и в делах. Это получение наслаждения от честной жизни, от доброты, от святости...

Зло – это противопоставление добру, т.е. отсутствие стремления к Добру. В Священном Писании это называется гиеной огненной (т.е. горящая свалка нечистот), преисподней и правит там Сатана – противник Бога. Здесь всё наоборот: получение наслаждения от злоречия, издевательства над другими людьми, над святынями и т.п.

Человек свободен в выборе, кому он будет служить, кому он посвятит свой, данный ему, Образ Божий. Либо он будет развивать в себе черты Бога - милосердие, щедрость, долготерпение, сострадательность и т.д., либо положит свой Божий образ к ногам Сатаны для попраiania бесами, для осквернения его, а сам станет жилищем бесов.

У каждого из этих служений свой язык: у служения Богу - церковнославянский (Россия), у служения Сатане - матерная брань.

Церковнославянский язык, созданный на основе славянской азбуки святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием исключительно для перевода книг Священного Писания с греческого на славянский. Все слова подобраны так, чтобы точнее передать смысл текста, Слова Божия. Здесь нет ругательных

или лишних слов, которыми можно было выразить отрицательные эмоции.

Протоиерей Сергей Николаев в книге «От слов своих остудишься: сквернословие» в статье «Грех или грешок» рассказывает:

«Мистические корни матерной брани уходят в глубокую языческую древность. Люди дохристианской эпохи, чтобы оградить свою жизнь от злобных нападок демонического мира, вступали с ним в контакт. Это контакт мог быть двояким. Демона либо ублажали, превознося его и принося ему жертвы, либо пугали его. Так вот, пугали демона именно скверной бранью, демонстрацией своего непотребства. Подобное можно наблюдать в начале драки, когда противники, делая свирепые гримасы, кричат друг другу о своей жестокости, о своей гневливой невменяемости, о готовности позволить себе то или иное гнусное поведение. То есть каждый из них пытается придать себе в глазах другого как можно больше скверности. Для страха или от страха. Но и призывали демона теми же словами, демонстрируя свою одержимость, свою готовность к общению с ним.

Таким образом, мат является средством «связи» с демоническими силами. Таковым он и остаётся. Его относят к инферальной, т.е. демонической, адской лексике. Через скверные слова человек сам отдаёт себя в руки беса, становится одержимым».

В медицинской практике известно следующее явление: парализованный человек, у которого полностью отсутствует речь, не в силах выговорить ни «да», ни «нет», но может совершенно свободно произносить целые выражения, состоящее из непечатной брани. Явление необычное, но встречающееся. Мне самому дважды доводилось сталкиваться с подобным, и вот каким образом.

Некоторое время назад мы с семьёй снимали дом в деревне. Нашим соседом через улицу был парализованный мужчина. Поч-

ти недвижимый, он мог лишь слегка шевелить одной рукой. Каждый день родственники выносили его на деревенскую улицу, и, подложив дощечку, укладывали на зелёной лужайке перед воротами или усаживали, прислонив к дереву. Что ж, дома, в четырёх стенах, больному, конечно, было скучно... Как-то раз, стоя возле своей калитки, я вдруг услышал громкую брань. Через несколько секунд она повторилась. Потом ещё. Это было странно, так как местные жители вслух, громко, да ещё рядом с духовным лицом не «выражались». Я оглянулся. Улица была пуста. Только больной сосед лежал на своей дощечке, выражение его лица было, как всегда, неопределённым. «Но ведь не слышалось же мне? От кого могла исходить эта брань?» – подумал я. Тут из калитки вышла жена. Она и объяснила, что паралитик часто произносит эту непристойную фразу. Зато чётко и внятно, как здоровый. Произносит с различными интонациями. Этой фразой он выражает просьбу, гнев, недовольство, жалобу. Ею же здороваются с проходящими и сообщает им о своём самочувствии. Когда ему что-нибудь нужно, он повторяет её, не переставая, кричит, пока не услышат в доме. Позже мне не раз пришлось в этом убедиться.

Второй раз с похожим случаем, я столкнулся также в сельской местности. Мне необходимо было узнать один адрес, и, чтобы навести справки, я постучал в дверь первого попавшегося дома. Изнутри послышался какой-то звук, и я, знакомый с деревенскими обычаями, без лишних церемоний переступил порог застеклённой терраски. Немедленно раздалась громкая брань. Я оглянулся и увидел человека, сидевшего в глубоком старом кресле в углу терраски, сделав шаг в его сторону, желая объяснить, что я не вор. Но тот опять выкрикнул непристойное выражение, причём несколько раз подряд. При этом интонации его голоса вовсе не соответствовали словам. Долго раздумывать на эту тему мне не пришлось, так как на терраску вышла хозяйка. Она поздоровалась и сразу же принялась извиняться за мужнину брань: «Вы нас про-

стите. Так уж вышло, что у него после инсульта вся речь отнялась, а эти слова остались. И теперь он только и может, что ругаться... Уж как мы измучились! И перед соседями стыдно...»

Получается, что мат «проходит» по совершенно иным нервным цепочкам, чем остальная речь.

Многих людей, желающих креститься, мы спрашиваем: «Почему вы решили покреститься?». Нам отвечают: «Хотим быть с Богом, чтобы он нас оберегал и сохранял». Желание хорошее, но что нужно, чтобы Бог был с нами? Вот пример из книги протоиерея Валентина Бирюкова «На земле мы только учимся жить»

«И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчёта (все крещённые, у всех крестики на груди) решили: давайте, ребятки, будем жить с Богом. Все мы договорились, чтобы всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять. Где бы мы ни были, всегда молились. Никто из нас никогда не лукавил. Мы так любили каждого! Заболеет кто, маленько простынет или ещё что – друзья отдадут ему свою долю спирта, 50 граммов, которую давали на случай, если мороз ниже 28 градусов. И ведь никто из нас не стал пьяницей после войны. Икон у нас не было, но у каждого под рубашкой крестик. И у каждого горячая молитва и слёзы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи».

Когда люди объединяются в добре и просят у Бога помощи, тогда и Бог рядом с ними. А если равнодушны ко злу и добру, то Бог им не помощник.

Мне одно время было непонятно: как же так? Раньше народ наш необразованный был, но какие песни складывал, сказки, былины, а мата не было. Сейчас всем дали образование, а лучше не стало. Язык обеднел, один жаргон блатной как рыба в воде себя чувствует. И всё потому, что у людей Бога отняли. И какого Бога!

Ни у какого больше такого Бога нет! «Бог - есть любовь» (1 Иоанна 4, 8) Вот что отняли, можно сказать, душу вынули. Но «свято место пусто не бывает», если нет любви, то что есть? Ненависть, злоба и как выражение этих чувств – мат. Людей раньше церковь воспитывала. Ведь взрослому человеку тоже поводырь нужен. Кто ему укажет, где добро, где зло? Вот церковь всем и напоминала, что любить надо друг друга, радовать, утешать, примиряться. Пример Христа всех воспитывал: Бог унижает сам себя, становится человеком, претерпевает здесь на земле все муки, какие только можно, вплоть до самой мучительной и позорной смерти, прощает всех и воскрешает, и возносит человеческое естество на Небо. И всё это он делает от любви к нам, грешникам, чтобы нас спасти.

Ни Аллах, ни Будда, ни Кришна ничего такого для спасения грешников не совершали, только Христос. Познавая учения Христа, исполнялся христианин чувством благодарности к Богу. Где уж тут мату место!

На Крещение по телевизору была передача о воде. Японские учёные проводили исследования, как слово влияет на кристаллы воды. Сначала над водою произносили слово, а потом замораживали и разглядывали кристалл. Самой правильной и красивой была форма кристалла, над которым было произнесено слово «благодарность», вода же, над которой были произнесены ругательные слова, имела неправильную форму, весь кристалл был какой-то изломанный. А ведь человек на 80% состоит из воды. Вот и болячки к нам льнут, как никогда, и каких только нет, да всё новые, одна другой тяжелее.

Литература:

1. Айтматов Ч. Интервью. // Начало века. – Томск. 2007. № 1.
2. Блинова О.И. Русская мотивология. – Томск: Издательство Томского университета, 2005.
3. Гуманитарная экспедиция «Прощение и память» 2006-2007 гг.: Сборник материалов / Ред.-сост. А.П. Хмелёва. – Томск: Издательство «Красное знамя», 2008.
4. Лихачёв Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000.
5. Монголина Н.Г., Зарубина В.М. Проектная деятельность учащихся в современной школе: муниципальный проект «Гуманитарная экспедиция «Прощение и память». // Методика обучения истории в профильных классах современной школы: Сборник учебно-методических материалов. / Под ред. А.А. Сорокина. – М.: Российский университет кооперации, 2009.
6. Пасько О. Второй русский: Интервью // Томский вестник, 13 июня 2008.
7. Певцова Е.А. Теория и методика обучения праву. – М.: Издательство ВЛАДОС, 2003.
8. Протоирей Борис Пивоваров «Д.С. Лихачёв о культуре речи». Учебно-методическое пособие для учителей русского языка и литературы гимназий, лицеев и общеобразовательных школ. – Новосибирск: «Родное слово» Изд. НИПКиПРО, 2007г.
9. «От слов своих осудишься: сквернословие». Протоирей Артемий Владимиров, протоирей Сергей Николаев, профессор М.М. Дунаев, профессор Г.П. Анисимов – М. Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007 – 80с.

**Наталья Константиновна
Боровкова.**

Дочь и внучка репрессированных крестьян Омской области, воспитатель интерната «Ровесник»

(п. Павлово)

На вопрос, как возникло моё стихотворение я, право, даже не знаю, как ответить в нескольких словах. Тема репрессий почти никогда не обсуждалась в семье, где я выросла, да и в других семьях, наверное, тоже. Было не принято это обсуждать. После перестройки, когда наше поколение уже перешагнуло порог зрелости, об этом заговорили. Стоит ли говорить о том, какое потрясение переживаешь, когда узнаёшь, что пришлось пережить близким людям, нашим родителям, дедам и тем, с которыми они жили рядом, когда приходит осознание того, что ты внучка и дочь «врага народа», когда начинаешь узнавать правду и понимать, что было скрыто историей до поры, до времени.

Мой дед Романов Василий Дмитриевич был сослан в посёлок Восток Каргасокского района вместе с семьёй, состоящей из одиннадцати человек, в которой трудоспособных было только трое - он сам, старший сын и его жена. Моему отцу было 10 лет. В памяти родителей моего мужа, ныне покойных, хранились воспоминания, которые казались невозможными по своей тяжести.

Может быть, поэтому они очень редко и осторожно делились ими. Знаю только, что они долго и безуспешно искали своих родных, потерянных в то страшное время.

Я не поэт, просто иногда пробую найти рифму, чтобы усилить те слова, которые хочется сказать. Понятно, что стихотворение непрофессионально, несколько наивно, но главный смысл его не в литературной ценности, а в попытке выразить свою мысль. После знакомства с людьми, испытавшими на себе трагедию спецпереселенцев, с работами участников проекта «Прощение и память», захотелось быть чуть-чуть причастной к их деятельности, которая не только воссоздаёт утраченные страницы истории края, но и даёт возможность ещё живущим облегчить груз воспоминаний, выплеснуть боль, копившуюся годами. А самое главное - донести до молодёжи правду о геноциде против огромной части народа нашей страны, чтобы будущее поколение не допустило повторения подобной трагедии, смогло понять и отпустить на суд истории всё пережитое старшим поколением.

«Каждый перед всеми за всех и за все виноват»

Ф.М. Достоевский

На старом кладбище

*Мы любили уроки истории,
Где пред нами не раз оживали
И великие древние воины,
И герои недавних баталий.*

*В День Победы 9 мая,
Ветеран, не скрывая волненья,
Нам рассказывал, вспоминая,
Эпизоды геройских сражений.*

*Как отважно бойцы воевали,
Заслужили Победу по праву.
И от гордости всех распирало
За великую нашу державу.*

*В самой мирной стране мы родились,
В самой доброй и справедливой...
Так нам в школе всегда говорили,
Чтоб росло поколение счастливым.*

*Среди нас паренёк был кудрявый,
Вожакom нашим был, заводилой.
«В Недоступный недавно я плывал
Там немецкие видел могилы.*

*Говорят, туда фрицев ссылали.
Я так думаю, пленные жили
И тюремный свой срок отбывали,
А потом их домой отпустили».*

*Недоступный - звалась деревенька,
За рекой, где трава в полный рост.
Но разъехались люди давненько,
Рвы оставив да старый погост.*

*Зарастали могилы бурьяном,
Березняк поднимался густой,
Тихо было на кладбище старом,
Воцарился здесь вечный покой.*

*Ни оград, ни гранитных надгробий,
Лишь остатки могильных крестов:
Полусгнивших, замшелых, убогих -
Горьких знаков ушедших годов.*

*На одном из крестов кто-то выбил
Долотом, но рукою умелой
Шрифт готический, чуть различимый.
Надпись старая в небо смотрела.*

*И в душе проклиная фашизм,
Словно подвиг какой совершили,
Мы готической надписью вниз
На могилу тот крест положили.*

*И ушли, ни о чём не жалея,
Неприятные эти мгновенья
Поскорее придали забвенью.
Ждали новые нас приключенья.*

*Пролетели года, и открылись
Той далёкой истории строки.
Все иллюзии испарились,
Обнажая людские пороки.*

*Вновь историю изучали
По рассказам людей, очевидцев,
То, о чём очень долго молчали,
Появилось на новых страницах.*

*И двадцатые трудные годы,
И тридцатые - годы репрессий,
Как ссылали «врагов народа»,
Разных наций, слоёв и конфессий.*

*Их признали потом невиновными
А в те годы, подвергнув гонениям,
Обрекали на муки жестокие:
Голод, холод и унижения.*

*Чтобы выжить все много трудились:
Пот ручьём - и в жару, и в мороз!
Рос посёлок, с судьбою смирившись,
Рядом ширился местный погост.*

*Недоступный. Даже название
Говорило само за себя.
Те, кто смог пережить все скитания,
Помнят, молятся и скорбят.*

*А на кладбище с русскими рядом
Упокоились немцы, эстонцы,
Нет меж ними границы, преграды.
Спят во тьме, презирающей солнце.*

*Мы в другое родились время,
И не знали репрессий и войн,
Но нависло тяжёлое бремя:
Тот далёкий услышать стон.*

*Ничего не уносит замять,
А о том, что тогда творилось
Пусть навечно останется память,
Чтоб подобного не повторилось*

*Нынче лето расщедрилось что-то,
Вместе с тучами комаров,
Клюкву-ягоду дарит болото,
А в лесу нашем море грибов.*

*За груздями идём в Недоступный.
Лучше здешних нигде не найдёшь:
Запах леса вдыхая всей грудью,
Полный кузов обратно несёшь.*

*Вдруг... постой, погоди, помнишь место,
Где когда-то нашли старый крест?
Это кладбище помню я с детства,
Но его и в помине уж нет.*

*Лишь берёзы стоят здесь стеною,
Тишина, даже пения птах
Мы не слышим, но что-то такое,
Зазвучало вдруг в наших сердцах!*

*Бывший мальчик с кудрями седыми,
И девчонка, - давно уж жена, -
Тоже дети родителей ссыльных,
Тяжесть жизни познавших сполна.*

*Потемнело, листва зашумела,
От берёз побежали тени
Перед памятью тех поколений
Захотелось нам встать на колени.*

*Мы вину свою ощутили,
Покаяния нет без вины.
И прощенья молча просили
У звенящей той тишины.*

*Вновь на кладбище посветлело,
А с души, словно камни упали.
Лишь поникшие ветви деревьев
Нам о чём-то тихонько шептали.*

Песнь Васюгану

*Небольшим ручейком зарождаюсь,
Из болот, сквозь тайгу и урман,
Берегов своих нежно касаясь,
Протекает река Васюган.*

*Он несёт свои тёмные воды,
В молчаливом сибирском краю
И в итоге целуется с Обью,
Доверяя ей душу свою.*

*Судьбы слили с рекой воедино
На высоких крутых берегах,
Поселились впервые общины
Остяков, кержаков и бродяг*

*Духи древние их охраняли,
А кормила река и тайга,
С той поры лишь легенды остались
Их народ наш веками слагал.*

*Как из песни не выкинуть слова,
А из книги не вырвать страниц,
Развивались события снова
Их позор не имеет границ.*

*Содрогнулась река, задрожала,
Переполнившись струями слёз,
Новых жителей принимала,
Поселив их средь русских берёз.*

*Немцев, русских, татар, прибалтийцев,
Как клеймо: «Вы народа враги!» -
Страшной сталинской клики партийцы
На суровую жизнь обрекли.*

*Баржи шли, через пять километров
Изрыгая на берег реки
Поселенцев; рождались деревни,
Изживались, как класс, кулаки.*

*Появились заводы и паши
Посреди васюганских болот,
Сколько мук пережив (вспомнить страшно!)
Вновь рождался сибирский народ.*

*Но беда не пришла в одиночку,
Вновь война, вновь в России пожар.
Встали в строй поселенцев сыночки.
Мужиков на селе - мал да стар.*

*Всё на женские плечи свалилось,
Похоронок пошёл караван,
Потемнела вода, помутилась...
Стал солёным опять Васюган.*

*Год победный пришёл сорок пятый.
Мирным солнцем плеснула весна.
Но не все возвратились солдаты,
Заплатив за победу сполна.*

*Время лечит тяжёлые раны,
Подросли сыновья сыновей,
Разъезжался народ Васюгана,
Оставались лишь те, кто сильней.*

*Или просто уж некуда ехать.
Здесь семья, здесь могилы отцов.
Сколько горя пришлось им отведать -
Подходящих не сыщется слов.*

*С Васюганом навеки сроднились,
Сохранив родословную нить.
Внуки, правнуки здесь народились,
Чтобы радостно, счастливо жить.*

*Ну, а если беда вдруг нагрянет
(В жизни трудностей не перечеть!),
Им защитой надёжною станут,
Сила духа, их стойкость и честь.*

*И навечно останется память,
Их невидимый оберег.
Кто-то в будущем свечи поставит
И опустит на воду венок.*

*Чайки мирно над речкой летают,
Солнце вновь поднимается ввысь.
С Васюганом тихонько петляет,
Ручеёк под названием Жизнь.*

Степан Михайлович Климов.

В 16-летнем возрасте был выслан из Риги в Каргасокский район. Проживал в Староюгино, затем до 1956 года в Каргаске. В настоящее время живёт в Эстонии, в г. Тарту. Пишет рассказы-воспоминания периода репрессий - о нашем крае.

(г. Тарту)

Был бы лес, а леший найдётся

Так! Длинный путь в ссылку, длившийся более месяца, наконец, завершён. Теперь, пробуждаясь по утрам, разглядываю отставшие чешуйки известковой побелки на потолке, ещё не освоившись с новыми обстоятельствами, в которых нахожусь. Потом приходит яркое осознание: я в закутке полуразвалившейся избёнки на берегу реки Васюган. Я в Сибири, где вместе с матерью обречены жить двадцать лет!

За дощатой перегородкой, в несколько большей каморке, живёт счетоводка колхоза со своей ворчливой свекровью и сынишкой. Она так и не знает, может ли себя считать замужней или вдовой: от арестованного мужа годами нет никаких известий. Сынишка с самого утра тянет однотонную нескончаемую песню:

*Синее море, красный пароход,
Сядем, поедем на Дальний Восток!*

Ему очень хочется туда ехать, но он знает лишь одну строчку песни, которую в упоении повторяет сотни раз, и это уже становится для других наказанием... С соседкой у нас общие сени и общая уличная входная дверь. У счетоводки ещё спасающая от вторжений закрывающаяся дверь каморки. Наш вход просто завешен простынёй. В посёлке нет развлечений, поэтому мы предмет живого интереса: мы чужие, мы те буржуи, о которых в местной начальной школе учат стишки Маяковского :

*«Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!»*

Такие, как мы, тут невиданны так же, как ананасы! Потому люд к нам приходит в своей деревенской наивности подивиться на чужеродных приезжих. Отодвинув нашу простыню как занавес сцены, они, переминаясь с ноги на ногу, в немом внимании нас созерцают. Через время у моей матери лопается терпение и она выпроваживает гостей, но вскоре они появляются снова...

Самое значимое в сибирской избе - это русская печь. В Васюганье камней нет, и тут её делают глинобитной, одним большим глиняным целым. Такая печь обыкновенно получается около двух метров в длину, полтора метра в высоту и столько же в ширину, стоя на подпечье, занимая значительную площадь избы. Топка её - это горизонтальный зев, вмещающий уйму дров. При горении дым уходит в зонт трубы над устьем печи, напоминая камин. Только русская печь гораздо мощнее в смысле теплоотдачи, она сохраняет жар всем своим большим телом продолжительное время. Но печь русская прожорлива и требует много дров, что не доставляет затруднения в таёжном месте, тем более, что её зимой топят сырыми берёзовыми дровами, которые с мороза не оттаяв,

горят преотлично. Одно сложно: выпросить в колхозе лошадь в лес съездить, но это в нашем случае уже забота нашей хозяйки.

Всем хороша русская печь: при свете её зимними тёмными утрами управляются с домашними работами, варят еду на весь день, и печь потом её хранит тёплой целые сутки лучше всякого термоса. В ней, под слоем пепла в правом углу пода, следующим утром снова найдутся тлеющие угли на розжиг, а если неможется, то на её тёплой спине отлёживается от костолома и другой хвори болеющий.

Всё познаётся в сравнении. Вот теперь я знаю, что такое настоящая бедность: в нашей крошечной каморке с полуслепым окошком и щелястым полом нет почти ничего: даже нары сооружены из выпрошенных с большим трудом займы грубых горбылей. Досок нет, доски тут пилят вручную из закреплённого на высоких козлах бревна, где один пильщик на его верху наставляет, а другой, стоящий внизу, тянет на себя огромную пилу. Они не успевают угнаться за спросом деревни. А гвозди? Если раньше не всякий из нас нагибался в своём родном городе за лежащим на земле гвоздём, то тут найти такой было бы большой ценной удачей. Я сооружал наши жалкие нары, пользуясь деревянными нагелями. В сравнении с нами наши соседи за перегородкой богачи! Символом их зажиточности служит велосипед, повешенный на стенке над кроватью, правда ездить на нём нельзя из-за проколотой задней шины, но тут это значения не имеет. Символ остаётся символом! На противоположной стене застеклённая рамка с выцветшими семейными фотографиями хозяйки: она с мужем в застывших позах, ещё несколько карточек родных или знакомых. Под ними - некрашенный стол, между двумя окошками - сундук, хранитель добра. Над ним пожелтевшее, криво отражающее зеркало. Рядом ходики 3-го часового завода с привешенным к их гире негодным амбарным замком, без которого часы уже не ходят

и не показывают приблизительно конторское местное колхозное время. Деревянная кровать, крашенная голубой краской, на ней набитый сеном тюфяк, покрытый лоскутным покрывалом. В изголовье горка ситцевых, в мелкий красный узор, подушек. И печь. Около печи ухват, кочерга, хлебная деревянная лопата. На шестке печи несколько чугунков, чайник, жестяные кружки. На печи валенки, шубёнка свекрови, под печкой сковородки и в них тарелки. Перед печкой открывающаяся крышка подполья, где хранится запас картофеля. В углу параша, и над ней рукомойник в виде бочонка с трубочкой, через которую течёт струйка воды, если его наклонить. Ещё в сенцах на трёх ножках квашня и кадка для воды. Там же на стене вёдра и коромысло. Воду в кадку ношу каждое утро с Васюгана для хозяйки и для своих нужд. У них ещё в холодных сенцах бочка с ослизлым остатком квашеной капусты, а в стайке корова. Каждое утро всем дрова колю я: с хозяевами надо жить в ладах, ведь печкой распоряжаются они, и в их чугунке мы варим своё варево...

Со временем и мы обзаведёмся своим котелком, кружкой, тарелкой, ножом и сковородкой. А главное - у нас будет свой топор, без которого таёжному жителю никак не обойтись. Конечно, настоящего, которым перерубается гвоздь, не оставляя на лезвии выщерблинки, у нас будет позднее, когда, оставив надежду на скорое возвращение, мы с мамой осибиримся, а пока, по субботам, принимаем участие в всеобщем аврале уборки жилища, выскабливая до белой древесины ножом столы и полы, выметая сор из передних сеней веником.

Старому, обтрепаншемуся венику присуща магическая сила, если на него подействовать наговором. Старый, отслуживший веник здесь обязательно сжигается, чтобы не стать орудием зла в руках недругов. Так верят все в нашей деревне, будь то у спецов или на её остяцком конце.

Раз в самые лютые морозы у одних иссяк запас веснодельных дров, и, не желая в стужу ехать в лес за новыми, они для растопки печи стали потихоньку таскать сухие поленья у соседа. Однако тот кражи заметил, и начинив одно полено порохом, сунул сию бомбу в свою поленницу. Задумка удалась: в следующее утро печка воров взорвалась, однако на то жаловаться им было, разумеется, невозможно.

Но бабы, оставшиеся без печки, без мщения обойтись не могли - однажды утром жена обкраденного владельца сухих дров в сенцах нашла старый обтрёпанный веник и застыла от ужаса: наверняка веник был с колдовским наговором, и им на её семью было тем пущена ужасная кила! Веник никоим образом трогать нельзя было, и даже подходить к нему близко! Это грозило несчастьем, вплоть до смерти! Хозяйка в слезах бросилась в избу оповещать о страшном проклятии. Вся семья тотчас пришла в великое возбуждение, обсуждая приключившееся. Ясно, что через двери выйти за помощью нельзя было. Но нужной силой против килы обладала только старая остячка Макрина, жившая на задках Югинского дома, всеми признанная знахарка и колдунья. Ничего не оставалось, как, несмотря на зиму, выставить оконную раму и отправить гонца к Макрине, вместе с туеском молока, куском масла и остатком вчерашнего пирога, известив в добавок, что после удачною удаления веника её ещё ждёт брага в хозяйском лагушке.

Макрина, старушка с морщинистым лицом, подобном печёному яблоку, с угорским узким разрезом глаз, выслушала пришедшую внимательно и с сочувствием. Однако она сожалела, что сейчас не в силах бороться с духами: ей неможется и не в чем даже выйти в такую стынь на двор, ведь её обутки совсем развалились, а до хозяйкиного дома ох, как далеко.

Надо сказать, что, кроме Макрины, из великовозрастных в посёлке был ещё только один угрюмый старик Югин, потомок владельцев окрестных природных угодий, считавшийся бессмертным потому, что все его помнили всегда таким же древним, обросшим белыми волосами, неизменно охотившимся со своей древней фузеей фитильного запала, упирившим её перед выстрелом в развилку своего посоха для удобного прицеливания. Несомненно, он тоже обладал колдовской силой, но подступиться к нему из-за его недружелюбия ко всем пришельцам, губящих установленное его богами, считающий, что вопреки усилиям власти тут прежде было больше, чем есть, - было трудно и даже порой невозможное. Своих же Муфасаилок на спецовском конце не было - все они померли, не выдюжив трудностей переселения. Ничего не оставалось, как подарить свои подшитые пимы и взамен надеть Макринины опорки, чтобы вместе с колдуньей, захватившей мешок, поспешить к себе домой на выручку осаждённых страшной пагубой.

Деэксорсацию, прибыв на место несчастья, Макрина начала, приняв через окно кружку браги, которая оказала на Макрину благостное влияние: она, сияя взором, что-то быстро начала нащёптывать по-остяцки, обошла избу и стала осторожно подкрадываться к закилованному венуку, чтобы затем молниеносным движением ноги оттолкнуть его с порога. Видно было, что такое израсходовало много астральных сил, и Макрина потребовала ещё кружку бражки для восстановления своего магического влияния. Немного отдышавшись, Макрина снова осторожно стала приближаться к киле с намерением её схватить, но все наблюдавшие были очевидцами того, что когда Макрина почти уже схватила заклятое, оно отпрыгнуло, словно отброшенное невидимой силой! Макрине пришлось несколько раз повторить свой манёвр, прежде

чем ей удалось проклятый веник поймать, упрятать в мешок, туго его перевязать и потоптать его содержимое.

На радостях Макрину угостили ещё и третьей кружкой браги, и она, одарённая сверх уговора, довольная, в тёплых пимах, отправилась в свою развалюшку на краю Остяцкого конца.

Как прекрасно, что среди людей живут добрые услужливые ведьмы! Хорошо людям, хорошо ведьмам!

Но у нас с матерью никаких магических знаний не было, и надо было существовать без опоры на потусторонние силы...

Весь Югинская. Полонь памяти.

Не могу быть уверенным в достоверности того, что повествую о посёлке Старо-Югино, в котором прожито более двух моих сибирских лет. Наука говорит про постоянное обновление нашего тела отмиранием старых и рождением новых клеток. Вероятно, то же происходит с мозгом и насколько достоверным тогда остаётся воспринятое юношеской памятью у человека, постаревшего за 80 лет? Пусть это определит сам читатель, побывав в Старо-Югино и поспрашивав его долгожителей о давнем.

В середине июля 1941-го года баржа с человеческим грузом причалила к берегу Васюгана. Стоял ещё паводок. Невысокая ступень подмытой рекой суши могла служить геологическим срезом местной почвы, обнажая слой дёрна, затем полоску гумуса, а ниже - сплошь желтоватую глину без единого камушка.

Любопытствующие поселяне вышли к реке поглядеть на «новеньких», для новеньких же, «новому контингенту» из Балтики, всё здешнее смотрелось чужим, тревожным, вызывающим не любопытство, а опасение... Какой же была Старо-Югинская земля того давнего года - узрим, мысленно над ней поднявшись птицей.

Первым заметим белый номер, выведенный на крыше артельной конторы. Он необходим изредка пролетающим самолётикам У-2, чтобы не потеряться среди необозримой тайги и бесчисленных топей. Вторым мы отметим узкую гривку между рекой Васюган и болотом, поросшим кривульником, вдоль которой идёт улица с деревенскими избами и хозяйственными постройками по её сторонам. Собственно тут не одна деревня, а две: небольшая, но самая старая - Остяцкий Конец, где главенствует ещё прочный двухэтажный крестовый дом бывших владельцев этих мест Югиных; другая, более населённая, основалась высаженной тут на берег частью сосланного в Васюганье зажиточного сибирского крестьянства, «спецами», в лихолетие большевистской насильственной коллективизации. Комендатура прикрепила их к тут созданной промысловой артели имени Менжинского (чекиста недоброй памяти) Лесхимпромсоюза Каргасокского куста. Третьим, поднявшись ещё выше, увидим поля отвоёванных у леса каторжной хребтоломной корчёвкой спецпереселенцев: Дальнее Поле, за которым стоит лес посёлка Недоступный, Ближнее Поле, соседствующее с посёлком, Поле Среднее, за деревней на большом бугре среди болота и Поле Новое, в тайге за Остяцким Концом.

Не раз мне приходилось в разные времена года, при всякой погоде исхаживать здешние тропинки-дорожки и посему приглашаю совершить со мной пешую прогулку из конца в конец Старо-Югинских земель.

Начнём с Дальнего Поля, самого большого, при котором самое просторное гумно и где стоит такая особость, как Кульстан - изба, построенная к очередной кампании по окультуриванию деревенского быта, предназначенная для коллективного принятия обеденной пищи. Правда, этой станцией никто не пользовался, разве только в день открытия в ней прочёл лекцию о международном положении наезжий партийный агитатор из района. Но

нам она замечательна тем, что отсель, с выси материка, открывается просторный вид через пойменные луга на противоположный берег Васюгана, где виднеется посёлок Ново-Югино. Почему начальству Сиблага пришла фантазия повторить имя Югина в названии этого населённого пункта, в котором находятся отделение комендатуры, сельсовет, школа, контора лессплава, молочный завод и колхоз, непонятно.

Но, не раздумывая над этим фактом, двинемся в Старо-Югино просёлком от Дальнего Поля, вдоль высокого материкового берега, через маленький перелесок до Ближнего Поля. Деревня начинается воротами поскотины, дорога наша тут имеет отростком тропинку к избе Лапковых, а за ними к Путинцевым. Дальше негнет печальное место вечного упокоения, не отмеченное ни единым крестом, оплакиваемое лишь одинокой большой берёзой.

Продолжая свой путь, спустимся по мостику, пересекающего овражек, прорытый сбегущей в реку водой болота, к просторному скотному двору. Здесь стоят коровник, домик с единственным в посёлке сепаратором ручного привода да птичник с тощими курами, мучимыми куриными вшами.

Овражек расширяется у скотного двора, впадая в реку нешироким заливом, «гаванью» артельного флота: большого неводника на шесть гребей, нескольких лодок и обласков. Поблизости находится главное производственное помещение артели - приземистое просторное строение бондарной мастерской.

За бондаркой прибрежной участок отношения к артели им. Менжинского не имеет, принадлежа к засольному пункту Каргасковского рыбного завода.

От засольного до главной улицы деревни ведёт переулок, на который мы с читателем и свернём. Однако, чтобы не запутаться, остановимся и оглядимся: рыбпункт у нас сейчас за спиной, впереди главная улица, а слева мы видим деревянные амбары хра-

нения посевного зерна, муки из Каргаска и добра, подобающего держать под замком. Здесь же стоит кузница с земляной крышей, заросшей крапивой, около кузницы выставлена малочисленная нехитрая артельная техника. Всё это огорожено единой оградой и может быть окинуто одним быстрым взглядом...

Перед нами теперь ладный дом Беспаловых, выходящий торцом на главную улицу деревни. Она и впрямь главная: широкая, просторная, зеленеющая травкой и кажется такой длинной, что её Остяцкий Конец, частично заслонённый бугром, не рассмотреть с нашего места. Направо от нас улица по обеим сторонам занята строем изб и подворными огородами. В её продолжении по болоту проложена дорога в то самое Среднее Поле, которое нам уже знакомо по птичьему полёту - зимой жители туда едут за дровами в тамошний березняк.

Обратившись снова к улице в другом направлении, мы увидим, что сплошная застройка вдоль неё тянется только до школы, а сторона речная отгорожена жердяными пряслами от склада, затем на некотором отдалении стоит клуб на пустыре, потом только соседствуют избы Иониных, Карчугановых и Кузминых. Возле последних спецовский конец кончается.

Однако в своём изложении я забежал несколько вперёд: осмотр деревни в направлении Остяцкого Конца следует продолжать с избы Беспаловых, дабы не терять последовательности, и тогда мы минуем канатный станок - большое колесо, приводящее ремнём во вращение ряд маленьких колёсиков с металлическими осями, на своих концах загнутых крючком. К этим крючкам привязываются льняные пряди для сучения в бичеву или канат, смотря по их свиваемому числу, которое должно быть нечётным. Без вервья в крестьянстве не обойтись. Здешняя же упряжь вся верёвочная, и само «канатное производство» потому рядом с конным двором. Конный двор обширен и доходит до Заднего Болота.

На конном дворе находятся конюшня, овчарня, стоят телеги на деревянном ходу, а в его глубине складывают сено. Ежедневно на конный сходится крестьянский люд, ибо тут бригадир каждому даёт разнарядку на предстоящий день, получив которую, возчики снимают со своих телег колёса и мажут мазилкой из деревянной дегтярной бадейки деревянные оси телеги, кладут в неё нужную упряжь, выводят и впрягают назначенную конюхом захудалую лошаде́нку, которая даже своего имени не имеет. В самом низком звании тут быки, они ходят под ярмом, символом рабства. Тягла артели не хватает. Ремонтёры Красной конницы уже в начале войны всех стоящих лошадей позабিরали. Остался только выездной мерин председателя, и то потому, что вопреки его бравому виду (его иногда овсом подкармливают), он – скрытый инвалид. Командует конным двором конюх Сенов – важная персона: ведь у него лошаде́нку по дрова или по сено выпрашивают.

За конным двором возвышается на подклети контора. К ней поднимаются по уличным ступеням на площадку перед дверью. Таким строительным приёмом подчёркнуто значение этого вместилища артельной власти, с высоты паперти которой слово председателя её звучит непререкаемым колоколом:

- Коровин сказал: ВСЁ!!!

Напротив конторы клуб. У конторы спортивное сооружение из врытых в землю двух столбов, соединённых в верхах перекладиной; с перекладины свисают два обрывка верёвок от утерянной гимнастической трапеции. Всё это забытая физкультурная кампанейщина.

Недалеко по улице радуется новопостроенная школа-четырёхлетка, имеющая одну общую классную комнату. При школе квартира учительницы, обучающей местных ребятшек началам наук. Учительница - единственный в посёлке человек, имеющий среднее образование. Продолжить потом своё учение

ребятишки могут в Ново-Югинской семилетке, где для части учащихся интернат, другим же быть там жильцами у знакомых. Оказией родители им посылают снедь, но иногда учащимся самим приходится за ней отправляться домой. Пути эти, совершаемые в зимние морозы и бураны, в памяти учеников остаются на всю жизнь...

Регулярно в почтовые дни зимой в Ново-Югино шагает артельный почтарь. Почтовая прогонная дорога идёт правобережьем реки, минуя Старо-Югино. Через этого почтаря родители имеют связь со своими детьми, учащимися в семилетке. Спасибо ему!

За школой, пройдя под сколоченной из досок аркой, мы окажемся на Остяцком Конце. Вспомним о бугорке, который прошли потому, что тут гривка стала немножко шире, отодвинув болото, дав место Задкам, на которых поселилось несколько семейств.

Остяцкий Конец начинается избой Скворцовых, держащих полное приусадебное хозяйство, хотя охотничьим и рыболовным промыслом они тоже занимаются. Заселение Остяцкого Конца не так тесно, как спецовского. Около берега небольшой пустырь с захоронением, заросшим лебедой, отмеченным побурелым деревянным обелиском и скривившейся оградкой вокруг. Тут упокоен революционер забытого мной имени, о памяти которого, судя по могилке, никто не заботится. Дальше важное учреждение: лавка СЕЛЬПО с пекарней. Лавка продаёт хлеб по списку. Такое в Старо-Югино потому, что в посёлке этом промартель и охотническо-рыболовецкий колхоз свободных националов. В обыкновенных спецпереселенческих колхозах, насколько знаю, хлеб не продают. Ещё на этом конце живёт бакенщик Госпароходства, самый неподначальный местной власти человек. К открытию навигации он на своём участке реки выставляет бакены, ночью в них зажигает фонари, отмечая фарватер; зимой нанимает

рабочих, организует заготовку дров для пароходов. Эта заготовка не только оплачивается деньгами, но и отоваривается по военному времени отменно: мукой, крупой, сахаром. Кроме того, дело понятное, у бакенщика имеется и запас керосина. Личность его мне кажется загадочной. Человек он из вольных, бывалый, видевший не только одну Сибирь, умный и достаточно образованный, чтобы занимать более значительную должность, но вот почему-то прикипел здесь. Впрочем, он обжился тут отлично: похаживает на охоту, рыбачит для своего стола, словом, живёт лучше всех!

Как замечалось раньше, главенствует своей основательностью в Остяцком Конце дом Югиных с обширными, уже начинающими разлезаться подворными постройками. Стоит он на высоком берегу, над старицей у самой тайги, и смотрит фасадными окнами на простор распахнутых пожней, на луку Васюгана и на тёмный очерк лесов противоположного далёкого пойменного берега. Место красивое и было ещё красивей до того, как вырублены кедровые гряды под поселение спецпереселенцев.

Горд таким домом был тот Югин, который возвёл для себя эти хоромы. Как пережили Югины установление советской власти, мне неизвестно. Я о том не слышал, ибо про былые местные жители говорить опасаются. Временами в деревне появляется комендант, человек чахоточной внешности, никогда не надевающий в селении свою синюю форменную фуражку НКВД. Он заходит в хаты, добродушно беседует с домашними, но своё дознает. В деревне потому не исчезает настороженность, и в избах утешающую иконку на виду не держат... Однако истины продолжают существовать скрытно, в том числе и во взаимоотношениях жителей обоих концов деревни. Вообще же выраженную неприязнь между живущими здесь этносами я не замечаю, но и особого общения между ними нет. В гости друг к другу не ходят. Комендантура отравила всех своей подозрительностью.

Последние месяцы нашего пребывания в посёлке мы с матерью местожительствоваали в доме Югиных. Там в комнатах сохранились ещё остатки резной золочёной мебели и удивляли огромные глинобитные, истинно сибирские русские печи с затеями, и можно было себе по этим изжиткам представить совсем не похожую на теперешнюю, ту давнюю явь, которой жили богатые Югины прошлого...

Однажды, любопытствуя, в тайге около этого жилища я набрёл на томбок с его воротцами и направляющими оградками, - хитроумную ловушку на тетерева. Такое я видел впервые и при одной встрече рассказал о ней бакенщику. Тот отнёсся к этому случаю очень серьёзно, строго предупредив, чтобы я в те остяцкие ловчие места больше не ходил. Такое посещение могло иметь неправильное истолкование и плачевные последствия для меня.

Однако нам надо, в завершение нашего путешествия по землям артели, ещё побывать на Новом Поле. Это небольшое поле вторглось в тайгу, стеснив собой в ней ближнюю охоту. К полю по корням ведёт подобие тележника до свежей рощи в лесу, по краям здесь ещё громоздятся корневища пней. Кроме посева мы больше тут ничего не увидим, и можем считать наше ознакомление с артельными землями оконченным.

Но остаётся жизнь в посёлке. Она совершается каждый день. Для каждого жителя она имеет свои заботы и тяготы при малых радостях. У артельщика это трудовая повинность, которая хуже барщины. Работа в артели препятствует ведению личного хозяйства, единственно питающего спецпереселенца.

Работа на артель оценивается в трудоднях, но артельный трудодень, в отличие от колхозного, всё-таки оплачивается не натурой, а рублём. Учитывая труд артельщиков, по рабочим местам носится бригадир со своим потрёпанным планшетом и перекинутой через плечо мерной разножкой, замеряя и записывая, кто

сколько сделал, сдавая потом свои отметки в контору счетоводу. По рангу своему артель бухгалтера не имеет. Перебелённые учётные сведения контора потом шлёт в бухгалтерию Каргасокского Лесхимпромсоюза, выплачивающей после окончания отчётного года заработанное, исключая из всего вычеты. За год редкий артельщик получит больше 2000 рублей. Но не следует думать, что все эти деньги придутся ему на руки... С него возьмут за артельные услуги: за вспашку огорода, за привоз сена и дров артельным тяглом, за полученное из артельного склада, отсчитают деньги, выданные авансом на покупку выписанного в лавке хлеба, потом ему надо будет заплатить налог по самообложению, добровольно подписаться на государственный заем... и ещё за что-то... в итоге деньгами он получит самую малость. Те же, у которых трудодней не будет достаточно, – окажутся ещё и в долгах перед артелью. Выход у них остаётся один: на базаре в Каргаске продать выращенное в своём хозяйстве. Полное разрешённое личное хозяйство это: иметь корову с телёнком, овцу, хрюшку, куриц; однако со всей живности полагается обязательная значительная госпоставка (молоком, маслом, мясом, кожей, шерстью), из-за чего самим остаётся немного, и каждодневный харч продолжает быть мясопустным с упором на картошку и капусту. Кроме того, не каждой семье посильно держать полное хозяйство: для того в ней мужик должен быть семижилным и хозяйка ему под стать, или рослые дети подмогой, или когда хозяин на особом положении, состоя в членах правления. Те, которые при таком состоянии, уже срубили себе новые избы взамен наскоро построенных халуп первых лет поселения. Но большинство спецов живут на грани бедности, не имея сил подняться. Сущей бедой многих оборачивается недочёт планового поголовья в артельном стаде. Тогда у артельщиков изымают молодняк для пополнения артельного поголовья по «кон-

трактации», по закупочному контракту, то есть - за смехотворную цену.

Существует мнение, что местная земля не родит. Что ведение сельского хозяйства тут невозможно. Это ошибочно: хорошо унавоженная она плодородна. Если было бы не так, ни одному ссыльному тут нельзя было бы выжить! Причина беды - не здешняя земля, а подмена народной общинной власти партийным командованием, заморочившим смысл артельного хозяйствования.

Артель Менжинского перегружена обязательствами: она гонит пихтовое масло, отряжает рабочих на длительные лесозаготовки или лесопогрузки, на стройку дороги, она занимается возделыванием картофеля, севом злаков, держит скот и ведёт молочное хозяйство, не имея поблизости достаточных покосов. К сенокосу косари грузят лошадь и конные грабли на неводник, да плывут за Вертикос, на луга Обского правобережья ставить сено... Артель делает бочки, имея превосходных бочаров, без уважения к своим мастерам. Если будет указание, их пошлют на любую другую, не требующую умения работу.

Мешок да бочка были исконной тарой на Руси и таковой остались при Сталине. Бочек требуется много: сухотарных и наливных. Я удивлялся тому, как ловко в бондарной мастерской работают умельцы, руководствуясь только глазомером. Каждый мастер делает свою бочку от начала до конца и всё-таки все бочки, сработанные артелью, ходят друг на друга как изготовленные по единому стандарту. Деревянная бочка, известно, готовится из деревянных дощечек, но здесь у них не пиленная, а колотая клёпка; её заготавливают зимой, руша в тайге столетние кедры, распиливая их прямослойную часть ствола на чурбаны, бросая вершинник без всякого употребления гнить в лесу. Колют клёпку, наставляя на торец чурбака топор и по его обуху ударяя колотушкой, - так прямослойная древесина на морозе легко, чисто и звонко рассека-

ется на дощечки. Артельная бочка особая, без железных обручей, однако такой прочности, что годится под засыпку или, при более тщательной поделке, к засолке рыбы. Обручи для бочек делают из побегов тальника, расщепляя их на половинки и, обработав, вырезая в концах хитрый замочный зацеп. Нужный для обручей тальник по Васюгану не растёт и за ним в неводнике, в многодневный поиск, отправляются на Обь.

Артель беспокоят бесчисленные, постоянно наезжающие из района уполномоченные и особоуполномоченные: по пахоте, по подготовке к севу, по заготовке сена, по уборке зерновых, по обмолоту, по сдаче зерна, по проверке культмассовой работы, по закупке ягод, по заготовке дубсырья, по изготовлению лыж и ружь-болванки и ещё всякого такого, чем можно обобрать беззащитного невольного артельщика. Весной и летом такие уполномоченные задерживаются дольше, живут обыкновенно в отдельной комнатке у Путинцевых, содержащих свой дом в старовойсковской чистоте, бродят по лугам, подстреливая утку, и следят, чтобы крестьянство работало в страду как положено: от зари до зари.

Те, которые видели шедевр советского агиткино «Трактористы», помнят там показательный, не существовавший в действительности, сказочно механизированный, весёлый сельский лад, созданный режиссёрским воображением. Посмотрим, какой техникой располагает артель им. Менжинского, для чего возвратимся на двор склада, где около кузницы вся её сельская механизация представлена на виду: конная косилка, двое конных граблей, молотильный барабан вместе с конным приводом к нему, да косилка-лобогрейка, которой не пользуются потому, что она мотомилом зерно из колоса вышибает. Жнут бабы серпами в перегиб до боли в пояснице и на эту работу их сгоняют всех, не различая возраста. Ещё из механизмов в самом складе, где готовится посевной фонд, имеются триер и веялка. Пытаются эту технику содержать дей-

ствующей кузнец Ионин, сутулый, иссохший и прокопчённый, укорачивающий свой век курением крепчайшего самосада из медной трубочки с деревянным мундштуком. Если взглянуть на инструмент, которым он пользуется в кузнице, то даже человек, далёкий от кузнечного ремесла, только по виду вещей, признал бы их совершенную непригодность к чему-либо.

Прочтя всё предыдущее, невольно можно сделать весьма скорбное заключение о Старо-Югино, этим впад в ошибку. В отличие от многих других посёлков по Васюгану Старо-Югино живёт будущим! Будущим превращением в рабочий посёлок! Вести о таком из Новосибирска слышатся давно и неожиданно область, наконец, присылает чертежи лесопильного завода с приказом начать его строительство. Это вносит большие перемены. Коровин по своей малограмотности больше не может держаться одним подкаблучничеством перед начальством, и заменён Шестаковым, работавшим в Каргаске бухгалтером. Шестакову любая приезжая штафирка из района уже не указ, как Коровину, и от этого полегчало всем. Люди теперь работают на стройке и получают хлебный паёк. А шла война! Возведение завода подвигается, к чему тоже имею причастие: весь тёс крыши перестругал в паре с другими и проканавил канавочником. Весенней водой пришла пилорама в частях, но ржавая и покрытая грязью от долгого лежания по закоулкам пути. Естественно выходило её собирать нашему кузнецу. Ионин теперь каждодневно ходил около этого в кучу сваленного железа, пытаясь в нём разобраться. Получилось однажды мне тоже стоять при том в момент, когда Шестаков принялся налегать на Ионина, чтобы тот наконец начал сборку рамы, а кузнец наш лишь отвечал окольно. Видя меня внимательно разглядывающего разрозненный механизм, Шестаков в шутку спросил:

- Может быть, ты сумеешь собрать это? - и был удивлён моим дерзостным ответом:

- Смогу! Только вычистить всё прежде надо хорошенько!

- Редьку с десять! Вот специалист где нашёлся! - сердито возмутился Ионин - ты и лошадь-то как следует запрячь не способен, а тут тоже туда - машину сложить вообразил!

Действительно! Кузнец был свидетелем моего позора на конном... Я всё допрежь приглядывался к тому, как запрягается лошадь и был уверен это сделать, однако проглядел, что надевать хомут надо предварительно его перевернув. Когда на одной из первоначальных разрядок я сам взялся запрягать лошадь, не дожидаясь своего возчика, то оконфузился так, что из затеи получилась умора, сопровождавшаяся повальным хохотом всех зрителей. Представьте меня, тщетно пялившего не лезший на голову испуганной лошади хомут, а та, храпя и кося непонимающим белым глазом, пятилась от меня по всему двору! И вдруг такой несмышлёныш берётся за такое, что и для него, кузнеца Ионина, предельно сложно! Но Шестаков не был Коровиным, тот в подобном случае меня бы и взглядом не удостоил.

- И вправду, всё это сначала вычистить надо! Так пусть малец этим и займётся! - сказал Шестаков оскорблённому таким решением кузнецу.

Чтобы быть кратким скажу: пилораму я собрал, войдя тем в историю строительства Старо-Югинского лесопильного завода. Сборка далась нетрудно, на Юрмале я был частым наблюдателем рамщика тамошнего завода у реки Лиелупе.

В завершение напомним Старо-Югинским краеведам, что сложенная из кирпича на цементном растворе стена, отделяющая на лесопильном заводе помещение локомотива от рамного цеха, является первой такой кирпичной стеной, возведённой в Каргасокском районе.

Стиль и орфография автора сохранены

Евдокия Григорьевна Пахоменко (Обоскалова).

Спецпереселенка, учитель,
находится на заслуженном
отдыхе

(г. Томск)

Как это было...

*Ранней весной 1929 года план коллективизации выполняя,
Выбор пал на наш благоустроенный двор,
Усадьба очень большая,
Теплые скотные дворы, колодец, красивый забор*

*Раскулачивал нас Ширшов Влас,
Издевался, смеялся, как только мог:
«Все продукты и вещи теперь будут у нас,
А вам предстоит много дорог.*

*Мы сошлем далеко в Нарым вас,
Куда Сталина раньше ссылали,
Туда, где Макар телят не пас,
Чтобы вы тоже бедными стали.»*

*В шахты отправили отца и дядю в эти же дни,
Как декабристов в старое время,
С киркой, топором и лопатой трудились они,
В старых бараках жили, их называли кулацкое племя.*

*Все вещи, продукты остались в дому,
Во двор загнали колхозный скот,
«Теперь вы не нужны никому
Ищите жилье, но не пустит никто кулаков»*

*Все наши холсты покрасили,
1 мая по всей деревне растянули плакаты,
По улице с флагами прошла демонстрация,
Даже прибыли в деревню солдаты.*

*После демонстрации наши вещи беднякам раздавали.
Сколько тут было азарта и жадности!
Кому что понравилось - все забирали,
Не соблюдая закона приличия и осторожности.*

*Из амбаров муку и зерно выгребали навечно,
Размололи все, даже зерно семянное,
Весной засеять поля было нечем,
Вся земля зарастала пушистой травой.*

*Никто в колхозе не смотрит вперед,
Привыкли жить одним днем,
Вот пришла осень, а хлебушка нет...
Надо искать кулаков, выгребать до пылинки у них.*

*С осени в Ширишовской избушке был наш приют,
Нас было пять, сидели на нарах мы – дети,
Одинарные рамы, теснота, неуют,
Вещи наши все разобрали, нечего было надеть.*

*В декабре полушубок надел наш дед,
Увидел эту вещь Ширишов Влас,
Немедленно заявил в с/совет,
Силой сняли с деда – «теплая вещь - не для вас».*

*Заклучил в Крутинке договор наш дед,
В Салтаиме стали рыбу ловить,
Для семьи хотя рыба была на обед,
А летом около озера приходилось и жить.*

*И вот пришел 1931 год.
Предупредили, что выселяется вся семья,
Наш дед сделал нам палатку-возок,
От палящего солнца и дождя.*

*И вот опять всех нас в 4 часа подняли,
Как тогда в 1929 году,
Когда нас из своего дома выгоняли,
Выгнали нас всю семью за ограду.*

*В Челдак надо было ехать и идти,
Куда нашу мебель из дому всю увезли,
Там расскажут дорогу, снабжение в пути,
В с/совете будет регистрация семьи.*

*И вот эти люди ни в чём не виновные,
Что когда - то трудились на поле,
Оказались совершенно бездомные,
Их пригнали сюда поневоле.*

*В с/совете документы на них оформляли,
Охрана стоит очень строгая,
Здесь уже ссыльными их называли,
Предстояла дорога долгая-долгая.*

*Обреченные люди, кони, телеги,
Строго вызывали всех по фамилии,
Плакали, невыспавшись, дети,
А старушка сказала: «Недалеко до гибели».*

*Вдруг среди ясного неба гроза,
Молния ударила в вековую березу,
Расколола березу она,
Рухнула белоствольная сразу.*

*Ужас людей охватил, гроза как из пушки,
Небесная сила что-то всем предвещает,
Плакали и крестились старушки,
Природа и та о беде этой знает.*

*И вот смешались кони, люди, топот ног,
И пошел очень длинный обоз обреченных,
По ухабам казенных дорог,
Везли под конвоем, как осужденных.*

*На телегах только малые дети да больные старики,
Подросшие дети, пожилые, беременные женщины,
Должны были под конвоем идти.*

*Хорошо, что дед нам сделал палатку,
Ведь нас было пятеро, и один был грудной,
Черный кусочек давали нам пайку,
Мы плакали и у бабушки просились домой.*

*Распуская листочки, тихонько стояли,
Не гнутся белоствольные красавицы наши березы,
От голода плакали дети, не спали,
А березы как будто глядели на детские слезы.*

*Не шумел на болоте камыш,
Чуть взойдя, поникли зеленые травы,
И кажется: со слезами катит воды Иртыш,
А наша природа видит великое горе державы.*

*Многое видел старый Иртыш на веку,
Как татаро-монголы на запад лавиною шли,
Как Ермак от смертельной раны упал в эту реку,
Как кровавые воды в Обь потекли,*

*Но такое он видит впервые:
Чтоб безвинных людей везли неизвестно куда,
Идут и идут эти люди голодные, очень больные,
А преступлений не совершали они никогда.*

*Да, вот и такое может быть,
Да в нашей собственной империи,
За это надо бы, конечно, наградить
Высокою наградой, Нобелевской премией.*

*Долго ехали и шли до Иртыша, не было мягкой постели,
Долго потом сидели на берегу,
Дети съедобные травы искали,
Потом искали свои телеги...*

*А предки мои в Сибирь из России пришли,
После реформы Никона тронулись в путь,
Сначала на Урале остановиться решили,
Да силы истратили все, надо чуть отдохнуть.*

*Выбрали они деревеньку в лесу,
Люди тоже из России тут поселились,
Сказали им идти ко кресту,
А избы у многих по-черному просто топились.*

*Петр Иваныч взялся битые печи в избушечках класть,
Готовили глину, песок и соль разводили,
С собой захватили всякую снасть,
Как будто в избушки тепло проводили.*

*Всей семье уже хватало заботы,
Построили избу, печь себе лучшие сложили,
Мастеров приглашали на всякие работы,
Вот так на Урале и жили.*

*В лесу заметили пчел и решили:
Пасеку надо себе завести.
Домики для пчел смастерили,
И вот один-другой рой удалось принести.*

*А потом стали делать они кирпичи,
Это новое дело узнали дальше деревни,
Пришлось и к соседям идти,
Делать все, что умели.*

*Однажды к ним в избу зашел прохожий,
Ночлега попросил он себе,
Стали спрашивать, откуда и кто же он?
Оказалось – идет из Сибири.*

*Рассказал, что в Сибири свободная земля,
Хорошие растут там хлеба,
Идет он домой, там у него семья,
И что в Сибири нет крепостного права.*

*Задумались предки мои,
Стали собираться до Сибири идти,
Привлекало, что много земли,
Не побоялись большого пути.*

*В Омске остановились – не знали пути,
Многое расспросили, кто знал эти места,
И решили на север идти,
Неизвестность манила туда.*

*Пришли они в деревню Митеняй,
Все чудесно окрест: озеро, поля и луга,
В семье, конечно, не было лентяев,
Стали работать у богатого мужика.*

*Проработав уже много лет,
Яков Петрович сыну сказал:
Сходи-ка, Митюха, за озеро, что там есть?
Митюха собрался, мешок за плечи взял.*

*Дмитрий увидел большое раздолье,
Около озера большое чистое поле,
Дальше песок, ягод и грибов море
А на гриве солодка – сладкий корень.*

*Вернувшись, Дмитрий отцу рассказал,
Задумался Яков и сам все узнал,
Какое богатство за озером там.
За долгий и честный труд хозяин лошадь им дал.*

*Сначала построили просто избушку одну,
Увидели люди – стала деревня расти постепенно.
Долго жили они в избушке, а потом
Семья разрасталась, да и с хлебом не было горя,*

*И решили построить просторный дом,
Чтобы было большое подворье.*

*Но вот пришел «Дедушка» - наш пароход,
Разгрузив весь уголь в городе Омске.
В 4 баржи после угля стали грузить народ
На ночь трюмы закрывали плотно.*

*И вот на наших скудных вещах вся семья,
Тут туалет, спальня и столовая,
На палубу нас выводили иногда,
Это была радость большая.*

*И так, сначала по Иртышу шел пароход очень ровно
Потом по Оби до Усть Васюгана,
Потом погрузили на баржи по одному району,
И повезли по болотному Васюгану.*

*Остановились – густой осинник, идти надо,
Просеки в лесу прорубили,
Выгружайтесь – прозвучала команда,
Вот так на поселок Осиновка и прибыли.*

*На берегу реки срубил дед две березы,
И в рост человека положил на них бревно,
Поставил палки, ветки, закрыл берестой,
Закидал землей – вот и «дом».*

*Была еще не оттаявшая земля,
Начались болезни и всякие беды,
Из пяти детей я осталась живая одна,
Холод и голод, беда и нужда.*

*Голодные люди шли в лес,
Блудили, несъедобные ягоды и грибы – гибли.
Из Крутинского района через год остались одна треть,
Остальных схоронили.*

*К осени люди стали строить землянки,
Кое-кто избушки прямо на пни,
В нашу избу пришли 18 человек – бездомные земляки,
Так как ссылали семьи без мужчин.*

*Дед сделал нары в нашей избе,
И вот кто на нарах, а кто внизу,
Разместились кто где,
Но не на улице, а все же в избе.*

*В 1932 году я в школу пошла,
Окончив семь классов, я очень учиться хотела,
Но комендатура документ не дала,
И вот я Сталину подробное письмо написала.*

*Непосильный труд в 15 лет, о многом мечтала,
(На пихтовом заводе в колхозе работать я стала)
А дальше учиться я все же мечтала.*

*Открепление от комендатуры справку мне дали,
Получив паспорт, гражданником почувствовала себя,
Устроилась на гос работу, много трудностей было,
И вот грянула Отечественная война.
Медаль за доблестный труд в ВОВ я получила.*

*А вот в страшный 1937 год расстреляли деда и дядю,
А в 1947 году повисла 58 статья над моей головой,
По доносу, но есть на свете добрые люди,
Меня спасли от расстрела, я их никогда не забуду.*

*Работала я с ноября до апреля,
В Тимельге на лесозаготовке,
Так разбирали в НКВД мое дело,
И только в мае 1948 года положительно решился вопрос.*

*И вот только через 11 лет я смогла поехать учиться,
Успешно закончив, получила среднее образование,
40 лет пришлось мне трудиться
В Северных районах на Васюганье.*

А вот песня, которую написали ссыльные Крутинского района пос. Осиновка:

*По дикой тайге, по Нарыму
Идет заготовка лесов,
Там сослано много народа,
Неизвестно на сколько годов.*

*Сослали их вешней порою
В весенние майские дни...
Ох, сколько там маленьких деток
Безвинно в могилу легли!*

*Лишили их всех беспричинно,
Безвинно страдают они,
Живут они все подневольно,
Считают тяжелые дни.*

*Заброшены бедны, как звери,
В глухую сырую тайгу,
Уныло печальные звуки
Теряются в темном лесу.*

*Питают их пищей худую
Продуктов им мало дают,
Едят они корни да травы,
Да воду болотную пьют.*

*А мысли, как ласточки, вьются,
На Родине манит побыть,
И сердце усталое бьется
В Нарыме не хочется жить.*

*Зачем вы от них отказались,
Зачем же сослали вы их,
Они здесь себя не жалеют,
Но жалко им деток своих.*

Семья Обоскаловых из деревни Сладкое (основавших эту деревню):

Дмитрий Дмитриевич 1878 г.р. – расстрелян в 1937-м году.

Анисья Давыдовна 1861 г.р. умерла в 1931-м году.

Матрена Евстафьевна 1878 г.р. умерла в 1943-м году.

Варвара Константиновна 1902 г.р. умерла в 1984-м году.

Харитина Софроновна 1912 г.р. умерла в 1975-м году.

Дети:

Евдокия Григорьевна 1924 г.р.

Ульяна Григорьевна 1925 г.р.

Анна Григорьевна 1926 г.р. – умерла в 1931-м г в пос. Осиновка.

..... Григорьевич 1928 г.р. – умер в 1931-м г в пос. Осиновка.

Афанасий Григорьевич 1930 г.р. – умер в 1931-м г в пос. Осиновка.

Григорий Дмитриевич умер

Иван Дмитриевич расстрелян в 1937-м году.

Встреча с земляком.

26-27 марта 2009 года «старожилы муниципального проекта «Прощение и память» - Кристина Рейс, Мария Чуянова и В. М. Зарубина - побывали в г. Новосибирске на первом региональном слёте краеведческих активов, который проводила МБОУ СОШ №94. Наше участие в нём не было случайным.

16-18 мая 2007 года в Томске в областном краеведческом музее на Шатиловских чтениях впервые встретились учителя-краеведы Западно-Сибирского региона, занимающиеся темой репрессий. Я представляла проект «Прощение и память», который в значительной степени стал отправной точкой для идеи проведения мероприятия в региональном масштабе. Эта идея стала зреть у директора Новосибирской школы №94 Татьяны Леонидовны Карпатовской и руководителя школьного музея «Памяти жертв политических репрессий» Вероники Викторовны Шадриной и через 2 года трансформировалась в слёт.

За два дня работы слёта мы совершили «погружение» в непростую историю государства российского 20 века, был перекинут мостик, связавший поколения людей, территории и Западно-сибирский край. Как в зеркале, отразилась наша история в Новосибирском проекте буквально с первых шагов. Тому несколько примеров.

Участников слёта приветствовал Глава администрации Ленинского района г. Новосибирска Александр Петрович Титков, близкие которого были высланы на Васюганье в 30-е годы.

Нина Валерьевна Шлюнд, руководитель музея истории школы МБОУ СОШ №50, представляла свою работу «Человек в истории, история в семье...» и начала она её так:

*«Каргасок, Васюганье...
Здесь болота и топь,
Край сосновых лесов
И нехоженых троп
Здесь зимою холодною в 32...»*

А дальше на экране неожиданно мы видим табличку со словами: «Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий вечная память» и деревянный крест, заботливо ухоженный. Это же наш крест! Поставленный в ходе первой экспедиции в Усть-Чижапке... Памятный знак и память о деду Андрее и бабушке Марии - Нины Валерьевны сошлись на чижапской земле, а в семейном альбоме появилась фотография, связавшая поколения и время. Значит, не зря, значит, нужно! Низкий поклон жителям Усть-Чижапки за

В. Н. Новосельцев

продолжение проекта. Пусть это маленький ручеек, но он вливается и создаёт, а может, формирует будущий туристический маршрут по «Черноводью» - Васюгану - Реке Памяти?! Время покажет. Как знать...

«Поколение, делающее историю» - тема доклада Кристины и Маши, в ходе которого они представляли работу «Репрессированное детство», повествующую об известных и малоизвестных писателях и поэтах нашего края. В этой работе мы использовали стихи В. Н. Новосельцева. Виктор Новосельцев наш земляк, выпускник школы №1 1965 года, серебряный медалист, один из тех кружковцев Бориса Григорьевича Кокорина, которым Каргасок обязан появлением памятника воинам-землякам. Виктор Никитьевич по-

Виктор Никитьевич Новосельцев

дарил нам, своей любимой школе и районной библиотеке книгу стихов «Мгновения жизни», источником для написания которых стала краеведческая книга «Земля Каргасокская». Вот так!

Участники проекта «Прощение и память» Мария Чуянова (слева) и Кристина Рейс (справа) с В. Новосельцевым

Наша встреча с ним - тёплая встреча учеников разных поколений школы №1, это встреча с земляком-патриотом края, это взаимное потрясение, у него - от нашей работы, у нас - от его подарка, стихотворения «Запомни и прости»:

*Прощение и память. В единстве этом есть
Осознанная нами ответственность и честь.
Прощение возможно - иные времена.
В прогалинах таёжных застыла тишина.*

*Гуляет вольный ветер в оставленных домах.
Густое разноцветье - в низинах, на холмах.
Ничто не нарушает забытые места.
В окрестности витает немая пуста.*

*Здесь жили поневоле и с радостью ушли.
Погост. Остаток поля. Деревья проросли.
Особенность эпохи - трагическая часть.
Людей бросала в топи безжалостная власть.*

*Им не было защиты, они в стране - враги!
Страданьем перевита их жизнь среди тайги.
Закат поры унылой - свернулась полоса
Надзорной жизни стылой! Свободы голоса!*

*Волна десятилетий размыла след имён.
Их нынешний наследник правами наделён
Узнать о том, что было в его родном краю,
Где время вход открыло в историю свою,*

*Которую он может подробно изучить
И, знания умножив, беспамятных лечить.
Известно - память вечна, когда она в чести.
А время быстротечно. Запомни и прости.*

Расставаясь с Виктором Никитьевичем, мы подарили ему сборник «Прощение и память» и диски с работами участников проекта. В ответ получили письмо со стихами, которые, безусловно, стали «хрупкой паутинкой памяти» и продолжением проекта. Так, шаг за шагом, по крупинкам собирается одна из трагических страниц истории края и страны. Спасибо, дорогой Виктор Никитьевич, за память и пример любви к родной земле.

Кораблик памяти

*Кораблик памяти плывёт.
Встаёт заря над краем,
Где боль тридцатых душу рвёт,
Никак не отпускает.*

*Нет могилы, нет креста.
Так, может, быть хоть строчка
На кромке ветхого листа
Вдруг не окажется пуста?
Поставит поиск точку -*

*Откроет имя. Может быть,
Хранит упоминанье
Надежды слабенькая нить -
Страничка без названья?*

*Возможно, строгим был учёт
Всех донесений важных,
Где имя спрятано в отчёт
Записочкой бумажной?*

*Ведь жил на свете человек,
Любил, пахал и сеял!
На берегу какой из рек
Его судьбу развеял
Несправедливый ураган
Губительных решений -
Залакированный обман,
Не знавший сожалений?*

*Исчезли тысячи имён
В болотах Васюганья.
Воссоздавая связь времён,
Мы слышим их страданья.*

*Во имя тех, кто здесь ступил
На грань безвестной дали,
Сон Васюгана разбудил,
Над вековой тайгой поплыл
Протяжный звук печали.*

Каргасокский район

*Каргасокский район - Васюганье, Притымые,
Бесконечность болот и стеною - тайга.
Век двадцатый писал и весной, и в предзимье
Биографию Средней Оби на века.*

*В ней - безмерная боль пострадавших народов,
Хлеборобов - отличных сибирских крестьян,
Обживавших места в недоступных чащобах,
Где верховная власть - спецнадзор да шаман.*

*Край природных богатств, где селькупы и ханты,
Коренные народы сибирской земли,
Проявляя в охоте, в рыбалке таланты,
Незатейливо жили, хозяйство вели,*

*Превратился в тюрьму без дверей и решёток
По велению каждой из бывших властей:
Высылали противников царского гнёта
И работавших с детства советских людей.*

*Жили здесь поселенцы Поволжья, Алтая,
Из далёкой Прибалтики, из-за Днестра,
С Украины, что западной частью считают.
География боли народной пестра.*

*Сколько пролито слёз! Сколько сломанных судеб
Повидала в те годы обская земля!
Ряд таёжных посёлков построили люди,
Справедливость, надежду и веру храня.*

*Лишь немногие ныне остались на карте -
Реки смыли дома на крутых берегах,
Часть исчезла потом, как подтаявший в марте
Исчезает снежок, лучи солнца вобрав.*

*Поглотила тайга места бывших селений.
Возвратились домой те, кто выжить сумел.
Каргасокский район! Их далёкие тени –
У истоков твоих созидательных дел!*

Г. Новосибирск, 2009г.

Спецпереселенцам

*Тем, кому выпала доля
В спецпоселениях жить,
Чашу безмерного горя
На Васюганье испить.*

*Тем, кто остался навеки
В этой печальной земле.
Слёзы их приняли реки
В каждом таёжном селе.*

*Тем, чья духовная сила,
Часто судьбе вопреки,
Искру надежды дарила
Пленникам чёрной реки:
Время иное настанет!
Солнце свободы взойдёт!
Правда святая проглянет,
Цепь обвинений порвёт!*

*Всем поселенцам невольным -
Памяти скорбный поклон.
В небе плывёт колокольный,
Душу волнующий звон!*

Крест Васюгана

*Темноводная лента в извилах
Сквозь таёжный легла океан
И несёт свои воды лениво.
Это сердце болот - Васюган.*

*Разливаясь весной, в половодье,
Раздвигает свои берега.
Первозданные всюду угожья.
Тучи гнуса, без меры снега.*

*Жили здесь коренные народы -
Знатоки и болот, и лесов,
Дети солнца и дикой природы,
Их будившей на сто голосов.*

*Продолжалось такое веками.
Малолюдный, нетронутый край.
Век двадцатый. Борьбой с кулаками
Был охвачен богатый Алтай,*

*Область Омская, край Красноярский
И другие районы страны.
По решению власти не царской
Выселяли крестьян без вины.*

*Васюганье им стало суровым,
Беспощадным отрезком судьбы -
Крайне трудно здесь жить и здоровым,
А у слабых нет сил для борьбы.*

*Привозили людей по приказу
В позабытые Богом места.
Точка высадки - не по заказу.
Жизнь дальнейшая - только с листа.*

*Ни еды, ни жилья, ни защиты -
Поселенец всего был лишён.
Васюганье слезами омыто
Овдовевших безвременно жён,
Матерей, хоронивших безгрешных,
Не раскрывших таланты детей,
И детей, раньше срока взрослевших
При потере отцов, матерей.*

*Васюганье не раз принимало
Поселенцев волну за волной,
Но до времени не раскрывало
О трагедии правды иной.*

*Безотрадное, трудное время.
Не вернётся оно никогда,
Но навеки останется с теми,
Кто вселён был насильно сюда.*

*Подневольная цепь поселений
Появилась в тайге вековой
Как свидетель труда и лишений
Тех, кто силою стал даровой.*

*Создавались артели, в которых
Труд не стоил, порой, ни гроша.
Опасались вести разговоры
Обо всём, что любила душа.*

*Васюган, в непогоду бурливый
И красивый в убранстве лесном,
Стал для многих единой могилой
С непоставленным наспех крестом.*

*Позабыты и преданы дважды -
И при жизни, и в смерти простой
Были те, кто ступил здесь однажды
На неведомый берег крутой.*

*Но пробилась народная память
Сквозь подлесок забвенья густой,
Чтоб забытыми их голосами
Рассказать о судьбе непростой*

*И поставить под плачущим небом
Там, где жизнь пересыпало снегом,
Из тайги вырастающий прямо
Исторический крест Васюгана!*

Афанасий Семёнович Иванов.

Родился в 1928 г. в с. Михайловка Михайловского района Славгородского округа Алтайского края, в 1931г. сослан на Васюганье.

*Зачем я родился для горя,
И бог мне счастья не дал.
Малюткой попал я в неволю,
В нарымскую ссылку попал.*

*В Нарым нас сослали надолго.
Бессрочно придётся здесь жить,
Прожить здесь годами в неволе,
Тайгу ежедневно рубить...*

*Я вырос в тайге, воспитался.
Нарым моей родиной стал.
Я родину помню с рассказов,
И днями о ней я мечтал.*

*А сердце на родину рвётся -
В Нарыме не хочется жить.
За что я попал под неволю?
В неволе приходится жить!*

*И годы те, юности, счастья и радости,
В нарымской тайге пропадут.
За что проживёшь те годы весёлые,
Ведь счастья они не дадут?!...*

28.02.1948г., д. Ново-Славгородка

*Далеко, в заброшенном крае
Речка Нюролька текла.
Бродили по ней лишь медведи,
Людская нога не была.*

*И сослан народ там несчастный,
Живут там семнадцать уж лет,
Тайгу ежедневно рубают,
И большего счастья им нет.*

*С утра и до тёмной там ночи
В тайге пропадают они,
И рубят тайгу бесконечно -
Какие несчастные они...*

*Года за годами проходят,
Работой забиты они,
Больные с тяжёлой работы -
За что же страдают они?!*

25.03.1948г., д. Ново-Славгородка

Бал на Новый год у Коновалова

*Год за годом пролетают
Здесь, в нарымской тишине,
Их никак не отмечают -
День работают в тайге.*

*Первый день начала года -
Выходного не дают,
Бал никто не собирает,
На работу все идут.*

*Весь народ нуждой забитый -
Водки не на что купить.
Новый год им нечем встретить,
Старый нечем проводить.*

*Год за годом пролетают,
Уж двадцатый год идёт.
Сашка с армии приехал
И трофеев приволок.*

*И решил он год отметить,
Браги больше наварить:
1949-й решил он встретить,
1948-й решил он проводить.*

*И собрал он бал обширный,
Клуб колхозный откупил,
И закуски приготовил,
И людей он пригласил.*

*...Закуска разная, чудесная:
Холодец и варенец,
Печенья сдобные, с картошкой
И с калиной пироги.*

*Борщ хохлятский, с буряками, -
Кислота глаза дерёт,
Холодец застыл с мослами,
Кисель стоит, красу даёт.*

*Картошка с мясом - объеденье!
Три солёных чебака -
И всё разная закуска,
Не закуска - чудеса!*

*Ложки собраны с селенья,
Деревянные лежат,
Вилки разные кривые
Бурой ржавчиной глядят.*

*Бал был собранный на славу!
Браги было два ведра.
По стакану не хватило,
И плясали до утра.*

*Вальс танцуют молодые,
Старики молчком сидят.
Кому браги не хватило,
Как виновные, стоят.*

*Кто смелей, тот браги просит,
А другой с того хохочет,
И сидят все, зло смеются -
Браги, видно, не дождутся.*

*Мужики те зло ругались,
Что на бал к нему съезжались:
«Лошадей мы зря прогнали
И ладом не погуляли!»*

*Коновалов не напился -
Со стыда за печь забился.
И всё время горевал, -
Зачем он бал такой собрал?*

1.01.1949г., д. Ново-Славгородка

*Все колхозы май встречали,
Все итоги подбивали,
Соцдоговоры проверяли,
В другие колхозы выезжали.*

*Первенство которые брали,
Всем колхозом торжествовали,
Собрание общее собирали,
Многих лиц премировали.*

*Кто норму перевыполнял,
Тот и премию получал.
А остальных благодарили,
Чтоб в колхозе дружно жили.*

*Как вопросы все решили,
Всех на вечер пригласили -
Всем колхозом погулять,
Всем колхозом май встречать!*

30.04.1949г., д. Ново-Уралка

Весной

*Воздух чист и свеж весною,
Весело в душе моей!
Ранней утренней зарёю
Воздух зимнего милей!*

*Птицы с юга прилетели,
Скворец утречком поёт,
Снег растаял на пригорке,
Ручеёк с горы течёт!*

*Шум ручья и пенье птицы
Веселит в душе моей.*

*Хорошо зарёй весенней
Видеть стаю лебедей!*

*Пролетят они красиво,
Нарушая тишину.
Кто бы знал, - какое счастье
На заре встречать весну!*

*Хорошо гулять с подругой
В саду раннею весной!
Воздух чист, и свеж, приятен
Вечерней тихою порой...*

16.05.1949г., д. Ново-Уралка

Надежда Владимировна Чувствина

*«С ностальгией вспоминаю детство,
Школу, стадион, маслозавод,
Где же нам найти такое средство,
Чтобы в детство возвратиться вновь,
Чтоб увидеть снова своих братьев,
Молоко несущих на заре
Ранним утром, босиком по травке
И с пилоткою солдатской набекрень.
Чтобы снова побежать по склону
К Вареньёге, Куреварежке - реке?
И счастливого увидеть Юрку
С щукою огромной на весле.
Мы с сестрой с кошёвкою в упряжке
С одеялом ватным по зиме
До больницы шли в такой надежде -
Братика ещё купить себе.
И покос я помню:
Наши братья лошадей колхозных запрягали
И таскали на берег волокуши
Аж почти до самой темноты.
Нет уже той школы и той клумбы
С львиным зевом, астрами в цвету,
Нет и маслозавода и в помине
Да и тополя пушистого в пуху.
До сих пор стоит метеостанция,
С удивленьем сейчас я узнаю,
Кедр на склоне - это не прострация,
И его я вижу наяву.*

*А ещё осталось наше детство
И тепло таких родных сердец,
Шаньги в нашей русской печке,
Дом родной, что строил наш отец.*

Пень

*Не так давно уж это было
По меркам, если рассудить,
Но нам огромную квартиру
Пришлось однажды получить.
Хоть были мы и не богаты,
Но дом осилить всё ж смогли,
И он стоял в лучах заката
У края леса и глуши,
А лес шумел, гудел протяжно,
И этот гул нам не мешал,
Но вот случилось, что однажды
Звук бензопил его прервал.
Валили всё, пока всё можно,
Пока в стране царит бардак,
И есть пока ещё возможность
В переполохе куш урвать.
Неподалёку, так горделиво
Стоял красавец кедр один,
Но и в его кору, не мимо
Вонзились зубья той пилы,
Потом бульдозером валили
Растущий рядом молодняк,
А пень, его как ни крушили
Врос в землю и ни так ни смяк.
Кедр собирал здесь всю округу*

*От мала до велика к нему шли,
Как к самому большому другу
С поклоном, но спилить смогли.
И вот на той опушке леса
Стоит большой, кедровый пенёк,
Хоть мхом покрылся, не помеха,
Он людям служит по сей день.
То, он, как скатерть-самобранка
Любителям природы отдохнуть,
То путник из лесу усталый
Присядет молча отдохнуть,
То вот старушка из-под корня
Скребёт ведёрочко земли -
Присыпать надо междурядье,
Чтоб не болели огурцы.
То детвора игру затеет,
Устроит целый гам и визг.
То птичья стая подлетает,
Щебечет, только слышно свист.
То солнце вдруг лучом коснётся,
То ветер сильный налетит,
То дождик с тучами прорвётся,
Прольёт ручьём, вода бежит.
А осенью у старой грядки,
Когда ботва вся отошла,
В той самой огуречной лунке
Кедёрка из ореха проросла.
Хозяйка спрятала её в куженьку
И на поляну сразу отнесла
Да меж корнями посадила в ямку
У старого большого пня.
Но только спину разогнула,*

*В оцепененье тут же замерла:
В траве, куда бы ни взглянула,
Щетина кедров проросла.
Она их молча всех благословила
И потихонечку домой пошла,
А пень сидел кокетливо, игриво,
Ведь эта поросль от него пошла.
Но время не стоит на месте,
Чреда кедёрок быстро подросла
И пень она уж защищала,
Пощекотав хвоей слегка,
А он старел, дряхлел с годами,
Кора почти вся отошла,
Покрылся ягелем местами
Да трещин появилась тьма.
Но держится, как воин бравый,
Брусничником объят, как кумачом,
Да из оянт лишь чубчик кучерявый -
Всем видом говорит: живём!
А ночью в сумерках он светит
До самой ранней утренней зари,
Как будто с неба звёздным светом
На нём мерцают светлячки.
Вот так и в жизни:
Что бы ни случилось,
Куда бы вас судьба ни завела,
Чтобы душа у вас добром светилась,
Сияла солнцем и не гасла никогда,
В глухих, таёжных дебрях Васюгана
В кедровнике пушистом, молодом
Трухлявый пень, всё так же неустанно
В дозоре служит маяком.*

Выражаю благодарность за помощь в издании сборника

Ольгович Светлане Игоревне
(г. Томск)

Романову Константину Ивановичу
(с. Каргасок)

Сычёвой Наталье Васильевне
(с. Каргасок)

и за финансовую поддержку семьям **Нейман Р. Н. и И. К.** (г. Томск), **Меркуловым Д. В. и М. А.** (г. Томск), **Фёдорову Д. А.** (г. Томск), **Фёдоровым Т. И. и А. Н.** (с. Новоюгино), **Зарубиным А. А. и Е. М.** (г. Томск), **Зарубиным Д. А. и А. Н.** (с. Каргасок)